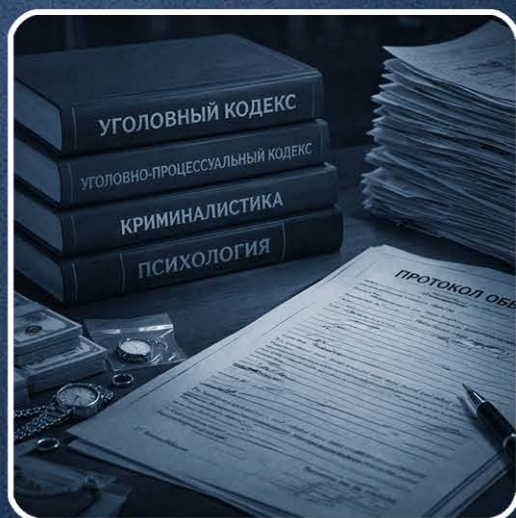
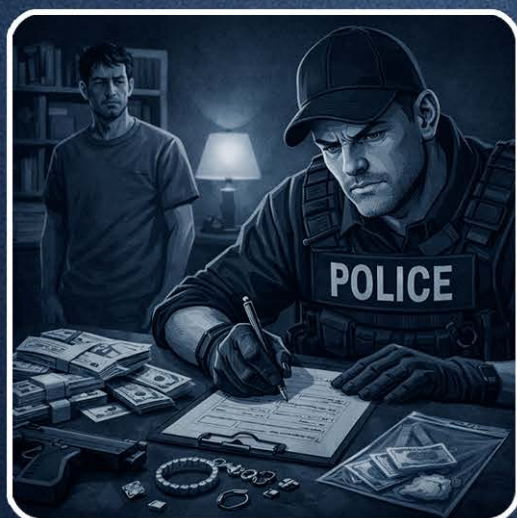

Сергей Асямов

ПСИХОЛОГИЯ ОБЫСКА

Учебное пособие

С. В. АСЯМОВ

ПСИХОЛОГИЯ ОБЫСКА

Учебное пособие

ТАШКЕНТ - ВЕНА

ЮРПСИ
2026

УДК 159.9:34(075)
ББК 88.573

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор **Саитбаев Т.Р.**;
кандидат психологических наук, доцент **Агзамова Е.Ю.**

А91

Асямов С.В. Психология обыска: учебное пособие; иллюстрации автора. – Ташкент - Вена, : «ЮРПСИ», 2026. – 282 с., ил.

Книга «Психология обыска» посвящена психологическим аспектам одного из наиболее сложных следственных действий — обыска. В ней рассматриваются закономерности поведения обыскиваемых, механизмы сокрытия и противодействия, а также особенности деятельности следователя в условиях дефицита времени и конфликтного взаимодействия.

Особое внимание уделено невербальному поведению, рефлексивному мышлению и тактическим приёмам, позволяющим выявлять скрываемую информацию. Анализируются типичные ошибки и способы их предупреждения.

Книга сочетает научную основу с практической направленностью, опирается на многолетний опыт автора и сопровождается примерами, рекомендациями и заданиями.

Предназначена для следователей, оперативных сотрудников, преподавателей и студентов юридических вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
---------------	---

Раздел I. Теоретико-психологические основы обыска

Глава 1. Понятие и сущность обыска: правовые и психологические аспекты	
§ 1. Обыск как следственное действие: понятие и цели в системе правовых наук	9
§ 2. Психологическая сущность обыска: конфликт, поиск и рефлексия	11
§ 3. Синтез права и психологии: системный взгляд на обыск	14
Глава 2. Психологическая структура деятельности следователя при обыске	
§ 1. Психологическое определение и сущность обыска как деятельности	19
§ 2. Психологические цели и задачи деятельности следователя при обыске	21
§ 3. Компоненты психологической структуры деятельности следователя при обыске.....	24
§ 4. Интеграция компонентов в единый процесс деятельности	30
Глава 3. Психология ищущего: личность следователя	
§ 1. Психологический портрет ищущего.....	34
§ 2. Познавательные процессы следователя.....	38
§ 3. Эмоционально-волевая сфера ищущего	44
§ 4. Межличностное восприятие и поведение ищущего.....	46
§ 5. Формирование и развитие профессионально-психологических качеств	47
Глава 4. Психология других участников обыска	
§ 1. Оперативники: психология «охотников» и тактиков.....	52
§ 2. Криминалисты: психология «исследователей-экспертов»	54
§ 3. Специалист-психолог: психология «наблюдателя-диагноста».....	56
§ 4. Понятые: психология «нейтральных свидетелей»	58
Глава 5. Психология прячущего (обыскиваемого)	
§ 1. Защитная доминанта как психологический феномен	62
§ 2. Мотивы сокрытия.....	64
§ 3. Типология прячущих	66
§ 4. Подготовка прячущего к обыску	69
§ 5. Факторы, определяющие выбор места для тайника.....	72
§ 6. Маскировка тайника и используемые способы.....	81
§ 7. Поведение обыскиваемого во время обыска	84

Раздел II. Тактика обыска и психологические основы деятельности следователя

Глава 6. Подготовка к проведению обыска	
§ 1. Психологические аспекты принятия решения об обыске	92
§ 2. Информационная подготовка к проведению обыска	94
§ 3. Формирование оперативной группы и ее психологическая подготовка	100
Глава 7. Поисковая деятельность при обыске	
§ 1. Понятие и структура поисковой деятельности при обыске	106
§ 2. Психология начального этапа: прибытие и вход на место обыска	108
§ 3. Обзорная стадия обыска: формирование поисковой стратегии.....	109
§ 4. Детальная стадия обыска: организация и психология пошагового поиска.....	111
§ 5. Контрольная проверка и завершение обыска	115
Глава 8. Искусство наблюдать — психологическая основа обыска	
§ 1. Психологическая природа наблюдения	119
§ 2. Наблюдательность следователя как профессиональное качество .	121
§ 3. Цель, задачи и объекты наблюдения при обыске.....	123
§ 4. Правила организации профессионального наблюдения при обыске	128
§ 5. Психотехнические приёмы профессионального наблюдения в ходе обыска	131
§ 6. Демаскирующие признаки тайников: психологический подход ...	133
§ 7. Наблюдение за поведением обыскиваемого.....	138
Глава 9. Коммуникативная деятельность следователя во время обыска	
§ 1. Обыск как особая коммуникативная ситуация уголовного судопроизводства.....	144
§ 2. Цели, задачи и особенности общения при обыске	146
§ 3. Вербальное и невербальное поведение обыскиваемого как источник информации.....	147
§ 4. Техники наблюдения и фиксации невербальных сигналов следователем	151
§ 5. Тактика речевого взаимодействия следователя с участниками обыска	154
§ 6. Конфликтный характер общения при обыске и методы управления конфликтами	158
§ 7. Способы и приёмы правомерного психологического воздействия на обыскиваемого	164
Глава 10. Обыск как ситуация психологического противоборства	
§ 1. Сущность противоборства в ходе обыска	171
§ 2. Психологическая борьба в ходе обыска	173

§ 3. Рефлексия в ходе обыска	179
§ 4. Рефлексивное управление действиями противоположной стороны.....	182

Раздел III. Практика обыска: анализ, ошибки и пути совершенствования

Глава 11. Психологические особенности различных видов обыска

§ 1. Общие психологические факторы, влияющие на специфику обыска	190
§ 2. Психологические особенности обыска в квартире (жилом помещении)б.....	193
§ 3. Психологические особенности обыска в офисе, учреждении, коммерческой организации.....	196
§ 4. Психологические особенности обыска на местности.....	199
§ 5. Психологические особенности кибер-обыска (цифрового обыска)	201
§ 6. Психологические особенности личного обыска	204
§ 7. Сравнительный анализ психологических особенностей различных видов обыска	207

Глава 12. Подведение итогов обыска

§ 1. Значение завершающего этапа обыска.....	213
§ 2. Психологическое состояние участников после завершения обыска	214
§ 3. Психологические особенности фиксации результатов обыска	217
§ 4. Психология предъявления и изъятия обнаруженных предметов ..	219
§ 5. Коммуникативная тактика следователя при завершении обыска..	220
§ 6. Анализ результатов обыска и их психологическая интерпретация	222
§ 7. Тактические выводы следователя после обыска	224

Глава 13 Типичные ошибки в ходе обыска

§ 1. Психологическая природа ошибок следователя при проведении обыска	228
§ 2. Ошибки планирования обыска	230
§ 3. Ошибки наблюдения	231
§ 4. Ошибки коммуникации.....	233
§ 5. Ошибки рефлексии.....	235

Глава 14 Рационализация труда следователя

§ 1. Научная организация труда следователя.....	246
§ 2. Выработка поисковых алгоритмов	244
§ 3. Овладение новыми методами работы.....	247
§ 4. Психологическая подготовка и тренинг к проведению обысков...	249
Заключение.....	265
Ответы и комментарии	267

ВВЕДЕНИЕ

Есть книги, которые пишутся ради решения научной задачи. Есть книги, появляющиеся как итог многолетних исследований. Но бывают и такие книги, которые становятся своеобразной точкой в долгом профессиональном пути.

Книга, которую вы держите в руках, для меня именно такая.

На протяжении многих десятилетий моя жизнь была связана с юридической психологией. Эта область науки всегда казалась мне особенно интересной и важной, потому что она находится на пересечении права и человеческой природы. Здесь за сухими процессуальными нормами всегда стоит человек — со своими переживаниями, страхами, надеждами, стратегиями поведения и сложными психологическими реакциями.

Именно поэтому меня всегда привлекали те стороны правоохранительной деятельности, где особенно ярко проявляется человеческая психология: следственная работа, допрос, принятие решений, поведение людей в экстремальных ситуациях.

Обыск — одно из таких действий. На первый взгляд это лишь процессуальная процедура, направленная на обнаружение и изъятие предметов и документов. Но за этой процедурой скрывается сложная психологическая динамика. Это взаимодействие людей, напряжение интересов, противодействие, наблюдение, анализ, принятие решений. Понимание этих процессов нередко оказывается не менее важным, чем знание процессуальных норм.

Работая над этой книгой, я стремился рассмотреть обыск именно с этой точки зрения — как особый вид профессиональной деятельности, в которой психологические закономерности играют значительную роль.

Но для меня эта книга имеет и другое, более личное значение.

Она стала последней книгой, которую мне довелось написать.

Жизнь иногда вносит свои коррективы в наши планы. Мне хотелось ещё многое сделать: продолжить исследования, написать новые работы, завершить начатые замыслы. Но тяжёлый недуг, с которым мне пришлось столкнуться, не оставляет для этого возможности.

Поэтому эту книгу я воспринимаю не только как научную работу, но и как своё прощальное слово к читателям.

Оглядываясь назад, я с благодарностью вспоминаю годы, посвящённые профессии и юридической психологии. Это были годы работы, размышлений, преподавания, научных поисков. Мне посчастливилось заниматься делом, которое по-настоящему увлекало и которое казалось важным и нужным.

Но ни одна книга не живёт сама по себе. Её жизнь продолжается благодаря читателям.

Все эти годы рядом со мной были вы — люди, которым оказалась интересна юридическая психология. Ваш интерес, ваши отзывы, обсуждения и поддержка всегда были для меня важны. Они помогали продолжать работу, искать новые темы и пытаться говорить о сложных профессиональных вопросах ясно и доступно.

За это я искренне благодарен каждому из вас.

Мне всегда хотелось, чтобы книги по юридической психологии не были сухими и отвлечёнными. Чтобы за научными понятиями читатель видел реальную профессиональную жизнь — с её сложностью, ответственностью и человеческими судьбами.

Если мои работы хоть немного помогли кому-то лучше понять психологию людей, сделать следственную работу более внимательной к человеческому фактору или просто заинтересовали юридической психологией — значит, эти годы были прожиты не напрасно.

Тем, кто продолжает работать в правоохранительной системе, и тем, кто только начинает свой путь в профессии, хочется пожелать самого главного: сохраняйте уважение к человеку, стремление понимать психологию людей и чувство профессиональной ответственности. Именно эти качества делают право не только силой закона, но и проявлением человеческой справедливости.

Я искренне надеюсь, что эта книга окажется для вас полезной.

А вместе с ней я оставляю вам и частицу своей многолетней работы, своих размышлений и своего профессионального опыта.

Спасибо вам за годы внимания, интереса и поддержки.

Прощайте, мои читатели.

С искренней благодарностью и уважением,

Сергей Асямов.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЫСКА

Обыск нередко воспринимается как сугубо техническое следственное действие, связанное с поиском и изъятием предметов, имеющих значение для дела. Однако подобное представление отражает лишь внешнюю сторону происходящего. В действительности обыск представляет собой сложный процесс взаимодействия людей, в котором переплетаются цели, мотивы, ожидания и скрытые намерения.

С первых минут обыск выходит за рамки формальных процедур и приобретает выраженный психологический характер. Поведение обыскиваемого, его реакции, попытки скрыть или, напротив, продемонстрировать определённые обстоятельства, равно как и действия следователя, его решения и стиль взаимодействия — всё это образует динамичную и нередко напряжённую ситуацию, требующую не только профессиональных знаний, но и тонкого понимания человеческой психики.

Именно в этой сфере нередко решается исход обыска. Неочевидные на первый взгляд детали поведения, особенности обстановки, характер взаимодействия участников могут приобретать значение, сопоставимое с вещественными доказательствами. Умение видеть за внешними действиями внутреннюю логику поведения становится важнейшим инструментом следователя.

Рассмотрение обыска в психологическом измерении позволяет глубже понять его сущность, выявить скрытые закономерности и тем самым создать основу для более эффективной и осмысленной профессиональной деятельности.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЫСКА: ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Обыск — одно из самых ответственных и психологически насыщенных следственных действий. Его нельзя сводить лишь к механическому поиску предметов или документов, имеющих значение для уголовного дела. Это сложное, регламентированное законом действие, в котором **право и психология тесно переплетаются**, образуя единую систему. Закон определяет рамки и порядок проведения обыска, а психология раскрывает внутреннюю сторону этой деятельности — поведение, восприятие, эмоции и взаимодействие людей, вовлечённых в неё.

Преступники, стремясь уйти от ответственности, нередко тщательно скрывают орудия преступления, вещи, добытые преступным путём, предметы, на которых остались следы содеянного. От своевременного и полного их обнаружения во многом зависит установление истины по делу, изобличение виновных и защита прав пострадавших.

В этой связи проведение обыска при наличии на то законных оснований является не только правом, но и обязанностью следователя. Оно требует не только знания закона, но и умения видеть за внешними обстоятельствами —

психологическую подоплёку происходящего. Ведь обыск — это всегда взаимодействие людей, часто эмоционально напряжённое, а подчас и конфликтное.

В данной главе мы рассмотрим обыск с двух сторон — как юридическую процедуру и как психологический процесс. Мы определим его правовые границы, объясним, почему именно психологические механизмы делают обыск эффективным (или, напротив, приводят к ошибкам), и покажем, как знание психологии помогает действовать точнее, спокойнее и человечнее, не выходя за рамки закона.

§ 1. Обыск как следственное действие: понятие и цели в системе правовых наук

Обыск — одно из ключевых следственных действий, обеспечивающих установление истины по уголовному делу. Его содержание выходит далеко за рамки простого «поиска»: это строго регламентированное законом, принудительное действие, требующее от следователя не только правовых знаний, но и высокой психологической культуры.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, дознаватель и следователь вправе произвести обыск, если располагают достаточными сведениями полагать, что в каком-либо жилом, служебном, производственном помещении, ином месте или у определённого лица находятся предметы, документы либо электронные данные, имеющие значение для дела.

Обыск может проводиться и в целях обнаружения разыскиваемых лиц или трупа.

Таким образом, закон определяет три ключевых признака обыска:

- 1) **Принудительный характер** — он проводится независимо от согласия лиц, у которых осуществляется поиск.
- 2) **Процессуальная регламентированность** — порядок, основания и пределы обыска строго установлены законом.
- 3) **Целенаправленность** — обыск всегда имеет конкретную цель — отыскание и изъятие предметов или лиц, имеющих значение для уголовного дела.

Содержательно обыск можно определить как следственное действие, заключающееся в принудительном обследовании помещений, участков местности, транспортных средств или отдельных граждан в целях обнаружения и изъятия предметов, документов, ценностей, электронных данных, а также разыскиваемых лиц.

Для правильного понимания сущности обыска важно отличать его от родственных следственных действий — *выемки и осмотра места происшествия*. Несмотря на внешнее сходство (везде речь идёт о поиске и изъятии), правовая природа и психологическая структура этих действий различны.

Признак	Обыск	Выемка	Осмотр места происшествия
Основание проведения	Достаточные данные о возможном нахождении предметов, документов или лиц	Точное знание о местонахождении конкретных предметов или документов	Необходимость исследовать и зафиксировать общую обстановку места происшествия
Характер действий	Принудительный поиск и изъятие	Добровольная выемка, при отказе — принудительное изъятие	Добровольное обследование без принудительных мер
Цель	Обнаружение и изъятие скрываемого	Изъятие конкретно известного	Исследование, фиксация, документирование следов и обстановки
Объекты воздействия	Помещения, участки, лица, связанные с подземаемым	Конкретные документы или предметы	Общедоступные объекты, место происшествия
Психологический фон	Высокая эмоциональная напряжённость, противодействие, элементы конфликта	Умеренное взаимодействие, возможна настороженность	Обычно нейтральная обстановка

Обыск не является самоцелью и не сводится к механическому «переворачиванию вещей» в поисках улик. Его назначение — установление истины по уголовному делу через обнаружение материальных следов преступной деятельности, которые невозможно получить иным путём. Его эффективность зависит не только от профессионализма следователя, но и от понимания тех целей и задач, которые определяют содержание и направление этого действия.

Задачами обыска являются:

- 1) получение новых доказательств;
- 2) проверка достоверности уже имеющихся доказательств;
- 3) проверка розыскных версий, выдвинутых в ходе расследования;
- 4) установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятие профилактических мер.

Цели, которые преследуются при производстве обыска, вытекают из содержания уголовно-процессуального законодательства и конкретизируют задачи следователя.

Обыск проводится для обнаружения и изъятия:

- а) орудий преступления (например, оружия, инструментов взлома и иных средств совершения преступления);
- б) предметов, несущих на себе следы преступления — например, одежды со следами крови, а также объектов, являющихся продуктами преступной деятельности (фальшивых денег, поддельных документов и т. п.);
- в) предметов и ценностей, добытых преступным путём;

г) документов, указывающих на обстоятельства, имеющие значение для дела — фотографий, файлов, видеоматериалов, записок, дневников, писем, почтовых переводов, квитанций и других материалов.

Кроме того, обыск может проводиться с целью обнаружения разыскиваемых лиц, трупов, а также имущества, на которое следует наложить арест в целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации.

Законность и обоснованность каждого действия следователя при проведении обыска — это основа его профессиональной деятельности. Именно соблюдение этих принципов гарантирует допустимость полученных доказательств и поддерживает доверие к результатам следствия со стороны суда и общества.

Однако с криминалистической точки зрения содержание этих задач гораздо шире. Обыск — это не только поиск объектов, но и **поиск информации**, отражённой в окружающей обстановке: в поведении людей, расположении предметов, нестыковках в интерьере, — всего, что может подсказать следователю направление дальнейших действий.

Каждая мелочь может иметь значение: свежий слой краски, смещённая плитка, нехарактерный запах, следы недавнего перемещения предметов. Всё это требует наблюдательности, внимания и психологической чувствительности.

При этом решающим остаётся **принцип законности**. Следователь вправе делать только то, что предусмотрено законом, — и именно в пределах, в которых это действие обосновано и необходимо. Любое отступление от процессуальных требований способно не только обесценить полученные результаты, но и нарушить права граждан, поставить под сомнение профессиональную этику следователя.

Таким образом, эффективность обыска определяется не столько количеством найденных предметов, сколько точностью, законностью и обоснованностью действий, а также умением следователя сочетать твёрдость с тактом, решительность — с уважением к человеку.

Обыск занимает особое место среди следственных действий. Его специфика — в соединении правовых и психологических начал. Закон определяет рамки, процедуры и гарантии; психология — внутреннюю динамику поведения участников, восприятие обстановки, эмоциональные реакции.

Понимание этих двух сторон позволяет следователю действовать грамотно, уверенно и при этом сохранять уважение к человеческому достоинству, что является неотъемлемым элементом профессиональной культуры.

§ 2. Психологическая сущность обыска: конфликт, поиск и рефлексия

В основе любого обыска лежит **психологическое противостояние двух сторон**. С одной стороны — следователь, чья задача — отыскать и изъять скрытые предметы, документы, ценности. С другой — обыскиваемый, стремящийся сохранить скрытое и не выдать себя ни словом, ни жестом, ни взглядом. Это

своеобразный процессуальный конфликт, где столкновение интересов неизбежно, а психология становится инструментом и оружием одновременно.

Можно сказать, что в момент начала обыска возникает двойная интрига: следователь думает о том, где может быть спрятано, а обыскиваемый — о том, как бы отвлечь, запутать или замаскировать. В этом противостоянии действуют не только логика и опыт, но и интуиция, внимание, наблюдательность, а также эмоциональная устойчивость участников.

Характер конфликта при обыске может быть различным:

- *открытый*, когда обыскиваемый проявляет раздражение, возмущение, агрессию, сопротивление;
- *скрытый*, когда внешне он спокоен, но внутренне напряжён, контролирует себя, старается направить внимание следователя в ложном направлении;
- *неосознанный*, когда конфликт не выражен явно и не осознаётся участниками, но проявляется в эмоциональной атмосфере: ощущении настороженности, внутренней скованности, психологическом напряжении между сторонами.

Во всех этих вариантах обыск превращается в психологическую игру, где противники стараются предугадать и перехитрить друг друга, действуя в рамках закона, но при этом используя весь арсенал психологических приёмов — от наблюдения до внезапного вопроса или интонации.

Эмоциональный фон обыска — это ещё один пласт конфликта, нередко оказывающий большее влияние на результат, чем формальные действия.

Для следователя обыск — это ситуация высокой ответственности и внутреннего напряжения. Он должен действовать быстро, точно и решительно, но при этом сохранять самообладание и такт. Любое проявление раздражения или поспешности может обострить конфликт, вызвать сопротивление, а главное — снизить внимательность.

Поэтому одной из ключевых профессиональных задач является *управление собственным эмоциональным состоянием*, умение сохранять внутреннее равновесие даже в условиях неопределённости и противодействия.

Для обыскиваемого же обыск — это стресс в чистом виде. Человек испытывает чувство вторжения в личное пространство, утрату контроля, страх разоблачения, нередко — стыд и унижение. Эмоциональная реакция может колебаться от агрессии до апатии, от показного равнодушия до панического возбуждения. Поведение человека в этот момент становится богатым источником психологической информации: его мимика, жесты, позы, паузы, тон речи — всё может подсказать следователю, где сосредоточено истинное напряжение.

Таким образом, обыск — это не только процессуальное действие, но и **эмоционально-психологический микрокосмос**, в котором разворачивается столкновение интересов, эмоций и воли. Умение видеть этот конфликт и управлять его динамикой — признак зрелого профессионала.

По своей психологической природе обыск представляет собой **сложный вид поисковой деятельности**, направленной на отыскание предметов, документов или лиц, скрытых намеренно и часто искусно. В отличие от обычного, бытового поиска — когда человек ищет потерянный предмет и действует в

спокойной, нейтральной обстановке, — поиск в ходе обыска протекает в совершенно иных условиях: в ситуации правового конфликта, ограниченного времени и высокой эмоциональной напряжённости.

Деятельность следователя при обыске имеет чётко выраженную цель и подчинена строгому плану. Он заранее определяет задачи, возможные места нахождения искомого, выстраивает последовательность действий, распределяет роли между участниками.

Однако даже при тщательной подготовке обыск остаётся поиском в условиях неопределённости: информация всегда неполна, а возможные версии требуют проверки на месте. Поэтому от следователя требуется умение действовать гибко, быстро корректировать план и использовать данные наблюдения, логики и интуиции.

Психологическая специфика обыска проявляется в том, что *следователь ищет то, что намеренно скрыто*. Это придаёт процессу особое напряжение и драматизм. Обыскиваемый, даже если внешне спокоен, зачастую предпринимает меры, чтобы запутать, отвлечь внимание, внушить ложные направления поиска. Поэтому каждый обыск становится своего рода интеллектуальной дуэлью, где профессионализм следователя заключается не только в умении видеть, но и в умении *догадаться*, где стоит искать.

Отличие профессионального обыска от повседневного поиска принципиально.

Во-первых, он осуществляется в правовых рамках и под угрозой ответственности за нарушение этих рамок. Ошибка в оценке законности может обесценить все найденные доказательства.

Во-вторых, он проходит в условиях стрессогенности и психологического противодействия. Следователь должен сохранять внимание, логичность и объективность даже тогда, когда вокруг напряжённая атмосфера, кто-то проявляет раздражение, возмущение или страх.

В-третьих, на нём лежит высочайшая ответственность: малейшая недооценка деталей может привести к упущению доказательства, а чрезмерное давление — к нарушению прав граждан.

Таким образом, обыск можно рассматривать как **высоконапряжённую профессиональную форму поисковой деятельности**, требующую развитого наблюдения, аналитического мышления, эмоциональной устойчивости и такта.

Следователь здесь не просто ищет вещи — он распознаёт ложь, оценивает реакции, выстраивает гипотезы и проверяет их на месте. Это поиск, в котором соединяются *логика, психология и интуиция*, превращая техническую процедуру в интеллектуальный акт.

Обыск — это не просто поисковая деятельность, а интеллектуальное взаимодействие двух сознаний, каждое из которых непрерывно отслеживает и оценивает действия другого. В этом проявляется **рефлексивный характер** данного следственного действия.

В психологии под *рефлексией* понимается способность человека осознавать собственные действия и соотносить их с поведением других. При обыске рефлексия приобретает особую форму — **взаимную**. Следователь размышляет

о том, *где и как мог быть спрятан предмет*, а обыскиваемый — *где и как будет искать следователь*.

Эта двойная направленность мыслей превращает обыск в своеобразную интеллектуальную партию, где каждая сторона стремится просчитать ход противника.

Образно говоря, это ситуация «двойного зеркала»:

«Я думаю о том, где он спрятал,
а он думает о том, где я буду искать».

Так возникает **многоуровневая рефлексия** — классическая «модель матрёшки», где одно рассуждение вложено в другое:

«Я думаю, что он думает, что я думаю...»

На практике это проявляется в постоянной коррекции действий: следователь меняет направление поиска, если замечает, что обыскиваемый слишком спокойно реагирует; делает вид, что теряет интерес к одной комнате, чтобы наблюдать, как поведёт себя хозяин; внезапно возвращается к уже осмотренному месту — и именно там нередко находит спрятанное.

Такое поведение — пример **рефлексивного управления**, когда действия одной стороны строятся с учётом предполагаемой логики и психологии другой.

В то же время обыскиваемый также нередко использует рефлексию: он может преднамеренно демонстрировать излишнее беспокойство у незначительных предметов, чтобы отвлечь внимание, или, напротив, сохранять полное спокойствие, стараясь внушить ложное впечатление открытости.

Поэтому эффективность обыска во многом зависит от способности следователя понимать и оперировать рефлексивными механизмами, замечать закономерности поведения и использовать их не для психологического давления, а для точного и законного достижения цели.

Рефлексия делает обыск не просто профессиональным действием, а **интеллектуальным поединком**, где побеждает не тот, кто громче и решительнее, а тот, кто глубже видит, тоньше чувствует и точнее думает.

§ 3. Синтез права и психологии: системный взгляд на обыск

Обыск — это всегда взаимодействие людей, и от того, как это взаимодействие построено, зависит не только эффективность следственного действия, но и его законность. Психологические приёмы, наблюдение, анализ поведения, использование интуиции — всё это допустимо лишь в пределах, очерченных законом.

Право устанавливает не только порядок производства обыска, но и нравственные и правовые границы допустимого воздействия на человека. Следователь вправе применять психологические методы — наблюдение, анализ реакций, выбор тактики общения, — однако он не имеет права использовать их для давления, унижения или манипулирования.

Иногда можно услышать мнение, что цель оправдывает средства: мол, если психологический приём помог обнаружить доказательство, значит, он был оправдан. Это ошибочная и опасная позиция. **Психология не может подменять закон.**

Любое действие, нарушающее права человека, разрушает не только процессуальные гарантии, но и моральный фундамент профессии.

В юридической и психологической литературе выделяется понятие *психологического насилия* — то есть такого воздействия на личность, которое вызывает у неё страх, унижение, чувство беспомощности или утрату самоконтроля. Подобные приёмы могут быть эффективны внешне, но они несовместимы с законом и профессиональной этикой. Следовательно, прибегающий к ним, утрачивает легитимность своих действий, а результаты обыска становятся сомнительными с точки зрения доказательственного права.

Задача профессионала — использовать психологию как инструмент понимания, а не принуждения. Наблюдая за поведением человека, следователь не ищет, как на него воздействовать, а старается понять, что это поведение выражает: страх, растерянность, желание скрыть правду или, наоборот, готовность сотрудничать.

Таким образом, психологическая грамотность при проведении обыска не выходит за рамки закона — она лишь помогает действовать точно, этично и эффективно, когда каждое слово и каждое движение следователя остаются в пределах процессуальной чистоты.

Знание психологии делает обыск не только более точным, но и более гуманным, потому что позволяет следователю действовать с пониманием человеческих реакций, не выходя за рамки закона.

Психологически грамотный следователь способен не просто формально «осмотреть помещение», а **читать поведение** участников обыска, чувствовать динамику ситуации, предугадывать, где возникает напряжение или скрытое противодействие. При этом цель психологии в правоприменении — не манипулирование, а понимание.

Обыск — это, по сути, череда мгновенных наблюдений и интерпретаций. Следователь, замечая мельчайшие изменения в поведении обыскиваемого, получает дополнительную информацию: движение глаз, изменение голоса, микророжест, внезапное желание «помочь» или отвлечь внимание.

Эти сигналы не являются доказательствами сами по себе, но они позволяют точнее направлять поисковые действия.

Наблюдение за невербальными реакциями — это психология.

Попытка вызвать эти реакции путём давления — это уже нарушение закона.

Следователь может, к примеру, задать простой уточняющий вопрос и отметить, как изменилось выражение лица обыскиваемого. Но он не имеет права повышать голос, угрожать, использовать унижительные фразы или создавать искусственное чувство вины.

Там, где заканчивается наблюдение и начинается психологическое давление, нарушается не только закон, но и профессиональная честь.

Истинное мастерство заключается не в том, чтобы заставить человека выдать скрытое, а в том, чтобы **замечать несоответствие между словами и поведением**, понять, где в его реакции проявляется тревога, страх или ложь — и использовать это знание не против него, а во имя истины.

Таким образом, психология служит не средством давления, а инструментом точного восприятия и адекватной реакции. Она помогает следователю видеть больше, понимать глубже и действовать увереннее — без нарушения прав человека и без утраты нравственной устойчивости.

Эффективность обыска не определяется количеством изъятых предметов или скоростью его проведения. Настоящая эффективность — это гармония трёх компонентов, каждый из которых усиливает и поддерживает другие: законности, обоснованности и психологической грамотности.

1. **Законность** — это правовой фундамент обыска. Она определяет допустимость действий следователя, гарантирует защиту прав граждан и обеспечивает достоверность полученных доказательств. Законность — это не формальность, а внутренняя дисциплина профессионала, осознание того, что любое нарушение правового порядка разрушает доверие к результатам следствия.
2. **Обоснованность** — это криминалистический компонент. Она выражается в умении логически выстраивать план действий, формулировать версии, оценивать собранные данные, избегать случайности. Обоснованность делает обыск целенаправленным и результативным: каждая проверяемая версия, каждое движение следователя должно иметь разумное объяснение.
3. **Психологическая грамотность** — это человеческое измерение профессионализма. Она проявляется в умении сохранять самообладание, замечать детали, понимать эмоциональное состояние участников и корректно выстраивать общение. Психологическая культура следователя помогает действовать точно, но спокойно; настойчиво, но без давления; твёрдо, но с уважением к личности.

Эти три составляющие нельзя рассматривать изолированно. Они образуют **единую систему профессиональной компетентности**, в которой каждый элемент поддерживает другие.

Право задаёт границы, криминалистика — логику действий, психология — внутреннюю осмысленность и человечность.

Психология не заменяет закон и криминалистику — она **усиливает их**, делая обыск точечным, осмысленным и действительно профессиональным.

Следователь, владеющий этими тремя компонентами в равной мере, способен действовать уверенно и эффективно, сохраняя уважение к закону и к человеку.

Выводы:

1. Обыск — одно из наиболее сложных и ответственных следственных действий, где тесно переплетаются право, криминалистика и психология.
2. Он требует от следователя не только знания закона, но и умения чувствовать динамику ситуации, понимать поведение людей, сохранять самообладание и уважение к личности.
3. Мы убедились, что обыск — это не просто технический поиск, а многоуровневая психологическая и интеллектуальная деятельность.

4. Он всегда протекает в условиях конфликта интересов, высокой эмоциональной напряжённости и правовых ограничений.

5. Понимание психологической природы обыска помогает следователю не нарушать эти границы, а действовать внутри них — грамотно, корректно и результативно.

6. Эффективность обыска достигается тогда, когда соблюдается единство трёх компонентов:

- законности, обеспечивающей процессуальную чистоту;
- обоснованности, придающей действиям логическую последовательность;
- и психологической грамотности, делающей их точными, человечными и этичными.

7. Таким образом, психология не подменяет право и криминалистику, а дополняет их, превращая формально-процессуальное действие в осмысленный, профессионально зрелый акт поиска истины.

Контрольные вопросы по главе:

1. Дайте определение обыска как следственного действия на основе УПК Республики Узбекистан.
2. В чём заключается принципиальное отличие обыска от выемки и осмотра места происшествия?
3. Назовите основные цели и задачи обыска с правовой и криминалистической точек зрения.
4. Охарактеризуйте психологическую сущность обыска через три ключевых аспекта: конфликт, поиск и рефлексию.
5. Почему управление эмоциями играет ключевую роль в эффективности обыска?
6. Как соотносятся правовые и психологические аспекты при производстве обыска?
7. В чём заключается модель эффективного обыска и каковы её три основных компонента?

Практическое задание (ситуационный кейс)

Ситуация:

Следователь готовится к проведению обыска в квартире подозреваемого. Из материалов дела известно, что часть похищенных ценностей может находиться в помещении, однако подозреваемый человек замкнутый, внешне спокоен и подчёркнуто вежлив.

Во время обыска он демонстрирует готовность «помочь», настойчиво предлагает осмотреть кухню и кладовую, а сам всё время держится на расстоянии от гостини.

Задание:

1. Оцените психологическую обстановку и поведение обыскиваемого.
2. Какие признаки могут указывать на возможное противодействие?

3. Какую тактику поведения следователю следует избрать, чтобы действовать в рамках закона и при этом эффективно достичь целей обыска?
4. Как проявляется рефлексия в данной ситуации?

Глава 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОБЫСКЕ

Если процессуальный обыск — это строго очерченная процедура, описанная статьями Уголовно-процессуального кодекса, то его психологическая сторона — совсем иная реальность. Это **внутренний алгоритм успеха** следователя, та невидимая структура, которая определяет, будет ли действие формальным исполнением закона или точным и результативным профессиональным поиском.

Психологическая структура деятельности следователя — это как компас, по которому он движется в тумане неопределённости. Закон даёт ему карту местности: порядок действий, пределы допустимого, перечень прав и обязанностей. Но карта бесполезна, если человек не знает, как держать компас в руках, не чувствует направление и не умеет ориентироваться по мельчайшим признакам, доступным только внимательному глазу и внутреннему чутью.

Обыск — это не просто физический процесс поиска предметов. Это поисково-познавательная, напряжённая и динамичная деятельность, где внешнее действие неразрывно связано с внутренним состоянием следователя. Здесь переплетаются логика и интуиция, самоконтроль и импровизация, аналитический расчёт и мгновенные решения. В этот момент следователь одновременно и стратег, и психолог, и актёр, и наблюдатель, и судья самому себе.

Понимание психологической структуры деятельности позволяет увидеть, что за сухими строками протоколов скрывается живой процесс — со своими целями, мотивами, переживаниями и скрытыми закономерностями. Разобрав эту структуру на составные элементы, можно понять, какие психологические механизмы обеспечивают эффективность обыска, а какие, наоборот, становятся источником ошибок и неудач.

Эта глава посвящена именно этому внутреннему измерению следственной работы — психологическому строению деятельности при обыске, её компонентам, их взаимосвязям и динамике. Ведь только понимая, как устроено мышление, восприятие, воля и общение следователя, можно научиться превращать обыск из формальной обязанности в точную, осмысленную и профессионально управляемую операцию.

§ 1. Психологическое определение и сущность обыска как деятельности

Если рассматривать обыск только в процессуальном смысле, он представит как строго регламентированная процедура: постановление, понятие, протокол, изъятие. Но за внешней формой всегда скрыта внутренняя работа — психологическая деятельность, направленная на познание скрытого. Именно она и превращает набор действий в осмысленный поиск, где каждая деталь, взгляд и пауза могут иметь значение.

Обыск в психологическом понимании — это *системная, целенаправленная, поисково-познавательная деятельность следователя по отысканию существенно скрытых объектов, протекающая в условиях процессуального регламента и психологического противоборства.*

В этой формулировке важно каждое слово. Она подчёркивает, что следователь не просто ищет, а действует в противодействии — сталкивается с чужой волей, чужой стратегией, и при этом должен сохранять хладнокровие и внутреннюю собранность.

Как и любая деятельность, обыск имеет свои **ключевые атрибуты**.

Он предполагает *активность* — следователь не наблюдает, а преобразует ситуацию; *предметность* — направленность на конкретные объекты, документы, следы; *осмысленность* — каждое действие имеет цель и подчинено логике поиска; и, наконец, *преобразующий характер* — результатом становится переход ситуации из состояния «неизвестности» в «известность», из хаоса — в структуру.

По своей сущности, психология обыска состоит в **управлении неопределённостью**. Следователь приходит туда, где ничего не ясно, и должен сделать всё, чтобы мир вокруг стал понятным, прозрачным, упорядоченным. И чем выше сопротивление среды, тем сильнее требуется внутренняя организация деятельности — то самое «психологическое ядро», о котором идёт речь в этой главе.

Ни одна другая форма следственной работы не соединяет в себе столько психологических нагрузок, как обыск. Это ситуация концентрированного напряжения, где каждая минута, жест и слово могут изменить исход всего дела. В каких **психологических условиях** осуществляется данное следственное действие?

Во-первых, здесь действует *жёсткое ограничение времени*. Следователь не может бесконечно размышлять или пробовать варианты — обыск требует быстрого анализа и молниеносных решений. Ошибка или задержка могут стоить результата. Время становится фактором давления, превращая мышление в работу на высокой скорости.

Во-вторых, присутствует *информационная неопределённость*. Местонахождение искомого может быть неизвестно, версии — неполны, а поведение участников — двусмысленно. Следователь вынужден достраивать картину мира по обрывкам, ориентируясь на малейшие признаки: взгляд, интонацию, неестественное движение руки.

Третьим фактором становится *психологическое противодействие*. Обыскиваемый редко безучастен: он может скрывать раздражение, демонстрировать показное спокойствие, отвлекать внимание, создавать помехи. Всё это требует от следователя не только настойчивости, но и умения распознавать ложные сигналы и управлять ситуацией, не переходя границ дозволенного.

К этому добавляется *публичность и стрессогенность* обыска. Он всегда происходит «на глазах»: присутствуют понятые, специалисты, коллеги, а иногда — члены семьи обыскиваемого. Это создаёт эффект публичного экзамена, где следователь вынужден действовать под взглядами, не теряя самообладания, даже если события выходят из-под контроля.

И, наконец, — *высокая ответственность*. Ошибки в таких действиях не прощаются: правовые, профессиональные и моральные последствия успеха или провала обыска ложатся на конкретного исполнителя. Понимание этой

ответственности усиливает внутреннее напряжение, требуя развитой волевой и эмоциональной саморегуляции.

Таким образом, обыск в психологическом аспекте — это **экстремальная познавательная деятельность**, совершаемая в условиях дефицита времени, неопределённости и противодействия.

Он требует от следователя не только знания закона, но и владения собой — способности мыслить ясно, чувствовать точно и действовать уверенно, когда сама ситуация будто бы сопротивляется истине.

§ 2. Психологические цели и задачи деятельности следователя при обыске

В любом обыске есть два измерения — внешнее и внутреннее. Внешнее задаёт закон: обнаружить и изъять. Внутреннее формирует психология: понять, предвидеть, удержать контроль и привести ситуацию к управляемому результату. Именно поэтому деятельность следователя нельзя свести только к поиску предметов — в её основе лежит борьба мотивов, установок и смыслов, где главным инструментом становится не лом, а мышление.

Центральной, **основной психологической целью** обыска является *достижение психологического превосходства над ситуацией и над обыскиваемым*.

Не в агрессивном, а в профессионально-управленческом смысле — то есть способность следователя владеть ходом событий, своими эмоциями и восприятием других людей, не позволяя противодействию разрушить внутреннюю логику действия.

Когда следователь сохраняет это превосходство, обыск проходит под его сценарием; когда теряет — управление ситуацией переходит к обыскиваемому, и тогда каждый последующий шаг превращается в импровизацию с непредсказуемым исходом.

Однако психологическая структура деятельности не ограничивается одной вершиной цели. Она напоминает иерархию задач, где каждая ступень поддерживает следующую. Основная цель реализуется через систему **тактических, промежуточных целей**, которые следователь решает по мере развития ситуации.

1. Подавить установку на сокрытие у обыскиваемого. Любой обыск начинается с внутренней схватки установок: одна направлена на **поиск**, другая — на **сокрытие**.

Обыскиваемый может не проявлять открытого сопротивления, но его психика работает против следователя — подсказывает, как отвлечь внимание, как симитировать спокойствие, как перенаправить ход поиска.

Первая психологическая задача следователя — снизить силу этой установки, разрушить уверенность человека в том, что скрытое останется незамеченным.

Иногда достаточно нескольких коротких фраз, взгляда или уверенного тона, чтобы вызвать у обыскиваемого микроэмоциональную реакцию — мгновенную тревогу, сомнение, невербальный «сбой».

Следователь, чувствуя такие изменения, получает важный ориентир: психологическая установка противника начинает колебаться, а значит, можно переходить к активному поиску.

2. Активизировать собственную поисковую деятельность до уровня творческого поиска. Вторая цель обращена внутрь самого следователя.

Обыск — это всегда ситуация, где готовые схемы дают сбой. Тайники могут быть нестандартными, обстановка — непредсказуемой, поведение людей — вводящим в заблуждение.

Чтобы действовать эффективно, следователь должен поднять свою познавательную активность с уровня механического исполнения до уровня творческого поиска.

Это состояние трудно описать, но опытные специалисты знают его по внутреннему ощущению: мир будто бы «подсвечивается» изнутри. Незаметные детали становятся значимыми, гипотезы рождаются мгновенно, внимание работает без усилия.

Именно в такие моменты следователь проявляет подлинное мастерство — соединяя логику, интуицию и наблюдательность в единую поисковую стратегию.

3. Установить и поддерживать управляемый психологический контакт со всеми участниками. Третья цель — управление коммуникацией.

Обыск — это не индивидуальная деятельность, а многоуровневая коммуникативная сцена. На ней присутствуют обыскиваемый, понятые, специалисты, оперативные сотрудники, коллеги-свидетели. И каждый из них создаёт свой микроконтекст, свою эмоциональную атмосферу.

Следователь вынужден одновременно играть несколько ролей:

спокойного руководителя для своих, властного представителя закона для обыскиваемого, корректного и уверенного профессионала для понятых.

Любая ошибка в тоне или неверный жест могут изменить баланс, вызвать раздражение, чувство несправедливости или, наоборот, вызвать излишнюю тревогу.

Поэтому одной из ключевых психологических задач становится поддержание управляемого психологического контакта — такого, при котором все участники чувствуют контроль, но не давление, внимание, но не подозрение.

Это искусство сочетания твёрдости и уважения, эмоциональной сдержанности и психологической гибкости.

4. Обеспечить благоприятный психологический климат в группе участников обыска. Наконец, четвёртая цель обращена к внутреннему взаимодействию самой следственно-оперативной группы.

Даже опытные сотрудники подвержены эмоциональному заражению: повышенное возбуждение, раздражение, усталость, неуверенность быстро передаются по цепочке.

Следователь как руководитель должен создавать атмосферу рабочей собранности и взаимного доверия, где каждый чувствует свою роль и ответственность.

Благоприятный психологический климат — не роскошь, а фактор эффективности.

Когда группа слажена, повышается скорость принятия решений, снижается уровень ошибок, а поведение участников становится более координированным.

Наоборот, внутренние конфликты, споры или неясность распоряжений мгновенно подрывают управляемость процесса и отвлекают внимание от главного — поиска.

Таким образом, система психологических целей при обыске — это иерархия смыслов, где всё подчинено одной задаче: сохранить контроль над ситуацией в условиях неопределённости.

Каждая цель — от подавления установки на сокрытие до управления групповым взаимодействием — работает как часть единого механизма.

Именно они делают обыск не просто юридическим действием, а психологически осмысленным процессом, в котором следователь становится архитектором порядка, возникающего из хаоса.

Если цели определяют направление деятельности, то **психологические задачи** задают её конкретное содержание на каждом этапе. Обыск — это не одно действие, а последовательность взаимосвязанных фаз, каждая из которых требует от следователя особого внутреннего состояния и набора психологических умений.

На подготовительном этапе основной задачей становится *снятие собственной психологической напряжённости* и формирование состояния внутренней готовности — той самой «боевой собранности», когда внимание остро, эмоции под контролем, а сознание сосредоточено на предстоящем действии. В это время следователь мысленно моделирует возможные сценарии обыска, представляя типичные и нетипичные реакции участников, потенциальные трудности и варианты их разрешения.

На начальном этапе, когда контакт с участниками только устанавливается, главная задача — *провести быструю психологическую диагностику обстановки*: кто из присутствующих настроен враждебно, кто тревожен, кто равнодушен, кто способен к сотрудничеству. В этот же момент следователь должен завладеть инициативой — чётко, спокойно, без давления обозначить свою роль и тем самым создать установку на неизбежность обнаружения: дать понять, что поиск будет результативным, а сопротивление — бесполезным.

В ходе поиска ключевыми задачами становятся *поддержание высокой концентрации внимания*, преодоление привычных шаблонов восприятия и мышления, борьба с «психологической слепотой» — тем состоянием, когда глаз видит, но сознание не распознаёт значимое. Следователь должен постоянно проверять и перепроверять версии, гибко перестраивая ход действий по мере появления новых ориентиров.

И, наконец, на заключительном этапе важно *психологически грамотно завершить действие*. Даже если обыск прошёл напряжённо, следует сохранить корректность, не допустить эмоционального срыва и оставить пространство для возможных последующих контактов — ведь завтра тот же человек может стать источником ценной информации. После завершения следователь анализирует собственные ошибки и успехи, фиксирует наблюдения и эмоциональные выводы, превращая опыт обыска в инструмент профессионального роста.

Таким образом, система психологических задач охватывает весь цикл деятельности — от внутренней настройки до рефлексии результатов. Это и есть тот невидимый «психологический план», который сопровождает следователя на каждом этапе обыска, помогая удерживать целостность и эффективность его действий.

§ 3. Компоненты психологической структуры деятельности следователя при обыске

1) Мотивационно-волевой компонент (энергетический блок)

Любая деятельность начинается с вопроса: *зачем?*

Обыск — не исключение. Его психологическая эффективность во многом определяется не только знанием закона или тактики, но и внутренней энергией следователя — его мотивами, целеустремлённостью и волей. Именно этот компонент задаёт тон всей работе: он определяет, с какой силой, настойчивостью и уверенностью человек действует в сложной, конфликтной и стрессовой ситуации.

Мотивация. Основой внутреннего побуждения является *профессиональный долг* — осознание ответственности перед законом, перед обществом, перед собой. Это тот внутренний стержень, который помогает сохранять самообладание даже тогда, когда обыск затягивается, улики не находятся, а давление обстоятельств растёт.

Но одной лишь обязанности мало. У настоящего профессионала есть и *познавательный интерес* — желание понять, разгадать, раскрыть. Именно он превращает рутину в творческий процесс. Следователь, движимый интересом, начинает видеть обыск не как формальность, а как интеллектуальную задачу: где, как и почему человек спрятал следы, какие психологические закономерности стоят за его действиями.

Ещё один мотив — *стремление к результату*, та самая внутренняя установка «довести до конца». Она подпитывает настойчивость, помогает не отступить после нескольких неудачных попыток, когда кажется, что всё уже проверено.

Иногда добавляется и *элемент состязательности* — скрытое чувство профессионального азарта: «Я всё равно найду». Этот мотив не всегда осознаётся, но часто именно он придаёт действиям следователя ту дополнительную энергию, без которой трудно преодолеть рутину и усталость.

Воля. Если мотивация отвечает на вопрос «зачем», то воля — на вопрос «как». Это способность управлять собой, сохранять внутреннюю организованность, когда обстоятельства становятся непредсказуемыми.

Следователь сталкивается с множеством раздражающих факторов: ограничением времени, сопротивлением, шумом, собственным напряжением. Всё это требует не просто эмоциональной сдержанности, а именно **волевой регуляции поведения и мышления.**

Воля проявляется в нескольких формах:

- *в саморегуляции*, когда следователь сознательно контролирует эмоции, сдерживает раздражение, не даёт усталости или раздражению сказаться на действиях;
- *в способности принимать решения в условиях неопределённости*, когда нет полного знания, но откладывать выбор невозможно;
- *в умении преодолевать препятствия*, как внешние (сопротивление обыскиваемого, нехватка времени), так и внутренние (сомнения, усталость, страх ошибки).

Психологическая зрелость следователя проявляется именно в том, что волевые усилия не выглядят натужными. Для стороннего наблюдателя он спокоен, собран, уверен — но за этой кажущейся лёгкостью стоит постоянный внутренний контроль и тонкая работа с самим собой.

Психологическая готовность. Завершает этот блок состояние психологической готовности — особая форма внутренней мобилизации, когда все психические ресурсы приведены в рабочее состояние.

Она включает в себя *установку на преодоление противодействия, уверенность в своих действиях, предвосхищение возможных трудностей и готовность гибко на них реагировать.*

Опытные следователи часто говорят: «на обыск надо идти в правильном настрое». Это не просто слова — это результат многолетнего самовоспитания. Перед обыском человек буквально собирает себя: концентрирует внимание, успокаивает эмоции, выравнивает дыхание, приводит в порядок внутренний монолог.

Когда психологическая готовность сформирована, обыск становится управляемым процессом. Следователь чувствует себя уверенно, а окружающие — даже неосознанно — воспринимают его уверенность как сигнал контроля и силы.

Так создаётся тот самый психологический фон эффективности, без которого ни наблюдательность, ни интеллект, ни опыт не могут быть реализованы в полной мере.

2) Познавательный-интеллектуальный компонент (аналитический блок)

Если мотивационно-волевой компонент отвечает за энергию действия, то познавательный-интеллектуальный — за его *точность и осмысленность.*

Это своего рода «навигационная система» деятельности следователя: восприятие, внимание, память, мышление. От того, насколько чётко работают эти механизмы, зависит успех всего обыска.

Именно здесь проявляется главное профессиональное качество — **умение видеть, понимать и предугадывать.**

Процессы восприятия и наблюдения. Обыск начинается с взгляда. Не с первых слов, не с приказа, а с того, как следователь воспринимает пространство, людей и атмосферу помещения. Его наблюдательность — не врождённый дар, а результат долгой тренировки, когда глаз и ум работают как единая система.

Психологи называют это состояние «профессиональной зоркостью». Следователь замечает аномалии — мелкие, почти неуловимые несоответствия:

книга стоит чуть плотнее других, на ковре вмятина, на полке пыль лежит неравномерно.

Для непосвящённого это случайности, но для опытного глаза — знаки, требующие проверки.

Наблюдательность следователя отличается от обывательской: он видит не вещи, а отношения между вещами, не просто детали, а структуру признаков, через которые можно восстановить скрытую часть реальности.

Именно поэтому хороший следователь всегда немного художник и немного аналитик: он воспринимает не только то, что перед глазами, но и то, чего не хватает в картине.

Память. Работа памяти при обыске — это сложный баланс между *оперативностью* и *долговременностью*.

Оперативная память удерживает в поле внимания всё сразу: постановление, план действий, имена и реакции присутствующих, уже проверенные объекты, текущие гипотезы. В это время долговременная память подбрасывает схемы и аналогии из прошлого опыта: «в похожем случае тайник был в вентиляции», «такое поведение я уже видел — человек что-то скрывает».

Именно взаимодействие этих двух уровней делает деятельность гибкой. Без долговременной памяти следователь действовал бы вслепую, без оперативной — не смог бы управлять процессом в реальном времени.

Память превращает опыт в инструмент, а инструмент — в интуицию.

Мышление. Мышление следователя — это *центральный аналитический механизм* всей познавательной системы. Оно многослойно и проявляется в нескольких формах, каждая из которых необходима для успешного поиска.

- *Продуктивное (творческое) мышление* проявляется тогда, когда следователь выдвигает и проверяет новые поисковые версии. Здесь нет готовых шаблонов — требуется гибкость, воображение, умение сочетать разрозненные факты в единую гипотезу. В такие моменты следователь действует почти как исследователь или изобретатель: интуиция подсказывает направление, а логика уточняет маршрут.
- *Репродуктивное мышление* основано на знании типичных ситуаций и стандартных схем. Оно экономит время и ресурсы, позволяя быстро применять отработанные модели действий. Но чрезмерная опора на шаблон несёт опасность — эффект «психологического автопилота», когда внимание притупляется и важные детали остаются незамеченными.
- *Пространственно-образное мышление* помогает видеть невидимое. Следователь мысленно «просвечивает» помещение, представляет внутренние полости, тайники, скрытые ниши, конструктивные особенности мебели. Это мышление трёхмерное, образное, почти архитектурское.
- *Оперативное (тактическое) мышление* проявляется в моменты, когда решения нужно принимать здесь и сейчас. Изменился настрой обыскиваемого — нужно мгновенно скорректировать поведение; новая деталь изменила логику поиска — требуется перестроить маршрут.

Обыск редко идёт по плану, и именно оперативное мышление позволяет удерживать контроль, не теряя логической линии.

- *Рефлексивное мышление* — высший уровень профессионального анализа. Это способность следователя осмыслить собственные мыслительные процессы, задать себе вопрос: «Почему я решил, что искать нужно именно здесь?» или «А что чувствует сейчас этот человек и где бы он сам спрятал?» Рефлексия позволяет моделировать мышление обыскиваемого, смотреть на ситуацию его глазами, тем самым приближаясь к разгадке.

Таким образом, познавательный-интеллектуальный компонент деятельности следователя объединяет все процессы, которые обеспечивают познание скрытого и восстановление реальной картины события.

Если мотивация даёт энергию действия, то интеллект задаёт ему направление и точность.

Вместе они создают основу профессионального мастерства — умение думать быстро, видеть глубоко и понимать больше, чем кажется на первый взгляд.

3) Коммуникативный компонент (социальный блок)

Если мотивация даёт энергию, а интеллект — направление, то коммуникация обеспечивает движение вперёд.

Обыск — это не только физический поиск, но и *постоянное взаимодействие с людьми*, где каждое слово и каждый взгляд могут изменить динамику происходящего.

Следователь действует не в вакууме: вокруг него — обыскиваемый, понятые, специалисты, сотрудники, наблюдатели. И от того, как выстроено это общение, зависит не только психологический климат, но и конечный результат.

Вербальная коммуникация. Слово — главный инструмент психологического воздействия.

Тон, интонация, темп речи, формулировка вопросов — всё это может успокаивать, убеждать, внушать доверие или, наоборот, вызывать тревогу.

Следователь должен владеть целым спектром речевых техник: от мягкого убеждения до уверенного распоряжения.

Иногда достаточно одной короткой фразы, чтобы задать нужный эмоциональный вектор: «Мы всё равно всё найдём, лучше спокойно» — это и предупреждение, и уверенность, и скрытое внушение.

Главное — сдержанность и точность. Лишние слова, особенно в присутствии понятых или коллег, могут разрушить эффект профессионального контроля.

Хорошая речь следователя всегда модульна: он умеет мгновенно переключать стиль в зависимости от собеседника — быть жёстким с тем, кто сопротивляется, спокойным с тем, кто растерян, и доброжелательным с тем, кто склонен к сотрудничеству.

В этом проявляется не только коммуникативная гибкость, но и психологическая зрелость.

Невербальная коммуникация. Не меньшее значение имеет то, что не сказано словами.

Невербальное поведение — это язык тела, мимика, поза, направление взгляда, тембр голоса, даже дыхание. Всё это передаёт информацию, порой более точную, чем слова.

Следователь должен обладать развитым навыком «чтения» невербальных сигналов.

Лёгкое напряжение в плечах, микродвижение руки, произвольный взгляд в сторону — всё это может быть подсказкой, где искать, что вызывает тревогу, что пытаются скрыть.

Наблюдательность здесь соединяется с эмпатией: важно не только видеть жест, но и понимать, что он означает в конкретном контексте.

Однако не менее важно уметь контролировать собственную невербалику.

Слишком резкий жест, раздражённое выражение лица, навязчивый взгляд могут вызвать у участников оборонительную реакцию.

Профессиональный следователь держит себя уверенно, спокойно, нейтрально — в его поведении нет ни угрозы, ни уступки.

Такое внутреннее равновесие мгновенно считывается и воспринимается как сигнал силы.

Управление психологическим контактом. Коммуникация — не просто обмен информацией, а управление контактами.

Следователь должен уметь выстраивать отношения так, чтобы сохранять доминирующую, но не агрессивную позицию. Это искусство равновесия: быть ведущим, но не подавляющим.

На практике это выражается в способности сохранять инициативу в разговоре, направлять внимание участников, вовремя менять тему, нейтрализовать конфликт, если он назревает.

Здесь важна и психологическая устойчивость: обыскиваемый может провозгласить, иронизировать, демонстрировать показное спокойствие — всё это попытки нарушить контакт.

Следователь должен распознавать манипуляции и мягко, но твёрдо возвращать ситуацию в русло профессионального общения.

Иногда эффективнее всего действует не давление, а сдержанная уверенность.

Человек чувствует, что перед ним тот, кто владеет собой и ситуацией — и в этой уверенности теряет почву для сопротивления.

Социально-психологическое взаимодействие в группе. Наконец, важная часть коммуникативного компонента — взаимодействие внутри следственно-оперативной группы.

Даже самый опытный следователь не работает в одиночку. Его успех во многом зависит от того, насколько чётко распределены роли, насколько команда понимает общий план и доверяет своему руководителю.

Следователь, ведущий обыск, выступает в роли психологического лидера.

Он задаёт тон, темп, эмоциональную атмосферу.

Если он напряжён, раздражён, неуверен — это мгновенно передаётся всем.

Если спокоен, собран и последователен — группа работает слаженно, как единый организм.

Психологическая сплочённость особенно важна в условиях стресса и неопределённости.

Она снижает уровень ошибок, повышает концентрацию внимания и позволяет каждому члену группы действовать в рамках единого профессионального ритма.

Таким образом, коммуникативный компонент деятельности следователя при обыске — это **социальная нервная система** всей операции.

Он обеспечивает обмен информацией, регулирование эмоций и согласованность действий.

От того, насколько следователь умеет говорить, слушать, понимать и внушать доверие, зависит не только результат поиска, но и то, какой психологический след оставит обыск в сознании всех участников — от понятых до самого обыскиваемого.

4) Организационно-исполнительский компонент (действенный блок)

Если мотивация заряжает, интеллект направляет, а коммуникация соединяет, то организационно-исполнительский компонент воплощает всё это в *конкретное действие*.

Это практическая сторона психологической структуры, где намерения превращаются в поступки, а замысел — в результат.

Здесь всё решают точность, последовательность и умение действовать под контролем даже в самой изменчивой обстановке.

Планирование и прогнозирование. Каждый обыск начинается задолго до того, как следователь переступит порог помещения.

Психологическая подготовка включает в себя не только сбор информации, но и мысленное моделирование предстоящей ситуации: кто будет присутствовать, как поведёт себя обыскиваемый, какие возможны формы сопротивления, где вероятны источники стресса и отвлечения внимания.

Хорошее планирование — это не ритуал, а инструмент психологической стабилизации.

Оно снижает уровень неопределённости и тревоги, формирует ощущение контроля над ситуацией.

Следователь, у которого есть чёткий план, увереннее держит инициативу, действует собранно и последовательно.

План не отменяет импровизацию — напротив, он даёт основу, от которой можно гибко отступить, не теряя логики.

Именно поэтому опытный следователь всегда сочетает жёсткость структуры с гибкостью поведения: план есть, но он живой.

Саморегуляция и самоконтроль. Вторая составляющая этого блока — психологическая саморегуляция, без которой даже идеально составленный план может рассыпаться.

Обыск — процесс напряжённый, требующий высокой концентрации, и здесь важно не только выдерживать внешний темп, но и управлять внутренним состоянием.

Следователь должен уметь вовремя снижать уровень возбуждения, если ситуация выходит из равновесия; сохранять ясность мысли, когда нарастает усталость; контролировать дыхание, мимику, голос, чтобы не передавать окружающим раздражение или тревогу.

Это не просто эмоциональная дисциплина, а форма психологической гигиены профессионала, позволяющая сохранять устойчивость в течение долгих часов напряжённой работы.

Механизмы саморегуляции — дыхательные приёмы, внутренний монолог, короткие акты «психологического сброса» — формируются с опытом и становятся частью профессионального стиля поведения.

Следователь, владеющий собой, способен управлять и другими. Его спокойствие передаётся коллегам, а самообладание — один из главных признаков подлинного профессионализма.

Психомоторика. Внешняя сторона деятельности — точность и осмысленность движений.

Обыск требует не только ума и внимания, но и координации, ловкости, моторной культуры.

Неловкий жест может повредить предмет, вызвать раздражение, разрушить атмосферу доверия.

Поэтому даже движения следователя должны быть сдержанными, продуманными, профессиональными — такими, которые говорят о внутренней собранности.

Когда действия становятся отточенными, тело работает синхронно с сознанием: рука следует за мыслью, а движение — за решением.

В этом проявляется высшая форма исполнительской культуры, когда психическое и физическое объединяются в единую систему.

Такое единство делает работу эффективной, экономной и внешне спокойной — именно поэтому профессиональный обыск редко выглядит драматично: он кажется простым и естественным, хотя за ним стоит тонкая организация деятельности.

Организационно-исполнительский компонент завершает психологическую структуру деятельности следователя при обыске.

Он соединяет в себе все предыдущие уровни — мотивацию, интеллект и коммуникацию, превращая их в действие.

Если первые три компонента формируют внутренний потенциал, то этот — реализует его во внешнем мире.

Именно здесь проявляется мастерство: умение действовать быстро, чётко и осознанно, не теряя контроля над собой и ситуацией.

§ 4. Интеграция компонентов в единый процесс деятельности

Психологическая структура деятельности следователя при обыске — это не набор изолированных элементов, а живая система, в которой каждый компонент поддерживает и усиливает другие.

Мотивация без интеллекта превращается в слепое рвение; интеллект без воли — в бесплодное размышление; коммуникация без самоконтроля — в конфликт; а без организации всё рассыпается в хаотичное движение.

Лишь их взаимосвязь и согласованность обеспечивают устойчивость и результативность обыска.

В реальной деятельности компоненты не существуют отдельно — они **переплетаются, образуя динамическое целое.**

Высокая мотивация поддерживает внимание даже при физическом истощении: желание довести дело до конца мобилизует интеллектуальные и волевые ресурсы.

Успешная коммуникация, в свою очередь, открывает новые источники информации, которые активизируют аналитическое мышление и способствуют уточнению поисковых версий.

Хорошо отлаженный самоконтроль делает речь убедительной, а уверенное поведение — инструментом воздействия.

Можно сказать, что каждый компонент является питательной средой для других.

Мотивация подпитывает внимание, интеллект управляет волей, коммуникация поддерживает эмоциональное равновесие, а организационные навыки придают всему процессу форму.

В этом и заключается феномен профессионального единства — когда психика работает как слаженный механизм, где каждый элемент включается ровно тогда, когда нужен.

Эта структура не статична — она меняется по ходу обыска, следуя внутреннему ритму действия.

- В начале обыска доминируют **коммуникативный и мотивационно-волевой компоненты.** Следователь должен установить контакт, взять инициативу, задать эмоциональный тон. Здесь важно состояние внутренней уверенности и умение мгновенно оценивать психологическую обстановку.
- На пике поиска, когда работа становится напряжённой и аналитически насыщенной, ведущую роль берёт **познавательно-интеллектуальный компонент.** Внимание сужается, мышление ускоряется, следователь переключается в режим активного поиска, где главенствует логика, наблюдательность и способность к интуитивным догадкам.
- При возникновении сопротивления или непредвиденных трудностей активизируются **мотивационно-волевой и организационно-исполнительский компоненты.** Именно они позволяют выдержать давление, удержать контроль над эмоциями, сохранить стратегию и вернуть порядок в динамичную, порой хаотичную ситуацию.

Таким образом, в течение одного обыска психологическая структура несколько раз перестраивается, словно внутренний оркестр, где солист меняется в зависимости от ритма и темы.

Эффективный следователь — это не тот, кто блестяще владеет одним компонентом, а тот, кто умеет поддерживать их баланс.

В его деятельности мотивация не перерастает в излишнюю поспешность, интеллект не отрывается от реальности, воля не превращается в жёсткость, а коммуникация — в навязчивость.

Он действует цельно и гибко одновременно, сохраняя внутреннее равновесие даже в самых напряжённых обстоятельствах.

Недоразвитие хотя бы одного из компонентов приводит к системным сбоям.

Слабая воля — к нерешительности; недостаток интеллектуальной гибкости — к шаблонности; неумение общаться — к конфликтам; низкая организованность — к хаосу и потере контроля.

Поэтому профессиональное становление следователя — это путь постепенного выравнивания всех четырёх компонентов до уровня взаимного резонанса.

Когда мотивация, интеллект, коммуникация и организация соединяются в одно целое, деятельность обретает высшее качество — ясность, точность и психологическую устойчивость.

Такой следователь не просто проводит обыск — он управляет ситуацией, сохраняя равновесие между законом, логикой и человеческой природой.

Выводы по главе:

1. Психологическая структура деятельности следователя при обыске представляет собой целостную систему, включающую четыре взаимосвязанных компонента: мотивационно-волевой, познавательного-интеллектуального, коммуникативного и организационно-исполнительского.

2. Эффективность обыска определяется не столько развитостью отдельных компонентов, сколько их гармоничной интеграцией и динамическим взаимодействием в процессе деятельности. Только при сбалансированности всех элементов деятельность приобретает целостность, устойчивость и управляемость.

3. Осознанное использование данной структурной модели позволяет следователю проводить рефлексию собственной деятельности, осуществлять самодиагностику и целенаправленно развивать профессионально важные психологические качества, превращая опыт в инструмент повышения эффективности.

Контрольные вопросы:

1. В чём заключается психологическая сущность деятельности следователя при обыске?
2. Какие основные компоненты образуют психологическую структуру этой деятельности?
3. Какова роль мотивационно-волевого компонента в обеспечении эффективности обыска?
4. Какие формы мышления проявляются в познавательном-интеллектуальном компоненте, и как они взаимодействуют между собой?

5. Почему коммуникативный компонент можно назвать «социальной нервной системой» обыска?
6. Каковы особенности организационно-исполнительского компонента, и почему он считается завершающим звеном структуры?
7. Каким образом взаимодействуют между собой все четыре компонента в ходе обыска?
8. Что происходит, если один из компонентов оказывается недостаточно развитым?
9. Как использование структурной модели деятельности может помочь следователю в профессиональной саморефлексии и самосовершенствовании?

Практическое задание

Ситуационное упражнение.

Представьте, что вы готовитесь к проведению обыска по делу о хищении документов, содержащих коммерческую тайну.

1. Определите, какие психологические задачи вы поставите перед собой на каждом этапе: подготовительном, начальном, поисковом и заключительном.
2. Проанализируйте, какие компоненты психологической структуры будут для вас ведущими на каждом этапе.
3. Подумайте, какие внутренние трудности могут возникнуть (неуверенность, усталость, раздражение, сомнение) и какие приёмы саморегуляции помогут их преодолеть.
4. В завершение опишите, как вы проведёте краткий психологический самоанализ после обыска: что удалось, какие ошибки возможны, какие профессиональные качества требуют развития.

ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЯ ИЩУЩЕГО: ЛИЧНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Успех обыска определяется не только знанием тактических приёмов, но и личностью того, кто их реализует.

Следователь — не просто организатор процессуального действия, он сам является главным инструментом поиска. Его внимание, наблюдательность, психологическая гибкость и умение «читать» человека — зачастую решают исход всего следственного действия точнее, чем любой технический прибор.

В психологии обыска этот аспект нередко обозначают как психологию ищущего. Речь идёт не просто о навыках поиска, а о внутреннем состоянии человека, который ищет: о его восприятии, мышлении, эмоциях, воле и умении взаимодействовать с другими участниками обыска.

Обыск — это не только юридическая процедура, но и познавательный процесс, где следователь выступает в роли исследователя. Это одновременно эмоционально напряжённая ситуация, где встречаются противоборствующие воли и интересы, и коммуникативное взаимодействие, требующее такта и самообладания.

Психология ищущего раскрывается через противопоставление двух ролей — **ищущего** и **прячущего**. Один стремится обнаружить истину, другой — скрыть её проявления. Это не просто столкновение сторон уголовного процесса, а психологическая игра с неполной информацией, где каждая сторона вынуждена мысленно «входить» в логику другой.

Следователь ищет не столько вещи, сколько смысл действий обыскиваемого, восстанавливая цепочку его мотивов и решений. В этом смысле следователь — это исследователь и художник одновременно. Он соединяет в себе логику учёного, интуицию художника и выдержку хирурга, совершающего точные движения в сложной и чувствительной сфере человеческих отношений.

Метафорически эту главу можно назвать — *«Поиск истины в лабиринте вещей и эмоций»*. Ибо именно там, где заканчиваются формальные предписания и начинается человеческое восприятие, начинается психология ищущего — та область, где холодный профессионализм соединяется с внутренней чуткостью, наблюдательностью и умением видеть невидимое.

§ 1. Психологический портрет ищущего

Главный двигатель активности следователя при обыске — это **поисковая доминанта**, особое психическое состояние, когда внимание, мышление, эмоции и воля подчинены одной цели — *найти*.

Эта доминанта — не просто интерес, а устойчивая система, задающая характер поведения, темп действий и даже способ восприятия мира в момент обыска. Следователь, находящийся в поисковой доминанте, видит обстановку иначе, чем обычный человек: в каждом предмете, в каждом движении человека он улавливает возможность скрытого смысла.

Такой внутренний настрой превращает обыск из рутинной процедуры в психологическое исследование реальности. Именно поэтому личность ищущего, его качества и состояние становятся важнейшим инструментом успеха.

Что же входит в состав основных **профессионально-психологических качеств** личности следователя, от которых зависит успех обыска?

Наблюдательность и «зоркость следователя». Наблюдательность — это не только умение смотреть, но и способность видеть смысл деталей.

«Зоркость следователя» проявляется в том, что он замечает мелочи, которые не укладываются в общую логику обстановки: слишком чистое место на пыльной полке, одинокий след обуви, свежий гвоздь в старой стене, несоответствие в реакции человека на вопрос. Эти, казалось бы, пустяки становятся для ищущего сигналами, подсказками, иногда — ключом к разгадке.

По мысли А. Р. Ратинова, наблюдательность следователя не ограничивается зрением. Чтобы действительно понять обстановку, он должен воспринимать её во всей совокупности признаков — видеть, ощущать, проверять, слышать, сопоставлять. Только тогда становятся доступны «невидимые свойства» предметов и людей, скрытые от поверхностного взгляда¹.

Устойчивость и распределение внимания. Обыск требует колоссальной концентрации: нужно удерживать в фокусе десятки объектов и при этом контролировать всю сцену. Следователь должен уметь переключать внимание, не теряя при этом внутренней целостности восприятия.

Опасность здесь — так называемая «слепота невнимания»: когда, сосредоточившись на одном объекте, человек перестаёт замечать остальное. Отсюда необходимость внутренней дисциплины внимания — умения сознательно расширять поле восприятия, видеть боковым зрением не только вещи, но и поведение людей.

Настойчивость и волевая устойчивость. Поиск не всегда приносит быстрый результат. Следователь должен быть готов к монотонной, кропотливой работе, когда руки устали, глаза затуманились, а результат всё не появляется.

Настойчивость — это не слепое упрямство, а способность сохранять внутренний импульс действия, несмотря на усталость, скуку и противодействие. Психологическая выносливость ищущего сродни спортивной: именно она отличает мастера от новичка.

Эмоциональная устойчивость и самообладание. Обыск — всегда ситуация конфликта. Обыскиваемый может быть раздражён, агрессивен или, напротив, демонстративно равнодушен.

Следователь не имеет права позволить себе эмоциональное заражение: его самообладание — гарантия эффективности. Сдержанная уверенность, ровный тон, способность сохранять внутреннее спокойствие при внешнем напряжении — всё это признаки зрелого профессионала.

Эмоциональная устойчивость следователя формируется не сама по себе, а в процессе профессионального развития и самоконтроля. Это качество

¹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 227.

обеспечивает способность сохранять внутреннее равновесие в конфликтных ситуациях.

Коммуникативные и социально-психологические качества. Даже самый технический обыск — это, прежде всего, взаимодействие с людьми. Такт, корректность, уважение к личности обыскиваемого не только соответствуют этическим нормам, но и имеют практическое значение: снижают сопротивление, делают атмосферу менее конфликтной, способствуют более точному наблюдению за поведением участников.

Грубость и давление, наоборот, создают эмоциональный шум, который мешает «слышать» суть. Профессиональный следователь умеет быть спокойным и вежливым, не уступая при этом ни в требовательности, ни в настойчивости.

Таким образом, личность ищущего — это не случайный набор черт, а целостная система профессионально значимых качеств, поддерживающих состояние поисковой доминанты. Когда эти качества развиты и сбалансированы, следователь не просто выполняет процедуру, он *ведёт психологический поиск* — спокойно, целеустремлённо и результативно.

Если профессиональные качества следователя можно назвать его инструментами, то **профессионально-личностные установки** — это вектор, определяющий направление их применения. От того, с каким внутренним настроем и мировоззрением человек подходит к поиску, зависит не только результативность обыска, но и его этическое и психологическое качество.

Отношение к делу: мотив поиска истины, чувство ответственности. Обыск — это не просто процессуальное действие, а момент истины в расследовании.

Для следователя мотив поиска истины — это не абстрактный лозунг, а внутренний смысл работы. Он осознаёт, что его действия касаются не только доказательств, но и судеб судебных людей, поэтому чувство ответственности здесь принимает особую форму: ответственность не только перед законом, но и перед совестью.

Профессионально зрелый следователь ищет не ради галочки в протоколе, а ради понимания, *что действительно произошло*. Такое отношение формирует интеллектуальную честность — способность признавать собственные ошибки, сомневаться, проверять себя. Это и есть подлинная культура мышления ищущего.

Этическая установка: «служить закону, не унижая человека». Эта формула отражает, пожалуй, главное нравственное правило для всех участников следственного процесса. Обыск, по своей природе, связан с принуждением, и именно здесь особенно важно сохранить человеческое достоинство.

Этическая установка «служить закону, не унижая человека» означает, что жёсткость действия не должна переходить в жестокость, а профессиональная решительность — в холодное равнодушие.

Истинный профессионал умеет быть твёрдым, не становясь грубым. Он осознаёт, что моральное превосходство не в силе, а в способности действовать корректно, сдержанно и уважительно даже к тем, кто сопротивляется. Так формируется доверие к закону, а не страх перед ним.

Склонность к познавательной активности и эвристическому мышлению. Следователь-ищущий — это человек с выраженной познавательной потребностью. Он не удовлетворяется готовыми схемами и инструкциями; напротив, он стремится понимать закономерности человеческого поведения, искать смысл в деталях, видеть скрытые связи. Такое мышление называют эвристическим — направленным на поиск новых решений, новых подходов, новых объяснений.

Для ищущего характерно не просто выполнение алгоритма, а творческое исследование ситуации. В этом проявляется научный стиль мышления в практической работе: гипотезы, проверка, уточнение, новая гипотеза. Каждый обыск в этом смысле становится экспериментом на живом материале человеческих отношений, где успех зависит не столько от техники, сколько от гибкости ума и внутренней готовности видеть больше, чем лежит на поверхности.

Следователи, как и все люди, различаются не только опытом и знаниями, но и тем, как они ищут. Один действует по строгой логике, другой — по интуиции, третий — по вдохновению, а четвёртый пытается совместить все подходы сразу. Понимание этих различий важно не только для самоанализа, но и для организации работы следственной группы: ведь то, что один видит сразу, другой может пропустить — и наоборот.

Ниже приведена условная типология «ищущих» — **психологические модели поведения следователя** при обыске.

Разумеется, в реальной практике они нередко переплетаются, образуя индивидуальный стиль, но знание этих типов помогает лучше понимать сильные и слабые стороны собственной поисковой деятельности.

Рациональный тип. Он действует как шахматист. Каждый шаг просчитан, каждая версия проверена, каждая деталь вписана в логическую схему.

Рациональный следователь строит поиск по плану, тщательно сверяет показания, обстоятельства, результаты предыдущих действий. Он осторожен, не спешит делать выводы, предпочитает перепроверить трижды, чем ошибиться один раз.

Сильная сторона — аналитическая глубина и системность мышления.

Слабая — инерция: порой рациональный ищущий склонен упускать неожиданные, «вне схемы» решения. Он может пройти мимо мелочи, которая не вписывается в его стройную систему, но и есть ключ к разгадке.

Интуитивный тип. Этот следователь будто бы «чувствует», где нужно искать. Он может внезапно обратить внимание на незначительный предмет, изменить направление обыска, задать вопрос, который кажется случайным — и попасть в точку.

Интуитивный ищущий опирается на опыт, внутренние ощущения, эмоциональные сигналы. В основе интуиции всегда лежит опыт, но обработанный подсознанием.

Интуитивный следователь не всегда может объяснить, почему он решил заглянуть именно туда, но опыт подсказывает: стоит. Такая способность особенно ценна в непредсказуемых ситуациях, однако требует развитого самоконтроля — чтобы отличать интуицию от импульсивности.

Импульсивный тип. Этот тип действует быстро, порой слишком быстро.

Импульсивный следователь любит ощущение действия и решительности, но не всегда выдерживает паузу для анализа. Он способен первым заметить важную деталь — и тут же сделать поспешный вывод, не проверив версии.

Преимущество — оперативность и энергичность.

Недостаток — повышенный риск ошибок и эмоциональных всплесков.

В практике обыска импульсивность может приводить к потере внимания, конфликтам с обыскиваемыми или преждевременной уверенности в успехе.

Сбалансированный тип. Это профессионал, сумевший объединить в себе рациональность, интуицию и самоконтроль.

Он действует по плану, но не становится его пленником; доверяет интуиции, но умеет её проверять; реагирует быстро, но сохраняет внутреннюю устойчивость.

Такой тип встречается нечасто — это результат профессионального роста, опыта, ошибок и саморефлексии.

Сбалансированный ищущий не только ищет, но и понимает, как он ищет. Он способен управлять своим вниманием, анализировать эмоциональные состояния и осознанно формировать поисковую доминанту. В этом смысле — это не просто «ищущий», а исследователь самого процесса поиска.

Таким образом, типология ищущих отражает не столько различия темперамента, сколько разные способы познания реальности.

Одни опираются на логику, другие — на интуицию, третьи — на скорость реакции, но только те, кто сумел соединить эти начала, достигают подлинного мастерства в поиске.

§ 2. Познавательные процессы следователя

Обыск — это не просто механический процесс обследования пространства. Это **исследование реальности в условиях неопределённости**, где следователь одновременно действует как наблюдатель, аналитик и участник событий. От того, как работают его восприятие и внимание, зависит точность оценки обстановки, своевременность реакции и даже эмоциональный климат всего действия.

Деятельность следователя основана на **многоканальном восприятии** — одновременном использовании зрения, слуха, осязания и обоняния при оценке места происшествия и при обыске. Он должен не просто смотреть, но *наблюдать*; не просто слушать, а *слышать то, что не совпадает с ожидаемым* — интонации, шорохи, изменение звука пола под ногами.

Зрение даёт первую картину — но именно слух и осязание часто выдают «ложные» элементы обстановки: пустоты за стенкой, сдвинутые предметы, следы свежей пыли.

Профессионал развивает сенсорную чувствительность, включая периферическое зрение и слух, воспринимая не только предмет, но и контекст его существования.

Полезный приём — *сенсорное переключение*: после визуального осмотра помещения на несколько минут «переключить» ведущий канал восприятия — прислушаться, пройти босиком, ощутить различие текстур, заметить запахи (клея, краски, плесени, табака).

Такие смены каналов активизируют внимание и позволяют обнаружить то, что остаётся за пределами привычного восприятия.

Опытный следователь знает, что важны не только предметы, но и их отсутствие. Так называемые *негативные обстоятельства* — когда чего-то *не хватает* или *оно не на своём месте* — часто говорят больше, чем найденные вещи. Например, пустое место на полке, отполированное пятно на стене, непыльная полоска за шкафом.

Этот вид наблюдения можно назвать «**микрообыском**» — внимательным обследованием мелочей, следов, микросостояний предметов и людей. Он требует сочетания аналитического внимания и эмоциональной интуиции: важно не только заметить, но и почувствовать, что здесь «не так».

Такое «внутреннее чутьё» формируется через тренировку: анализ фотографий мест происшествия, сравнение реальных и инсценированных обстановок, развитие навыка «замечать несоответствия». Для тренировки полезно применять приём контрастного наблюдения — мысленно сравнивать текущее состояние комнаты с «естественным» видом аналогичных помещений. Мозг автоматически фиксирует различия, и внимание направляется в нужную точку.

Обыск длится часами, и самое коварное — **утомление внимания**. Глаза скользят по предметам, но уже не видят; действия становятся механическими; внутренний поиск ослабевает.

Чтобы сохранить эффективность, следователь должен управлять своим вниманием, а не полагаться на спонтанную концентрацию.

Вот несколько психологических приёмов саморегуляции внимания:

1. *Циклирование фокуса* — каждые 15–20 минут сознательно менять направление поиска: от предметов к людям, от деталей к общему плану, от внутреннего к внешнему.
2. *Микропаузирование* — короткие (10–20 секунд) остановки для восстановления восприятия: взгляд в окно, смена положения тела, глубокое дыхание.
3. *Периферическое наблюдение* — умение держать в поле зрения не только то, на что смотришь прямо, но и движение сбоку. Это особенно важно для контроля за поведением обыскиваемых.
4. *Разделение задач* — при групповом обыске полезно распределить участки или объекты, чтобы каждый участник сохранял свежесть восприятия, а общий результат не страдал от утомления.

Таким образом, внимание ищущего — это не просто психическая функция, а инструмент профессионального управления ситуацией. Его можно тренировать, развивать и дозировать, как физическую силу. Умение «держать поле» — видеть и предмет, и пространство вокруг него — отличает мастера от исполнителя.

Если восприятие даёт следователю «сырой материал» для размышления, то **наблюдение** превращает этот материал в осмысленные сведения.

Это — активный, направленный, целенаправленный процесс познания, который определяет эффективность всей деятельности ищущего. Недаром многие опытные следователи говорили, что *успех обыска определяется не руками, а глазами и головой.*

Наблюдение — это не просто «смотреть», а **замечать, сопоставлять и понимать.** Оно предполагает умение выделять существенные признаки, устанавливать связи между деталями и видеть за внешним — внутреннее.

Именно через наблюдение следователь получает материал для построения поисковых версий, выявления противоречий и психологической оценки поведения участников обыска.

В ходе обыска объектом наблюдения является всё, что может содержать следы человеческих действий. Однако в практическом плане можно выделить три основных **направления наблюдения:**

1. *Наблюдение за обстановкой.* Следователь оценивает общее состояние помещения, расположение предметов, свежесть следов, порядок или его нарушение. Важно не только увидеть, что есть, но и заметить, чего нет — какие предметы отсутствуют, что выглядит «слишком правильно» или, наоборот, неуместно. В этом проявляется профессиональная «зречность» ищущего: способность уловить смысл в незначительных на первый взгляд изменениях среды.
2. *Наблюдение за поведением обыскиваемых.* Это направление не менее важно, чем осмотр предметов. Поведение, мимика, жесты, интонации, паузы, направленность взгляда — всё это *динамические признаки внутреннего состояния человека.* Изменение голоса, попытка отвлечь внимание, напряжение при приближении к определённом месту, неестественная суетливость или, наоборот, демонстративное спокойствие — сигналы, требующие особого внимания. Следователь не должен фиксироваться на них как на «уликах», но обязан учитывать их при построении поисковых версий.
3. *Наблюдение за действиями членов следственной группы.* Профессиональное наблюдение включает и контроль за поведением коллег — оперативных сотрудников, понятых, специалистов. Следователь несёт ответственность за организацию работы и должен видеть, насколько слаженно действует группа, не мешают ли участники друг другу, не создаётся ли хаос. Умение удерживать в поле зрения не только предмет, но и взаимодействие между людьми — важнейший показатель психологической зрелости.

Наблюдение при обыске имеет ряд особенностей, отличающих его от обычного визуального восприятия:

- Оно направлено и мотивировано конкретной целью — поиск доказательств, предметов, следов преступления.
- Оно осуществляется в условиях дефицита времени и повышенного напряжения, когда внимание подвержено утомлению и ошибкам.
- Оно требует постоянного переключения между разными объектами и уровнями анализа — от микродетали до общей картины.

В таких условиях наблюдение становится центральным психологическим процессом, определяющим качество всего действия. Следователь, утративший наблюдательность, фактически теряет инструмент познания.

Профессиональная наблюдательность формируется в ходе опыта и систематических тренировок. Полезными упражнениями являются:

- сравнение реальной обстановки с её описанием в протоколе — выявление несоответствий;
- фиксация малозаметных признаков — изменение запаха, влажности, освещения;
- самопроверка: после обыска следователь мысленно восстанавливает последовательность своих наблюдений, проверяет, не упустил ли чего-то важного.

Такая рефлексия постепенно превращает наблюдение в осознанный инструмент мышления. Следователь не просто видит, но знает, почему он смотрит именно сюда.

Чуть позже, в других главах пособия, будут подробно рассмотрены конкретные приёмы наблюдения, так называемые, операциональные техники поисковой деятельности. Сейчас же важно зафиксировать главное: **наблюдение — это фундамент познавательной деятельности ищущего**, обеспечивающий связь между восприятием, вниманием, мышлением и результатом поиска.

Обыск — это не только физический поиск, но и мысленное расследование в реальном времени. Следователь постоянно сравнивает, предполагает, проверяет, исключает, уточняет. За кажущейся спонтанностью действий стоит целая система логических и интуитивных операций — то, что можно назвать **операциональным мышлением ищущего**, которое является основой поисковой стратегии следователя.

Во время обыска мышление следователя выполняет несколько функций одновременно:

- *аналитическую* — выделяет значимые элементы из множества фактов;
- *синтетическую* — объединяет их в единую картину событий;
- *прогностическую* — строит предположения, где и как может быть спрятано разыскиваемое.

Следователь не просто видит обстановку, он мысленно реконструирует замысел обыскиваемого: как тот действовал, что мог предусмотреть, на что рассчитывал. Это постоянный мысленный диалог с «прячущим», попытка заглянуть в его логику и психологию.

Каждый обыск начинается с **поисковых версий** — гипотетических объяснений того, где может находиться объект поиска и какие пути сокрытия использованы.

Версии бывают:

- *основные* (наиболее вероятные),
- *альтернативные*,
- *контрольные* — проверочные, построенные «на всякий случай», чтобы избежать односторонности.

В ходе обыска версии постоянно уточняются и перестраиваются: наблюдение даёт новые факты, мышление соединяет их, формируя новую гипотезу. Это процесс непрерывной коррекции — своего рода «мысленная обратная связь».

Психологически важно, чтобы следователь сохранял гибкость мышления: не привязывался к первой версии и не воспринимал её как единственно верную. Фиксация на одной версии — типичная ловушка «когнитивного туннеля», когда внимание перестаёт воспринимать факты, противоречащие ожидаемому результату.

Эффективное мышление ищущего опирается на **рефлексивное моделирование** — способность представить себе ход мыслей и действий лица, скрывающего предметы или документы. Следователь мысленно ставит себя на место обыскиваемого: где бы он спрятал, если бы был на его месте? чего бы опасался? на что рассчитывал?

Такой мысленный эксперимент помогает сузить зону поиска, но требует осторожности: если следователь полностью «сливается» со своей моделью, он рискует искать *так, как спрятал бы сам*, а не так, как мог поступить реальный человек.

Поэтому важно сочетать эмпатию (понимание чужой логики) с профессиональной дистанцией (способностью смотреть со стороны).

Во время обыска мышление подвержено типичным **когнитивным искажениям**. К ним относятся:

- *предвзятость подтверждения* — склонность замечать только факты, подтверждающие первоначальную версию;
- *ошибка очевидности* — уверенность, что всё «видно и так»;
- *эффект усталости* — снижение критичности и аналитичности с течением времени.

Психологический приём против этих ловушек — временное «обнуление» позиции. Следователь сознательно задаёт себе вопрос: «Если бы я пришёл сюда впервые, что бы я увидел?» Такое ментальное обновление восприятия позволяет восстановить объективность оценки.

Чтобы стимулировать поиск, опытные следователи используют ряд **эвристических приёмов**, то есть приёмов творческого мышления:

1. *Противоположная гипотеза* — намеренно выдвинуть обратное предположение: «А если предмет не здесь, а в самом видном месте?»
2. *Мысленный обмен ролями* — представить себя на месте обыскиваемого, но потом оценить результат с позиции наблюдателя.
3. *Сравнение с аналогиями* — вспомнить похожие случаи, где предметы скрывались сходным образом.
4. *Психологическое зеркалирование* — наблюдая за поведением человека, мысленно «примерять» его эмоции, чтобы понять, что именно их вызвало.

Эти методы активизируют не только рациональное, но и интуитивное мышление — то, что отличает опытного ищущего от просто внимательного исполнителя.

Таким образом, мышление следователя в ходе обыска — это неразрывный процесс анализа, предвидения и проверки.

Оно объединяет наблюдение, восприятие и внимание в единую познавательную систему, позволяющую видеть не только *что есть*, но и *что должно быть*, если гипотеза верна.

Помимо восприятия, внимания и логического анализа, в поисковой деятельности следователя огромную роль играют **интуиция** и **память** — два познавательных процесса, которые обеспечивают глубину, скорость и точность профессионального мышления.

Эти процессы часто остаются «за кадром», но именно они позволяют опытному специалисту видеть скрытое, чувствовать ложное и угадывать слабое звено в действиях «прячущего».

Интуиция следователя — это не мистическое озарение и не «шестое чувство», а **быстрое, автоматизированное распознавание типичных закономерностей**, основанное на огромном объёме уже прожитого опыта.

Когда следователь «чувствует», что предмет спрятан именно там, где на первый взгляд искать бессмысленно, — это не догадка, а результат работы подсознательных аналитических механизмов.

Интуиция особенно ценна там, где фактов недостаточно, где обстановка искусственно запутана или когда поведение обыскиваемого противоречиво и не даёт опоры для логического анализа. Она становится внутренним ориентиром, который подсказывает, куда направить внимание и где искать ту деталь, что запускает цепочку осмысления.

Однако интуиция требует обязательной проверки. Профессионал не позволяет себе расслабленного доверия внутреннему сигналу: интуитивный импульс — это всегда начало новой версии, но никогда не её доказательство.

Хороший следователь умеет ловить эти внутренние «сдвиги»: короткие мгновения, когда внимание будто бы само разворачивается в сторону. Часто за ними стоит микродеталь — слабый запах, странная пауза в поведении человека, момент несоответствия обстановки — то, что сознание ещё не успело проанализировать.

Настоящая интуиция спокойна. Она не вызывает эмоционального всплеска, не связана с нетерпением или желанием «поскорее найти». Именно по этому спокойствию её можно отличить от обычной импульсивности.

Память — один из ключевых инструментов ищущего. В поисковой деятельности память работает так же непрерывно, как и внимание. Она удерживает детали обыска, фиксирует последовательность действий, помогает восстанавливать хронологию событий и сопоставлять увиденное с тем, что известно из практики.

Память следователя — это огромный архив: визуальные картины типичных помещений, схемы сокрытия предметов, поведение людей в стрессовых ситуациях, запахи, звуки, сочетания обстоятельств. Благодаря этому архиву следователь распознаёт несоответствия почти мгновенно. Иногда он ощущает, что «что-то не так», ещё не понимая, что именно нарушает привычный порядок. Это работает образная память, сопоставляющая текущую картину с сотнями предыдущих.

Как память работает в ходе реального обыска?

1. *Сравнение с аналогами.* Следователь невольно сопоставляет увиденное с прежними случаями: «В одной квартире шкаф стоял так же... и за ним была ниша».
2. *Распознавание несоответствий.* В памяти содержится «эталон нормальной обстановки»: если что-то выбивается — это сразу вызывает внутренний сигнал.
3. *Восстановление хронологии.* Следователь удерживает цепочку своих наблюдений и действий, чтобы не упустить переходов и логических связей.
4. *Переключение между уровнями анализа.* Память позволяет быстро возвращаться к предыдущим точкам осмотра, сравнивать их с новыми данными.
5. *Формирование устойчивых профессиональных рекомендаций.* Практика закрепляется в памяти и превращается в быстрый, почти автоматический навык.

В процессе обыска память и интуиция действуют вместе. Память предоставляет материал для сравнения, интуиция — быстрый способ его обработки. Интуиция ускоряет мышление, память углубляет его.

Одно работает как мгновенное распознавание, другое — как основа профессионального анализа. Вместе они формируют то, что принято называть «чувством следователя» — способность не только видеть факты, но и предугадывать их скрытое значение.

Очень важно заниматься профессиональным развитием этих процессов. Следователи часто ведут короткие рабочие заметки после сложных обысков — фиксацию собственных находок, ошибок, неожиданных приёмов «прячущих». Это не отчётность, а способ помочь памяти структурировать опыт.

Работа с фотоматериалами — ещё один путь. Сравнение реальных и инсценированных обстановок развивает чувствительность к мелким, но важным признакам, которые потом всплывают в поле внимания уже автоматически.

Важно также развивать эмоциональную память: обращать внимание на свои ощущения в момент «нестыковки» — они часто являются первыми сигналами.

§ 3. Эмоционально-волевая сфера ищущего

Обыск всегда связан с эмоциональным напряжением. Даже самый опытный следователь, входя в помещение, испытывает нечто похожее на предэкзаменационное волнение: лёгкое возбуждение, внутреннюю готовность к неизвестности, ожидание результата. Это естественные реакции, сопровождающие любую деятельность, где высокий уровень ответственности сочетается с неопределённостью.

Тревога и раздражение тоже возможны. Они могут возникать из-за замедления поиска, непредвиденных трудностей, конфликтного поведения обыскиваемого или просто из-за длительности работы. Важно понимать: эмоциональные реакции не являются признаком непрофессионализма. Напротив, они

свидетельствуют о том, что следователь включён в процесс, что ситуация ему небезразлична.

Опаснее другое — **эмоциональное заражение**. Поведение обыскиваемого нередко становится источником сильного эмоционального давления: от демонстративного спокойствия до внезапной вспышки агрессии или отчаянных попыток отвлечь внимание. Следователь, попавший в зону чужой эмоциональности, рискует утратить внутреннюю устойчивость и перейти от наблюдения к импульсивным реакциям.

Профессиональная зрелость проявляется в умении сохранить внутреннее равновесие, даже если вокруг возникает хаос. Это не безразличие и не равнодушие, а способность сохранять ясность восприятия, не допуская, чтобы внешняя эмоциональная волна затронула структуру внутреннего контроля. Иногда достаточно небольшой паузы — буквально нескольких вдохов, короткого взгляда в сторону, чтобы восстановить собственный эмоциональный центр и продолжить работу так, будто давление исчезло само собой.

Если эмоции задают фон деятельности, то **воля** определяет её направление. Обыск — это процесс, который редко развивается по прямой линии. Бывают моменты, когда поиск словно «застывает»: версии не подтверждаются, обстановка не даёт зацепок, а усталость постепенно снижает внимание. Именно здесь проявляется то, что можно назвать **поисковой настойчивостью** — способность продолжать работу, даже если первые попытки оказались безрезультатными.

Настойчивость — не упрямство и не механическое повторение одних и тех же действий. Это состояние, близкое к творческому подъёму, когда следователь готов искать новые подходы, менять направление, возвращаться к деталям, которые ранее казались незначительными. Такой подъём, возникающий в напряжённые моменты поиска, отмечают многие практики: словно внутри появляется дополнительный источник энергии, позволяющий работать глубже и точнее.

Физиологическая усталость, конечно, присутствует всегда. Со временем снижается скорость реакции, внимание становится менее гибким, а эмоциональная устойчивость — более хрупкой. В такие моменты следователь может почувствовать, что восприятие словно теряет резкость, детали начинают «скользить» мимо сознания. Задача профессионала — уметь распознавать такие состояния вовремя и не позволять им снижать качество работы.

Опытный следователь умеет не только управлять процессом поиска, но и **саморегулировать собственное состояние**. Саморегуляция — это не набор специальных приёмов, а стиль внутреннего поведения, позволяющий в нужный момент вернуть ясность взгляда и эмоциональное равновесие.

Самый простой, но чрезвычайно эффективный способ — *краткое переключение фокуса*. Иногда достаточно на несколько секунд отойти от обыска, сделать глубокий вдох, посмотреть в окно или просто сменить позу, чтобы психика «перезапустилась» и восстановилась свежесть внимания. Внешне это незаметно, но внутри запускается механизм, возвращающий контроль над ситуацией.

Немаловажную роль играет и *профессиональный юмор* — не насмешка над людьми или обстоятельствами, а лёгкая внутренняя ирония, позволяющая снять напряжение и не дать эмоциям стать чрезмерно тяжёлыми. Юмор помогает переключить эмоциональную волну, сбросить излишнее давление и сделать работу более терпимой даже в самых конфликтных ситуациях.

Ещё один элемент саморегуляции — *личные установки профессионала*. Следователь, уверенный в своих целях, в ценности своей деятельности и в правомерности своих действий, сохраняет внутреннюю устойчивость даже там, где обстановка кажется хаотичной. Такие установки формируются не сразу: их создают опыт, наставники, анализ собственных ошибок. Но именно они становятся тем внутренним стержнем, который позволяет искать спокойно и настойчиво, не поддаваясь ни внешнему давлению, ни внутренней усталости.

§ 4. Межличностное восприятие и поведение ищущего

Обыск — это не только поиск предметов, но и **постоянное взаимодействие людей**, находящихся в эмоционально напряжённой ситуации. Следователь должен одновременно удерживать две линии наблюдения: оценивать обстановку и внимательно наблюдать за теми, кто находится рядом. Именно межличностное восприятие позволяет понять мотивы, состояние и поведение обыскиваемого, а также управлять атмосферой обыска, не допуская эскалации напряжения.

Наблюдение за обыскиваемым — один из тончайших аспектов поисковой деятельности. В поведении человека редко бывает случайное: дрожание рук, избегание взгляда, внезапная суетливость или, наоборот, показное спокойствие — всё это отражает его внутреннее состояние. Иногда реакция видна едва заметно: бровь чуть дрогнула при упоминании определённого места, голос стал тише, когда следователь подошёл к нужной комнате, глаза на мгновение задержались на какой-то детали интерьера.

Следователь должен воспринимать такие признаки без поспешных выводов. Это **сигналы**, но ещё не доказательства.

Важно различать произвольные и непроизвольные реакции. По мысли авторов, много работавших над проблемой психологии следственных действий, непроизвольные реакции возникают автоматически, как выражение внутреннего напряжения или защищённости. Произвольные же — направлены на создание определённого впечатления: попытка выглядеть слишком спокойным, слишком растерянным или слишком возмущённым.

Особое значение имеет то, что можно назвать *словесной разведкой* — умение вести спокойный, нейтральный разговор, который помогает следователю лучше понимать психологическое состояние человека. В таких диалогах важны не сами слова, а то, как человек говорит: интонация, маленькие паузы, изменение тембра, обороты, которые возникают неосознанно. Иногда простая фраза, произнесённая между делом, помогает следователю почувствовать, что за внешним поведением скрывается иное эмоциональное содержание.

Восприятие обыскиваемого — это не поиск лжи или правды. Это понимание динамики состояния человека, его напряжения, попыток скрыть что-то,

желания выиграть время или отвлечь внимание. Опытный следователь видит в этих проявлениях ориентиры для дальнейшего поиска, но всегда сохраняет критическую дистанцию.

Поведение ищущего — один из главных факторов, определяющих психологический климат обыска. Если следователь действует уверенно, спокойно и корректно, то и напряжение в помещении постепенно снижается. Люди начинают вести себя предсказуемее, конфликтность уменьшается, а сам процесс проходит более эффективно. Но если следователь проявляет раздражение, резкость или эмоциональную неустойчивость, это мгновенно отражается на обыскиваемом и других участниках.

Взаимное влияние особенно заметно в том, что можно назвать **зеркальным эффектом**. Обыскиваемые считают эмоциональное состояние следователя не хуже, чем он наблюдает их. Человек в стрессовой ситуации быстро ориентируется на того, кто контролирует процесс. Если он видит, что следователь устал, раздражён или сомневается, это может усилить сопротивление, увеличить напряжение или спровоцировать попытки манипуляции. Спокойная и уверенная манера поведения, напротив, создаёт ощущение порядка, снижает агрессивность и способствует более конструктивному взаимодействию.

Управление взаимодействием включает и контроль за поведением всех участников обыска. Следователь должен чувствовать атмосферу группы: насколько слаженно работает оперативный сотрудник, не создаёт ли тревожности понятый, не усугубляет ли ситуацию чрезмерная активность коллеги. В этой части поиска важна не формальная власть, а эмоциональный авторитет — внутреннее спокойствие, приглушённая настойчивость и способность удерживать ситуацию в логическом русле.

Иногда следователь вынужден приостанавливать действия не из-за юридических обстоятельств, а потому, что обстановка стала слишком напряжённой. Короткая пауза, спокойная фраза, смена темпа разговора — всё это инструменты управления эмоциональным полем обыска. Такие мелкие поведенческие решения способны полностью изменить динамику ситуации и вернуть её к рабочему тону.

Межличностное восприятие и управление взаимодействием — не вспомогательные компоненты обыска, а центральные механизмы профессионального поведения ищущего. Они позволяют сохранить контроль над ситуацией, объективность восприятия и эффективность поиска даже там, где эмоции, напряжение и человеческие реакции переплетаются в едином пространстве.

§ 5. Формирование и развитие профессионально-психологических качеств

Можно досконально знать тактику обыска и все возможные виды тайников, но без соответствующей внутренней подготовки, без выстроенного «психологического иммунитета» следователь рискует оказаться подобным шахматисту, который знает правила, но не видит всей доски. Его главный инструмент — это его собственная психика, и этот инструмент требует такой же тщательной настройки и ухода, как и любой сложный прибор.

Профессиональные качества следователя не появляются одновременно и не формируются автоматически. Её профессиональные качества формируются постепенно, через обучение, опыт и внутреннюю работу над собой. Особенно это касается тех способностей, которые определяют эффективность обыска: наблюдательности, устойчивости внимания, гибкости мышления, интуиции и психологической устойчивости. Развитие этих качеств — длительный процесс, но его можно сделать целенаправленным.

Поиск — особенно такой сложный, как обыск — требует не только знаний и опыта, но и определённого внутреннего состояния. Оно создаётся ещё до начала следственного действия и называется **психологической подготовкой**. Если представить, что тактика обыска — это свод законов и алгоритмов, то психологическая подготовка следователя — это живая, дышащая материя, в которую эти законы воплощаются. Это внутренняя кузница, где куется главный инструмент — умение видеть, думать и действовать в условиях высокого напряжения. Мастерство здесь рождается не из заучивания инструкций, а из целенаправленного формирования особого склада ума и характера.

Она включает определённую внутреннюю настройку. Следователь должен войти в обыск в состоянии рабочей концентрации, не перегруженный лишними мыслями, но и не эмоционально «разогретый». Хорошая подготовка — это умение успокоить внутренний шум, освободить восприятие и настроиться на исследовательский результат.

Такая предварительная работа снимает груз неизвестности, заменяя его структурированным планом, и рождает то самое профессиональное спокойствие, которое позволяет не поддаваться на провокации и сохранять ясность мысли, даже когда вокруг царит хаос. Следователь входит в помещение не как в темный лес, а как на шахматную доску, мысленно расставив фигуры еще до начала партии.

Но даже самый блестящий план бесполезен без острого взгляда, способного подметить ту самую нить, ведущую к разгадке. А потому сердцевиной подготовки становится **тренировка наблюдательности и устойчивости внимания**.

Развитие профессиональной наблюдательности — процесс длительный и во многом творческий. Следователь постепенно привыкает замечать мелочи, которые обычный взгляд пропускает. Наблюдательность — это не врожденная зоркость, а навык, который, подобно мышце, требует постоянных упражнений. Опытные следователи бессознательно тренируют его повсюду: замечая малейшие изменения в обстановке знакомого кабинета, стараясь запомнить и воспроизвести по памяти десятки деталей из незнакомого помещения, просматривая видеозаписи с выключенным звуком, учась читать историю в жестах и мимике.

Для развития устойчивости внимания на помощь приходят свои приемы: метод «включенных пауз», когда короткий перерыв используется не для отдыха, а для смены угла зрения, или техника «мысленного сканирования», когда пространство последовательно «прощупывается» взглядом в поиске конкретных признаков. Это тяжелый, но необходимый труд, превращающий простое зрение в мощный аналитический инструмент.

Однако одного острого зрения мало. Завалы вещей, хитроумные уловки и откровенная ложь требуют умения мыслить нестандартно. Вот почему следующей ступенью мастерства становится **развитие эвристического мышления и профессиональной интуиции**. Обыск — это всегда творческая, а не алгоритмическая задача. Эвристическое мышление — это способность находить обходные пути, когда прямой заходит в тупик. Его развивают, практикуясь в решении сложных головоломок, устраивая «мозговые штурмы наоборот», где рождаются самые безумные версии о возможных тайниках, и тщательно анализируя как успехи, так и провалы, извлекая из них крупницы опыта.

А что же интуиция, тот самый внезапный внутренний голос, который шепчет: «Ищи здесь»? На самом деле, это не мистика, а форма молниеносной работы подсознания, переработавшего тысячи деталей и выдавшего готовый ответ. Это «свернутый» опыт. Чем больше разных людей, ситуаций и тайников прошел следователь, тем богаче его внутренняя база данных и тем точнее его предчувствия. Умение доверять этой тихой внутренней подсказке, не отвергая ее как нечто нерациональное, часто отделяет мастера от ремесленника.

Но при всём этом у следователя есть враг, о котором редко говорят вслух, — усталость. Она приходит незаметно, снижает скорость реакции, делает взгляд менее цепким, а мышление — более прямолинейным. Если усталость накапливается слишком долго, возникает то, что называют **профессиональным выгоранием**. Оно никогда не случается в один момент: оно растёт из длительного напряжения, отсутствия восстановления, из эмоционального переутомления.

Профилактика выгорания начинается с умения почувствовать свою границу. Следователь должен знать, когда его внимание стало притупляться, когда эмоциональная нагрузка стала чрезмерной, когда раздражение стало проявляться чаще обычного. Простые, но регулярные способы восстановления — смена деятельности, лёгкие физические упражнения, краткие перерывы, общение вне служебных рамок — позволяют вернуть внутренний баланс. Но, пожалуй, наиболее важным защитным фактором остаётся смысл работы. Когда человек понимает ценность того, что делает, его внутренняя устойчивость возрастает. Осознание ответственности, уважение к закону, уверенность в правильности своих действий — это не отвлечённые формулы, а реальные психологические опоры, которые помогают сохранять себя в профессии.

Таким образом, формирование профессионально-психологических качеств — это процесс, в котором соединяются опыт, размышление и внутренняя дисциплина. Следователь учится видеть мир яснее, управлять своим вниманием, понимать людей глубже и сохранять равновесие там, где другие теряют самообладание. Именно это превращает его из исполнителя в ищущего — человека, который умеет соединять закон, наблюдательность и психологию в единую систему эффективного поиска.

Личность ищущего — это фундамент, на котором строится вся психология обыска.

От того, как следователь воспринимает пространство, людей и самого себя в этой ситуации, зависит точность его наблюдений, качество мыслительных решений и способность сохранять внутреннюю устойчивость в

напряжённой среде. Профессиональные качества не возникают сами по себе: они формируются через опыт, саморефлексию, развитое внимание, устойчивость эмоций и готовность действовать спокойно там, где эмоциональный фон стремится к хаосу.

Именно сочетание наблюдательности, гибкости мышления, волевой настойчивости и внутреннего равновесия делает следователя настоящим ищущим — человеком, который умеет не только искать, но и находить, сохраняя при этом уважение к закону и человеческому достоинству участников обыска.

Выводы по главе:

1. Личность следователя, проводящего обыск, выступает главным психологическим инструментом поиска.

2. Наблюдательность, внимательность, гибкое мышление, эмоциональная устойчивость и развитая воля определяют качество поисковых действий не меньше, чем тактические знания. Эти качества формируются постепенно — через опыт, саморегуляцию, рефлексию и профессиональную подготовку.

3. Эффективный ищущий — это специалист, способный сохранять внутреннее равновесие, управлять взаимодействием с людьми и использовать познавательные процессы так, чтобы они работали на достижение цели обыска, а не мешали ей.

Контрольные вопросы:

1. В чём заключается сущность понятия «психология ищущего» и почему оно важно для понимания обыска?
2. Какие познавательные процессы играют ключевую роль в поисковой деятельности следователя?
3. Как наблюдение за обстановкой и поведением людей влияет на построение поисковых версий?
4. Какие эмоциональные состояния наиболее характерны для следователя в процессе обыска и как они воздействуют на эффективность действий?
5. Как проявляется волевая настойчивость в поиске и какие факторы могут её ослаблять?
6. Какие элементы саморегуляции помогают следователю сохранять внутреннее равновесие?
7. Каким образом формируются интуиция и эвристическое мышление в профессиональной деятельности?
8. Что является основой профилактики профессионального выгорания следователя?

Практическое задание

Ситуационное упражнение.

Представьте, что вы готовитесь к проведению обыска по делу о незаконном хранении документов, содержащих коммерческую тайну.

1. Опишите, какие профессионально-психологические качества вы считаете для себя наиболее важными в данной ситуации.
2. Обоснуйте, почему именно они будут определять ваше состояние и эффективность на месте обыска.
3. Проанализируйте возможные эмоциональные трудности, которые могут возникнуть во время обыска (напряжение, конфронтация, усталость).
4. Укажите, какие методы саморегуляции вы бы использовали.
5. Предложите свою систему наблюдения за обыскиваемым и обстановкой, которая позволит вам своевременно замечать изменения, противоречия и поведенческие сигналы.
6. Сформулируйте две поисковые версии о возможных местах сокрытия документов и опишите, какие признаки могут подтвердить или опровергнуть каждую из них.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЯ ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ ОБЫСКА

Если бы обыск был театральным действием, то следователь неизменно играл бы в нём главную роль. Но любой режиссёр знает: даже выдающийся артист не вытянет спектакль, если партнёры не чувствуют ритма сцены.

Так и в обыске — всё решает ансамбль. Здесь есть свои актёры второго плана, от которых зависит не меньше, чем от «первой скрипки». Одни — энергичные оперативники, привыкшие действовать быстро и напористо, другие — вдумчивые криминалисты, способные заметить едва уловимый след на гвоздике или пылинке. Иногда рядом работает психолог — внимательный наблюдатель, фиксирующий, как дрогнула рука, изменился голос или взгляд хозяина дома. И, наконец, понятые — случайные свидетели, которых судьба на час-другой втягивает в суровую драму следственного действия.

Каждый из них приходит со своей задачей, характером и внутренним настроем. Кто-то стремится доказать профессиональную состоятельность, кто-то просто выполняет приказ, а кто-то, как ни странно, испытывает лёгкое волнение — ведь обыск почти всегда сопровождается эмоциональной «бурей», где трудно остаться равнодушным. Даже молчание здесь многозначительно: кто-то хранит его из осторожности, кто-то — из внутреннего протеста, а кто-то просто боится сказать лишнее слово.

Психологическая атмосфера обыска складывается из множества таких нюансов — жестов, взглядов, интонаций, микрореакций. Один лишний шаг, неосторожная фраза, не вовремя сказанное слово — и напряжение в комнате возрастает, как перед грозой. Поэтому умение следователя понимать и управлять поведением других участников — не роскошь, а профессиональная необходимость. Без этого обыск может превратиться в хаотичную суету, где каждый тянет одеяло в свою сторону, а искомое так и остаётся спрятанным под самым носом.

§ 1. Оперативники: психология «охотников» и тактиков

В системе участников обыска оперативные работники занимают ключевую позицию, являясь его «исполнительным механизмом». Если следователь — стратег, мыслящий общим замыслом, то оперативник — тактик, который действует здесь и сейчас, реагируя на каждое движение, взгляд, дрожание руки. В их поведении чувствуется особая профессиональная настройка — не просто искать, а *находить*. Их психологию можно охарактеризовать как синтез целеустремленности, развитой интуиции и специфических групповых динамик. Понимание внутренних установок, мотивов и методов работы оперативников является для следователя залогом эффективного управления процессом.

Действия оперативников определяются четкой **ролевой установкой на достижение результата**, каковым является поиск и изъятие искомых предметов, документов или ценностей. Эта установка формирует особый тип мышления, который в профессиональной среде метко называют «**обонянием на улику**». Оно проявляется в гипертрофированной наблюдательности и внимании к деталям, которые противоречат обычной жизненной логике:

неестественное положение предметов, свежие следы ремонта, несоответствие уровня пыли, малейшие изменения в поведении обыскиваемого. Оперативник мысленно постоянно задает вопрос: «Почему здесь это именно так, а не иначе?».

Их мотивация, как и эмоции, неоднородна. В ней сплетаются профессиональный долг, азарт сыщика, внутренний вызов — доказать, что «нос не подвёл», и иногда — тихое давление руководства: *результат должен быть*. Поэтому психологический фон у оперативников всегда напряжён: в них борются желание проявить себя и страх ошибиться, импульсивность и дисциплина.

В работе они нередко прибегают к психологическим приёмам. Tактический арсенал оперативника должен базироваться на глубоком понимании человеческой психологии и группового взаимодействия.

- **Тактика «наблюдателя».** Один из сотрудников может создавать иллюзию пассивности, находясь в стороне от активного поиска. Его задача — тотальный контроль за обстановкой: фиксация микровыражений, жестов и перемещений обыскиваемого, наблюдение за реакцией членов его семьи. Эта позиция позволяет видеть картину целостно, улавливая неочевидные связи и сигналы тревоги.
- **Использование элемента внезапности и давления.** Для дестабилизации психологического состояния обыскиваемого может применяться резкая смена темпа и направлений поиска. Спокойный и методичный осмотр может мгновенно перейти в энергичный и хаотичный (но контролируемый). Создается впечатление, что оперативники действуют по заранее известному им плану, что усиливает нервозность и может спровоцировать человека на выдающую реакцию или ошибку.
- **Вербальное и невербальное воздействие.** В общении должны доминировать уверенные, часто немногосложные реплики, может использоваться профессиональный жаргон, подчеркивающий компетентность и принадлежность к силовой структуре. Невербалика служит инструментом демонстрации контроля: прямой «пронизывающий» взгляд, открытая или, наоборот, доминирующая поза, уверенные движения. Все это формирует психологический прессинг и подчеркивает доминирующую позицию группы.

Успешная группа работает как слаженный механизм с распределением ролей. Внутри группы их взаимодействие должно быть отточено до мгновенных сигналов — кивков, взглядов, движений руки. Один ведёт поиск, другой блокирует, третий наблюдает за поведением обыскиваемого. Всё это — тонкая невербальная партитура, в которой каждый знает, когда вступить, а когда — замолчать.

Но у такой концентрации есть и обратная сторона. Постоянное пребывание в состоянии конфликта и целевой ориентации порождает ряд профессиональных рисков. Целевая установка, доведённая до автоматизма, может превращаться в «зашоренность»: видят только то, что подтверждает их версию. Появляется профессиональный цинизм — привычка подозревать всех и всё, вырабатывать эмоциональную броню. Иногда — усталость, выгорание, когда обыск превращается в механическую процедуру, где важен отчёт, а не

результат. И, наконец, «перегибы» — склонность к давлению, когда внутренняя установка на успех любой ценой заставляет забывать о границах допустимого.

Руководя обыском, следователь должен не только использовать потенциал оперативной группы, но и управлять им, минимизируя риски. Роль следователя здесь — удержать баланс. Он должен быть лидером, который направляет действия оперативников, но не теряет контроля над процессом.

Рекомендации следователю по управлению действиями оперативников:

- *Четкая постановка задачи и границ допустимых методов.* Перед началом действий необходимо донести до группы не только цели обыска, но и строгие правовые и этические рамки. Следователь должен четко обозначить, что является недопустимым, предотвращая тем самым возможные «перегибы».
- *Поддержание роли лидера.* Следователь – процессуальный руководитель. Он должен управлять процессом, а не идти на поводу у более опытных или амбициозных оперативников. Его авторитет и контроль – главный гарант законности и целесообразности действий.
- *Умение прислушиваться к интуиции и предложениям опытных оперативников, сохраняя за собой окончательное решение.* Здравый смысл и оперативный опыт сотрудников – ценный ресурс. Следователь должен быть открыт к их тактическим предложениям, гипотезам и интуитивным догадкам. Однако финальное решение о любом процессуальном действии должно оставаться за ним, обеспечивая баланс между оперативной гибкостью и процессуальной чистотой.

§ 2. Криминалисты: психология «исследователей-экспертов»

Если оперативники — это «острие копья» обыска, действующее напором и интуицией, то криминалисты представляют собой его «аналитический центр». Их работа основана на строго научном, методичном подходе, а их психология — это психология исследователя-эксперта, для которого процесс поиска является решением сложной прикладной задачи.

Ключевой ролевой установкой криминалиста является научный, методичный поиск и безупречная фиксация. В отличие от оперативника, он в меньшей степени ориентирован на сиюминутный результат как демонстрацию успеха; для него важнее процесс — корректное применение специальных знаний и технологий для достижения объективного результата.

Мотивация криминалиста редко бывает эмоциональной — она почти всегда **познавательная**. Это профессиональное любопытство, доведённое до формы ремесла. Им движет интерес к технической задаче, стремление к чистоте доказательства, удовольствие от того, что их знания работают. В этом есть оттенок гордости: «Мы видим то, что другие не замечают».

Психология криминалиста напрямую влияет на его поисковую деятельность, формируя особый стиль мышления.

У криминалиста проявляется особый «технологический» подход к обыску. Он мыслит категориями конструкций, материалов и физических свойств. Он анализирует помещение не как жилое пространство, а как систему

объектов, подчиняющихся законам физики и механики. Его вопросы: «Как крепится эта панель?», «Из чего сделан этот подоконник?», «Где находятся полости стандартной конструкции этого сейфа?». Этот подход позволяет системно и экономно обследовать объект.

Психологическая сложность их труда — в постоянной борьбе с «**обманом зрения**». Обычный человек смотрит на комнату и видит «комнату», а криминалист должен видеть конструкцию, материю, взаимодействие. Он мысленно «разбирает» пространство на слои, проверяя, где нарушена симметрия, где логика быта подменена логикой сокрытия. Эта особая установка — видеть предмет не как элемент интерьера, а как возможный тайник — требует постоянного напряжения внимания и воображения.

Психологическое сопротивление «обману зрения» выступает ключевым навыком, который отличает криминалиста. Обычный человек видит интерьер как целостную картину, где предметы выполняют утилитарную или эстетическую функцию. Криминалист же должен совершить сознательное усилие, чтобы **деконструировать** эту картину и увидеть каждый предмет как потенциальную маскировку, оболочку или сам тайник. Книга для него — не источник знания, а возможный контейнер; плинтус — не элемент отделки, а потенциальная крышка полости; розетка — не источник тока, а возможное хранилище.

В основе поисковой деятельности криминалиста должен лежать активный поиск **аномалий** — несоответствий обычному состоянию или стандартной конструкции. В поле его зрения попадают:

- *Визуальные несоответствия*: свежая покраска на старом слое, новая замазка в оконной раме, участки стены с иной фактурой штукатурки.
- *Тактильные и пространственные аномалии*: нестыковки в размерах (например, разница в длине шкафа с внешней и внутренней стороны), «звучание» перегородки при простукивании, наличие необоснованных пустот.
- *Следы эксплуатации*: потертости в неожиданных местах, специфическое распределение пыли, указывающее на частое перемещение предмета.

Эффективность работы криминалиста на месте обыска напрямую зависит от качества его взаимодействия со следователем. Это взаимодействие строится на принципе **комплементарности (взаимодополняемости)**.

Следователь, владея общей картиной дела и версиями, ставит задачу: «*что искать*» (например, ювелирные изделия, флеш-накопители, документы определенного формата). Криминалист, основываясь на свойствах этих объектов, предлагает и реализует оптимальные методы: «*как искать*» (использование металлодетектора, ультрафиолетового осветителя, проверка на магнитность, поиск полостей).

Здесь важна четкая коммуникация и взаимное уважение. Следователь должен ясно сформулировать свои ожидания, а криминалист — доступно разъяснить возможности и ограничения своих методов. Взаимное уважение сфер компетенции исключает конфликты: следователь не должен диктовать криминалисту технические приемы, а криминалист — выдвигать непрофессиональные процессуальные или тактические предложения.

Криминалист во время обыска выступает как источник «нейтральной», технически подкрепленной информации, которая в психологической напряженности обыска часто выступает «островком объективности». Его заключения, протоколы и объяснения основаны не на интуиции или давлении, а на демонстрируемых научных методах. Эта «технологическая» беспристрастность делает его доказательства исключительно весомыми и устойчивыми к критике в суде, а его роль — незаменимой в установлении объективной истины по делу.

§ 3. Специалист-психолог: психология «наблюдателя-диагноста»

Присутствие психолога на обыске — явление нечастое, но когда оно всё-таки происходит, атмосфера заметно меняется. Он не ищет тайники и не измеряет углы отклонений на стене, зато замечает другое — как изменилось выражение лица обыскиваемого, когда следователь назвал конкретную комнату; как ребёнок вдруг замолк, хотя минуту назад болтал без умолку; как рука женщины машинально прикрыла ящик комода.

Участие психолога в обыске знаменует переход от силового и технического подходов к тонкому, наукоемкому методу работы с человеческой психикой. Психолог выступает в роли «живого детектора», чья задача — считывать и интерпретировать невербальные сигналы, невидимые для других участников. Его работа превращает обыск из просто поиска улик в комплексное психологическое расследование.

Привлечение психолога не является рутинной практикой и обусловлено специфическими задачами. Его присутствие становится целесообразным в следующих ситуациях:

- Когда обыскиваемый или члены его семьи отличаются повышенной эмоциональной лабильностью, истеричностью или, наоборот, глубокой подавленностью, что может привести к непредсказуемым последствиям.
- Когда есть основания полагать, что обыскиваемый является опытным противником, способным искусно контролировать свои вербальные реакции, но не всегда способным подавить вегетативные проявления.
- Когда объект обыска заведомо сложен для обнаружения (например, микроносители информации), и «выведение» обыскиваемого из равновесия может стать ключом к успеху.
- Когда в помещении присутствуют несовершеннолетние дети, пожилые или больные люди, чье психологическое состояние требует профессионального мониторинга и защиты.

Главная цель привлечения психолога — помочь следователю **понять человека**, а не просто реагировать на его поведение. Он оценивает эмоциональное состояние обыскиваемого и его семьи, фиксирует микрореакции в критические моменты — например, когда обыск перемещается в комнату, где действительно что-то спрятано. Его взгляд направлен туда, где напряжение достигает пика. Иногда он советует следователю снизить давление, если видит, что человек на грани истерики — особенно когда в доме пожилые или дети. В этом

смысле психолог отвечает не только за эффективность, но и за **психологическую безопасность** всего происходящего.

Основной инструмент его работы — наблюдение. Но это не простое «смотрение», а тщательная регистрация мелочей: изменение цвета лица, частоты дыхания, потливость ладоней, тремор, движение глаз, паузы в речи, даже то, как человек переступает с ноги на ногу. Для опытного психолога каждое такое проявление — строка в невидимом протоколе.

Мысленно или в рабочих записях психолог фиксирует, в каких именно точках квартиры или дома реакции обыскиваемого были наиболее яркими. Постепенно он составляет своего рода **«карту эмоционального напряжения»** помещения: где человек невольно напрягается, где отводит взгляд, где становится разговорчивым. Эти зоны нередко совпадают с местами, где потом действительно что-то находят. Наложение этой «карты» на план помещения позволяет сузить зону поиска и выявить наиболее перспективные направления, по сути, используя подсознание самого обыскиваемого как ориентир.

Иногда психолог помогает и вербально — по просьбе следователя он может задать уточняющий или, наоборот, отвлекающий вопрос, чтобы проверить реакцию. При этом он не вступает в прямой допрос и не использует манипулятивных техник — его роль остаётся консультативной. В отличие от оперативников, он не действует, а **влияет присутствием**: его спокойствие и наблюдательность создают баланс в эмоционально перегретой обстановке.

Психолог на обыске — это своего рода барометр. Он не меняет погоду, но точно показывает, когда давление начинает зашкаливать. И если следователь умеет правильно читать эти показания, обыск проходит не только результативно, но и профессионально корректно — без излишнего давления, без человеческих потерь, с уважением к психике всех участников.

Деятельность психолога на обыске протекает в исключительно деликатной сфере, где профессиональное любопытство и стремление помочь следствию сталкиваются с непреложными **этическими принципами** и правами личности. Четкое осознание и соблюдение этих границ является не просто формальностью, а залогом профессиональной состоятельности и юридической чистоты полученных результатов.

Первое правило — *никаких обследований без согласия*. Психолог на обыске действует в рамках УПК как специалист, а не как эксперт, проводящий судебно-психологическую экспертизу. Это означает категорический запрет на применение любых стандартизированных диагностических методик, тестов, опросников без добровольного и информированного согласия человека. Его инструмент — наблюдение за естественным поведением, а не активное диагностическое вмешательство. Любая попытка провести «экспресс-тестирование» на месте будет считаться неправомерной.

Второе — *запрет на давление и манипуляции*. Даже мягкие психологические приёмы — внушение, провокация, скрытое влияние — здесь недопустимы. Цель специалиста не в том, чтобы «сломать» или «раскрыть» человека, а в том, чтобы помочь следователю действовать корректно, не переходя этические рубежи. Психолог должен быть тем, кто **сдерживает** чрезмерное напряжение, а не усиливает его.

Третье — *конфиденциальность*. Во время обыска нередко становятся известны личные подробности: болезни, семейные конфликты, детали, не имеющие отношения к делу. Всё это должно остаться за пределами протокола и, тем более, профессиональных пересудов. Психолог обязан хранить эту информацию так же тщательно, как врач — медицинскую тайну.

И наконец, главное — *не терять профессиональную идентичность*. Психолог не оперативник и не следователь. Он не принимает решений, не командует и не проводит следственных и оперативно-розыскных действий. Его оружие — наблюдение, а не давление; его цель — понимание, а не результативность ради отчёта.

Можно сказать, что психолог на обыске — это человек, который остаётся **человеком**, когда остальные вынуждены действовать по протоколу. Именно поэтому от его внутренней этической устойчивости часто зависит, сохранит ли следственное действие не только законность, но и человеческое лицо.

§ 4. Понятые: психология «нейтральных свидетелей»

Из всех участников обыска именно понятые чаще всего оказываются в самой неловкой позиции. Они пришли не по своей инициативе, не знают всех тонкостей происходящего, но должны «свидетельствовать о законности». На бумаге их роль выглядит просто: наблюдать и подтверждать. На деле — всё гораздо сложнее, ведь наблюдать можно по-разному.

Мотивация понятого бывает разной. Один соглашается из чувства гражданского долга — мол, надо помочь следствию. Другой — из простого любопытства: «Интересно, как это всё происходит вживую». Третий — случайно оказался под рукой, а четвёртый пришёл «по указанию начальства» — когда сотрудников организации, где проводится обыск, привлеченные по указанию руководства. Их нейтральность часто сомнительна из-за зависимости от работодателя. Самый проблемный вариант — понятой с личной заинтересованностью: знакомый обыскиваемого, сосед, дальний родственник. Такой свидетель уже не нейтрален, как бы ни пытался выглядеть равнодушным.

Социальный статус, возраст и образование тоже влияют на поведение. Молодые чаще нервничают, пожилые склонны к морализаторству, а образованные задают вопросы, которые не всегда хочется слышать. Всё это создаёт для следователя отдельный пласт психологической работы.

Во время обыска можно столкнуться с различными типами понятых.

Самый распространённый — «*пассивный наблюдатель*». Он старается быть незаметным, минимизировать свое участие, формально исполняет обязанности. Его главная цель — поскорее уйти. Такой понятой представляет риск, так как впоследствии не сможет детально подтвердить ход действий.

Есть и противоположный тип — «*активный гражданин*». Воспринимает свою роль чрезвычайно серьезно. Стремится все тщательно осмотреть, постоянно задает вопросы следователю («А что это вы изымаете? А почему это не описываете?»), требует разъяснений. Может создавать помехи, но является идеальным гарантом процессуальной чистоты.

Третий тип — «*сочувствующий*». Открыто или невербально (вздохи, покачивание головой, сочувствующие взгляды) демонстрирует поддержку обыскиваемому и его семье. Его присутствие может морально поддерживать обыскиваемого и оказывать психологическое давление на сотрудников.

И, наконец, «*надзиратель*» — человек с подчеркнутой строгостью. Ведет себя подчеркнуто официально, контролирует не только процесс, но и действия оперативников, следит, чтобы те не выходили за рамки данных им полномочий. Может быть порожден как мотивацией «активного гражданина», так и недоверием к правоохранительным органам.

Проблема еще в том, что **нейтральность понятого часто мнимая**. Люди не могут быть абсолютно беспристрастными: на них воздействует ситуация, эмоциональный фон, поведение «авторитетных фигур». Следователь и оперативники по самому статусу вызывают у большинства ощущение силы, и понятые склонны им подражать. Психологи называют это эффектом социального влияния: человек пассивно соглашается с тем, кто уверен. Но бывает и наоборот — когда обыскиваемый, особенно если он харизматичен или жалобен, оказывает на понятых сильное эмоциональное давление. Тогда нейтральность сменяется внутренним сочувствием и скрытым сопротивлением.

Есть и чисто физиологический фактор — усталость внимания. Долгий, монотонный обыск утомляет, и даже самый добросовестный понятой начинает «выключаться»: взгляд блуждает, реакция притупляется, всё кажется одинаковым. В этот момент «нейтральность» превращается в простую невнимательность.

Поэтому **следователь должен уметь работать с понятыми** так же, как с любыми другими участниками процесса. Грамотное управление поведением понятых — важная задача следователя.

Тактика работы следователя с понятыми

- **Тщательный отбор.** По возможности следует избегать привлечения административно зависимых лиц (сотрудников организации) и лично заинтересованных. Предпочтение следует отдавать психически устойчивым, социально активным гражданам, способным проявить самостоятельность суждений.
- **Четкий и понятный инструктаж.** Недостаточно просто зачитать права и обязанности. Необходимо разъяснить им их реальную роль в обеспечении законности: «Ваша задача — внимательно следить за всем, что происходит, и удостоверить это своими подписями. Вы — главные свидетели того, что все было честно. Если вам что-то непонятно или кажется неправильным, вы обязаны задать вопрос».
- **Активное вовлечение в процесс.** Чтобы предотвратить пассивность, понятым нужно давать простые и конкретные поручения: «Пожалуйста, проследите, чтобы дверь в эту комнату была закрыта»; «Удостоверьте, пожалуйста, что я извлекаю этот пакет из-под этой панели»; «Прошу вас лично осмотреть этот документ и заверить его изъятие». Это поддерживает их внимание и чувство ответственности.

- **Контроль за их состоянием и позицией.** Следователь должен мягко, но твердо управлять групповой динамикой:
 - *Пресечение давления:* Тактично, но однозначно пресекать любые попытки обыскиваемого или его адвоката оказывать давление на понятых.
 - *Нейтрализация ролей:* С «сочувствующим» – деликатно переключить его внимание на формальные аспекты, лишив эмоциональной подпитки. С излишне «активным» или «надзирателем» – вовлечь в диалог, дать возможность высказаться, а затем тактично напомнить о рамках их роли, направив их энергию в конструктивное русло (например, предложив тщательнее осмотреть конкретный изымаемый предмет).

Можно сказать, что понятые — это своего рода лакмусовая бумажка атмосферы обыска. Если они спокойны и внимательны — значит, всё идёт по правилам. Если же они напряжены, растеряны или раздражены — значит, эмоциональное давление в помещении уже превышает норму.

Обыск — это не только процесс поиска, но и своеобразный психологический эксперимент, в котором каждый участник невольно проявляет себя. Оперативники действуют по интуиции, криминалисты — по логике, психолог — по чувствам, а понятые — по человеческому. От того, как эти разные способы восприятия соединяются в одном действии, зависит и его результат, и атмосфера, в которой он проходит.

Понимание психологии других участников — это не любопытство, а профессиональное средство. Ведь чем лучше следователь чувствует их внутренние ритмы, тем увереннее он управляет внешним процессом. В конечном счёте, обыск — это не только поиск вещей, но и поиск равновесия между законом, эмоциями и человеческой природой.

Выводы по главе:

1. Эффективность обыска во многом зависит от того, насколько согласованно действуют все его участники — от оперативников до понятых.
2. Каждый из них обладает своей профессиональной ролью, мотивацией и внутренней логикой поведения, которые необходимо учитывать при планировании и проведении следственного действия.
3. Оперативники обеспечивают динамику и безопасность, криминалисты — научную точность и объективность, психолог — эмоциональную стабильность, понятые — законность и общественный контроль.
4. Психологическая несогласованность участников или нарушение профессиональных границ может привести к конфликтам, ошибкам и искажению восприятия происходящего.
5. Умение следвателя понимать психологию других участников — важнейшее условие для поддержания рабочего климата, законности и эффективности обыска.

Контрольные вопросы:

1. В чём заключаются основные различия в психологической установке оперативников и криминалистов во время обыска?
2. Какие функции выполняет специалист-психолог при участии в обыске и каковы границы его профессиональных полномочий?
3. Какие типы поведения понятых чаще всего встречаются на практике и как они влияют на атмосферу следственного действия?
4. Почему нейтральность понятого является относительной и какие факторы на неё влияют?
5. Как следователь может управлять взаимодействием между участниками обыска, сохраняя при этом этические и правовые рамки?

Практическое задание:

Ситуационное упражнение.

Представьте, что вы участвуете в проведении обыска в квартире, где, по оперативным данным, могут находиться похищенные документы.

В состав группы входят: следователь, два оперативных сотрудника, криминалист, психолог и два понятого.

1. Опишите, как вы будете распределять роли и зоны ответственности между участниками, чтобы минимизировать психологические конфликты.
2. Предположите, какие эмоциональные реакции могут возникнуть у обыскиваемого и членов его семьи при появлении психолога и оперативников.
3. Укажите, какие действия следователя помогут сохранить рабочую атмосферу и не допустить давления на понятых.
4. Сделайте краткий вывод: какие качества следователя особенно важны для эффективного управления психологией группы при обыске.

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГИЯ ПРЯЧУЩЕГО (ОБЫСКИВАЕМОГО)

Ситуация обыска представляет собой особую форму психологического противоборства. В ней сталкиваются две воли, два противоположных мотива: стремление **раскрыть** и стремление **сокрыть**. Если для следователя это процесс познавательный, направленный на установление истины, то для обыскиваемого — защитный, мобилирующий все внутренние ресурсы психики на сохранение тайны.

Психологическая установка обыскиваемого формируется под влиянием мощной защитной доминанты, описанной в трудах А. А. Ухтомского и развитой в работах М. И. Еникеева, В.Е. Коноваловой, А. Р. Ратинова, Ф. В. Глазырина². Эта доминанта — устойчивое эмоционально-мотивационное состояние, при котором вся деятельность человека подчиняется единственной цели: избежать разоблачения, предотвратить обнаружение спрятанного, сохранить контроль над ситуацией.

Для обыскиваемого характерно резкое сужение поля внимания, искажение восприятия времени и пространства, повышение уровня тревожности и настороженности. Его поведение часто становится двойственным: внешне спокойное и упорядоченное, внутренне — напряжённое и хаотичное. Он стремится сохранить видимость контроля, но именно чрезмерные усилия самоконтроля нередко становятся источником неосознанных поведенческих ошибок — тех самых микросигналов, по которым опытный следователь может распознать ложь и тревогу.

Успех обыска невозможен без глубокого понимания психологии того, кто противостоит следователю, — прячущего. Обыскиваемый не является пассивным объектом; это активный субъект, чьи действия подчинены определенной логике, мотивам и стратегии. Его поведение — это сложный комплекс осознанных решений и неконтролируемых психофизиологических реакций.

Таким образом, анализ поведения обыскиваемого требует не столько криминалистического, сколько психологического взгляда. Он позволяет рассмотреть не факты, а **механизмы** — те внутренние закономерности, по которым человек выстраивает защиту, выбирает место тайника, моделирует собственное поведение и, несмотря на все усилия, непроизвольно выдаёт скрываемое.

§ 1. Защитная доминанта как психологический феномен

Защитная доминанта — это сформированная и господствующая в психике обыскиваемого (или, шире, правонарушителя) рефлексорная система, направленная на сохранение тайны и избегание изобличения. Она определяет

² Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. — СПб., 2002.; Еникеев М.И. Юридическая психология. — СПб., 2004.; Глазырин Ф. В. Психология следственных действий. — Волгоград, 1983.; Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. — Харьков, 1978.; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. — М., 2002.

всё его поведение, подчиняя мысли, эмоции и действия одной цели — скрыть причастность к совершенному, сохранить иллюзию контроля и избежать наказания.

По своей природе защитная (или оборонительная) доминанта является ведущим психическим феноменом, определяющим логику и динамику обыска. Её изучение имеет первостепенное значение для разработки тактики следственных действий. Она становится своеобразным «центром притяжения» всей психической активности обыскиваемого — от этапа подготовки к возможному обыску до его непосредственного проведения.

По сути, защитная доминанта представляет собой комплексную систему противодействия, проявляющуюся в двух основных фазах.

Первая фаза — **подготовительная**. Ещё до начала обыска защитная доминанта определяет логику и тактику сокрытия. Она диктует выбор места для тайника, который обыскиваемый считает оптимальным с точки зрения надёжности, доступности и минимального риска разоблачения. Всё его поведение в этот период подчинено этой доминирующей цели: продумывание вариантов, маскировка, «репетиции» возможных действий, построение ментальных сценариев будущего обыска.

Вторая фаза — **активного сопротивления**. С началом обыска защитная доминанта начинает управлять поведением обыскиваемого в режиме реального времени. Здесь можно выделить три характерные **стратегии**:

1. *Активное противодействие*. Проявляется в демонстративной грубости, агрессии, угрозах жалобами, попытках дискредитировать действия следователя или оперативников. Часто сопровождается спорами «о законности» и намеренным созданием помех.
2. *Пассивное сопротивление*. Выражается в подчеркнутом игнорировании вопросов, демонстративной медлительности, имитации непонимания, ссылок на плохое самочувствие, головную боль, слабость.
3. *Маскировка и имитация*. Наиболее изощрённая форма. Обыскиваемый старается казаться спокойным, дружелюбным, даже излишне общительным. Он демонстрирует «открытость» и готовность к сотрудничеству, пытаясь усыпить внимание следователя.

На внутреннем уровне защитная доминанта проявляется в **сужении сознания** — все мысли крутятся вокруг спрятанного предмета и возможных последствий обнаружения. Возникает феномен так называемой «мысленной жвачки» — навязчивого внутреннего диалога, сопровождающегося повышенной тревогой и вегетативными реакциями: дрожью, потливостью, покраснением или побледнением, изменением тембра голоса. Эти произвольные проявления становятся своеобразными «утечками психической энергии», по которым можно судить о степени внутреннего напряжения.

Есть ряд **факторов, влияющие на силу защитной доминанты**. Она не является постоянной — поддаётся колебаниям под влиянием внешней обстановки и действий следственной группы.

Факторы, усиливающие доминанту:

- грубые, непрофессиональные действия оперативников, подтверждающие для обыскиваемого реальность угрозы;

- неожиданная эффективность поиска (приближение к тайнику, внезапное обнаружение скрытого предмета);
- индивидуальные особенности личности — повышенная тревожность, ригидность мышления, склонность к подозрительности.

Факторы, ослабляющие доминанту:

- профессиональная, спокойная и предсказуемая атмосфера обыска;
- отсутствие значимых находок в течение продолжительного времени (формирует у обыскиваемого ложное чувство безопасности);
- тактическое мастерство следователя — использование контролируемого давления, пауз, смены темпа, отвлечения внимания, создания «ложного поля активности».

Практические рекомендации по работе с доминантой заключаются в умении управлять этим напряжением. Каждое движение, слово или интонация обыскиваемого во время обыска — не случайны. Это закономерные проявления его оборонительной системы. Понимание логики этих реакций позволяет следователю управлять ситуацией, не ломая сопротивление, а направляя его.

Эффективной является *тактика «контролируемого давления»*: интенсивные этапы поиска чередуются с краткими периодами тишины, что мешает обыскиваемому адаптироваться и снижает его внутреннюю организованность.

Полезно использовать *элементы вербализации* («Я вижу, вы волнуетесь»), которые помогают снизить уровень скрытого напряжения.

При агрессии уместна *холодная, подчеркнута корректная вежливость*; при пассивности — настойчивое вовлечение в формальные действия (подписание протокола, фиксация изъятого).

Таким образом, защитная доминанта — это не только барьер, но и источник информации. Задача следователя — не подавить её грубо, а научиться считывать её сигналы и использовать их в интересах следствия. Правильно интерпретированные проявления оборонительного поведения превращают сопротивление обыскиваемого в инструмент его же изобличения.

§ 2. Мотивы сокрытия

В основе любого сокрытия лежит **система мотивов**, определяющая уровень активности, изобретательности и упорства прячущего. Мотивы редко существуют изолированно: чаще они образуют иерархию с доминирующим мотивом и вспомогательными, которые «подпитывают» защитную доминанту и задают ей конкретные формы поведения. В стрессовой ситуации обыска эта иерархия подвижна: на разных этапах могут «вспыхивать» разные мотивы, меняя тактические реакции обыскиваемого.

Мотив избегания наказания — базовый и наиболее распространённый. По сути, это переживание угрозы с характерным сужением внимания, повышением настороженности и попыткой контролировать поведение следственной группы. Чем сильнее человек ожидает юридические последствия (лишение свободы, судимость), тем выше его готовность к риску ради сохранения тайны и тем интенсивнее «оборонительная» речь и поведение. Типичные поведенческие признаки: навязчивое отслеживание траектории поиска, болезненная

реакция на упоминание конкретных предметов/локаций, всплески агрессии при приближении к «опасной зоне». Тактически это мотив, при котором эффективны приёмы **контролируемого давления** и смены темпа: они нарушают сценарии, заранее проигранные в голове прячущего.

Мотив сохранения репутации и статуса особенно выражен у публичных фигур, руководителей, лиц с высоким социальным капиталом. Для них угроза «социального разоблачения» (позор, утрата доверия) нередко субъективно тяжелее, чем сама перспектива наказания. Поведенчески это даёт «гладкую» маску: подчеркнутое достоинство, вежливость, попытку перевести коммуникацию в официальный протокольный регистр, стремление контролировать аудиторию (кто присутствует, что будет зафиксировано). Ошибки маскировки здесь чаще косметические: идеальная внешняя «картинка» при неестественности деталей (новая отделка в старом интерьере, «вылизанные» участки хранения). Тактически полезны уважительный тон и чёткая юридическая рамка: снижение угрозы «потери лица» ослабляет оборону и уменьшает вероятность конфликтов.

Корыстный мотив направлен на сохранение незаконно приобретённых благ (деньги, ценности, документы на имущество). Он родственен избеганию наказания, но имеет самостоятельный «экономический» вектор: прячущий анализирует доступность, частоту пользования тайником, каналы быстрого перемещения ценностей. Типичные ошибки — прагматические компромиссы: тайник, удобный для регулярного доступа (следы износа, стабильные микромаршруты к одной зоне, произвольные взгляды на «операционные» точки — сейф, кладовка, гардероб). Тактически работают приёмы пространственного контроля и последовательный «срез» логистики пользования предметом (где берут, где пересчитывают, где временно оставляют).

Идеологический/политический мотив характерен для лиц, вовлечённых в экстремистскую, террористическую, радикальную или иную политически ориентированную деятельность. Ядро мотива — идентичность и групповые нормы (конспиративная дисциплина, «дело важнее меня»). Такой прячущий дисциплинирован, терпелив, эмоционально «плосок»; может иметь высокую толерантность к риску и заранее продуманные линии легенд. Типичные ошибки — следы ритуализации и символики (повторяющиеся паттерны хранения, «сакральные» места, избыточная конспирация там, где она не нужна). Тактически критично раздельное общение, исключение «аудитории» и пресечение пропагандистских монологов; эффективно нейтральное протоколирование фактов без оценочной полемики.

Мотив защиты третьих лиц (солидарность) проявляется, когда человек скрывает то, что компрометирует не его, а родственников, сообщников, группу. В основе — лояльность, долг, страх перед репрессиями внутри криминальной среды. Поведенчески заметны экранирующие реакции: попытки переключить внимание на себя, закрывать телом/вещами «чужие» зоны, повышенная тревога при контакте с предметами, принадлежащими значимому лицу. Характерная ошибка — взгляд/жест в сторону «чужого» пространства (комната ребёнка, вещи супруги, рабочее место подчинённого). Тактически помогают

разобщение участников, спокойное разъяснение гарантий процессуальных прав и безопасности третьих лиц.

Между значимостью скрываемого и интенсивностью защиты существует прямая связь: чем выше личная ценность предмета или факта (угроза свободе, статусу, близким), тем сильнее тревога, тем больше вероятность поведенческих сбоев — избыточной говорливости, «сверх-спокойствия», нелепых уточнений, микрожестов в сторону критических зон. Типичная закономерность: высоко мотивированный прячущий усложняет маскировку до степени, когда именно избыточность начинает бросаться в глаза.

Для практики важно, что мотив задаёт не только эмоциональный фон, но и **поведенческую «маску»** во время обыска.

- При доминировании избегания наказания — больше импульсивности, «защитных всплесков», частая проверка взглядами конкретных мест.
- При статусном мотиве — идеальная внешняя «картинка», контроль повествования и аудитории, чувствительность к публичности фиксации.
- При корыстном — логистика и следы регулярного доступа.
- При идеологическом — последовательная конспирация и символические паттерны.
- При солидарности — экранирование «чужих» зон и поведение «беру удар на себя».

Отсюда вытекают и тактические акценты для следователя: минимизировать угрозу «потери лица» — при статусном мотиве; разрезать логистику пользования предметом — при корыстном; исключить аудиторию и поддерживать нейтральный тон — при идеологическом; разобщать и гарантировать безопасность третьих лиц — при солидарности; чередовать темп и использовать паузы — при сильном страхе наказания.

Таким образом, понимание мотивной структуры — не абстрактная теория, а инструмент практики: оно позволяет предвидеть где, как и почему прячущий будет защищаться, и превращает наблюдение за его поведением в осмысленную диагностическую процедуру.

§ 3. Типология прячущих

Поведение человека, стремящегося скрыть следы преступления, всегда индивидуально. Однако наблюдения следственной и судебно-психологической практики позволяют выделить несколько устойчивых **психологических типов**, определяющих характер сокрытия, способы маскировки и манеру поведения на обыске. Эти типы, разумеется, условны: в реальности возможны смешанные формы, но знание основных моделей помогает следователю точнее прогнозировать тактику прячущего и выбирать методы психологического воздействия.

Рациональный тип

Психологический портрет. Это наиболее опасный и трудный для психологической диагностики тип. Человек внешне уравновешен, холоден, предельно контролирует эмоции и речь. Отличается аналитическим складом

мышления, наблюдательностью, способностью быстро оценивать обстановку и прогнозировать действия следователя. Его речь логична, поведение последовательное, мимика сдержанная. Он часто демонстрирует «вежливое сотрудничество»: спокойно отвечает на вопросы, иногда даже даёт советы, предлагает «помочь», но всё это — лишь форма контроля над ситуацией. В действительности рациональный тип стремится управлять обыском изнутри, навязывая свой ритм и порядок действий.

Стратегия сокрытия. Тайники рационального типа отличаются инженерной изобретательностью: встроены в мебель, стены, бытовые приборы, элементы интерьера. Прячущий продумывает не только место, но и поведение после сокрытия — как «правдоподобно» пользоваться помещением, как вести себя при проверке.

Характерна многоуровневая система защиты: помимо основного тайника создаются ложные, отвлекающие укрытия, призванные направить следователя по ложному пути.

Тактические выводы. Главная трудность — его эмоциональная «гладкость». Он не выдает себя микросигналами, зато склонен к избыточной логике и контролю: говорит «слишком правильно», слишком рационально объясняет каждое действие. Полезна тактика непредсказуемости — смена темпа, неожиданные переходы, молчаливые паузы, которые выбивают его из внутреннего сценария.

Тревожный тип

Психологический портрет. Тревожный прячущий — человек, сломленный ситуацией, растерянный, эмоционально неустойчивый. Он старается держаться в рамках приличий, но постоянное внутреннее напряжение проявляется в дрожании рук, изменении голоса, избегании взгляда. Его речь тороплива и противоречива: он может пытаться «угодить» следователю, но непроизвольно путаться в мелочах. Часто старается казаться спокойным, но это спокойствие «на нерве».

Стратегия сокрытия. Тайники — простые, интуитивные, в зоне личного контроля: прикроватная тумбочка, стол, шкаф с одеждой, сумка. Он выбирает места, которые психологически воспринимает как «свои» и потому кажутся безопасными. Излишняя эмоциональная вовлечённость мешает продумать рациональную схему сокрытия.

Тактические выводы. Главный индикатор — невербальные реакции: избыточное напряжение, смена позы, частое «объяснительное» поведение. Эффективна мягкая, спокойная манера общения, снижение общего эмоционального давления, чередование разговоров и молчания. При этом важно сохранять наблюдательность: тревожный тип часто сам подсказывает направление поиска жестами или взглядами.

Импульсивный тип

Психологический портрет. Импульсивный прячущий действует эмоционально, без расчёта. Его поведение — смесь театральности и непредсказуемости. Он может кричать, плакать, демонстративно возмущаться, играть на жалости: «Я болен», «У меня дети», «Зачем вы это делаете». Часто переходит от

агрессии к слезам и обратно. Это человек аффективного склада, легко теряющий самоконтроль.

Стратегия сокрытия. Сокрытие спонтанное и нелогичное: предметы прячутся туда, где в данный момент было «удобно» или где объект имеет эмоциональный смысл — под подушку, в постель, детские игрушки, предметы личной гигиены. Такой тайник не продуман, но именно своей нелепостью иногда оказывается эффективным.

Тактические выводы. Импульсивный тип «читабылен» по эмоциональным всплескам. Следователю важно не вовлекаться в драму: сохранять холодное спокойствие, не вступать в эмоциональные качели. Эффективно использование пауз и нейтральных фраз, которые гасят эффект спектакля. После эмоционального пика наступает короткий период опустошения — именно тогда возможны ошибки и утечки информации.

Агрессивный тип

Психологический портрет. Агрессивный прячущий ведёт себя вызывающе, демонстративно грубит, угрожает жалобами, ссылается на связи, старается дезорганизовать ход обыска. Часто пытается поставить следователя в позицию оправдывающегося. Его агрессия — не сила, а способ защиты, попытка замаскировать страх и растерянность. При этом агрессивный тип чувствителен к тону общения: жёсткий ответ вызывает эскалацию, спокойствие — дезориентирует.

Стратегия сокрытия. Использует либо «тайники на виду» (эффект «спрятано на самом видном месте»), либо, наоборот, тщательно оборудованные укрытия. Нередко сочетает оба приёма, рассчитывая на замешательство обыскивающих. Главная ошибка — избыточная демонстративность: он сам указывает, где «точно ничего нет», тем самым произвольно обозначая зону тревоги.

Тактические выводы. Главное средство — эмоциональная нейтрализация. Следователь не вступает в спор, фиксирует нарушения, возвращает разговор в правовую плоскость. Полезна стратегия «холодного зеркала»: спокойная фиксация агрессивных проявлений («Я слышу, вы недовольны, но продолжим работу»). На пике агрессии часто прорываются произвольные фразы, выдающие знание деталей обыска.

Типы прячущих и их поведенческие признаки

Тип личности	Поведенческие особенности	Типичные ошибки сокрытия	Тактическая рекомендация следователю
Рациональный	Спокойствие, логичность, стремление контролировать	Избыточная рациональность, подозрительная «гладкость» поведения	Нарушать сценарий, использовать паузы, непредсказуемость
Тревожный	Суегливость, дрожь, пуганая речь, избежания взгляда	Простые тайники в зоне личного комфорта	Мягкое обращение, снижение давления, наблюдение за невербаликой

Импульсивный	Эмоциональные всплески, плач, демонстративность	Сиюминутные решения, нелогичные тайники	Не вовлекаться в эмоции, выжидать спад
Агрессивный	Грубость, нападки, попытка провокации	Демонстративные «пустые зоны» и бравада	Холодная вежливость, фиксация нарушений, контроль темпа

В реальности чистых типов почти не существует. Личность прячущего может сочетать черты разных моделей: рациональность с тревожностью, агрессию с театральностью, импульсивность с попытками рассуждать логично. Однако знание этих психологических архетипов помогает следователю выстраивать гибкую тактику: с одними — снижать эмоциональный градус, с другими — нарушать сценарий, с третьими — использовать время и усталость как фактор ослабления контроля.

Таким образом, типология прячущих не только раскрывает внутренние механизмы их поведения, но и служит практическим инструментом прогнозирования — она позволяет видеть за внешним хаосом закономерность, а за индивидуальными особенностями — структуру защитного поведения.

§ 4. Подготовка прячущего к обыску

Следователь должен всегда помнить, что умение искать — это лишь половина дела. Чтобы найти, нужно представить, как мыслит тот, кто прячет. Ведь обыск — это зеркальная игра: шаг ищущего всегда отражает шаг прячущего. И если следователь сумеет заглянуть в чужую логику, то многие «случайные мелочи» обретут смысл.

Вначале важно оговориться: далеко не все лица, причастные к правонарушению, готовятся к возможному обыску. Для многих визит следственных органов — неожиданность и шок. Вместе с тем существует устойчивая группа прячущих, которые предвидят риск и сознательно предпринимают меры по защите спрятанных предметов и по выработке линии поведения в случае обыска. Именно подготовленные прячущие представляют наибольшую практическую сложность для следствия — их сокрытия продуманы, а поведение отработано.

Подготовка свойственна тем, кто:

- осознаёт степень риска (профессиональные преступники, лица с предшествующим опытом),
- обладает ресурсами и возможностями для продуманного сокрытия (доступ к информации, средствам, времени),
- оценивает личную или групповую значимость предмета сокрытия (высокая ценность, репутация, «деловые» интересы).

Психологически подготовленный прячущий отличается большей контролируемостью поведения, более продуманной «линейкой» действий и наличием альтернативных сценариев на случай вмешательства следствия.

Суть психологии прячущего проста и изящна: сделать вещь недоступной для глаз следователя — не в абсолютном смысле, а в субъективном. То есть так,

чтобы ищущий либо не догадался заглянуть в нужное место, либо посчитал его неприметным и не стоящим внимания. Эта цель рождает задачи, которые решает каждый, кто хоть раз в жизни что-то прятал.

Прячущий не «готовит обыск» как таковой — он решает, как уменьшить субъективную вероятность обнаружения: не столько сделать предмет совершенно недоступным, сколько сделать его неинтересным и неощутимым для ищущего. Эта цель детерминирует три взаимосвязанные и практико-ориентированные **задачи**, которым он уделяет первоочередное внимание:

- *Избрание места сокрытия.* Поиск локуса, который в бытовой логике и в шаблонах поиска выглядит маловероятным для проверки.
- *Маскировка тайника.* Встраивание укрытия в окружение таким образом, чтобы оно визуальное и функционально сливалось с предметами быта — естественность зачастую надёжнее хитроумности.
- *Выбор линии поведения.* Выработка вербальных и невербальных сценариев до и во время обыска, цель которых — отвлечь внимание от критических зон и минимизировать микросигналы тревоги.

Выбор места для сокрытия вещественных доказательств является первостепенной и наиболее сложной задачей для прячущего. Здесь вступают в игру и рациональные соображения, и субъективные психологические факторы. Человек ищет баланс между доступностью и безопасностью. С одной стороны, тайник должен быть «под рукой» — слишком далеко спрятанное не даёт чувства контроля. С другой — место не должно бросаться в глаза.

Этот процесс представляет собой не интуитивный поиск, а сложный акт тактического прогнозирования и оценки рисков, где прячущий мысленно ставит себя на место будущего обыскивающего. Его цель — найти оптимальное соотношение между тремя ключевыми критериями: надёжностью, доступностью и контролем. Итоговый выбор — это всегда компромисс между ними.

Во главу угла, как правило, ставится *надёжность*. Прячущий стремится создать «невидимый» тайник, который сможет противостоять профессиональному поиску. Это достигается за счет тщательной маскировки, когда улика прячется в предмете или конструкции, ничем не выделяющейся в интерьере — будь то полая книга, двойное дно банки с сыпучими продуктами или зашита ниша за идеально подогнанной стеновой панелью. Другой путь — физическое усложнение доступа, когда изъятие улики требует разрушения конструкций или много времени, что, по замыслу прячущего, может отпугнуть или остановить обыскивающих. Наконец, в ход идут и методы психологического обмана, например, размещение тайника в «грязной» зоне — в мусорном ведре или канализационном стояке, — куда, как он надеется, брезгают заглядывать.

Однако абсолютная надёжность часто приносится в жертву *доступности*. Прячущему, особенно если он рассчитывает в любой момент воспользоваться спрятанным, нужен относительно быстрый и незаметный доступ к тайнику. Глубоко вмурованный в стяжку пола сейф надёжен, но извлечь из него документ за минуту невозможно. Поэтому на практике выбираются компромиссные решения: те же полости в мебели, бытовой технике или под напольным покрытием, которые представляют собой баланс между достаточной скрытностью и оперативностью.

Наконец, мощнейшим фактором является *психологическая потребность в контроле*. Прячущий инстинктивно предпочитает размещать тайники в зоне своего прямого или потенциального наблюдения — в своем кабинете, спальне, гостиной. Это дает ему иллюзию власти над ситуацией. Во время обыска он может, находясь в таком помещении, не только следить за действиями оперативников, но и управлять их вниманием: демонстративное спокойствие в «чистой» зоне может служить прикрытием для скрытой паники, когда поиск приближается к его «посту наблюдения».

Таким образом, анализируя личность обыскиваемого, следователь может предугадать его логику. Пессимист, готовящийся к тотальному штурму, выстроит «крепость». Прагматик, рассчитывающий на опережение, создаст «блиц-тайник». А тревожная личность, стремящаяся к постоянному контролю, непременно организует «пост наблюдения» в своей непосредственной зоне влияния. Понимание этой внутренней «бухгалтерии» рисков и выгод — ключ к разгадке главной тайны: где же спрятано искомое.

Маскировка тайника. Одного выбора места мало — нужно замаскировать тайник. Маскировка бывает простой и сложной. Простая — это когда вещь прячут среди десятков подобных: купюры в пачке бумаг, флешку в ящике с десятками мелочей. Сложная — когда создают «легенду»: делают вид, что предмет давно не используется, или наоборот, выставляют на видное место, чтобы он выглядел «обычным».

Классическая ошибка прячущего — переусердствовать. Слишком тщательно замаскированная вещь часто вызывает подозрение. Ненатуральный беспорядок, шкаф «слишком аккуратный», ковёр, лежащий «слишком ровно» — всё это начинает работать как маяк для следователя.

Особый случай — техническая маскировка: фальшпанели, двойные стенки, самодельные сейфы. Они производят впечатление на самого хозяина, но опытный глаз и тут находит зацепки: свежие следы ремонта, неровные швы, неоднородность материалов.

Выбор линии поведения до и во время обыска. Самый сложный этап. Ведь тайник — это не только место, но и человек, который его охраняет своим поведением. Прячущий заранее думает, как вести себя, когда в дом войдут чужие. Кто-то выбирает браваду: «ищите хоть до ночи, всё равно ничего не найдёте». Кто-то, наоборот, изображает растерянность и подчеркнутую беспомощность. Иногда выбирают нейтральность — но сыграть «как обычно» в ситуации обыска способен далеко не каждый.

Во время обыска поведение становится демаскирующим фактором. Подозрительный взгляд в сторону, попытка отвлечь внимание, излишняя забота о «ненужных» предметах — всё это способно выдать тайник лучше любого прибора. Поэтому прячущий старается контролировать эмоции: не смотреть туда, где спрятано, не нервничать, не суетиться. Но человеческая психика коварна: именно усилие «не смотреть» делает взгляд особенно заметным.

Особую роль играет семья. Супруги и дети часто непроизвольно выдают тайну: жестом, словом, эмоцией. Иногда именно они становятся слабым звеном всей системы сокрытия.

Таким образом, психология прячущего складывается из трёх задач: **где спрятать, как замаскировать и как себя вести**. Каждая из них кажется решённой «идеально» самому хозяину, но именно в этой субъективности и кроется его уязвимость. Для следователя же умение понять логику прячущего — ключ к разгадке любой хитроумной схемы.

Представим себе человека, у которого дома хранится крупная сумма «лишних» денег. Он знает, что в любой момент к нему могут прийти с обыском.

Первая задача — избрание места сокрытия. Хозяин долго ходит по квартире, мысленно примеряя: «В шкафу с одеждой? — слишком банально. Под матрасом? — слишком очевидно. В ванной? — мокро. В кладовке? — слишком на виду». В итоге он останавливается на старом диване: внутри есть ящик для белья, которым давно никто не пользуется. Для него это место кажется идеальным — и близко, и в то же время неприметно.

Вторая задача — маскировка тайника. Просто положить деньги в диван — глупо. Он сооружает несколько слоёв «прикрытия»: сверху аккуратно складывает старое постельное бельё, затем кладёт ненужный хлам — сломанный фен, коробку с ненужными проводами. Всё это выглядит так, будто туда годами никто не заглядывал. Он даже специально посыпает всё пылью, чтобы создать эффект «давнего забвения». В его глазах это хитроумная маскировка, которую никто не раскроет.

Третья задача — линия поведения. И вот наступает день X. Следователь с командой переступает порог. Хозяин играет роль спокойного хозяина дома: предлагает чай, рассказывает, где лежат документы, уверяет, что «искать тут, собственно, нечего». Но именно диван начинает выдавать его внутреннее напряжение. Каждый раз, когда кто-то приближается к нему, он бросает быстрый взгляд в сторону, меняет позу, старается отвлечь разговором. Он не понимает, что его избыточное внимание к дивану работает против него: следователь видит не мебель, а поведенческий маяк.

В результате именно там и находят спрятанные деньги. Все три задачи, которые казались хозяину решёнными «на пять с плюсом», оказались для опытного глаза цепочкой логичных шагов, ведущих к разгадке.

§ 5. Факторы, определяющие выбор места для тайника

Выбор места тайника и способа сокрытия для прячущего никогда не бывает полностью свободным. Его сжимает рамка обстоятельств — часть объективных (то, что дано «снаружи» и не зависит от воли человека), часть субъективных (личность, привычки, страхи). Начнём с первой группы: с **объективных условий**, которые диктуют, где и как можно спрятать.

Имеющиеся практически возможности. Реальность всегда скупа на чудеса. Тайник не строят в вакууме — его «проектируют» в существующей квартире, с её планировкой, материалами, временем на подготовку, шумом, запахами и риском быть замеченным.

Самый жёсткий ограничитель — *время*. Когда есть недели, появляются «капитальные» решения: фальшпанели, двойные стенки, врезные сейфы. Когда есть часы (или минуты) — это уже «быстрые тайники»: переносные ёмкости,

многоходовки с перекладыванием, «спрятано на виду». В протоколах это выглядит просто, а в жизни время — главный архитектор: он решает, будет ли у нас «мини-ремонт» с пылью и шуршанием перфоратора или тихая опера «левой рукой зачихнул, правой накинул плед».

Второй ограничитель — *инструментальная и материальная база*. Никакой «секретной ниши» без инструмента, материалов и навыка. У человека без дрели и навыков деревообработки внезапно «пропадают» все идеи про пустоты в плинтусах и фальшпотолках. Тогда в ход идут фабрично пустотелые предметы: старые колонки, напольные вазы, ящики диванов, крышки стиральных машин. И наоборот, если у фигуранта мастерская и руки «из правильного места», спектр вариантов резко расширяется — но растёт и риск демаскировки: свежие пропилены, пыль, следы снятого плинтуса.

Третий фактор — *конструкция помещения*. Кирпичная стена предполагает одно, а панельная — другое. Новострой с шумоизоляцией «звенит» иначе, чем «сталинка» с толстыми перекрытиями. В частном доме есть чердаки и подпол; в съёмной квартире — чаще «мобильные» тайники: ничего, что оставит следы для хозяина жилья. Коммуникации тоже играют свою роль: вентиляционные короба, ревизионные лючки, сантехника, кабель-каналы — всё это естественные «объекты интереса», но и места повышенного риска: туда обычно заглядывают в первую очередь, а ошибки с трубами и электрикой имеют неприятное свойство быстро обнаруживаться.

Четвёртый объектив — *шум и запах*. Любой «строительный» тайник выдаёт себя звуком (сверление, резка) и запахом (клей, растворитель). Поэтому «мокрые» методы чаще встречаются там, где их можно замаскировать: днём, под шум ремонта у соседей, в момент, когда в доме и так пахнет краской. В противном случае бытовая химия внезапно становится слишком заметной.

Пятый — *риски внешнего наблюдения*. Камеры в подъезде, бдительные соседи, консьерж, собака, живущая у двери и реагирующая на любую возню у порога — всё это уменьшает пространство для манёвра. Там, где много глаз, реже делают тайники в «подъездной зоне» и чаще уходят в глубину квартиры или в «шумно-легальные» зоны (кладовка, балкон с хламом, гараж).

Наконец, *режим доступа к вещам*. Если предмет часто нужен, его не «заливают в бетон». Тогда выбирают «близкий» тайник, который можно обслуживать без суеты. И наоборот: то, что достаётся редко, «утапливают» глубже. На практике это означает, что эмоционально дорогие или функционально нужные предметы оказываются ближе к телу владельца — и именно это психологическое тяготение потом видит следователь.

Размер, форма и вид скрываемого предмета. То, что прячут, диктует, как прятать. Каждому виду соответствует свой «естественный ареал», и опытный глаз умеет его угадывать.

Плоские и гибкие объекты — *документы, фотографии, карты памяти* — легко «растворяются» в бумажных слоях: книги с вырезанными углублениями, двойные дна папок, подложки в рамке под стеклом, задние стенки шкафов. Они чувствительны к влаге и механическим деформациям, поэтому редко отправляются «в сырое» — сантехнические ниши и холодильник оказываются

для них рискованными. Зато такие вещи любят места с «бумажной легализацией»: коробки «архив», папки «старые квитанции», стопки газет.

Компактные твёрдые предметы — *драгоценности, флеш-накопители, ключи, печати* — обожают «многочленность»: пуговицы с полостями, колпачки от косметики, пустые батарейные отсеки, бардачки, баночки с крупой. Их преимущество — малый объём; а слабое место — звук и вес. Банка с рисом, которая вдруг стала тяжелее и «говорит» иначе, настораживает внимательного человека.

Деньги капризны: объём растёт быстрее, чем кажется. Пачки купюр меняют геометрию вещей, «распирают» книги и подушки, делают ящики тугими. Кроме того, деньги любят сухость и отсутствие запахов; в результате «ароматизированные» тайники (бытовая химия, специи) их демаскируют.

Электроника (жёсткие диски, телефоны, роутеры) боится ударов, влаги, перегрева и, увы, прекрасно чувствуется руками при беглом осмотре. Её часто «легализуют» под видом неисправной техники: старый системный блок, DVD-плеер, принтер «на выброс». Но и у такого подхода есть слабое место — шнуры, пыль, несоответствие возраста «жертвы» и новизны пыли.

Оружие и боеприпасы задают свои правила: длина ствола, масса, металл, смазка. Всё это плохо дружит с «мягкими» тайниками и прекрасно дружит с пустотами мебели, нишами, техническими коробами. Металл «звонит» и «светится» для специализированных средств, а масло оставляет запах и следы на тканях и дереве. Потому оружие стараются уводить туда, где его можно изолировать и фиксировать — и где его не будут «мять».

Наркотические вещества добавляют ещё один объектив — запах и химическая активность. Тут возникают многоступенчатые упаковки, герметики, вплоть до заморозки в холодильнике или прятков в сильно пахнущих субстанциях. Но именно борьба с запахом (кофе, специи, бытовая химия) часто и выдаёт тайник: «ароматы» в нехарактерных местах, пакетирование «до паранойи», перчатки и стяжки там, где их быть не должно.

И, конечно, *габариты*. Громоздкий предмет диктует логистику перемещения по квартире: его невозможно протащить в нишу, не задев косяк, не оставив царапину на полу, не сложив вещи заново. Большие тайники редко бывают «стихийными» и почти всегда оставляют следы подготовки: переставленная мебель, свежие крепежи, «внезапно освободившаяся» стена.

В сухом остатке: объективные условия — это «физика сцены», на которой играет психологическая драма. Планировка, материалы, время, инструменты, шумы и запахи, да ещё и капризы самого предмета — всё это сужает фантазии прячущего до практического коридора. И именно в этом коридоре он и делает свои выборы. Для ищущего знание этой физики — не абстрактная теория, а карта вероятностей: где предмет «чувствует себя дома», какие места требовательны к времени и инструменту, какие тайники слишком «громкие» по звуку, весу, запаху.

Если объективные факторы — это стены, мебель, время и размер предмета, то **субъективные** — это характер, привычки и жизненный опыт. То, кем человек является, определяет то, где и как он прячет.

Пол. Тут вступают в игру жизненные роли и бытовой опыт. Мужчины чаще используют технические знания: вскрывают электроприборы, сооружают фальшпанели, маскируют предметы там, где нужен инструмент или смекалка. Женщины же традиционно опираются на хозяйственные хитрости: банки с вареньем, пачки стирального порошка, упаковки круп. Причём проявляют немалую изобретательность — иногда настолько искусную, что мужская «дрель и фанера» рядом выглядят грубовато.

Возраст вносит свои коррективы. Несовершеннолетние часто небрежны: орудия преступления могут валяться среди личных вещей, «под рукой». Но бывают и исключения: насмотревшись детективов, подростки изобретают такие креативные тайники, что взрослым и в голову не придёт. С возрастом приходит опыт и осторожность: пожилые прячут вещи «надёжно и надолго», иногда так, что сами забывают, куда положили.

Профессиональные навыки и умения. Профессия формирует человека — и его тайники тоже. Слесарь может спрятать вещь в трубе или заварить нишу в металле, водитель — в запаске или бензобаке, фотограф — в пачке фотобумаги. Но тут есть тонкая грань: иногда прячущий сознательно отказывается от «профессиональных» решений, чтобы не вызвать подозрений. Известны случаи, когда мастер по металлу вместо хитроумной конструкции просто закопал вещь в огороде. Следовательно должен помнить: зависимость от профессии есть, но она не жёсткая и не стопроцентная.

Увлечения и хобби. Хобби — это целый мир возможных тайников. У охотника — чучела животных и птиц, у коллекционера книг — фолианты с вырезанными страницами, у автолюбителя — покрышки, багажники, канистры. Тут включается не только изобретательность, но и эмоциональная привязанность: человек склонен доверять тому, что связано с любимым занятием. И именно это делает такие тайники предсказуемыми для опытного взгляда.

Отношение к объекту сокрытия. Предмет прячется не в вакууме — он всегда окрашен эмоциями. Если это ценность, дорога сердцу, — её держат ближе, чтобы в любой момент достать и полюбоваться. Если это орудие преступления — наоборот, стараются убрать подальше, «чтобы и не видеть». Следовательно нередко используют этот психологический закон. Например, наблюдают за реакцией хозяина при перестановке мебели. Там, где взгляд «спотыкается», чаще всего и оказывается тайник. Бывает и тоньше: книга на полке выделяется затёртой обложкой, потому что её постоянно брали в руки, чтобы проверить, всё ли на месте внутри.

Черты характера. Здесь мы видим настоящую палитру. Жадный и недоверчивый прячет поближе, чтобы проверять по десять раз. Трусливый — наоборот, «выносит» подальше, чтобы глаза не мозолило. Аккуратный и педантичный обустраивает тайник с инженерной тщательностью, а ленивый и легкомысленный просто бросает в первый попавшийся шкаф. Но и здесь возможны парадоксы: осторожный и умный может решить, что самое безопасное — это спрятать «в открытую», среди обыденных вещей. В итоге — чем хитрее человек, тем больше шанс, что он подставится именно на этой «гениальной идее».

Культурный и интеллектуальный уровень. Это фактор-усилитель. Высокий уровень знаний позволяет придумывать утончённые маскировки и

даже учитывать психологию ищущего. Иногда такие тайники — демонстрация остроумия, почти вызов: «Сумеешь ли догадаться?» Но есть и обратная сторона: чем выше интеллектуальная планка, тем изощрённее фантазия... и тем ярче следы этой изощрённости. Чрезмерно умный тайник может выдавать себя не хуже, чем наспех прикрытая коробка.

Таким образом, субъективные факторы — это психология во плоти: пол, возраст, профессия, увлечения, характер и уровень развития. Всё это формирует ту самую «карту вероятностей», по которой следователь может угадывать, где именно человек попытается спрятать ценное. Но при этом важно помнить: прямых и жёстких зависимостей здесь нет. Любая зависимость работает только как гипотеза, которую нужно проверять наблюдением и логикой.

При изготовлении тайников, хранилищ в некоторых случаях преступники учитывают целый ряд **факторов психологического характера**³. К ним можно отнести следующие.

Психологический расчёт на утомление и автоматизм. В любой монотонной работе наступает момент, когда глаз «замыливается», а руки движутся сами. Именно на это и рассчитывает прячущий. Он создаёт такие условия, при которых ищущий быстро скатывается в конвейерный режим: одно и то же действие повторяется десятки раз, внимание сужается, а мозг любезно подсовывает автоматические решения вроде: «тут всё одинаково — значит, безопасно».

Как это работает в психике? Сначала — высокий тонус и любопытство. Через полчаса — спад бдительности (внимание истощается, возникают слепые зоны), затем — «тоннель»: проверяем не предмет, а «представителя вида». И вот уже не книга, а «ещё одна книга», не банка, а «ещё одна банка». В этот момент и выигрывает однообразие.

Прячущий знает этот эффект и сознательно множит одинаковые объекты — рассказывает «клонов» так, чтобы утомить, усыпить бдительность и спрятать ценное «между».

Сцена из практики

Обыск в квартире хозяйки с железной волей. В кладовке — идеальный супермаркет: пятнадцать одинаковых банок с рисом, десять — с гречкой, десятки пачек стирального порошка одного бренда. Команда полчаса «стучит» банками, нюхает, заглядывает, но рутинно быстро берёт верх: банка к банке, звук к звуку. Секрет прост: драгоценности запаяны в тонкий пакет и утоплены в рисе единственной банки. Чем её выдала хозяйка? Ничем — выдал рис: в «той» банке он сидел плотнее, банка казалась чуть тяжелее и глуше звенела. Это различие слышно на первых десяти банках, но с двадцатой — уходит в фон. Спасла простая смена ритма: следователь отложил «поток», взял пару «эталонных» банок для сравнения и начал чередовать — эталон/кандидат. На третьей попытке несоответствие стало очевидным.

Однообразие редко бывает безупречным. Его выдают **микро-несоответствия**:

- иной «голос» предмета (звук, когда по нему постучали),

³ Дулов А.В. Судебная психология. – Минск, 1975. С. 347.

- непропорциональный вес (чуть тяжелее/легче),
- упругость/жесткость (книга не «дышит», подушка «каменеет»),
- температура (банка из холодильника среди «комнатных»),
- следы вмешательства (переклеенный шов, новая нитка, свежая царапина, нестандартный клей),
- рисунок пыли (равномерный фон против «подрисованного»),
- ритм пользования (одна пачка стирального порошка «обжитая», остальные — «витринные»).

Все это сводится к простому правилу: **ищем аномалию в однообразии**. Как сломать однообразие при проведении обыска?

Менять ритм. Не идти «от левого края до правого», а прыгать по контрольным точкам: начало—середина—конец, затем дробить «подряд» только подозрительные сегменты.

Контраст вместо конвейера. Держать под рукой «эталон» и сравнивать кандидатов попарно: разница по весу, звуку и упругости так слышнее.

Два темпа, две роли. Один «крутит предметы», второй не трогает — только смотрит на микропризнаки и следы вмешательства. Двойной канал внимания снижает автоматизм.

Микропаузы. Короткие паузы раз в 10–12 минут, смена задачи (с книг на банки, с банок на одежду) — это «поддых» для внимания.

Правило «десяти процентов». В любой большой группе однотипных предметов обязательно детально проверить не менее 10–15% — и именно из разных участков. Если в этих выборках есть аномалия, группа идёт в глубокую проверку.

Обратный ход. Пройти ряд в обратном направлении — мозг теряет шаблон, снова замечает детали.

Фиксация. Отмечать проверенные сегменты (умственно или метками), чтобы не крутиться по кругу — автоматизм любит круги.

В сухом остатке: ставка на утомление и автоматизм — один из любимых психологических трюков прячущего. Он не требует сложных технологий, только терпения и фантазии. Но и ломается этот трюк простыми вещами — сменой ритма, контрастом, вторым взглядом и дисциплиной. В однообразии всегда есть трещина; задача следователя — не дать собственному вниманию превратиться в привычку и успеть увидеть, где именно однообразие «фальшивит».

Психологический расчёт на брезгливость. Преступник нередко использует ещё один надёжный психологический трюк — ставку на **брезгливость**. Он сознательно прячет ценности в местах, которые вызывают отвращение или дискомфорт: мусорные вёдра, грязные чуланы, полные пыли чердаки, клозеты, банки с тухлой едой, старую обувь. Логика проста: чем неприятнее осматривать, тем меньше шансов, что туда заглянут по-настоящему внимательно.

Типичные укрытия:

- *Мусорное ведро:* купюры, герметично упакованные в плёнку, прячутся в гущу отходов. Поверх — пищевые остатки, использованные салфетки.

- *Грязный сарай или чердак*: под слоем паутины или среди тряпья может лежать и флешка, и оружие, и наркотики.
- *Санузел*: сливные бачки, подставки для ёршиков, банки с кремами и мазями, использованная упаковка. Всё, что заставляет искать «через силу».

Пример из практики:

Во время обыска в квартире наркоторговца всё выглядело идеально — кроме ванны, в которой стояло ведро с грязным бельём и явно затхлым запахом. Оперативники сначала обошли его стороной, но следователь на всякий случай заглянул — под одеждой был герметичный контейнер с дозами. Именно запах и «визуальный барьер» должны были отвлечь внимание.

Что помогает следователю:

- Преодоление внутреннего барьера и сохранение профессиональной дистанции;
- Использование перчаток и масок без стеснения;
- Делать проверку неприятных зон обязательной, а не по настроению.

Ставка на брезгливость — дешёвый, но эффективный приём. Он работает, если следователь руководствуется эмоцией, а не задачей. Уверенный в себе преступник часто считает, что «в помоях не ищут». И именно туда — первым делом — и стоит заглянуть.

Психологический расчёт на такт и благородные побуждения. Есть ещё один излюбленный приём прячущего — ставить на карту человеческую порядочность. Ведь следователь, при всём профессионализме, остаётся человеком: ему может быть неловко копаться в детских игрушках, неприятно перетряхивать женское бельё или, тем более, тревожить постель тяжелобольного старика. И вот здесь преступник хитроумно играет на такте, стыде и чувстве приличия.

Механизм прост: чем деликатнее зона, тем меньше вероятность, что в неё полезут с рвением. На этом и строится замысел. «Разве приличный человек станет вытряхивать подушки у бабушки, которая, бедняжка, лежит в углу? Ну нет, он наверняка ограничится беглым взглядом». Так рассуждает прячущий, помещая ценности именно туда, где прикосновение будет восприниматься почти как оскорбление.

Истории следственной практики пестрят такими случаями.

В одной квартире пачку купюр спрятали в матрасе под телом больного. Хозяин квартиры был уверен: следователь постесняется тревожить старика, ограничится взглядом и сочувственным кивком. Но опыт и профессиональная осторожность пересилили — матрас приподняли, и тайник обнаружился. Мораль: сочувствие и сострадание — качества прекрасные, но в обыске они могут сыграть злую шутку.

Другой случай: среди плюшевых игрушек ребёнка обнаружили пакет с ювелирными изделиями. Внешне всё выглядело безобидно: мишка с бантом, зайчик с оторванным ухом, кукла в пышном платье. И только кукла, которую

обыскиваемый всё время поправлял и демонстративно выставлял на полку, вызвала подозрение. Осмотр — и внутри полой кукольной головы оказался свернутый пакет.

Часто на благородство следователя рассчитывают и с помощью **интимной сферы**: бельё, личные вещи, косметика. «Ну разве мужчина полезет в женский шкаф?» — думает хозяйка. «Ну разве женщина станет рыться в мужских вещах?» — надеется хозяин. Опытные оперативники знают: полезет и станет. Но всё же на секунду возникает внутреннее торможение — и именно эта пауза играет на руку прячущему.

Есть и особый приём — прикрытие святынями. Иконы, религиозные книги, атрибуты веры — всё то, к чему в обычной жизни относятся с уважением и осторожностью. Тайник среди подобных предметов выглядит для хозяина особенно надёжным: «ну не будут же они трясти иконостас». Однако практика показывает: именно там иногда и находят весьма мирские ценности.

Ирония ситуации в том, что человек, рассчитывая на благородство следователя, сам поступает, мягко говоря, неблагородно. Он использует чувства — сострадание, уважение, деликатность — в роли щита. И если следователь поддаётся, тайник остаётся в безопасности. Но стоит ему вспомнить, что обыск — это игра без скидок на сантименты, весь тщательно выстроенный расчёт рушится, и из подушки, игрушки или шкапулки вдруг извлекается то, что хозяин так надеялся спрятать за завесой приличия.

Психологический расчёт на нарочитую небрежность. Иногда хитрость — это вовсе не хитрость. Иногда лучший тайник — это отсутствие тайника. Преступник рассуждает просто: «Все ждут изощрённых укрытий, двойных стен и фальшпанелей. А я оставлю всё на виду. Никому и в голову не придёт, что драгоценности лежат в вазе на столе или документы — в верхнем ящике стола».

Так рождается приём нарочитой небрежности. Он строится на доверии к рассеянности и невнимательности человека, пришедшего с обыском. Зачем прятать деньги в стену, если можно бросить их в коробку с инструментами? Зачем сооружать тайник в подвале, если пачку купюр можно сунуть в конверт с надписью «Квитанции за свет» и положить на полку вместе с десятками таких же?

Следственная практика знает десятки историй, когда самые ценные предметы находились именно там, где они и должны были быть.

В одной квартире серьёзные документы лежали в стопке школьных тетрадей сына хозяина. В другой — золотые украшения мирно хранились в банке с пуговицами. А в третьей — наркотики лежали в косметичке, рядом с тушью и пудрой. Все эти варианты объединяло одно: никакой особой маскировки, всё «как есть», по-домашнему.

Особенно эффектно выглядит демонстративный беспорядок. Комната превращается в склад: вещи разбросаны, бумаги свалены в кучу, шкаф завален старыми газетами. В этой груде хлама и прячут ценное. Расчёт очевиден: следователь устанет разгребать мусор, махнёт рукой и пойдёт дальше. А между

тем нужный предмет будет лежать прямо перед глазами — под видом «очередной бумажки».

Один из ярких случаев связан с коллекцией старых журналов. Хозяин квартиры просто вложил пачку долларов в середину стопки «Огоньков» за 70-е годы. Журналы пылились в углу так давно, что казались частью интерьера. Никто бы их не тронул, если бы не случайная мелочь: сверху лежал свежий номер глянца, явно положенный «для маскировки». Ирония в том, что именно «небрежность» оказалась слишком старательной.

Нарочитая небрежность держится на простом психологическом механизме: внимание ищущего всегда тянется к подозрительному, необычному, странному. А обыденное — остаётся в тени. Если книга стоит на полке так же, как сотня других, рука может пройти мимо. Если ящик забит бытовыми мелочами, пачка купюр внутри них легко сливается с «фоном». Но у этого метода есть и слабость: чуть более внимательный взгляд выявляет диссонанс — свежий след пальцев на пыльной поверхности, непропорциональный вес коробки, уголок пакета, выглядывающий из вороха тряпья.

Таким образом, нарочитая небрежность — это игра в привычность. Прячущий делает ставку на то, что человек ищет тайну там, где она должна быть скрыта, и не заметит её там, где всё кажется «слишком простым». Но обыск — штука коварная: иногда именно самые обыденные вещи оказываются хранилищем самых неожиданных находок.

Психологический расчёт на тайники-»двойники». Есть преступники, которые мыслят стратегически и играют с обыскивающим в многоходовку. Их приём прост: показать «ложную находку» и этим обезоружить ищущего. Для этого и создаются так называемые тайники-»двойники».

Суть метода в том, что подозреваемый готовит на виду заметный тайник — так, чтобы следователь непременно его нашёл. Этот тайник устроен нарочито «подозрительно»: свежая дыра в стене, открученный плинтус, пустая коробка в шкафу с двойным дном. Следователь находит, выдыхает: «Ага, вот оно!», и обнаруживает... пустоту. Нужных предметов там нет. Хозяин облегчённо пожимает плечами: «Ну, сами видите — ничего не осталось». Расчёт в том, что на этом энтузиазм поиска иссякнет: ведь «следствие» вроде бы вышло на правильный след, а значит, задача решена.

Один из классических случаев — обыск у «домушника». В его квартире за шкафом нашли тайник, куда явно недавно лазили: штукатурка свежая, обои аккуратно подрезаны. Все были уверены, что вот здесь-то и зарыта добыча. Но ниша оказалась пустой, и на этом многие бы успокоились. Но внимательный следователь задал себе вопрос: «Зачем человеку держать пустой тайник в таком виде?» И проверил ещё одну стенку той же ниши. За ней обнаружился настоящий тайник, куда и были уложены ценности. Получился тайник в квадрате: ложная находка прикрывала настоящую.

Другой случай связан с гаражом. В деревянной полке был сделан тайник для денег — так примитивно, что даже смешно: доска отодвигалась рукой, никаких усилий. Следователь нашёл пустоту и почти уже поверил, что хозяин «обчистил» своё же укрытие заранее. Но его насторожила реакция самого

подозреваемого: слишком быстро согласился с находкой, слишком охотно закивал. После повторного осмотра гаража деньги нашли в аккумуляторе старой машины, которая стояла в углу и пылилась годами. Настоящий тайник был замаскирован под «хлам», а фальшивый служил отвлекающим фейерверком.

Психологический расчёт здесь очевиден: следователь — тоже человек. Найдя хоть что-то, он испытывает удовлетворение и временное чувство завершенности. Эту эмоциональную паузу и пытается использовать прячущий: «Дай им пустую находку — и они решат, что игра окончена».

Но у этого приёма есть и уязвимость. Опытный следователь знает: пустой тайник — это сигнал, а не финал. Настоящий вопрос в этот момент звучит не «почему здесь ничего нет», а «почему хозяин сделал вид, что что-то тут было». И именно тогда ложная маскировка оборачивается против прячущего, превращаясь в путеводную нить к настоящему хранилищу.

Так что тайники-«двойники» — это своего рода театральный приём: зрителю показали «кульминацию», чтобы он успокоился и пошёл домой. Но если зритель умный и не хлопает раньше времени, то за кулисами его ждёт настоящий финал — со всеми утаёнными сокровищами.

Мы увидели, что прячущий далеко не всегда действует наобум. Наоборот, его логика подчинена вполне чётким психологическим расчётам. Он играет не столько с предметами мебели и обстановкой, сколько с человеческой природой — усталостью, брезгливостью, тактичностью, невнимательностью и даже самодовольством ищущего.

Всё это — разные маски одной и той же идеи: использовать слабые стороны человеческой психики против того, кто ищет. Но именно поэтому опытный следователь смотрит на вещи шире. Он знает: там, где хозяин надеется на его усталость, стоит быть особенно бодрым; там, где уповает на брезгливость — особенно хладнокровным; там, где играет на такте — особенно принципиальным; а там, где демонстрирует «ничего не скрываю», — особенно внимательным.

И в итоге вся эта игра превращается в парадокс: чем тоньше расчёт прячущего, тем больше следов он оставляет для внимательного глаза. Тайник — это всегда диалог между двумя психологиями. И побеждает в нём тот, кто умеет не только действовать руками, но и читать мысли своего противника.

§ 6. Маскировка тайника и используемые способы

Маскировка представляет собой не просто техническое сокрытие предмета, а целенаправленное его преобразование, позволяющее растворить тайник в привычной бытовой среде. Главная цель прячущего — сделать так, чтобы тайник оказался **вне поля внимания** следователя: чтобы искать в этой зоне было необязательно, нелогично или неприятно. Этот процесс глубоко психологичен: выбранный способ маскировки становится невольным портретом самого прячущего, раскрывая его профессиональные навыки, уровень интеллекта, личностные тревоги и — что особенно важно — его представления о методах работы правоохранительных органов. Таким образом, каждая спрятанная улика несет в себе не только вещественную, но и психологическую информацию,

которую можно расшифровать. Поэтому анализ маскировочных решений — это, по сути, анализ внутреннего мира прячущего.

На выбор способа сокрытия влияет целый **комплекс внутренних установок и внешних обстоятельств**. Прежде всего, сказывается *профессиональная деформация*: инженер склонен создавать технически сложные конструкции с потайными механизмами, столяр — безупречно встраивать тайник в мебель, а химик — использовать составы, недоступные для понимания непосвященного. Маскировка здесь не столько хитрая, сколько отражающая устоявшиеся профессиональные алгоритмы.

Уровень интеллекта и креативности определяет, будет ли маскировка примитивной или превратится в многоходовую комбинацию с ложными целями.

Немалую роль играет и *личностная тревожность*: одни люди ограничиваются минимальными усилиями, тогда другие, охваченные паранойей, создают многослойные системы сокрытия, чья избыточность сама себя выдает.

На выбор способа сокрытия влияют и *стереотипы о работе правоохранителей*. Прячущий действует, исходя из собственных представлений о том, что ищущие не станут делать: «не будут разбирать технику», «не будут трогать грязные места», «не полезут в старые документы». Эти стереотипы часто ошибочны и становятся источником просчётов.

В основе всего лежат *глубинные психологические установки*: стремление к «естественности», когда тайник неотличим от бытового предмета; установка на «затруднительность», призванная отпугнуть обыскивающего физическими или временными барьерами; и установка на «логическую несовместимость», когда улику помещают в заведомо неподходящее, с бытовой точки зрения, место.

Способы маскировки можно условно разделить на несколько **типов**, каждый из которых отражает определенный склад ума и тактику противодействия. *Наивно-бытовая маскировка*, когда улики прячут в полостях мебели, бытовой техники или среди продуктов, характерна для лиц, рассчитывающих на рутину и привыкание оперативников к стандартным предметам обстановки. Это пассивная тактика, часто применяемая в условиях дефицита времени или недостаточной подготовки.

Противоположностью ей выступает *технически сложная, конструктивная маскировка*. Она выражается в создании специальных полостей в строительных конструкциях, использовании электромагнитных замков и сложных механизмов. Такой подход выдает педантичного, подготовленного противника, обладающего ресурсами и стремящегося к тотальному контролю через техническое превосходство. Его психология — это психология фортификатора, возводящего неприступную крепость.

Более изощренной является *психологическая, дезориентирующая маскировка*. Ее цель — не скрыть объект физически, а обмануть восприятие и мышление обыскивающего. Сюда относится «маскировка на виду», основанная на эффекте слепоты к неожиданному объекту; создание ложных, «громких» тайников для отвлечения внимания; и наконец, размещение улик в «грязных» или

табуированных зонах, таких как мусор или канализационные коммуникации, где расчет делается на безгливость и психологические барьеры сотрудников.

Наконец, *пространственная, или топографическая*, маскировка предполагает вынос тайника за пределы жилища — в гараж, на дачу, в подъезд или лесной массив. Эта тактика свойственна наиболее осторожным и параноидальным личностям, стремящимся полностью дистанцироваться от улики и создать себе алиби, надеясь, что круг поиска не будет расширен.

Стремление к идеальному сокрытию часто оборачивается для прячущего роковыми **просчетами**, имеющими сугубо психологическую природу. Одной из самых распространенных является *ошибка «следов свежей работы»*: неспособность идеально восстановить окружающую среду, оставляющая после себя следы клея, свежую штукатурку, нарушенный слой пыли или царапины на крепжах. Эта оплошность выдает высокую тревожность и поспешность действий.

Другая частая ошибка — *«избыточность и неестественность»*. Проявляется она в создании слишком сложной или неадекватной обстановке маскировки, которая сама привлекает к себе внимание, например, массивный несъемный замок на старом дачном шкафу. Это симптом неуверенности и стремления к тотальному, но лишённому тонкости контролю.

Не менее опасна *«ошибка профессионального шаблона»*, когда прячущий неосознанно повторяет одни и те же приемы, связанные с его профессией или хобби. Эта предсказуемость позволяет следователю составить точный психологический портрет и резко сузить круг поиска.

Наконец, существуют ошибки поведенческие. *«Ошибка визуального контроля»* выражается в произвольном, частом взгляде в сторону тайника, в стремлении постоянно находиться рядом с ним. Прячущий психологически «привязывается» к месту сокрытия, и эта связь легко считывается наблюдательным специалистом. Завершает этот ряд *«ошибка логического несоответствия»*, когда выбранный способ или место маскировки вступают в противоречие с заявленным социальным статусом и образом жизни человека: библиотека у человека, который не читает; дорогой сейф в аскетичной квартире; «ценности» в зоне, где их хранение нелогично.

Таким образом, способ маскировки — это материализованная в предметах и конструкциях психология прячущего. Его анализ позволяет следователю и оперативнику совершить ключевой переход: от хаотичного поиска вслепую к целенаправленному и осмысленному противостоянию. Задача специалиста — мысленно встать на место противника, проникнуться его мотивами и страхами, чтобы не только предсказать, *где* может быть спрятана улика, но и *как* она спрятана, и какие психологические ошибки с высокой долей вероятности сопровождали этот процесс. Для следователя важно уметь **считывать психологические сигналы**, анализировать логику выбора, сопоставлять её с образом жизни и эмоциональным состоянием обыскиваемого. В этой интеллектуальной дуэли побеждает тот, кто лучше понимает не только улики, но и людей.

**Психологические типы маскировки тайников:
основания, ошибки и диагностические признаки**

Тип маскировки	Психологическое основание	Типичные ошибки прячущего	Диагностические признаки для следователя
1. Бытовая (наивно-обиходная)	Расчёт на привычность и рутину. Установка: «обычные вещи не вызывают интереса».	<ul style="list-style-type: none"> — Нелогичный выбор предмета. — Явные следы недавнего перемещения. — Нестыковки в структуре бытовых зон. 	<ul style="list-style-type: none"> — Несоответствие оформления помещения образу жизни. — Избыточная «аккуратность» в отдельной зоне. — Периодические взгляды в направлении бытовых предметов.
2. Технически сложная (конструктивная)	Профессиональный опыт, уверенность в превосходстве. Стремление «обыграть» ищущего сложностью конструкции.	<ul style="list-style-type: none"> — Следы ремонта и вмешательства. — Избыточная сложность, не соответствующая назначению вещи. — «Профессиональный почерк». 	<ul style="list-style-type: none"> — Элементы, не соответствующие старости/стилю помещения. — Локальная новая отделка. — Повышенная нервозность при обращении с техникой и конструкциями.
3. Психологическая (дезориентирующая)	Использование когнитивных искажений обыскивающего: парадоксальность, отвлечение, табу.	<ul style="list-style-type: none"> — Слишком «кричащие» ложные тайники. — Нелогичная парадоксальность. — Сильная эмоциональная реакция при проверке «табурных» зон. 	<ul style="list-style-type: none"> — Несбалансированное поведение при осмотре зон «на виду». — Контрастная реакция на «неприятные» зоны (мусор, грязь). — Интерес к тому, <i>что</i> именно осматривается, а не <i>как</i>.
4. Пространственная (топографическая)	Стремление отдалить улики от себя, дистанцироваться психологически. Установка: «чем дальше — тем безопаснее».	<ul style="list-style-type: none"> — Недостаточная логическая связность маршрутов. — Зависимость от третьих лиц. — Слабые алиби при проверке внешних мест. 	<ul style="list-style-type: none"> — Неприятие разговоров о «внешних» пространствах. — Неестественные объяснения мотивов владения отдельными помещениями. — Повышенная раздражительность при вопросах о маршрутах.

§ 7. Поведение обыскиваемого во время обыска

Поведение обыскиваемого во время обыска — это далеко не хаотичная реакция на стресс. Это сложная, многоуровневая деятельность, подчиненная реализации заранее продуманной или ситуативно выбранной стратегии. Ее конечная цель — либо полностью сорвать следственное действие, либо минимизировать его разрушительные последствия. Выбор конкретной линии поведения диктуется защитной доминантой — стойким очагом нервно-психического напряжения — и зависит от уникального сочетания личностных качеств человека, его предыдущего опыта, степени уверенности в надежности тайника и непрерывной оценки им действий оперативной группы. Человек, оказавшийся в ситуации обыска, действует не просто эмоционально — он делает всё, чтобы сохранить контроль над происходящим и минимизировать угрозу, которую несёт поиск.

В своем противодействии обыскиваемый руководствуется набором четких **тактических задач**, которые он пытается решить доступными ему средствами.

Дезориентировка следователя. Это одна из ключевых задач. Прячущий может намеренно создавать ложные «следы», активно демонстрируя нервозность в «чистых» зонах помещения, бросая многозначительные взгляды в сторону ложного тайника или распространяя заведомо неверную информацию. Его расчет строится на том, чтобы направить поиск по ложному пути и заставить оперативников тратить время и силы впустую. Здесь работают различные формы информационного и поведенческого манёвра: небрежные комментарии, наводящие на ложный след; демонстративная тревога в тех местах, которые он считает безопасными; подчеркнутое безразличие рядом с критическими зонами. Всё это — попытка создать у обыскивающих неверное впечатление о значимости тех или иных объектов или мест, заставить их ошибиться в расстановке приоритетов.

Затянуть время. Осознавая, что обыск ограничен по времени, прячущий прибегает к пассивному сопротивлению. Демонстративная медлительность, притворная забывчивость, бесконечные просьбы о разъяснении очевидных вещей — все это нацелено на изматывание участников группы. Он рассчитывает, что уставшие оперативники снизят бдительность, допустят ошибки или будут вынуждены свернуть поиск, не успев проверить все возможные места. Он начинает действовать медленно, теряет документы, не понимает простых инструкций, ищет ключи, делает бессмысленные паузы. За этим нет реальной забывчивости — лишь расчёт на усталость оперативников, на снижение их концентрации, на необходимость переходить к следующим мероприятиям или на ограниченность времени. В его логике тянуть время — значит увеличивать вероятность ошибки ищущих.

Вывести из строя или психологически подавить следователя. Более агрессивная тактика заключается в целенаправленной провокации. Человек может прибегать к агрессии, к оскорблениям, к попыткам вызвать конфликт, но иногда действует в противоположном стиле — чрезмерно льстит, предлагает помощь, старается установить неформальный контакт, обескураживая следственную группу своей неожиданной «открытостью». Цель всегда одна: нарушить эмоциональный баланс ищущих, заставить их действовать не в режиме

анализа, а в режиме реакции, а значит, упустить важные детали. Эмоционально вовлеченный, раздраженный или разгневанный следователь теряет концентрацию и может действовать иррационально, совершая процессуальные ошибки, которые впоследствии помогут обжаловать результаты обыска.

Уничтожить или переместить улики. Это задача «последнего шанса», к которой прибегают в состоянии отчаяния, когда риск изобличения становится критическим. Прячущий может попытаться выбросить предмет в окно, незаметно сжечь документ, смыть вещество в канализацию или даже проглотить носитель информации (например, флеш-карту). Хотя в условиях обыска сделать это крайне сложно, сама возможность таких действий требует от оперативной группы постоянного и бдительного контроля за поведением обыскиваемого.

Выбор в пользу той или иной стратегии не случаен. Он определяется комплексом внутренних и внешних факторов.

Внутренние (личностные) факторы играют первостепенную роль. *Психологический тип и темперамент* определяют склонность к тому или иному поведению: импульсивный холерик легко переходит к конфронтации, в то время как флегматичный интроверт скорее изберет тактику пассивного саботажа. *Профессиональный и криминальный опыт* формирует более изощренные формы противодействия; юрист или бывалый преступник будет апеллировать к нормам закона, стараясь найти в них формальные противоречия. *Уровень уверенности в надежности тайника* напрямую влияет на демонстрируемое поведение: абсолютная уверенность может породить демонстративное спокойствие и имитацию сотрудничества, тогда как сомнения выливаются в повышенную нервозность и суетливость.

Внешние (ситуационные) факторы выступают в роли корректоров избранной линии. *Присутствие семьи, детей или коллег* может как сковывать обыскиваемого, заставляя его избегать агрессии, так и, наоборот, провоцировать ее для защиты близких. *Поведение оперативной группы* является мощным стимулом: грубость и непрофессионализм дают прямой повод для конфронтации, тогда как холодная вежливость и неуклонная методичность лишают почвы для манипуляций. Наконец, *динамика поиска* — приближение или удаление от зоны сокрытия — заставляет обыскиваемого в реальном времени адаптировать свою тактику, усиливая или ослабляя сопротивление.

На практике комплексное противодействие обыскиваемого кристаллизуется в несколько **основных стратегий**.

Стратегия активной обороны (конфронтация) нацелена на прямой срыв обыска через деморализацию группы и создание поводов для его последующего обжалования. Ее тактическим арсеналом являются вербальная агрессия (угрозы, оскорбления), правовой нигилизм (постоянные споры и цитирование законов с их намеренно неверным толкованием) и откровенное физическое противодействие (блокирование дверей, попытки спровоцировать конфликт).

Стратегия пассивного сопротивления (саботаж) преследует цель максимально замедлить и затруднить процесс, измотав оперативников. Она реализуется через демонстративную медлительность и «непонимание» простейших

инструкций, избирательный мутизм (отказ от дачи пояснений) или имитацию болезненного состояния (жалобы на здоровье, притворные обмороки).

Стратегия маскировки и имитации сотрудничества (манипуляция) является наиболее изощренной. Ее цель — усыпить бдительность, дезориентировать и перенаправить поиск по ложному следу. Тактически это выражается в оказании ложной помощи (активные, но бесполезные или вредные подсказки), создании ложных «сигналов» (намеренная демонстрация нервозности в «чистых» зонах) и установлении псевдоконтакта (попытки вести светские беседы, вызвать симпатию, пожаловаться на жизнь).

Стратегия демонстративного безразличия (отстраненность) призвана продемонстрировать полную непричастность и незначимость происходящего. Ее инструменты — уход в себя (чтение, просмотр телевизора, сон) и тотальное игнорирование любых попыток взаимодействия.

В рамках избранной стратегии обыскиваемый может применять точечные **психологические приемы для прямого воздействия** на ситуацию.

Приемы управления вниманием включают в себя создание «дымовой завесы» — организацию эмоциональных всплесков (истерика, скандал с родственниками) для отвлечения внимания от ключевых действий, и «бросок в сторону» — намеренную концентрацию на защите незначительного предмета (личного дневника, например), чтобы создать иллюзию, что главная цель обыска уже найдена.

Приемы психологического давления направлены на моральное воздействие. Это использование присутствующих (манипуляции с детьми или пожилыми родственниками) и апелляция к статусу (прямые угрозы связями или жалобы «наверх»).

Наконец, наиболее подготовленные противники применяют *приемы контроля над собственными реакциями (контрнаблюдение)*. Они сознательно отработывают компенсаторное поведение — специальное расслабление, контроль дыхания — чтобы подавить естественные вегетативные реакции при приближении к тайнику. Некоторые заранее создают себе «алиби поведения», демонстрируя в повседневной жизни «вспыльчивость» или «нервность» как черту характера, чтобы впоследствии объяснить ею свои реакции во время обыска.

Таким образом, поведение обыскиваемого представляет собой сложную, многоуровневую систему противодействия. Его стратегия динамична и адаптивна. Для следователя распознавание не только общей стратегии, но и конкретных тактических приемов и психологических уловок является бесценным источником информации.

Задача следователя — не противодействовать этим стратегиям грубо, а уметь видеть за ними структуру: наблюдать, фиксировать, сопоставлять, анализировать слабые места поведения. Именно внимательное чтение этих поведенческих «текстов» позволяет превращать обыск из механического осмотра пространства в тонкий психологический процесс, где человек выдаёт больше, чем намеревается скрыть.

Разговор о психологии прячущего позволил нам увидеть ту часть обыска, которая обычно остаётся в тени. Здесь, в глубине личности человека, скрывающего от следствия значимую информацию, зарождается та самая

внутренняя динамика, которая определяет и выбор тайника, и способы маскировки, и линии поведения во время поисковых действий.

Соккрытие никогда не бывает случайным: за ним стоит система мотивов, комплекс переживаний и особая защитная доминанта, направленная на сбережение значимого. Каждый этап — от подготовки к возможному обыску до поведенческих стратегий при его проведении — подчинён одной цели: сохранить контроль над ситуацией и не позволить ищущему получить доступ к истинно важному.

Психология прячущего — это не набор коварных хитростей, а особая внутренняя логика, в которой страх, расчёт, тревога, паранойяльность, прошлый опыт и самооценка сплетаются в сложный узор. Для следователя понимание этой логики столь же важно, как знание методики поиска: только в сочетании они дают возможность видеть не только пространство, но и человека, который пытается это пространство обмануть.

ПАМЯТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА «ЗОНУ РИСКА»

Поведение человека во время обыска редко бывает нейтральным. Даже если он стремится скрыть свои эмоции, тело, голос, микрореакции и особенности взаимодействия с пространством выдают внутреннее напряжение. Ниже собраны ключевые признаки, которые позволяют следователю видеть не только помещение, но и психологическую карту прячущего.

1. Эмоциональные маркеры

Резкие колебания эмоционального фона.

Внезапные переходы от подчеркнутого спокойствия к раздражению или тревоге обычно связаны с приближением к значимой зоне.

Чрезмерная демонстрация безразличия.

Слишком холодная, «нарочитая» отстранённость — компенсация внутренней тревоги.

Неоправданная агрессия.

Всплески злости при осмотре определённых мест часто выдают их психологическую значимость.

2. Вербальные признаки

Сбивчивые, односложные ответы в отдельных зонах.

Речь упрощается там, где обыскиваемый боится сказать больше, чем нужно.

Навязчивые разговоры в «нужном» направлении.

Иногда человек пытается «вести» следователя словами так же, как и жестами.

Отказы объяснять очевидное.

Показатель внутреннего напряжения: чем ближе к тайнику, тем меньше готовность комментировать происходящее.

3. Невербальные сигналы

Периодические взгляды в одну сторону.

Человек как бы «проверяет», всё ли в порядке в опасной зоне.

Стремление находиться рядом с определённым предметом или комнатой.

Непроизвольный паттерн «охраны» тайника.

Микропаузы перед ответом.

Особенно заметны, когда вопрос касается пространства вокруг фактического места сокрытия.

4. Поведенческие особенности перемещения

Попытки изменить маршрут следователя.

Фразы вроде: «Там ничего нет», «Зачем туда?», «Давайте начнём отсюда» — прямое указание на зоны повышенного риска.

Блокирование пространства.

Человек встаёт в дверях, накрывает предметы, пытается «подправить», «убрать» или «спрятать» что-то в момент приближения оперативников.

Непропорциональная защита незначимых объектов.

Когда хозяин ревностно охраняет вещь без объективной ценности — это почти всегда уловка.

5. Телесные и вегетативные реакции

Изменение дыхания, покраснение или побледнение лица, усиление потливости — сигналы, возникающие при резком росте тревоги.

Напряжённая поза, скованность движений при осмотре конкретных мест — индикатор того, что человек пытается скрыть внутреннее напряжение физическим контролем.

6. Логические несоответствия

Неестественная аккуратность отдельных зон.

Когда одна часть помещения выглядит «стерильно», в отличие от остального пространства.

Предметы, не соответствующие образу жизни.

Например, «внезапная» библиотека у человека, который явно не читает; дорогое оборудование без видимых причин.

Недавние следы ремонта в локальных местах: свежая краска, новая фурнитура, отличающиеся материалы.

7. Основное правило интерпретации

Любая реакция сама по себе не даёт ответа.

Но совпадение нескольких маркеров, появляющихся в одной и той же зоне или при упоминании одного и того же предмета, образует надёжную **психологическую «карту риска»** — указание туда, где следует усиливать поиск.

Выводы по главе

1. Поведение человека, скрывающего улики, формируется не случайным образом. На первый план выходит **защитная доминанта**, которая организует его мысли, чувства и поступки, определяя как выбор места сокрытия, так и способы маскировки, и линию поведения во время обыска.

2. Мотивы сокрытия имеют разные основания — от страха наказания до стремления защитить репутацию или близких. Эти мотивы не только объясняют поведение, но и позволяют прогнозировать ошибки.

3. Типология прячущих показывает, насколько разнообразны их психологические портреты: от рационального и холодного до тревожного, импульсивного или агрессивного.

4. Подготовка преступника к обыску — далеко не всегда бессистемный процесс: некоторые люди продумывают его заранее, другие — действуют импульсивно, но и те, и другие неизбежно оставляют психологические следы.

5. Маскировка тайника — не только технический, но и психологический акт: каждое решение отражает личностные особенности, уровень интеллекта, тревожность, профессиональный опыт и ошибочные представления о тактике ищущих.

6. Поведение во время обыска — это спектакль, где роли выбираются не случайно. Активная агрессия, пассивное сопротивление, мнимая помощь или отстранённость — всё это способы управлять поиском или хотя бы создать у ищущего ложное впечатление.

7. Чем внимательнее следователь относится к психологии прячущего, тем меньшую роль играет случай, и тем больше — закономерность.

Контрольные вопросы

1. Что такое защитная доминанта и каким образом она формирует поведение прячущего на разных этапах — от подготовки до непосредственного обыска?
2. Какие мотивы сокрытия оказываются наиболее значимыми, и как они отражаются на выборе места тайника и манере маскировки?
3. Чем различаются основные психологические типы прячущих и какие особенности поведения характерны для каждого из них?
4. Какие факторы определяют выбор места сокрытия и способы маскировки — как объективные, так и субъективно-психологические?
5. Как маскировка тайника отражает личностные особенности, тревожность и представления обыскиваемого о тактике оперативников?
6. Какие стратегии поведения чаще всего используют обыскиваемые во время обыска и по каким признакам можно распознать их истинные задачи?
7. Почему наблюдение за микро- и макросигналами поведения является столь важным элементом тактики следователя?

Практическое задание № 1

Ситуация:

Оперативная группа проводит обыск в квартире мужчины сорока лет. Во время осмотра он ведёт себя подчеркнуто спокойно, активно предлагает помощь, но при проверке двух комнат внезапно закрывается, говорит односложно и старается переключить внимание следователя на «беспорядок» в другой части квартиры. При осмотре кухни он демонстративно раздражён и требовательно комментирует каждое действие оперативников.

Задача:

На основе наблюдаемого поведения:

- Определите вероятную стратегию и мотивы прячущего.
- Укажите, какие зоны квартиры требуют приоритетного внимания.
- Какие психологические признаки свидетельствуют о возможном наличии тайника?

Практическое задание № 2

Ситуация:

В офисном помещении проводится обыск по делу о хищении документов. Руководитель компании держится резко, агрессивно спорит по каждому вопросу, заявляет, что «всё незаконно», и громко угрожает привлечением «высоких связей». При этом один из сотрудников, находящийся в помещении, выглядит крайне нервным, избегает взглядов и внезапно уходит в комнату отдыха под предлогом «поиска договора».

Задача:

— Определите, какие элементы поведения руководителя являются стратегическими, а какие — демонстративными.

— Какова возможная роль нервничающего сотрудника и к каким зонам стоит проявить особое внимание?

— Какие тактические меры следователь должен принять, чтобы сохранить контроль над ситуацией и нейтрализовать психологические приёмы противодействия?

РАЗДЕЛ II. ТАКТИКА ОБЫСКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В предыдущем разделе мы размышляли о теоретико-методологических основах обыска: о природе поисковой деятельности, психологических механизмах восприятия и внимания, о структуре действий следователя, о роли личности и ситуации. Эти положения создают фундамент, без которого невозможно увидеть психологию обыска во всей её сложности. Но теория — лишь отправная точка. Она объясняет, почему возникают определённые трудности, ошибки и закономерности, но не показывает, *как действовать* в живой, динамичной обстановке реального следственного действия.

Теперь мы переходим к следующему, более прикладному уровню — **тактике обыска**, рассматриваемой через призму психологических закономерностей. Иначе говоря, к тому, как отражаются знания, умения и психические процессы в конкретных действиях: в оценке ситуации, моделировании поведения обыскиваемого, выборе способов воздействия, распределении ролей в группе и в непосредственном взаимодействии с людьми, каждый из которых переживает собственный стресс.

Именно на тактическом уровне психология проявляется наиболее отчётливо. Обыск — не набор формальных шагов, а цепочка решений, каждое из которых требует внутренней готовности, внимательности, эмоциональной устойчивости и умения предвидеть реакцию другой стороны. Поэтому тактика — это не только профессиональная технология, но и глубоко психологический процесс, в котором личность следователя неизбежно взаимодействует с личностью обыскиваемого.

В настоящем разделе мы будем рассматривать практические аспекты подготовки и проведения обыска, акцентируя внимание на тех психологических механизмах, которые определяют эффективность поиска, устойчивость работы группы и характер взаимодействия участников. Это позволит увидеть тактику не как набор внешних приёмов, а как целостную систему, в которой каждый тактический шаг опирается на психологическую закономерность.

ГЛАВА 6. ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ОБЫСКА

§ 1. Психологические аспекты принятия решения об обыске

Решение о проведении обыска редко даётся легко и почти никогда не бывает очевидным. Оно рождается в условиях, когда следователь сталкивается с самой неудобной для психики ситуацией — неопределённостью. Известно что-то, но не всё; есть предположения, но нет уверенности; имеются основания, но остаются сомнения. Именно это состояние внутреннего колебания и делает момент принятия решения психологически значимым. Следователь вынужден действовать не только в правовом, но и в интеллектуальном пространстве, где любое движение мысли либо приближает его к истине, либо уводит в сторону.

Неопределённость, если не управлять ею, легко превращается в эмоциональный фактор. Она заставляет пересматривать уже сформированные представления, вызывает тревогу, иногда — чрезмерную уверенность, а порой — нежелание брать на себя ответственность. В этот момент важно осознанно вернуться к основаниям: какие факты действительно указывают на необходимость обыска, что мы можем ожидать на месте, какие риски возникнут как для следствия, так и для участников следственного действия. И здесь важно помнить, что оценка рисков — это не только схема из учебника, но всегда и психологический процесс. Человек склонен усиливать значимость одних данных и игнорировать другие, объяснять сомнительное через желаемое и приуменьшать угрозу там, где внутренне хочется, чтобы всё было проще.

Парадоксально, но именно в этот момент следователь чаще всего убеждает не самого себя — а будущих читателей своего решения. Любое постановление о возбуждении ходатайства об обыске — это документ с двойной направленностью. Оно должно быть убедительным и юридически выверенным, но одновременно и психологически прозрачным. Прокурор и судья читают не только строки закона, но и логику рассуждений: почему именно этот объект стал предметом поиска, почему именно сейчас, почему обыск является реальным средством добычи доказательств, а не формальной попыткой «посмотреть на всякий случай».

Фактически подготовка постановления — это первый этап обыска, только ещё не физический, а когнитивно-психологический. На бумаге создаётся будущая поисковая модель: обосновываются объекты, формулируются ожидания и гипотезы, выстраивается причинно-следственный ряд. Если в этом ряду есть пробелы или логические скачки, это заметит не только прокурор или суд, но и сам следователь — уже на месте, когда возникнет ощущение, что «что-то упустили». Поэтому качественное обоснование в постановлении — не бюрократическая формальность, а инструмент мысленного структурирования будущего обыска.

Но, кроме логики и фактов, существует ещё и психологическая цена ошибки. Каждый следователь знает, как тяжело переживаются необоснованные действия, неверные решения, пустые обыски. Они бьют не только по результату дела, но и по профессиональной самооценке. Стремление избежать такой ошибки может привести, с одной стороны, к чрезмерной осторожности, а с другой — к попытке оправдать и укрепить решение любой ценой. Именно поэтому важно фиксировать для себя: страх ошибки — это закономерная эмоция, но она не должна становиться движущей силой рассуждений. Он полезен только в одном случае — если побуждает к тщательной проверке информации и к честному анализу того, что действительно известно.

Формирование психологической готовности следователя на этом этапе — процесс тихий, внутренний, но чрезвычайно важный. Он заключается не в эмоциональном настрое, а в зрелом принятии ответственности. Чтобы выйти на обыск уверенно, необходимо заранее примириться с мыслью, что неопределённость будет сопровождать каждый шаг, что далеко не всё пойдёт по плану, что обыскиваемый может вести себя неожиданно, а найденное — оказаться другим, чем предполагалось. Готовность — это способность мыслить ясно в

неполной информации и сохранять внутренний стержень при любом развитии событий.

Так решение о проведении обыска постепенно перестаёт быть формальным актом. Оно превращается в интеллектуально-психологическую процедуру, где закон, логика и личность следователя сплетаются в единый узел. И уже на этом первом, «бумажном» этапе начинается настоящий обыск — тот, что совершается прежде всего в голове.

§ 2. Информационная подготовка к проведению обыска

Подготовка к обыску всегда начинается с попытки понять человека, к которому следователь придёт с постановлением суда. Именно личность обыскиваемого — его характер, привычки, стиль общения, типичные реакции и способы решения проблем — определяет большинство последующих тактических решений. От того, насколько полно и качественно собрана эта информация, зависит не только эффективность поиска, но и безопасность всех участников следственного действия. Нередко именно один незамеченный штрих в биографии или образе жизни обыскиваемого приводит к ошибочному прогнозу, а значит — к провалу обыска или серьёзным осложнениям при его проведении. Именно на этом этапе следователь получает ответы на вопросы, без которых дальнейшая работа превращается в набор случайных действий: кто этот человек, как он живёт, как мыслит, как реагирует на стресс, на что способен в конфликтной ситуации и какие формы противодействия можно ожидать.

Для опытного следователя личность обыскиваемого — это не абстрактная фигура в уголовном деле, а вполне конкретный человек со своими привычками, страхами, установками, сильными и слабыми сторонами. Чем полнее удаётся собрать такую информацию, тем точнее можно выстроить поисковую модель и тем меньше вероятность пропустить спрятанный объект. В конечном итоге результативность обыска — это не только техника и тактика, но и глубина предварительного психологического анализа.

Когда речь идёт о сборе данных, важно помнить: обыск может проводиться не только по месту жительства. Нередко объектом становятся рабочие кабинеты, подсобные помещения, транспортные средства, гаражи, хозяйственные постройки, арендуемые склады, офисы юридических лиц, а в отдельных случаях — участки местности. Кроме того, при расследовании деятельности преступных групп обыск может проводиться одновременно по нескольким адресам — что требует не одного портрета, а серии прогнозов по каждому фигуранту. У каждого — свой характер, свой стиль поведения, своя способность к сопротивлению или манипуляции. Игнорировать это — значит осознанно снижать эффективность всей операции. Поэтому сбор данных должен быть максимально широким и учитывать все возможные варианты поведения и противодействия.

Сбор информации о личности — это не формальность, а стратегическая часть подготовки. Следователь начинает с *общих сведений*, которые иногда недооценивают из-за их кажущейся банальности. Возраст, пол, семейное положение, род занятий, уровень образования, материальное положение, образ

жизни, круг общения, наличие детей, пожилых родственников, тяжело больных членов семьи — всё это не просто «анкета», а контуры будущей психологической картины. Один и тот же обыск в квартире холостого программиста и в доме многодетной семьи с бабушкой после инсульта — это разные по эмоциональному фону, по рискам и по тактике действия, даже если предметы поиска формально одинаковы.

Следующий шаг — *анализ биографических сведений и прежнего опыта* взаимодействия с правоохранительными органами. Здесь важны детали: как человек переносит стрессовые ситуации, склонен ли он к аффекту, может ли использовать агрессию, есть ли опыт дачи ложных показаний или сокрытия информации. Это уже зачатки психологического портрета — будущего инструмента прогнозирования поведения в момент обыска.

Далее следователь переходит к более глубокому уровню — *созданию психологического портрета обыскиваемого*. Важно понимать, что речь здесь не идёт о какой-то художественной характеристике или псевдонаучном «типировании». Психологический портрет в практическом смысле представляет собой рабочую модель личности, которая должна помочь спрогнозировать поведение человека в условиях обыска и его возможные стратегии противодействия. В эту модель, как правило, входят несколько блоков: особенности темперамента и эмоциональной устойчивости; привычный стиль поведения в конфликте (уходит от столкновения, взрывается, манипулирует, пытается договориться); отношение к закону и представителям власти; уровень самоконтроля и импульсивности; склонность к риску; особенности самооценки и стремление сохранять лицо перед окружающими; значимые для человека роли — «заботливый отец», «успешный бизнесмен», «уважаемый сосед» и т.п. Именно за эти роли он будет особенно цепляться, защищая свой образ в глазах других.

Примерный психологический портрет обыскиваемого

1. Общие сведения

ФИО, возраст, семейное положение, образование, род занятий, должность.

2. Социальное окружение

Круг общения, влияние семьи, авторитетные для обыскиваемого лица, наличие конфликтных связей.

3. Психологические особенности

Черты характера, уровень самоконтроля, эмоциональная устойчивость, импульсивность, склонность к агрессии, тревожность, доминирующий стиль поведения (уход, борьба, манипуляция).

4. Типичные модели поведения в конфликтных и стрессовых ситуациях

Как человек реагирует на давление? Склонен договариваться, уходить, сопротивляться, жаловаться, запугивать ситуацию?

5. Мотивационная сфера

Что для него важно: репутация, деньги, авторитет, безопасность семьи? Какие мотивы могут определять его поведение во время обыска?

6. Криминальный опыт и установка на противодействие

Наличие криминального опыта, предыдущая судимость, опыт общения с правоохранительными органами, навыки маскировки, умение вводить в заблуждение, уровень юридической грамотности.

7. Возможные стратегии противодействия

Активное сопротивление, имитация сотрудничества, ложные ориентиры («отвлекающие манёвры»), попытки уничтожения доказательств, психологическое давление на следователя.

8. Прогноз поведения при проведении обыска

Вероятность агрессии, истерических реакций, скрытого противодействия, вовлечения родственников; готовность к диалогу.

Собрать подобный материал только по материалам уголовного дела, как правило, невозможно. Поэтому следователь должен использовать разные **источники информации**, не забывая каждый раз задавать себе вопрос: что это даёт для понимания будущего поведения при обыске? Источниками могут быть объяснения и показания самих участников, характеристики с места работы и учёбы, данные участкового, информация от соседей, супругов, родственников, педагогов, сведения из социальных сетей, фотоматериалы, результаты наблюдения во время иных следственных действий и процессуальных контактов.

Особое значение имеет информация, полученная в ходе оперативно-розыскной работы. Сотрудники оперативных подразделений нередко имеют ценнейшие сведения о привычках, распорядке дня, круге доверенных лиц, возможном местонахождении ключевых предметов, а также о характере обыскиваемого. Если оперативник знает, что подозреваемый по вечерам выпивает, а по утрам находится в апатичном состоянии, это влияет на выбор времени проведения обыска. Если известно, что он способен к агрессии, — это меняет состав группы и модель поведения следователя. Оперативная информация в этом смысле не роскошь, а обязательный элемент подготовки.

Когда дело касается преступной группы, сбор информации требует ещё большей тщательности. Важно учитывать внутренние роли участников: лидер, организатор, посредник, бухгалтер, «силовой блок». Поведение каждого из них будет отличаться, и тот, кто активно сопротивляется, вовсе не обязательно тот, у кого находятся искомые предметы. Иногда роль «спокойного» участника оказывается самой небезопасной: именно он способен заранее подготовить систему маскировки, продумать стратегию отвлечения внимания, организовать уничтожение доказательств. При одновременных обысках прогноз поведения каждого участника особенно важен: ошибки на одном адресе могут привести к утечке информации и срыву обыска на другом.

В ряде случаев к работе подключается психолог-криминалист. Его задача — помочь следователю систематизировать данные, выстроить предположительную модель поведения обыскиваемого, оценить риск конфликтности, склонность к дезорганизующим формам противодействия, способность к импровизации. Консультация психолога особенно важна в случаях, когда предстоит обыск у лиц с выраженными эмоциональными нарушениями, акцентуациями, психопатическими чертами либо у тех, кто имеет высокий уровень криминальной профессионализации. При этом участие психолога требует строгой конспирации: информация о грядущем следственном действии не должна покидать узкий круг участников, иначе под угрозу может быть поставлена вся операция.

Таблица источников информации для составления психологического портрета обыскиваемого

Источник информации	Какие элементы портрета можно получить	Примечания
Материалы уголовного дела	Общие сведения, биография, характер отношений между участниками, мотивы	Часто дают лишь «скелет» портрета
Показания свидетелей	Эмоциональные реакции, манера общения, особенности поведения	Нужна критическая оценка достоверности
Оперативно-розыскная информация	Привычки, распорядок дня, склонность к сопротивлению, криминальный опыт, возможные тайники	Один из наиболее ценных источников
Характеристики с места работы/учёбы	Уровень дисциплины, стиль общения, конфликтность	Часто отражают «социальную роль», а не личность
Сведения из социальных сетей	Интересы, круг общения, эмоциональные всплески, установки	Используются осторожно, требуют проверки
Психологическая консультация или участие специалиста	Анализ эмоционально-волевой сферы, прогноз поведения, типичные стратегии противодействия	Важна конспирация
Информация от соседей или коллег по работе	Повседневные привычки, реакции, бытовое поведение	Используется ограниченно и с осторожностью

Вместе с тем необходимо строго помнить о *режиме секретности*. Сбор информации о личности обыскиваемого не должен превращаться в шумную «разведку по соседям», после которой слух о грядущем обыске распространяется быстрее любого официального документа. Запросы должны быть адресными и продуманными, беседы — тщательно маскируемыми под иные поводы, обсуждение деталей — ограниченным узким кругом лиц, реально участвующих в подготовке. Любая утечка сведений даёт обыскиваемому время и повод изменить своё поведение, уничтожить или переместить предметы поиска, подготовить более изощрённые способы маскировки и противодействия. Парадоксально, но плохо организованный этап сбора информации, при внешнем впечатлении «активной работы», может в итоге лишит обыск его главного преимущества — внезапности.

Сформированный психологический портрет становится основой для *прогноза поведения обыскиваемого* в момент вторжения в его привычное жизненное пространство. Один человек, узнав о приходе следственной группы, замкнётся, станет внешне вежливым, но холодным, скупым на слова, и будет стараться всё контролировать. Другой начнёт суетиться, попытается одновременно отвечать, шутить, звонить кому-то, выходить в соседнюю комнату — и в этой

суете может попытаться избавиться от чего-то важного. Третий выберет тактику открытого давления, громких заявлений, апелляций к «нарушенным правам», пытаясь выбить группу из внутреннего равновесия и навязать ей свой сценарий. Если такие реакции были заранее спрогнозированы, следовательно меньше подвержен неожиданности и может соответствующим образом выстроить линию поведения: где проявить жёсткость, где дать человеку возможность «сохранить лицо», где усилить контроль над его передвижениями, где, наоборот, не провоцировать излишних вспышек.

Немаловажно, что портрет позволяет предугадать и *возможные стратегии противодействия обыскиваемого*. Человек, привыкший добиваться своего через обаяние и связи, будет пытаться «решить вопрос по-хорошему», апеллировать к знакомым, занижать значение происходящего. Человек с криминальным опытом, не раз проходивший обыски, может заранее разыгрывать сценарий демонстративного спокойствия и подчёркнутой законопослушности, отвлекая внимание от действительно значимых мест. Тот, кто всю жизнь строил образ «образцового семьянина», может пытаться прикрываться детьми, супругой, пожилыми родителями, переводя разговор в эмоциональную плоскость. Для следователя всё это не должно быть сюрпризом: правильно составленный психологический портрет ещё до выезда подсказывает, какие «козыри» может попытаться разыграть другая сторона и какие из них действительно опасны для результативности поиска.

Конечно, никакой портрет не даёт абсолютной гарантии. Это всегда рабочая гипотеза, которая уточняется по мере поступления новой информации. Но наличие такой гипотезы резко увеличивает шансы на осмысленное, а не хаотическое поведение следователя. Он едет на обыск не к абстрактному «подозреваемому N», а к конкретному человеку с определёнными особенностями, привычками и слабостями. И чем глубже и тщательнее проведён этап сбора данных о личности, тем меньше остаётся места для случайности и тем выше вероятность того, что тактические решения в ходе обыска будут психологически выверенными.

Если личность обыскиваемого задаёт «психологический рельеф» будущего обыска, то само помещение определяет его «ландшафт». Планировка, обстановка, количество комнат, порядок, захламлённость, наличие тайных или просто сложных для обзора зон — всё это влияет на то, как следователь будет строить поисковую линию, на какие участки направит внимание и какие тактические решения примет ещё до того, как перешагнёт порог.

Важно помнить, что как мы уже говорили выше, объектом обыска может быть не только жилое помещение и в некоторых случаях может проводиться серия одновременных обысков по разным адресам: у нескольких участников преступной группы, в разных подразделениях организации или в связанных между собой помещениях. Тогда «карта» становится многослойной, а анализ объекта — задачей уже не одного следователя, а целой группы специалистов.

Особенности объекта заранее формируют *психологически значимую картину работы*. Просторные светлые помещения создают одни ожидания и требуют одного темпа проверки, а тесные квартиры, заставленные мебелью и личными вещами, — совершенно иного. Большие площади с множеством

технических помещений нередко вызывают скрытый стресс: следователь понимает, что объём поиска может оказаться чрезмерным и потребует от группы высокой организованности. Сложные планировки — старые дома с множеством хозяйственных пристроек, коттеджи с подвалами, мансардами, кладовыми — могут создавать ложные чувства «бесконечности» поиска, когда кажется, что на каждом шаге может скрываться что-то важное.

Есть и обратная сторона — объекты с подчеркнутым порядком, минимализмом или, наоборот, с хаотичной, но, как ни странно, очень «личной» обстановкой. Порой они провоцируют следователя на преждевременные выводы: что здесь всё ясно или, наоборот, ничего не ясно. Но пространство редко говорит правду с первого взгляда — его нужно «читать», а это уже психологическая работа: поиск признаков вторичной перестройки интерьера, «странных» предметов, неожиданных пустот, следов переноса вещей, излишней аккуратности или, наоборот, демонстративной небрежности.

Особое значение имеет и воздействие пространства на саму оперативную группу. Слишком тесное помещение порождает скученность, мешает работе, повышает раздражительность. Пыльные подвалы или тёмные складские помещения вызывают физический дискомфорт и могут снижать внимательность. Группы, которые заходят в большой просторный офис с кондиционированным воздухом, часто впадают в расслабленное, почти рутинное состояние, хотя именно в офисах скрывают самые сложные документы. А работа под открытым небом, в жару или холод, требует дополнительной психологической устойчивости.

Поэтому анализ объекта должен быть не формальной фиксацией адреса и площади, а полноценным этапом тактического моделирования. Следователь заранее представляет себе, как будет организовано движение группы, где возможны очаги сопротивления, какие зоны будут требовать повышенного внимания, как распределить людей, чтобы не создавать хаоса и лишнего стресса. И чем точнее он мысленно «пройдёт» пространство, тем меньше сюрпризов встретит в реальности.

Когда личность обыскиваемого и особенности объекта изучены, наступает завершающий этап информационной подготовки — **синтез**. Это то место, где разрозненные сведения превращаются не просто в набор предположений, а в рабочую модель обыска, которая определяет весь дальнейший ход следственного действия. А.В. Дулов указывал⁴, что построение мысленной модели действий обыскиваемого по сокрытию ценностей является обязательным элементом в подготовке к производству обыска.

Поисковая модель позволяет следователю представить, что именно он ищет, где эти объекты могут быть спрятаны и каким способом, насколько прячущий действует рационально или импульсивно, подготовлено или хаотично. Если портрет указывает на осторожного, методичного человека, который привык всё контролировать, следователь ожидает тщательно продуманные тайники, возможно, с многоуровневой маскировкой. Если перед ним импульсивная личность, склонная к панике, — тайники могут быть более примитивными,

⁴ Дулов А.В. Судебная психология. – Минск, 1975. С. 345.

но неожиданными по расположению: импульсное спрятать что-то «куда попало» тоже закономерность.

К этому добавляется *модель поведения обыскиваемого* во время самого следственного действия. Прогнозирование реакции — важный элемент тактики. Одни будут демонстрировать уверенность и пытаться навязать группе собственный ритм, мешая, отвлекая, комментируя. Другие — наоборот, замкнутся, станут отвечать коротко, но пристально наблюдать за движениями следователей, пытаясь понять, насколько близко они подошли к тайнику. Есть и те, кто начнёт активно «помогать», направляя внимание в выгодную для себя сторону. Всё это должно быть заложено в модель заранее.

Третий элемент — *сценарии обыска*. Это не фантазии ради фантазий, а профессиональный инструмент. Следователь, анализируя личность и объект, мысленно проигрывает несколько возможных вариантов развития событий: где может возникнуть конфликт, где потребуется усиление группы, какие зоны проверять в первую очередь, можно ли ожидать попытки уничтожить предметы прямо при следователе, понадобится ли психологу работа на месте для стабилизации эмоционального фона. Сценарии позволяют избежать паралича растерянности и быстро принимать решения, если ситуация пойдёт по непредсказуемому пути.

С точки зрения психологии синтез данных — это момент, когда следователь соединяет аналитическое и интуитивное мышление. Он ориентируется на факты, но при этом использует опыт, предчувствие, наблюдательность. Это тот баланс, без которого невозможно провести результативный обыск, особенно если он проходит в сложных условиях, по нескольким адресам или в нестандартных объектах.

Чем глубже и точнее выполнен этот этап подготовки, тем увереннее действует группа, тем меньше вероятность ошибок и тем выше шанс обнаружить действительно значимые объекты. Качественный синтез — это не просто итог предварительной работы, но и внутреннее психологическое состояние, которое позволяет следователю войти в обыск не как в рискованное приключение, а как в управляемый профессиональный процесс.

§ 3. Формирование оперативной группы и её психологическая подготовка.

Когда следователь завершает работу с материалами дела и личностью обыскиваемого, перед ним возникает уже не только «он» и «его квартира», но и ещё один важный объект — собственная оперативная группа. Именно через неё будет реализовываться всё, что придумано, смоделировано и спланировано. Поэтому **формирование группы и её психологическая подготовка** — не формальность, а отдельный этап обыска, от которого напрямую зависит, чем всё закончится: аккуратным, профессиональным действием или беспорядочной суетой.

Начинается всё с *подбора участников*. Здесь важно не только «кто свободен» или «кого дали», а то, насколько конкретные люди подходят под конкретный вид обыска. Если речь идёт о сложном многоадресном обыске, лучше

привлекать сотрудников с опытом работы в составе таких групп, способных действовать автономно, без постоянных подсказок. Если ожидается возможность активного сопротивления или агрессии, требуется участие сотрудников, умеющих действовать в условиях конфликта, контролировать свои эмоции и при этом не переходить к излишней жесткости. Важно учитывать не только профессиональные навыки, но и темперамент, уровень самоконтроля, склонность к импровизации или, наоборот, к строгому следованию инструкциям. Двое сильных специалистов, которые в обычной работе постоянно конфликтуют, в рамках одной обычной группы могут стать источником хаоса, даже если каждый по отдельности профессионален.

Когда круг участников определён, перед следователем встаёт следующая задача — *распределить роли*. Формально роли известны: руководитель обыска, сотрудники, обеспечивающие безопасность, те, кто занимается непосредственным поиском, те, кто фиксирует результаты, работает с документацией и техникой, взаимодействует с понятыми и самим обыскиваемым. Но за этой формальной схемой скрывается психологическая реальность: у каждого есть своя привычная позиция в коллективе, свой стиль поведения. Одни склонны брать инициативу, другие предпочитают оставаться в тени, третьи нуждаются в чётких инструкциях. Если эти особенности игнорировать, во время обыска группа начнёт самопроизвольно перестраиваться: кто-то будет перетягивать на себя центр внимания, кто-то выпадет из активной работы. Гораздо эффективнее заранее связать функциональные роли с психологическими особенностями людей. Тому, кто склонен к импульсивным действиям, вряд ли стоит поручать непосредственный контакт с обыскиваемым в напряжённой ситуации, а педантичному, аккуратному сотруднику логично доверить фиксацию хода и результатов обыска.

Чек-лист: Как распределить роли перед обыском

1. Оцените объект обыска.

- Сложный или простой?
- Требуется ли переговоры?
- Возможна ли агрессия?
- Много ли технических зон?

2. Проанализируйте психологический портрет обыскиваемого.

- Импульсивный или сдержанный?
- Интеллектуальный тип или бытовой?
- Тревожный? Манипулятивный? Агрессивный?

3. Сопоставьте требования обыска с качествами сотрудников.

4. Назначьте роли в соответствии с их сильными сторонами, а не по «обычной привычке».

Краткая логика распределения:

- Наблюдатель / контролёр поведения — внимательный, замечает мелочи, хорошо читает невербалику.
- Коммуникатор / переговорщик — спокойный, легко устанавливает контакт, умеет снижать напряжение.
- Поисквик — технически грамотный, методичный, выдержанный, работает без спешки и хаоса.

– Страхующей / силовой блок — решительный, быстро реагирующий, эмоционально устойчивый.

– Аналитик / координатор — умеет держать общую картину, быстро обрабатывает информацию, принимает решения под давлением.

– Документатор — аккуратный, педантичный, с высоким вниманием к деталям.

4. Объявите роли открыто — чтобы группа понимала, кто за что отвечает.

5. Прогоните сценарии противодействия, особенно:

– агрессия;

– попытка скрыть предметы;

– отвлекающее поведение;

– инсценировка болезни.

6. Убедитесь, что роли позволяют группе работать как единому организму.

Особое место занимает предобыскочный **инструктаж**. Многие привыкли воспринимать его как формальную часть: напомнили нормы закона, обозначили адрес, время, состав участников — и достаточно. В психологическом плане инструктаж — это момент, когда у группы складывается общее представление о предстоящей работе, формируется единая картина задачи и, что не менее важно, общий эмоциональный фон. Поэтому помимо юридических и организационных вопросов здесь следует *проговорить ключевые элементы*: чего мы ожидаем от поведения обыскиваемого, какие варианты его реакции возможны, какие задачи стоят перед каждым, где границы допустимого воздействия, кто принимает окончательные решения в спорных ситуациях. Чем конкретнее очерчены ожидания, тем меньше шансов, что во время обыска сотрудники начнут действовать «каждый по-своему».

Инструктаж выполняет и *мотивационную функцию*. Люди должны понимать, что они делают не «просто обыск», а важную работу, от которой зависят доказательства, судьбы людей, доверие к следствию. Короткое, но продуманное акцентирование смысла предстоящих действий помогает перевести группу из режима «рутинного задания» в режим ответственного профессионального действия. Вместе с этим полезно заранее проговорить возможные трудности: затягивание обыска, конфликты с родственниками, давление со стороны адвоката, провокационное поведение обыскиваемого. Тогда столкновение с этими ситуациями не будет для сотрудников неожиданностью, а восприниматься как один из предусмотренных сценариев, под который уже есть модель поведения.

Часть инструктажа логично строить в форме *проигрывания сценариев противодействия*. Следователь может кратко описать несколько наиболее вероятных линий поведения обыскиваемого: демонстративное сотрудничество при попытках одновременно скрыть ключевые объекты, агрессивный протест, затягивание всех процедур, попытки эмоционального давления через «игру на жалости» или угрозы жалобами. Обсуждение таких сценариев заранее позволяет группе выработать общую позицию: как реагировать, кто вступает в контакт, кто остаётся сосредоточенным на поиске, как минимизировать отвлекающие раздражители. В этом смысле предобыскочный инструктаж — это своеобразная «репетиция», которая снижает уровень неопределённости и тем самым уменьшает тревогу.

Не менее важен и вопрос **групповой динамики**. Любая оперативная группа — это не просто набор людей, а небольшая социальная система со своими неформальными лидерами, симпатиями, антипатиями, привычными моделями взаимодействия. Руководитель обыска должен учитывать эти невидимые связи. Если известны давние конфликты между двумя сотрудниками, их стоит развести по разным зонам работы, минимизировать необходимость постоянного взаимодействия. Если в группе есть человек, пользующийся авторитетом у остальных, разумно вовлечь его в поддержание дисциплины и рабочего настроя, а не оставлять его в стороне. Управление динамикой группы начинается задолго до входа в квартиру или офис.

Психологический климат в группе важен ещё и потому, что обыск почти всегда проводится в условиях повышенного эмоционального напряжения: раннее утро, спешка, возможное сопротивление, присутствие родственников, бытовая неустроенность. На этом фоне любые внутренние трения усиливаются. Поэтому до выхода на обыск следует внимательно отслеживать эмоциональное состояние сотрудников: чрезмерная раздражительность, шутки «через край», повышенная нервозность или, наоборот, демонстративная безразличность могут быть сигналом неблагополучия. Иногда достаточно короткого разговора, короткого напоминания о цели и значимости предстоящего действия, чтобы вернуть человека в рабочее русло.

Наконец, психологическая подготовка группы включает в себя и *настрой на взаимодействие с обыскиваемым и его окружением*. Важно, чтобы сотрудники понимали: перед ними не абстрактный «объект обыска», а живые люди с различными реакциями — от испуга до агрессии. Жёсткость и решительность должны сочетаться с самообладанием и уважением к закону. Если в составе группы есть психолог, его участие может оказаться особенно полезным как на этапе инструктажа, так и в ходе самого обыска: он может помочь спрогнозировать реакцию участников, предложить оптимальный стиль общения, а при необходимости — поддержать и самих сотрудников, если ситуация окажется эмоционально тяжёлой.

Таким образом, формирование оперативной группы и её психологическая подготовка — это не техническая «пристройка» к обыску, а важный элемент общей тактики. Чем продуманнее состав, яснее распределение ролей, тщательнее инструктаж и внимательнее отношение к групповому климату, тем больше шансов, что во время обыска каждый будет действовать не хаотично и «по наитию», а в рамках единой, профессионально выверенной тактической и психологической модели.

Выводы по главе

1. Подготовка к проведению обыска — это не технический этап, который нужно «отработать» перед настоящей работой. Это уже начало обыска в психологическом смысле. Решение о его проведении формируется в условиях неопределённости, когда следователь должен опираться не только на юридические основания, но и на способность предвидеть, анализировать и удерживать внутреннее равновесие. Именно здесь закладывается будущая эффективность поисковой деятельности и минимизация ошибок.

2. Информационная подготовка раскрывает психологию обыска с другой стороны — как процесс моделирования личности и поведения обыскиваемого, построения поисковой стратегии и просчёта возможных вариантов противодействия. Качество этой работы определяет, насколько точно следователь сможет предвидеть динамику ситуации и удержать инициативу.

3. Формирование оперативной группы завершает этап подготовки. Здесь важно не только выбрать профессионально компетентных сотрудников, но и сформировать рабочую команду с устойчивым психологическим фоном, понятными ролями, оптимальной мотивацией и готовностью действовать в условиях неопределённости и эмоционального напряжения. Правильная организация этого этапа делает группу более устойчивой, а обыск — более скоординированным и психологически управляемым.

4. Все три элемента — решение, информация и команда — образуют единую систему психологической готовности к обыску. И чем более осознанно и детально выстроен каждый из них, тем выше вероятность того, что тактические приёмы будут не формальными схемами, а эффективной частью профессионального взаимодействия людей.

Контрольные вопросы

1. В чём заключается психологическая сложность принятия решения о проведении обыска?
2. Какие факторы оказывают влияние на эмоциональное состояние следователя на этапе подготовки?
3. Почему информация о личности обыскиваемого имеет ключевое значение для построения поисковой модели?
4. Какие элементы должны быть включены в психологический портрет обыскиваемого?
5. В чём заключается риск неверного прогнозирования поведения обыскиваемого и как его минимизировать?
6. Какие особенности объекта обыска могут повлиять на психологическое состояние группы?
7. Что понимается под синтезом данных в контексте подготовки к обыску?
8. Как распределение ролей в оперативной группе влияет на её эффективность?
9. Какие психологические задачи решаются в ходе инструктажа перед проведением обыска?
10. Почему управление групповой динамикой следует рассматривать как элемент тактики?

Практическая ситуация №1

Ситуация:

Следователь готовится к проведению обыска по делу о незаконном обороте наркотических средств. Обыски предстоят по трём адресам одновременно: по месту жительства подозреваемого, по месту работы (в складском помещении) и в гараже, который, по оперативным данным, используется для хранения

оборудования и упаковочных материалов. Подозреваемый конфликтен, ранее оказывал сопротивление сотрудникам полиции, но в быту ведёт себя спокойно. В группе есть молодой оперативный сотрудник, впервые участвующий в обыске, и опытный специалист, склонный доминировать и принимать решения без согласования.

Задание:

Определите, какие психологические задачи должен решить следователь на этапе подготовки к обыску, и предложите стратегию их реализации.

Практическая ситуация №2.

Ситуация:

Следователь готовится к проведению обыска в отношении гражданина Р., подозреваемого в систематическом присвоении денежных средств предприятия. По делу установлено, что Р. давно работает в организации, имеет доступ к финансовой документации и электронным системам учёта. Оперативные данные указывают, что часть документов может храниться вне офиса — либо дома, либо в так называемом «запасном месте», которое он использует для хранения «особо чувствительных» вещей.

Проведённый психологический портрет включает следующие сведения:

- Р. — человек крайне аккуратный, педантичный, испытывает выраженный страх потери контроля.
- В конфликтных ситуациях избегает открытого противостояния, предпочитает «уход в тень», молчание, минимизацию контактов.
- Склонен к продуманной, заранее подготовленной тактике действий; импульсивность ему не свойственна.
- Имеется привычка разделять вещи на «публичные» и «личные»; личное пространство охраняет ревностно, никого туда не пускает.
- Из оперативного наблюдения известно, что Р. несколько раз в неделю посещает гаражный бокс, хотя автомобилем пользуется редко.
- Характеристики коллег подчёркивают его сдержанность, скрытность и способность к длительному продумыванию решений.

Перед следователем стоит задача — на основе портрета определить вероятные места расположения документов, возможную линию поведения Р. во время обыска и выбрать оптимальную модель тактики.

Задание:

1. Определите какие элементы психологического портрета оказывают наибольшее значение для построения поисковой модели?
2. Укажите возможные сценарии поведения Р. во время обыска следует учитывать?
3. Решите какие объекты обыска следует включить в план, учитывая особенности личности?
4. Какие тактические решения можно сделать заранее, чтобы снизить вероятность противодействия?
5. Распределите роли между членами группы с учётом прогнозируемого поведения обыскиваемого?

ГЛАВА 7. ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ОБЫСКЕ

Поисковая деятельность занимает в обыске центральное место. Именно она превращает формальную юридическую процедуру в сложный профессиональный процесс, требующий внимания, наблюдательности, логики, интуиции и умения работать с человеческим поведением. С момента, когда следователь и оперативная группа подъезжают к месту проведения обыска, и до завершения последней проверки помещения, они постоянно решают одну и ту же задачу: как в условиях неопределённости обнаружить то, что намеренно скрыто.

При этом поиск при обыске никогда не бывает «слепым». Он опирается на предварительные версии, на анализ личности обыскиваемого, на особенности обстановки и на поведенческие реакции людей, находящихся внутри помещения. Именно психологическая составляющая позволяет превратить разрозненный набор предметов, комнат и деталей интерьера в осмысленную картину — своеобразную когнитивную карту, по которой можно уверенно двигаться, уточняя версии и выбирая точки приложения усилий.

Более того, весь процесс обыска — от первых минут до финальной проверки — можно рассматривать как последовательность взаимосвязанных психологических задач. На начальном этапе важно быстро оценить ситуацию, зафиксировать первичные признаки возможного сопротивления или попыток увести внимание. Во время обзорной стадии необходимо удерживать широкий угол внимания, не поддаваясь искушению сразу «провалиться» в детали. А на детальной стадии поиск превращается в кропотливую работу, где требуется устойчивость внимания, умение распознавать аномалии и способность «думать как прячущий».

Тем самым поисковая деятельность при обыске — это не просто техника осмотра помещения, а сочетание тактики и психологии, профессионального опыта и тонкого восприятия. Этой теме и посвящена данная глава: мы рассмотрим, как организуется поиск, какие психологические процессы определяют его успех, какие ошибки чаще всего мешают, и как грамотное взаимодействие между членами группы помогает выявлять скрытые объекты даже там, где, казалось бы, всё тщательно замаскировано.

§ 1. Понятие и структура поисковой деятельности при обыске

Поисковая деятельность составляет ядро любого обыска. Если юридическая сторона процедуры определяет его рамки, то именно поиск наполняет их содержанием. Основная *цель обыска* — обнаружение скрытых объектов, документов, цифровых носителей или информации — *достигается* не формальным передвижением предметов, а *тщательным, продуманным и психологически выверенным поиском*. Именно он превращает помещение в своеобразный текст, который нужно уметь читать: замечать намёки, оценивать контекст, распознавать «слабые сигналы», указывающие на возможное местонахождение тайника.

В этом смысле поиск принципиально отличается от простого осмотра. Осмотр — это регистрация того, что находится перед глазами. Поиск — это работа с тем, чего *не видно*. Он всегда основан на гипотезах, версиях и

направленности внимания, когда следователь не просто «обходит помещение», а постоянно соотносит наблюдаемое с предполагаемым. Каждая деталь интерьера, каждый предмет, расположенный чуть необычно, каждая несоответствующая логике мелочь становится элементом для анализа. Поиск — это активное, интеллектуальное действие, требующее внутреннего диалога и умения замечать то, что намеренно скрыто.

Психологически поисковую деятельность можно описать как решение задачи при неполной информации. Следователь знает конечную цель, но не знает, где она может быть реализована. Ему приходится строить и уточнять версии, проверять их, отбрасывать неверные и формировать новые. Такой *эвристический характер поиска* сближает его с процессами творческого мышления, где важна способность не только следовать инструкции, но и гибко адаптироваться к меняющимся условиям.

Эта деятельность имеет свою **структуру**. На уровне общей организации можно выделить несколько этапов. *Подготовка к поиску* начинается еще до входа в помещение: участники обыска мысленно проговаривают версии, распределяют роли, формируют внутреннюю готовность к работе в незнакомой среде. *Обзорная стадия* позволяет получить общее представление о пространстве, увидеть «картину в целом» и определить зоны первоочередного внимания. *Детальная стадия* — это уже систематическая, кропотливая проверка отдельных участков, предметов, мебели, возможных мест хранения. Завершает работу *контрольная проверка* — своеобразный психологический «антидот» против иллюзии полноты, когда следователь возвращается к ключевым участкам, чтобы убедиться, что ни одна версия не была пропущена.

На микроструктурном уровне поиск выглядит как повторяющаяся последовательность действий: появляется версия → выбирается конкретный участок или объект → проводится его осмотр → оценивается результат → в зависимости от него версия подтверждается, уточняется или заменяется другой. Эта цепочка многократно воспроизводится на протяжении всего обыска, сохраняя свою логику, но варьируя содержание.

Эффективность поисковой деятельности оценивается по нескольким **критериям**. Первая и очевидная характеристика — *полнота и глубина поиска*: насколько тщательно проверено помещение, не осталось ли непроверенных зон, насколько логично была построена система осмотра. Второй критерий — *рациональность*. Хороший поиск — это не хаотичный перебор предметов, а последовательное движение по заранее продуманной структуре, где каждый шаг объясним и связан с предыдущим. Важным фактором становится и *психологическая цена поиска*: он требует концентрации, устойчивости внимания и значительных эмоциональных затрат. Чем дольше длится обыск, тем выше риск усталости и снижения качества восприятия, что может привести к пропуску важных признаков или поспешным решениям. Поэтому грамотная организация поисковой деятельности — это не только вопрос тактики, но и вопрос психологической устойчивости участников.

Таким образом, поисковая деятельность — это сложная, многослойная система, в которой логика, наблюдательность и психология образуют единый механизм. Понимание этой структуры позволяет провести обыск не только

полно, но и профессионально, максимально уменьшив роль случайностей и повысив вероятность обнаружения скрытых объектов.

§ 2. Психология начального этапа: прибытие и вход на место обыска

Начальный этап обыска часто остается за рамками учебных описаний, хотя именно здесь закладывается фундамент успешной поисковой деятельности. С того момента, когда группа подъезжает к месту проведения обыска, начинается так называемый «нулевой этап». Он включает в себя настрой, распределение внимания, соблюдение мер конспирации и безопасности, а также первые наблюдения, которые нередко оказываются удивительно информативными.

Психологический настрой группы перед входом в помещение имеет огромное значение. Участники обыска мысленно возвращаются к задачам, которые предстоит решать, концентрируются, проговаривают между собой ключевые моменты: кто отвечает за коммуникацию, кто обеспечивает охрану, кто фиксирует, кто взаимодействует с обыскиваемым. Это небольшое «собрание на ходу» позволяет синхронизировать усилия и выстроить общий рабочий ритм, снижая риск хаотичности в последующие минуты.

На этом этапе важно не только внутреннее состояние группы, но и *соблюдение конспирации*. Преждевременное внимание со стороны соседей или самого обыскиваемого может привести к попыткам уничтожить доказательства, скрыть что-то, передать информацию вовне или просто психологически перестроиться, «закрыв» уязвимые зоны. Поэтому краткость маршрута, незаметность подхода, четкости действий на подъезде — всё это становится частью тактики, но имеет и ярко выраженный психологический смысл: лишить обыскиваемого времени на мобилизацию защитных реакций.

Наблюдение начинается еще до того, как группа переступит порог помещения. Реакции людей на сам факт прибытия — будь то неожиданная суета, резкое изменение поведения, попытки закрыть дверь, убрать предметы, позвонить кому-то — нередко становятся первой подсказкой о наличии тайников или уничтожаемого материала. Порой несколько секунд между стуком в дверь и ее открытием дают больше информации о намерениях обыскиваемого, чем последующие минуты разговора. Задача следователя — не пропустить эти микросигналы, потому что именно они позволяют сразу сфокусировать внимание на определенных зонах или людях.

Первые вербальные контакты также играют роль психологического маркера. Тон, которым обыскиваемый приветствует следователя, интонации, выбор слов, готовность сразу впустить в помещение или, наоборот, попытка затянуть время — все это влияет на последующую тактику поиска. Спокойное, уверенное, но нейтральное поведение следователя позволяет установить рабочий формат общения и минимизировать сопротивление. Наоборот, излишняя жесткость или эмоциональность с первых секунд могут спровоцировать конфронтацию, которая ухудшит и качество наблюдений, и сам процесс поиска.

После входа в помещение начинается **этап первичного ориентирования**. Следователь как бы делает «психологический снимок» обстановки:

оценивает уровень порядка, естественность расположения предметов, степень «живости» интерьера. Опытный специалист замечает зоны, которые выглядят слишком аккуратными или, наоборот, нарочито беспорядочными; предметы, стоящие чуть не по логике использования; закрытые пространства, за которыми может скрываться не только тайник, но и следы недавних манипуляций. Это первое впечатление помогает сформировать базовую *когнитивную карту помещения* — ментальную схему, где каждая зона получает свое значение и предполагаемую функцию.

В эту карту включаются ключевые участки: места, где логично хранить документы или технику, зоны, куда трудно попасть случайно, пути перемещения внутри помещения, места возможного ухода или передачи предметов. Такая схема — динамическая. Она будет уточняться на обзорной и детальной стадиях обыска, но именно раннее её формирование позволяет избежать хаотичных действий и держать поиск логичным и последовательным.

Особое значение имеет *первичный контакт с обыскиваемым*. В этот момент складывается эмоциональный тон всей последующей работы. Следователь оценивает степень напряженности, признаки скрытой агрессии или, напротив, демонстративной открытости. Невербальные реакции — взгляд в сторону определенной комнаты, попытка заслонить собой часть помещения, излишняя разговорчивость или молчание — дают первые ориентиры, где могут находиться предметы интереса. При этом важно сохранять нейтральность и профессиональную дистанцию: чрезмерная подозрительность или давление в эти секунды легко «закрывают» обыскиваемого, делая его поведение менее информативным.

Таким образом, психологические процессы начального этапа — это тонкая, многослойная работа по оценке обстановки, людей и динамики происходящего. То, что происходит в первые минуты, в дальнейшем определяет не только структуру поиска, но и его результативность.

§ 3. Обзорная стадия обыска: формирование поисковой стратегии

После первичного входа и ориентирования наступает обзорная стадия обыска — один из самых важных, но часто недооценённых этапов. Именно здесь формируется будущая поисковая стратегия, выстраивается логика действий группы и создаётся общее представление о структуре помещения. Ошибка на этой стадии неизбежно приводит к хаотичности, дублированию усилий или, наоборот, пропуску значимых зон.

Обзорная стадия начинается с *обхода помещения или территории*, который выполняется без спешки, но и без погружения в детали. Цель этого обхода — получить общее представление о пространстве: масштаб, количество комнат или помещений, их назначение, характер использования. На этом этапе следователь ещё не «ищет» в прямом смысле слова; он смотрит, слушает, замечает. Задача — увидеть не предметы, а закономерности: какую роль играет каждая комната, как организована среда, что выдает привычный образ жизни обыскиваемого, а что — наоборот — вызывает вопросы и выглядит нетипично.

Постепенно внимание выделяет *ключевые зоны интереса*. Это могут быть рабочее место с компьютером и документами, спальня со скрытыми участками хранения, подсобные помещения с меньшим контролем и большим потенциалом для тайников. Особое внимание привлекают места, где логично или удобно хранить документы, носители информации, деньги и другие значимые объекты: шкафы, тумбы, верхние полки, ящики, контейнеры. Выявление таких участков не означает немедленного начала проверки — наоборот, обзорная стадия требует удерживать дистанцию от конкретных действий, позволяя собрать максимум информации о пространстве до начала детального поиска.

Фиксация первичных наблюдений на этом этапе крайне полезна. Короткие вербальные комментарии внутри группы — своего рода «проговаривание вслух» — помогают синхронизировать понимание: «*В шкафу справа много закрытых коробок... На столе слишком идеальный порядок... В кладовке запах краски...*». Это не доклады и не распоряжения — скорее, обмен профессиональными ощущениями, которые могут впоследствии перерасти в версии.

Обзорная стадия несёт несколько важных психологических задач. Прежде всего требуется *быстрое, но не поверхностное ориентирование*: взгляд должен охватывать всё помещение, не застревая на мелочах, но и не скользя по ним без анализа. Это требует удерживать широкий угол внимания и постоянно сопоставлять увиденное с ожидаемым. При этом необходимо подавлять «туннельное зрение» — естественную склонность зафиксироваться на одном объекте, который кажется подозрительным, и потерять из виду весь остальной контекст. Обзорная стадия — это противоядие против поспешности: именно здесь следователь сознательно отказывается от немедленного перехода к деталям.

Не менее важна *стабилизация эмоционального фона группы*. На этом этапе участники нередко испытывают импульс «скорее начать настоящую работу»: открыть шкафы, проверить ящики, разобрать вещи. Профессиональный руководитель должен сдерживать этот порыв. Поспешность — главный враг логики поиска. Но столь же опасна и чрезмерная осторожность, когда группа словно «ходит на цыпочках», избегая решительных действий. Обзорная стадия должна помочь участникам войти в рабочий ритм, сбалансировав эмоциональное состояние: уверенность без суеты, внимательность без напряжения.

Формирование поисковой стратегии происходит именно здесь. На основе наблюдений и первичной когнитивной карты выбирается система поиска — зональная, линейная, узловая или комбинированная. Эта система должна быть понятной всем участникам, соответствовать устройству помещения и минимизировать хаос. Важно не просто назначить зоны, а распределить их между участниками с учётом их профессиональных и психологических качеств: кто лучше работает с документами, кто внимательнее к мелким несоответствиям, кто способен удерживать сложные схемы. Краткая отсылка к ранее распределённым ролям помогает закрепить порядок действий и снизить риск дублирования.

На этом же этапе принимается решение о *приоритетах поиска*. Если существует риск быстрого уничтожения определённых объектов — например, цифровой информации или мелких документов — то такие зоны получают первоочередный статус. Если обыск проводится в большом помещении, отдельные

участки могут быть проверены раньше других, чтобы уменьшить потенциальные возможности сокрытия или передачи предметов.

Существуют и *специфические тактические приемы, характерные именно для обзорной стадии*. Один из них — избегать озвучивания ключевых версий в присутствии обыскиваемых: даже интонация или мимика может дать им подсказку о направлениях поиска. Иногда полезно намеренно создать ложное впечатление о том, что группа проявляет интерес к «нейтральным» зонам, позволяя наблюдать за реакциями обыскиваемого на приближение к действительно важным местам. Простые вопросы, паузы, изменение темпа движения по помещению — всё это становится инструментами для наблюдения за поведением, а значит и для уточнения поисковой стратегии.

Обзорная стадия — это момент, когда следователь буквально формирует карту будущего поиска. Правильно проведенная, она экономит время, силы и предотвращает ошибки, которые на детальной стадии уже трудно исправить.

§ 4. Детальная стадия обыска: организация и психология пошагового поиска

По мнению А. Р. Ратинова⁵, детальная стадия обыска является наиболее сложной и ответственной частью всей процедуры, поскольку именно в это время осуществляются непосредственные поиски тех объектов, ради которых обыск и предпринимается. Если предыдущие этапы — прибытие, вход, обзорная стадия — создают рамку и общую стратегию, то детальная стадия превращает эту стратегию в конкретные действия: открываются ящики и шкафы, сдвигается мебель, проверяются книги, коробки, предметы быта. Здесь цена любой ошибки особенно высока: пропущенный тайник уже нельзя «доглядеть» задним числом.

Переход к детальной стадии требует психологического «переключателя». Следователь и команда переходят от общего к конкретному, от широкого обзора к систематическому вскрытию, разбору и перемещению предметов. Важно не просто объявить: «переходим к детальному поиску», а убедиться, что каждый участник понимает общую схему действий, свою зону ответственности, свою задачу и критерии того, что можно считать «проверенным». Это момент, когда полезно коротко проговорить порядок работы: кто, где и как действует, в какой последовательности фиксируются результаты, как сигнализировать о находках. Такой небольшой «перезапуск» помогает выровнять ожидания и снижает риск того, что кто-то из участников будет работать по своей внутренней, неизвестной другим логике.

Ключевым признаком профессионально организованной детальной стадии является **системность**. Реализуется принцип «ничего не пропустить», который на практике означает движение по заранее выбранной системе: слева направо, сверху вниз, от двери вглубь помещения или по заранее обозначенным секторам. Главное — не допустить хаотичного перемещения от предмета к предмету, когда внимание перескакивает вслед за случайными ассоциациями.

⁵ Ратинов А.Р. Обыск и выемка. - М., 1961. - С. 108.

Внутри этой внешней системности у следователя формируется и внутренний алгоритм работы с каждым объектом: он видит предмет, оценивает естественность его положения, ищет несоответствия, делает предположение и проверяет его. Эта цепочка — **«вижу → оцениваю → замечаю аномалию → проверяю гипотезу»** — многократно повторяется, становясь основой профессионального стиля поиска.

Особое значение приобретает работа с пространством как с *трёхмерной средой*. Неподготовленный человек склонен концентрироваться на уровне собственного роста: всё, что примерно на уровне глаз, воспринимается как «основная зона», тогда как пространство под ногами и над головой оказывается в психологической «слепой зоне». Детальная стадия требует сознательного выхода из этого ограничения: проверяются не только полки и столешницы, но и нижние отделения мебели, пространство под кроватями и диванами, антресоли, верхние поверхности шкафов и другие участки, куда взгляд редко падает автоматически.

Важным компонентом детального поиска становится *«мысленное моделирование» тайника*. Следователь пытается «думать как прячущий», представляя себе, какими личностными особенностями тот обладает. Аккуратный человек будет стремиться к скрытности, не нарушающей общего порядка; небрежный может спрятать важный объект на фоне хаоса, считая, что общий беспорядок уже является маскировкой. Рациональный, продуманный обыскиваемый может использовать сложные конструктивные особенности помещения или мебели, импульсивный — ограничиться ближайшими и простыми местами. Важен и опыт: знает ли человек, как обычно действуют следователи, какие места «просматриваются» в первую очередь, а какие — позже или вообще редко? Наконец, решающую роль играет отношение к самому объекту: насколько он ценен, опасен, нужен в повседневной жизни. То, что жизненно важно и при этом рискованно, обычно прячут так, чтобы оно было и надёжно сокрыто, и в то же время достаточно доступно.

Это моделирование помогает *визуализировать возможные места тайников*: где бы человек спрятал то, что страшно потерять, нельзя показать, но при этом нужно иметь под рукой. В воображении следователя выстраиваются цепочки: если он часто работает за этим столом — логично ли спрятать флеш-накопитель здесь, в зоне постоянного доступа? Если эта комната явно «парадная», а не «жилая», не используется ли она как фасад, а реальная жизнь сосредоточена в другой части помещения? Такие вопросы направляют внимание и позволяют выделять зоны повышенного интереса.

На детальной стадии особенно интенсивно задействованы *когнитивные процессы*. Внимание должно быть одновременно устойчивым и переключаемым: следователь длительное время удерживает концентрацию на схеме поиска, но при этом способен заметить и оценить неожиданную деталь. Восприятие работает на поиск мелких несоответствий: разный оттенок краски, чуть иная фактура, новый шуруп в старой мебели, следы недавнего разбора предметов, «чужеродные» элементы в привычной среде. Память удерживает в голове карту помещения, перечень уже проверенных зон, информацию о ранее замеченных признаках. Мышление и интуиция дополняют друг друга: логический

анализ сочетается с опытом и тем самым «ощущением неладного», которое нередко подсказывает, куда стоит вернуться и что проверить повторно. В этом смысле детальный поиск — это не механическое действие, а непрерывный мыслительный процесс.

Именно на детальной стадии, как справедливо отмечают А. А. Закатов и А. Е. Ямпольский⁶, реализуется большинство **тактических приёмов обыска**. Здесь проявляется профессиональное мастерство: одни и те же действия могут быть либо формальной «перекладкой вещей», либо продуманной системой проверки. Один из простых, но важных приемов — *«проверка очевидного»*. Парадокс заключается в том, что в стремлении к «сложным тайникам» следователь иногда пропускает самые простые и логичные места: выдвижные ящики, книжные полки, шкафы, тумбы. Профессионал сознательно начинает именно с них, не позволяя собственной фантазии перескочить к «изошренным» вариантам, пока не удостоверится, что базовые зоны действительно проверены.

Другой приём можно описать как *«расслоение среды»*. Речь идёт о систематическом разборе многослойных объектов — книг, коробок, мебели, упаковок, — с обязательной фиксацией исходного и конечного состояния. Это помогает избежать как потери объектов, так и последующих претензий со стороны обыскиваемого. Но у приёма есть и психологический эффект: следователь как бы «разбирает» пространство на части, лишая тайник опоры на естественность окружающей среды.

В профессиональной практике широко используется приём *«проверки диссонансов»*: следователь обращает внимание на предметы, нарушающие общую логику среды — новую коробку среди старых вещей, закрытый ящик среди обычно открытых, одинокий «стерильный» участок среди бытового хаоса. Такие «аномалии» часто оказываются маркерами тайника. Дополняет его приём *проверки симметрии*: сравнение парных объектов (двух дверец, двух полок, двух ящиков), где даже небольшое нарушение геометрии или различие в звуке при простукивании указывает на возможное вмешательство.

Еще один тактический приём — *«тактильная проверка» (сенсорное подтверждение)*. Это, по сути, психофизиологический приём: предметы ощупываются, сжимаются, простукиваются. Отличается от визуального контроля тем, что позволяет «почувствовать» скрытые полости, непривычную плотность, изменения в структуре. Такой прием особенно эффективен при поиске в книгах, контейнерах, мягкой мебели.

К числу эффективных приёмов относится *изменение масштаба восприятия* — сознательное переключение между макро- и микровзглядом. Сначала объект оценивается в целом, затем изучаются стыки, крепления, поверхности, что позволяет обнаруживать следы вскрытия или скрытые полости. Немалую роль играет *тактическое «следование за поведением» обыскиваемого*: даже если следователь занят предметами, он удерживает часть внимания на реакции человека. Напряжение, внезапная разговорчивость, замолкание, суетливость

⁶ Закатов А.А., Ямпольский А.Е. Обыск. Учебное пособие. - Волгоград, 1983. - С. 16.

или резкая статичность становятся ценными индикаторами приближения к значимой зоне.

Опытные следователи используют иногда прием «*эвристическое движение*», когда двигаться надо не только по заранее составленной схеме, но и «следя за ощущением». Если что-то вызывает подозрение, туда стоит вернуться. Это профессиональная интуиция, подкрепленная многими случаями, когда именно такое «дёрнуло» приводило к обнаружению ключевых объектов.

В ряде случаев применяется приём «*скрытого возвращения*»: сектор, который уже был проверен, спустя некоторое время посещается повторно — тихо, без объявления. Обыскиваемый, считая этот участок «безопасным», может выдать себя поведенчески или невольно обратить на него внимание.

Наконец, важную роль играют *технические средства* — эндоскопы, металлоискатели, детекторы полостей и другие устройства. Психологически важно относиться к ним не как к чудо-замене внимательности, а как к продолжению собственных органов чувств. Там, где человеческое восприятие ограничено, техника позволяет «заглянуть внутрь» конструкций, скрытых полостей, перекрытий. Но выбор зон для применения таких средств, интерпретация показаний и решение о необходимости более радикальных действий всё равно остаются за следователем и опираются на его наблюдательность и профессиональное мышление.

Тактические приёмы и их психологические основания

Тактический приём	В чём суть	Психологический механизм	Когда применять
<i>Проверка очевидного</i>	Начинать с простых и логичных мест	Борьба с туннельным зрением и “погоней за сложным”	В начале детального поиска
<i>Расслоение среды</i>	Разбор многослойных объектов: книги, коробки, мебель	Снятие контекста, выявление скрытых уровней	При работе со сложными конструкциями
<i>Проверка диссонансов</i>	Выявление предметов, не соответствующих общей логике среды	Замечание аномалий, когнитивное несоответствие	При проверке аккратных или слишком идеальных зон
<i>Проверка симметрии</i>	Сравнение парных объектов и секций мебели	Обнаружение изменений и нарушений нормы	При подозрении на конструктивные тайники
<i>Скрытое возвращение</i>	Повторная тихая проверка участка спустя время	Снижение бдительности обыскиваемого, «эффект расслабления»	Когда поведение обыскиваемого изменилось
<i>Использование технических средств</i>	Эндоскопы, металлоискатели, детекторы полостей и др.	Расширение сенсорных возможностей, компенсация ограничений восприятия	Для проверки труднодоступных зон

<i>Тактильная проверка</i>	Ощупывание, простукивание, оценка плотности и температуры	Подключение дополнительных сенсорных каналов	При проверке мебели, коробок, мягких предметов
<i>Изменение масштаба восприятия</i>	Переход от общего обзора к микродеталям и обратно	Расширение диапазона наблюдения, предотвращение слепых зон	При работе с крупными объектами и сложными поверхностями
<i>Следование за поведением обыскиваемого</i>	Одновременное наблюдение за реакциями при приближении к разным зонам	Использование микроведенческих сигналов как индикаторов тайников	В помещениях, где присутствует обыскиваемый
<i>Эвристическое движение</i>	Следование профессиональной интуиции при выборе следующей точки поиска	Использование накопленного опыта и «чувства неверности»	Когда логика не даёт ответа, но есть слабый сигнал

Таким образом, детальная стадия обыска — это не просто «тяжелая физическая работа» по перемещению предметов, а сложный психолого-тактический процесс. Здесь сочетаются системность и гибкость, логика и интуиция, техника и живое человеческое восприятие. И от того, насколько грамотно организован пошаговый поиск, во многом зависит главный вопрос: будет ли найдено то, ради чего обыск задумывался.

§ 5. Контрольная проверка и завершение обыска

Контрольная проверка — **завершающий этап** поисковой деятельности, который одновременно выполняет тактическую и психологическую функции. Несмотря на видимую простоту, именно эта стадия часто определяет полноту и объективность обыска. А. Р. Ратинов⁷ подчеркивал, что человеческое восприятие неизбежно подвержено утомлению и адаптации: чем дольше длится поиск, тем выше вероятность пропуска мелких, но значимых признаков. Контрольная проверка позволяет компенсировать эти ограничения и придать поисковой деятельности завершённость.

На этом этапе следователь словно «отстраняется» от только что выполненной работы и заново смотрит на помещение уже без напряжения детального поиска. Такой взгляд со стороны помогает заметить то, что было упущено в ходе активной работы: неестественные линии, непросмотренные участки, предметы, которые казались «безопасными», но не получили реальной проверки. На психологическом уровне это переключение режима — от сосредоточенности к обобщению — позволяет снизить эффект насыщения и увидеть помещение в новом ракурсе.

⁷ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2002, с. 229.

Контрольная проверка включает в себя обзор ключевых зон, которые в начале обыска были определены как потенциально значимые. Это своего рода «второй контур» поиска: возвращение к тем участкам, где интуиция давала слабый сигнал, где обыскиваемый проявлял напряжение, где обстановка выглядела «не до конца естественной». Иногда достаточно одного взгляда, чтобы обнаружить несоответствие, не замеченное ранее, или понять, что определённая зона так и осталась фактически не проверена.

Особенно важна *фиксация того, что действительно было сделано*. Это касается не только протокола, но и внутренней картины поиска: следователь должен ясно представлять, какие участки покрыты полностью, какие требуют доработки, а какие уже исключены из рассмотрения. Этот этап снижает риск «иллюзии полноты» — когнитивной ошибки, при которой человеку кажется, что он проверил всё, хотя объективно остались пробелы.

Завершение обыска имеет и важное психологическое измерение. После окончания контрольной проверки следователь снова вступает в активный контакт с обыскиваемым. На этом этапе важно сохранить ровный, профессиональный тон, не допустить конфликтов и не дать эмоциональной усталости повлиять на коммуникацию. Чёткое и спокойное объяснение дальнейших действий, корректное завершение процедуры и фиксация всех обнаруженных объектов формируют у участников чувство завершенности и уменьшают напряжение.

Отдельное значение имеет восстановление обстановки или ее упорядочивание в пределах разумного. Хотя закон не требует возвращать вещи в прежнее состояние, бережное отношение к имуществу снижает конфликты, улучшает восприятие процесса и повышает доверие к результатам обыска. Здесь психологический компонент едва ли не важнее тактического: человек, который чувствует уважение к своему пространству, реже пытается оспаривать результаты и с меньшим сопротивлением воспринимает обнаруженные объекты.

Итоговый этап включает в себя окончательное оформление протокола, упаковку и маркировку изъятых материалов, проверку полноты фотосъёмки и иной фиксации. На психологическом уровне это также «точка» в поисковой деятельности — момент, когда следователь снова объединяет разрозненные действия в единую завершенную картину.

Таким образом, контрольная проверка и финальное завершение обыска — это не формальность, а важная часть профессиональной поисковой деятельности. Они обеспечивают полноту, объективность и корректность процедуры, а также защищают следователя от ошибок, неизбежных при длительной напряжённой работе. Именно здесь обыск приобретает логическую завершенность, а все предыдущие усилия обретают законченную форму.

Выводы по главе

1. Поисковая деятельность при обыске представляет собой сложный психолого-тактический процесс, состоящий из взаимосвязанных стадий. От того, насколько грамотно организованы начальный этап, обзорная и детальная стадии, а также контрольная проверка, зависит полнота, объективность и результативность обыска. Психологические механизмы — внимание, восприятие,

память, интуиция, способность моделировать действия прячущего — определяют качество поиска не меньше, чем технические средства и тактические приёмы.

2. Успешный поиск невозможен без системности, профессионального самоконтроля, умения избегать когнитивных ловушек и способности сохранять ясность мышления в условиях стресса и многозадачности. Поиск — это всегда работа с неопределённостью, но именно психологическая готовность к такой работе позволяет следователю обнаруживать скрытые объекты даже в самых неблагоприятных условиях.

Контрольные вопросы

1. Чем поисковая деятельность при обыске отличается от простого осмотра помещения?
2. Какова роль психологических факторов на нулевом этапе обыска?
3. Какие задачи решает следователь во время обзорной стадии?
4. В чём заключается принцип системности при детальном поиске?
5. Как работает «мысленное моделирование» тайника и почему оно важно?
6. Какие когнитивные процессы наиболее активно задействованы при детальном поиске?
7. Какие тактические приёмы характерны для детальной стадии и каковы их психологические основы?
8. В чём заключается значение контрольной проверки и какие ошибки она помогает предотвратить?

Практическое задание № 1

Ситуация.

Следователь прибыл на место обыска по делу о незаконном обороте цифровой информации. По оперативным данным, искомый объект — компактный электронный носитель (микро-SD-карта или USB-накопитель), который подозреваемый спрятал в квартире незадолго до прихода правоохранителей.

Предполагается, что у подозреваемого высокий уровень стрессоустойчивости и достаточный опыт взаимодействия с правоохранительными органами.

Задание.

1. Определите основные психологические ориентиры начального этапа.
2. Укажите, какие зоны получают приоритет на обзорной стадии и почему.
3. Сформулируйте вероятные модели поведения прячущего и возможные места тайников.
4. Опишите порядок действий на детальной стадии (кратко, но последовательно).
5. Укажите, какие тактические приёмы будут наиболее эффективны в данном обыске.
6. Предложите схему контрольной проверки.

Практическое задание № 2.

Ситуация.

Следователь проводит обыск в квартире мужчины, подозреваемого в хранении документов, подтверждающих его участие в финансовой махинации. По оперативной информации, он спрятал часть документов в квартире, причём тайник подготовлен заранее и выполнен достаточно тщательно.

Квартира аккуратная, обстановка умеренно минималистична. Подозреваемый внешне спокоен, ведёт себя уверенно, помогает открыть шкафы и ящики, но при приближении к книжной стенке становится заметно более напряжённым и начинает активно рассказывать о своём хобби — коллекционировании старых журналов.

Оперативники отмечают, что за две недели до обыска он покупал инструменты для мелкого ремонта, хотя обычно этим не занимается.

Задание.

1. Определите, какие тактические приёмы детальной стадии будут наиболее эффективны в данной ситуации.
2. Объясните, как именно вы их примените: в какой последовательности, в каких зонах и с какой целью.
3. Сформулируйте версии о возможных типах тайников и выберите тактические приёмы для их проверки.
4. Укажите, какие признаки поведения обыскиваемого вы будете учитывать в пользу выбора конкретных приёмов.

ГЛАВА 8. ИСКУССТВО НАБЛЮДАТЬ — ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЫСКА

В практике обыска существует один парадокс, который нередко упускают из виду даже опытные следователи. Техника, оперативная информация, тактические приёмы безусловно важны, но решающее значение почти всегда принадлежит самому простому и одновременно самому сложному элементу — умению наблюдать. В отличие от допроса или очной ставки, где ключевым источником сведений является речь человека, обыск опирается прежде всего на зрительное восприятие, на способность следователя увидеть то, что другие проходят мимо, и заметить то, что намеренно скрыто.

Обыск — это не только действие «искать», а прежде всего действие «видеть». Здесь наблюдение выступает не пассивным фиксационным актом, а активным, управляемым, целенаправленным психологическим процессом. Оно включает восприятие, анализ, сопоставление, проверку гипотез, постоянное уточнение картины происходящего. Следователь в ходе обыска работает не глазами, а всей системой психики, где внимание, память, восприятие и мышление образуют единый механизм поисковой деятельности.

Важнейшая особенность наблюдения при обыске заключается в том, что оно осуществляется в условиях скрытого или открытого конфликта. Обыскиваемый часто стремится ввести следователя в заблуждение, замаскировать изменения в обстановке, контролировать своё поведение. Поэтому наблюдательность становится не просто профессиональным качеством, а средством преодоления противодействия, способом вскрыть ложные следы и распознать истинные.

Именно в этом контексте наблюдение напрямую связано с тактическим мышлением и интуицией. Следователь, внимательно анализируя детали обстановки и поведения, формирует рабочие поисковые гипотезы, проверяет их и корректирует. Когда опыт подкрепляет наблюдательность, рождается то, что обыватели называют «интуицией», а профессионалы — эвристическим мышлением, позволяющим мгновенно выделить значимые признаки среди множества несущественных.

Поэтому наблюдение — не вспомогательный элемент обыска, а его фундаментальная психологическая основа. Без развитой наблюдательности поиск превращается в механическое перебирание предметов, а с ней обыск становится высокоэффективным процессом раскрытия скрытой информации.

§ 1. Психологическая природа наблюдения

В обыденном сознании наблюдение часто воспринимается как пассивное «смотрение» на окружающий мир. Однако в психологии наблюдение рассматривается как особая форма познавательной деятельности, требующая от человека активного участия и внутренней организации. В отличие от простого восприятия, которое может быть стихийным и фрагментарным, наблюдение представляет собой целенаправленный процесс получения информации о внешнем мире. Оно включает выбор объекта, удержание внимания, анализ поступающих

сигналов и преобразование их в осмысленные выводы. Таким образом, **наблюдение** — это специфическая, активная форма чувственного познания действительности, основанная на работе органов чувств и представляющая собой целенаправленное, планомерное, систематическое и аналитическое восприятие.

С позиций деятельностного подхода, наблюдение является не реакцией на раздражители, а сложной внутренней деятельностью, имеющей свою мотивацию, цель, систему действий и операций, ожидаемый результат и подверженной контролю. Следователь не просто «видит» комнату, в которой проводится обыск; он активно *исследует* ее пространство, ставя перед собой конкретную задачу: найти скрытое. Его восприятие изначально настроено на поиск аномалий и противоречий.

Структура акта профессионального наблюдения при обыске представляет собой циклический и многоуровневый процесс, который можно разложить на следующие взаимосвязанные этапы:

1. *Восприятие (чувственный этап)*: Исходная стадия, на которой происходит отражение в сознании следователя целостного образа обстановки и отдельных ее элементов благодаря работе зрительного, слухового, тактильного и обонятельного анализаторов. На этом этапе формируется первичная, достаточно хаотичная картина, насыщенная избыточной информацией.
2. *Осмысление (интеллектуальный этап)*: Полученные чувственные данные немедленно подвергаются первичной аналитико-синтетической обработке. Следователь начинает мысленно дробить общую картину на составляющие, сравнивать их между собой, соотносить со своими знаниями и прошлым опытом. Возникают вопросы: «Почему эта книга стоит корешком внутрь?», «Соответствует ли толщина этой стены стандартной?».
3. *Выделение значимых (демаскирующих) признаков*: На основе осмысления из общего потока информации «выхватываются» ключевые стимулы — те самые аномалии и несоответствия, которые формируют «зону повышенного интереса». Это может быть микро-признак: след свежей пыли на старом предмете, легчайшая царапина вокруг розетки, едва уловимое изменение оттенка обоев. На этом этапе подключается профессиональная наблюдательность — способность подмечать малозаметные, но существенные детали.
4. *Проверка предположений (гипотетико-верфикационный этап)*: Выделенные значимые признаки становятся основой для выдвижения психологической гипотезы: «Здесь возможен тайник». Эта гипотеза требует немедленной проверки. Следователь переходит от наблюдения к практическим действиям: детальному осмотру, ощупыванию, простукиванию, использованию технических средств. Результат проверки либо подтверждает, либо опровергает предположение, после чего цикл наблюдения повторяется на новом уровне.

Принципиальное отличие профессионального следственного наблюдения от бытового заключается в следующих характеристиках:

Критерий	Бытовое наблюдение	Профессиональное следственное наблюдение
Целенаправленность	Часто непроизвольное, хаотичное, подчинено сиюминутным интересам.	Жестко целевое. Изначально направлено на решение конкретной задачи (найти тайник, обнаружить улику).
Организованность	Стихийно, не имеет четкого плана.	Планомерно и систематично. Строится по заранее продуманной или ситуативно выработанной схеме (например, осмотр по «условной сетке»).
Нормативная регламентированность	Свободно от внешних рамок.	Строго регламентировано уголовно-процессуальным законом (УПК РФ). Его процедура, субъекты, права и обязанности, а также форма фиксации результатов (протокол) строго определены.

Следственное наблюдение использует все механизмы, присущие обычному наблюдению, но выводит их на качественно иной уровень, превращая в инструмент поиска, анализа и принятия решений.

Таким образом, **профессиональное следственное наблюдение** — это особая психологическая деятельность, осуществляемая в рамках уголовного судопроизводства, направленная на активный, целенаправленный, планомерный поиск и восприятие значимой для расследования информации, сопровождаемое ее непрерывным осмыслением, анализом и проверкой выдвигаемых гипотез.

Именно этот комплексный, деятельностный характер наблюдения и делает его главным инструментом следователя в ходе такого процессуального действия, как обыск, где успех напрямую зависит от умения «видеть не глазами, а разумом».

§ 2. Наблюдательность следователя как профессиональное качество

Профессиональное наблюдение в обыске невозможно представить без развитой наблюдательности. Если наблюдение представляет собой процесс, то наблюдательность является его личностной основой — устойчивым свойством или профессионально важным качеством следователя. **Наблюдательность** определяется в юридической психологии как *выработанная в процессе практики способность к целенаправленному, планомерному и аналитическому восприятию, позволяющему замечать в наблюдаемых объектах и ситуациях*

малозаметные, неявные, но существенные для решения профессиональной задачи признаки, детали и противоречия.

В поисковой деятельности наблюдательность становится одним из ключевых условий эффективности обыска. Технические средства позволяют найти только то, что доступно прямому обнаружению, тогда как внимательный следователь способен заметить то, что замаскировано, смещено, нарушено или намеренно скрыто. Демаскирующие признаки тайника, изменения в обстановке, противоречивые детали поведения обыскиваемого — всё это открывается лишь тому, кто умеет видеть не поверхность, а структуру происходящего. Благодаря наблюдательности следователь формирует поисковые гипотезы, проверяет их и корректирует свои действия, превращая обыск в последовательный, управляемый процесс. Именно наблюдательность позволяет следователю:

- Отличить естественный беспорядок от искусственной маскировки.
- Заметить микроскопические следы, оставленные при создании тайника (частички штукатурки, царапины, нарушение слоя пыли).
- Уловить мимолетную, но значимую психофизиологическую реакцию обыскиваемого лица (взгляд, изменение дыхания, произвольный жест).
- Выявить логическое несоответствие в обстановке (например, предмет, не соответствующий месту своего нахождения).

Таким образом, роль наблюдательности в эффективности обыска является определяющей. Она выступает тем психологическим «фильтром» и «усилителем», который преобразует хаотичный поток зрительной и иной информации в целенаправленный поиск, значительно повышая его скорость и точность.

Профессиональная наблюдательность комплексна и зависит от совокупности ряда психофизиологических и личностных факторов:

1. *Острота органов чувств (сенсорная основа).* Хорошее зрение, слух, тактильная чувствительность — это естественная база, «сырье» для работы наблюдательности. Однако, в отличие от бытового контекста, в профессиональной деятельности органы чувств используются избирательно и целенаправленно.
2. *Объем и распределение внимания.* Обыск требует одновременного учета множества факторов: контроля обстановки, наблюдения за поведением обыскиваемого, ведения протокола, обеспечения безопасности. Способность распределять внимание между этими задачами, не теряя концентрации на главном — поиске, — критически важна.
3. *Профессиональная установка на поиск.* Это внутренняя готовность, предварительная «настройка» психики на обнаружение определенных объектов и признаков. Установка мобилизует восприятие, направляя его на выявление демаскирующих сигналов и отсеивание не нужной информации. Она отвечает на вопрос: «Что именно я ищу?».
4. *Прошлый опыт и оперативные ориентиры («образ искомого»).* Наблюдательность опытного следователя «насыщена» его знаниями и практикой. В его памяти хранятся типовые схемы тайников, известные демаскирующие признаки, поведенческие паттерны. Это формирует четкий «образ искомого» — внутренний эталон, с которым

постоянно сравнивается воспринимаемая информация. Чем богаче опыт, тем более тонкие и замаскированные признаки способен распознать специалист.

5. *Эмоциональная устойчивость и саморегуляция.* Напряженная обстановка обыска, противодействие заинтересованных лиц, усталость, ограниченность во времени — все это создает мощный стрессовый фон, который может резко снизить остроту восприятия. Способность управлять своим эмоциональным состоянием, подавлять импульсивность и сохранять спокойную, аналитическую концентрацию является неотъемлемым компонентом наблюдательности.

При этом важно понимать, что **наблюдательность — не врожденный дар, а формируемый навык.** Она развивается в ходе практики, специальных упражнений, анализа собственных ошибок и сознательной работы с восприятием. В криминалистике и психологической подготовке существует целый набор методик, направленных на тренировку внимания, развитие чувствительности к демаскирующим признакам, обучение переключению между общим восприятием и анализом деталей.

Однако у этого качества существует и «обратная сторона», являющаяся источником потенциальных ошибок. Речь идет об «**избирательности**» **наблюдения.** Человек склонен замечать в первую очередь то, что соответствует его ожиданиям, и пропускать то, что кажется неважным или привычным. Эта избирательность может работать против следователя, если он заранее предполагает, где должен быть тайник, или если излишне доверяет первому впечатлению. Психологические и физиологические ограничения — утомление, сенсорная адаптация, сужение поля внимания, перегруженность информацией — также способны снижать точность наблюдения.

Поэтому профессиональная наблюдательность — это не только способность видеть, но и способность контролировать собственные ограничения, не поддаваться стереотипам и удерживать ясность анализа даже в сложной обстановке. Именно благодаря этому качеству следователь превращает обыск в процесс выявления скрытой информации, а не в механическое обследование помещения.

§ 3. Цель, задачи и объекты наблюдения при обыске

Профессиональное наблюдение при обыске является не просто вспомогательным действием, а системообразующим элементом всей поисковой деятельности. Как справедливо указывал А. В. Дулов⁸, в процессе обыска наблюдение выделяется в самостоятельную задачу. Это означает, что оно не сводится к пассивному созерцанию, а представляет собой активный, целенаправленный и непрерывный процесс, пронизывающий все этапы проведения следственного действия.

Стратегическая цель наблюдения в ходе обыска — обеспечить максимально полное и быстрое обнаружение искомых объектов (орудий

⁸ Дулов А.В. Судебная психология. – Минск, 1975, с. 349.

преступления, предметов, ценностей, документов). Эта цель достигается через последовательное решение ряда взаимосвязанных **тактических задач**.

Задачи профессионального наблюдения при обыске:

1. *Оценка общей обстановки места обыска.* Первоначальное, общее и целостное восприятие помещения или участка местности, его функциональном назначении, типичности или атипичности расположения предметов. Следователь фиксирует планировку, расположение мебели, тип и состояние отделки, наличие коммуникаций, освещенность, а также «психологическую атмосферу» в месте проведения обыска.

Такой первичный анализ задаёт ориентиры, создает исходную «ментальную карту» для планирования поиска, позволяет выделить зоны первоочередного и последующего внимания, позволяет отличить нормальное от необычного и сразу заметить крупные несоответствия.

2. *Детальное изучение обстановки и выявление несоответствий.* Переход от общего к частному, включающее выявление любых отклонений от логики обстановки. Аналитический осмотр отдельных объектов (мебели, бытовой техники, предметов интерьера) с целью обнаружения аномалий, противоречащих логике и обычному функционированию обстановки (например, новая розетка в старом доме, книга не по тематике домашней библиотеки, нарушение симметрии).

Именно при решении данной задачи наблюдение начинает работать как инструмент диагностического анализа среды и прямо ведет к выявлению потенциальных мест сокрытия.

3. *Наблюдение за поведением обыскиваемого лица.* Эта задача, по мнению Р. Л. Ахмедшина⁹, является **основной функцией следователя** в процессе обыска. Человек, скрывающий что-то, часто выдаёт себя микрореакциями, напряжённостью, попытками отвлечь, изменить маршрут движения или контролировать взгляд. Поведенческие маркеры нередко оказываются более информативными, чем любые технические методы поиска.

4. *Наблюдение за поведением других участников.* Наблюдение за поведением других участников — родственников, случайно присутствующих лиц, понятых — также позволяет своевременно уловить реакции, указывающие на определённые зоны интереса или потенциальные риски. Это позволяет выявить соучастников, предотвратить сговор, уничтожение или передачу улик.

5. *Выявление демаскирующих признаков тайников.* Целенаправленный поиск конкретных сигналов, указывающих на возможное наличие укрытия: следы свежего ремонта, несоответствие размеров, нарушение слоя пыли, звуковая пустотелость при простукивании, магнитные аномалии и т.д.

Это переводит наблюдение из стадии общего анализа в стадию целенаправленной проверки конкретной версии.

6. *Формирование и оперативная проверка поисковых гипотез.* На основе собранных визуальных и поведенческих данных следователь выдвигает предположения о наиболее вероятных местах сокрытия. Наблюдение продолжается

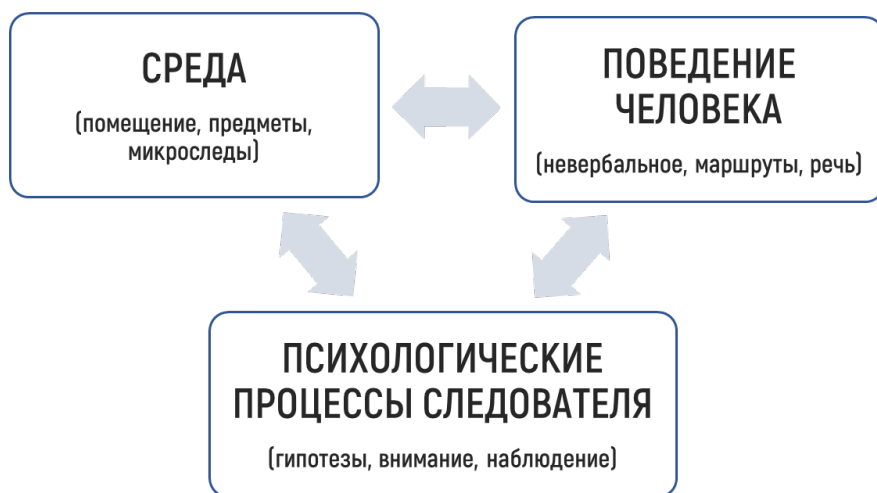
⁹ Ахмедшин Р.Л. Некоторые психологические аспекты проведения обыска. //Вестник Томского государственного университета, № 348, 2011, с. 84.

уже в рамках проверки этих гипотез, определяя последовательность и методы детального исследования объектов. Это обеспечивает системный, логически обоснованный, а не хаотичный характер поиска.

7. *Обеспечение безопасности участников следственного действия.* Контроль за тем, чтобы обыскиваемый или иные лица не предприняли действий, угрожающих жизни и здоровью присутствующих (попытка достать оружие, оказать физическое сопротивление, выброситься из окна).

Является обязательным условием законного и этичного проведения обыска.

8. *Контроль за действиями других членов следственно-оперативной группы.* Следователь выявляет «слепые зоны» в их действиях, контролирует полноту обследования помещений, регулирует распределение ролей и при необходимости корректирует ход обыска. Таким образом, наблюдение выступает не только инструментом поиска, но и механизмом управления всей динамикой следственного действия.

Карта наблюдения при обыске

Если говорить о наблюдении при обыске не в общем, а в предельно практическом плане, то всегда встаёт вопрос: *за чем именно* должен наблюдать следователь. В хаотичной, насыщенной деталями обстановке обыска полезно иметь в голове простую, но рабочую систему ориентиров. Если обобщить, можно выделить несколько основных групп **объектов наблюдения**, каждая из которых даёт свой тип информации и требует своей техники восприятия.

Прежде всего это *материальная среда*. Помещение, его функциональное назначение, характер обстановки, расположение мебели и предметов, их сочетание и соответствие образу жизни обыскиваемого — всё это образует фон, на котором становятся заметны любые нарушения привычной логики. Следы вмешательства, свежие ремонтные работы, несоответствие размеров отдельных конструкций, необычные ниши, полости, утолщения стен, «лишние» панели или коробки, состояние пыли и загрязнений, линии и симметрия предметов,

свежие повреждения или следы фиксации — всё это попадает в поле профессионального наблюдения. Следователь как бы «сканирует» среду, сопоставляя то, что видит, с тем, как «должно быть» в аналогичном помещении без тайников.

Второй важнейший объект наблюдения — *поведение людей*. Это не только обыскиваемый, но и его родственники, случайно присутствующие лица, соседи, сотрудники, а также члены следственно-оперативной группы. Невербальные реакции, степень напряжения, попытки избегать определённых зон, демонстративное спокойствие, ложные маршруты внимания, стремление закрыть собой какой-то участок помещения или, напротив, навязчиво приглашать «посмотреть именно здесь» — всё это даёт ценную психическую информацию. Следователь наблюдает не только за тем, куда человек смотрит, но и за тем, куда он *не* смотрит, чего избегает, где меняется его мимика, поза, интонация. Поведение других участников способно указывать как на потенциальные места сокрытия, так и на скрытые конфликты и риски безопасности.

Особого внимания заслуживают *животные и птицы*, если они присутствуют в месте обыска. Домашние животные часто оказываются более чувствительными к изменениям среды, запахам, необычным предметам или местам, с которыми у хозяина связано особое напряжение.

Они нередко указывают на присутствие скрывающегося человека или местонахождение спрятанных вещей. Известно, например, что многие из домашних животных проявляют беспокойство в близком соседстве от трупа, собаки возбужденно ведут себя, когда на территории двора находится посторонний, и так далее.

Внезапная настороженность, лай, попытка держаться подальше от определённого участка, напротив — упорное внимание к одному месту, беспокойное поведение при приближении к определённой зоне — всё это может выступать как дополнительный, пусть и косвенный, демаскирующий признак. Наблюдение за микрореакциями животных не заменяет профессионального анализа, но дополняет его, иногда подсказывая направление более детального поиска.

Наконец, отдельно можно выделить *микространство обыска* — тот уровень среды, который легко ускользает при беглом осмотре, но многое говорит опытному наблюдателю. Это мусор и его структура, распределение пыли, небольшие следы перемещений, незначительные изменения в освещённости, едва заметные потёртости или повреждения поверхностей, следы воздействия инструментов, различия фактуры и цвета в мелких фрагментах. Микространство как бы хранит «память» о недавних действиях и вмешательствах, и внимательное наблюдение за ним позволяет увидеть то, что уже не фиксируется на уровне общей картины.

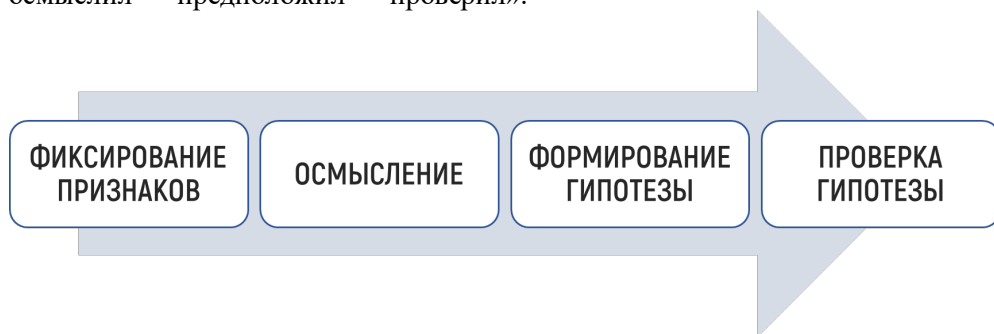
Такое разделение объектов наблюдения не является жёсткой схемой, но помогает следователю систематизировать своё восприятие. Материальная среда, поведение людей, реакции животных и микространство образуют единый комплекс признаков, из которых затем будут рождаться поисковые гипотезы о скрытых тайниках и механизме сокрытия.

Комплексное и одновременное наблюдение за всеми четырьмя группами объектов позволяет следователю создать объемную, многомерную картину происходящего, выявить скрытые связи между элементами обстановки и поведением людей и, в конечном счете, выйти на локализацию тайника.

Профессиональное наблюдение в обыске никогда не ограничивается простым фиксированием отдельных признаков. Каждый увиденный элемент обстановки получает смысл только тогда, когда включается в более широкий мыслительный контекст. Именно поэтому наблюдение выступает не окончательной целью, а **исходным этапом формирования поисковых гипотез** — тех предположений, которые позволяют следователю определить вероятные места сокрытия и рационально организовать поиск.

Процесс начинается с *фиксирования признаков*, которые выделяются на общем фоне помещения: несоответствия, следы вмешательства, изменение структуры пространства, а также поведенческие реакции обыскиваемого. Однако фиксация признаков сама по себе ещё не ведёт к результату. Следующий шаг — *осмысление*: сопоставление увиденного с профессиональными знаниями, прошлым опытом, типичными моделями маскировки. Именно в этот момент образ помещения перестаёт быть набором разрозненных деталей и превращается в систему, внутри которой начинают вырисовываться возможные точки интереса.

Осмысление неизбежно ведёт к *формированию гипотезы* — логического предположения о том, где может находиться тайник или что именно скрывает обыскиваемый. Гипотеза возникает не как интуитивный догадочный импульс, а как результат анализа выявленных признаков. Но её нельзя оставлять на уровне догадки: профессиональная логика требует её *проверки*. Следователь либо подтверждает предположение, либо опровергает его, либо корректирует на основе новых наблюдений, продолжая разворачивать цепочку «заметил — осмыслил — предположил — проверил».

Этапы формирования поисковой гипотезы

Эта мыслительная работа тесно связана с *эвристическим мышлением* — способностью быстро находить возможные решения в условиях неполной информации. Эвристика не заменяет анализа, но позволяет эффективно использовать наблюдение: видеть связи там, где они не лежат на поверхности, и замечать внутреннюю логику обстановки. Именно сочетание наблюдения и эвристики объясняет феномен, который нередко называют «следственной

интуицией». Интуиция в этом случае не является мистическим озарением; это результат многократного опыта сопоставления признаков и накопления образов типичных ситуаций.

Особое значение в формировании гипотез имеют микроанализы — внимательное изучение малых деталей среды и поведения человека. Незначительные на первый взгляд признаки — краткий взгляд обыскиваемого в сторону шкафа, едва заметный след свежего воздействия на стену, отличия в структуре пыли на одном участке — могут стать теми точками, из которых рождается рабочая версия. Наблюдение за средой и микродвижениями позволяет следователю формировать гипотезы точно, избегая лишней траты времени на обследование очевидно «пустых» зон.

Таким образом, наблюдение выступает не как пассивная фиксация фактов, а как активный метод построения и проверки гипотез. Оно превращает обыск из механического осмотра помещения в интеллектуальный процесс, где каждое замеченное отклонение становится элементом логической цепочки, ведущей к раскрытию скрытого.

§ 4. Правила организации профессионального наблюдения при обыске

В ходе обыска наблюдение не может быть стихийным или хаотичным. Чтобы оно действительно работало как профессиональный инструмент, необходимо придерживаться определённых правил, которые повышают точность восприятия и помогают избежать типичных ошибок. Ещё в советский период эти правила были сформулированы профессором А. Р. Ратиновым в его знаменитом учебнике «Судебная психология для следователей». Их особая ценность в том, что Ратинов был не только основоположником судебно-психологического направления, но и крупнейшим специалистом по методике проведения обыска. Поэтому его рекомендации органично соединяют психологическую строгость с криминалистической практикой и до сих пор остаются одним из самых надёжных ориентиров для организации профессионального наблюдения.

В применении к обыску общие правила организации наблюдения, сформулированные А. Р. Ратиновым¹⁰, приобретают особенно прикладное звучание. Прежде всего следователю важно ещё до начала обыска *получить максимально полное представление об обыскиваемом, его образе жизни, привычках, связях, а также об особенностях помещения, где предстоит работать*. Это не формальная «подготовка по материалам дела», а психологическая настройка наблюдения: чем чётче предварительный образ человека и среды, тем легче заметить несоответствия и аномалии. Зная, как обычно организовано пространство у данного лица, следователь быстрее увидит, что в квартире изменено, переставлено, перестроено именно в преддверии обыска.

Второе правило — *определить цель, сформулировать задачу и хотя бы мысленно составить план наблюдения* — тоже напрямую относится к обыску.

¹⁰ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. — М., 1967. С. 90.

Наблюдать «вообще» невозможно, особенно в условиях дефицита времени и стресса. Следователь должен ясно понимать, что именно он хочет увидеть: признаки вмешательства в конструкцию здания, следы свежего ремонта, необычные реакции обыскиваемого на осмотр определённых зон. Такой внутренний план помогает распределить внимание: сначала — общая обстановка, затем — возможные места тайников, параллельно — поведение обыскиваемого и его ближайшего окружения.

Особенно важным в обыске оказывается правило *«искать не только то, что предполагалось найти, но и обратное тому»*. В психологическом плане оно направлено против избирательности восприятия и фиксированных ожиданий. Если следователь убеждён, что тайник должен быть в спальне, он рискует не заметить явных демаскирующих признаков в кухне или кладовке. На практике это означает: проверяя свою гипотезу, нужно сознательно искать и те признаки, которые её опровергают. Такое отношение снижает риск «туннельного зрения», когда всё увиденное подгоняется под заранее придуманную схему.

Следует расчленять предмет наблюдения и в каждый момент наблюдать одну из частей, не забывая при этом о целом. Для обыска это означает необходимость гибко переключаться между общим и частным. Следователь поочередно сосредоточивает внимание то на отдельных зонах помещения, то на конкретных предметах, то на поведении обыскиваемого, но при этом постоянно держит в голове целостную картину: как связаны между собой эти элементы, не вступают ли они в противоречие. Такой «зум» — то приближение, то отдаление — позволяет не утонуть в деталях и одновременно не пропустить мелочи.

Следующее правило — *следить за каждой деталью, стараясь подметить как можно больше признаков*, — в обыске проявляется в умении работать с микропространством. С психологической точки зрения это работа против привычной инерции восприятия, когда глаз скользит по обстановке, фиксируя только крупные объекты. В ходе обыска важно заметить и следы свежей краски, и участок пола без пыли, и слишком новый плинтус, и странное утолщение стены. Но при этом нужно помнить, что «следить за каждой деталью» — не значит смотреть на всё сразу, а значит последовательно обследовать зоны и фиксировать максимально полный набор признаков в каждой из них.

Ратинов подчёркивает: *нельзя доверять однократному наблюдению, нужно исследовать предмет или явление с разных точек зрения, в разные моменты, изменяя условия.* В условиях обыска это правило помогает бороться с иллюзиями восприятия. Один и тот же участок стены под разным углом освещения и с другой точки может показать едва заметный перепад фактуры; предмет, кажущийся на месте, при повторном осмотре с другой стороны неожиданно «выдаёт» следы вмешательства. То же касается и поведения обыскиваемого: реакция, которая при первом взгляде показалась случайной, при повторном наблюдении в другой ситуации может подтвердить своё значение.

Особое значение для обыска имеет рекомендация *подвергать сомнению наблюдаемые признаки, которые могут быть ложной демонстрацией, симуляцией или инсценировкой.* Обыскиваемый нередко пытается «сыграть роль»: демонстративно проявляет возмущение, суетится, привлекает внимание к одной зоне, чтобы спрятать другую. Психологический механизм здесь прост:

человек рассчитывает управлять вниманием следователя. Поэтому любая чрезмерно подчеркнутая реакция, слишком «случайное» замечание, нарочито сильное желание помочь должны стать поводом не для доверия, а для осторожного анализа.

Следующее правило — *ставить вопросы «почему» и «что это значит» по отношению к каждому элементу наблюдения* — фактически превращает наблюдение в постоянный мыслительный диалог следователя с обстановкой. В обыске это особенно важно: увидев несоответствие, нужно не просто его зафиксировать, а задать себе вопрос, чем оно может быть вызвано, какие способы маскировки за ним стоят, какие версии оно поддерживает или опровергает. Такая привычка к внутреннему «допросу обстановки» делает наблюдение осмысленным, а не механическим.

Рекомендуется *сравнивать объекты наблюдения, искать сходство, различия и связи между ними*. В обыске это проявляется, например, в сопоставлении разных комнат одной квартиры: почему ремонт везде одинаковый, а в одном месте — иной материал? Почему только одна дверь укреплена? Почему только один шкаф придвинут вплотную к стене? Сравнение помогает выделить аномалии, которые в изоляции могли бы показаться случайными.

Сопоставление результатов наблюдения с ранее известными данными, а также с практикой и научными рекомендациями превращает каждую мелочь в элемент профессионального знания. Для следователя это означает, что каждый замеченный признак должен быть «пропущен» через призму опыта: встречались ли подобные способы маскировки раньше, описаны ли они в литературе, насколько они типичны для данного вида преступлений. Такое сопоставление защищает от произвольных, фантазийных толкований.

Правило *ясно формулировать и фиксировать результаты наблюдения в соответствующей форме* для обыска имеет двойное значение. Во-первых, запись структурирует мысль, помогает самому следователю лучше понять увиденное и не потерять важные детали в объёме информации. Во-вторых, она обеспечивает надёжное отражение психологически значимых признаков в протоколе, что важно уже не только для поиска, но и для последующей оценки доказательств.

Рекомендация *привлекать к наблюдению различных специалистов и обсуждать результаты с коллегами* в условиях обыска реализуется через командное взаимодействие. Оперативный сотрудник может заметить то, что ускользнуло от следователя; эксперт — обратить внимание на технические нюансы конструкции помещения. Обсуждение наблюдений снижает риск индивидуальных ошибок восприятия и интерпретации.

И наконец, последнее правило — *помнить, что наблюдатель тоже может быть объектом наблюдения*. В обыске это не просто общая философская ремарка, а очень конкретное предупреждение. Обыскиваемый и его окружение внимательно следят за реакциями следователя, стараются понять, на что он обращает внимание, какие зоны для него интересны, чего он не видит. Осознание этого помогает контролировать собственное поведение, не выдавать преждевременно направление поиска и сохранять тактическое преимущество.

Так адаптированные к обыску правила организации наблюдения превращаются из абстрактных психологических рекомендаций в практический алгоритм профессионального наблюдения, позволяющий следователю видеть больше, понимать глубже и действовать осмысленнее в условиях противодействия.

§ 5. Психотехнические приёмы профессионального наблюдения в ходе обыска

Выдающийся специалист в области юридической психологии, профессор А. М. Столяренко, посвятил многие годы изучению того, как люди, работающие в сфере права, могут тренировать и совершенствовать свою способность замечать то, что ускользает от постороннего взгляда. Результатом этой работы стала целая **система психотехнических приёмов профессионального наблюдения**, предназначенных для юристов, следователей, оперативных работников¹¹. Эти приёмы — не просто теоретические конструкции, а отточенные на практике инструменты, которые помогают следователю удерживать внимание, усиливать восприятие и работать с обстановкой более осмысленно. В обыске, где пространство может быть намеренно искажено, а поведение людей — вводящим в заблуждение, эти приёмы превращаются в своеобразную методику «профессионального зрения».

1. Приём обеспечения интенсивности наблюдения. Его смысл — сознательно «включать» внимание на полную мощность. Во время обыска следователь сталкивается с множеством отвлечений: движением людей, эмоциональными реакциями, множеством предметов. Интенсивность наблюдения помогает не теряться в этом шуме и удерживать фокус на действительно значимых признаках.

Правила самостимулирования, бдительности и волевого усилия сводятся к простому принципу: *не ждать, когда что-то бросится в глаза, а активно искать признаки вмешательства*, даже если помещение выглядит спокойным или привычным.

2. Приём организации наблюдения. Он помогает следователю управлять вниманием в сложной, насыщенной среде. Обыск — это огромное количество деталей, и без структуры наблюдение быстро перегружается.

Следователь планомерно изучает помещение: сначала общая картина, потом ключевые зоны, затем — детали. Это предотвращает хаотичный осмотр и пропуск «слепых зон».

Мысленное «вхождение в роль» обыскиваемого позволяет лучше понять, где он мог бы спрятать предметы, а логичное распределение внимания — одновременно наблюдать и за обстановкой, и за поведением людей.

Главная идея приёма: *не перемещаться по помещению случайно* — а работать по чёткой схеме, возвращаясь к зонам, где возможна маскировка.

3. Приём обеспечения высокой чувствительности органов чувств. Этот приём отвечает за способность замечать тончайшие изменения среды — а

¹¹ Столяренко А.М. Психологические приемы в работе юриста. – М., 2000.

именно они часто и выдают тайник. В обыске информативны не только визуальные признаки.

Разница в температуре поверхности, запах клея, звук при простукивании — всё это может выдать место вмешательства.

Поэтому следователь учитывает, что чувствительность зрения, слуха и обоняния меняется от условий: темнота, усталость, духота, резкие запахи могут «глушить» восприятие.

Краткий отдых, смена позиции, освежение лица, включение дополнительного света — простые меры, которые возвращают чувствительность и улучшают качество наблюдения.

4. Приём повышения осмысленности наблюдаемого. Наблюдение эффективно только тогда, когда следователь понимает, что он видит. Простая комната для профессионала превращается в совокупность следов деятельности человека.

Осмысленность возникает, когда наблюдаемое опирается на знания и опыт: типичные способы сокрытия, распространённые конструкции тайников, характерные поведенческие реакции обыскиваемых.

Проговаривание про себя или вслух («пыль ровная», «стена разного оттенка», «он избегает смотреть в эту сторону») помогает мгновенно превращать разрозненные детали в понятную картину.

Критичность же не даёт «влюбиться» в первую версию и защищает от инсценировок.

Основная мысль: *опыт + вербализация + критика = понимание увиденного.*

5. Приём повышения устойчивости наблюдения. Обыск может длиться часами, и внимание естественно падает. Поэтому важно сохранять качество наблюдения на протяжении всего обыска, особенно длительного.

Уравновешенность защищает от раздражения и давления со стороны обыскиваемого.

Короткие микропаузы на 1–2 минуты возвращают ясность восприятия.

Понимание, что ночью, после еды или в конце дня внимательность ухудшается, позволяет компенсировать это дополнительным контролем.

Главный смысл: *не только быть внимательным вначале, но и оставаться внимательным до конца.*

В адаптированном виде данные психотехнические приёмы превращаются в практическую «оптику» следователя — набор инструментов, которые помогают видеть помещение, людей и обстановку так, как их не видит непрофессионал. Они поддерживают внимание, усиливают чувствительность, структурируют наблюдение и позволяют сохранять ясность мысли даже в самых сложных условиях обыска.

Однако все эти приёмы не заработают сами собой. **Они требуют тренировки — регулярной, сознательной и направленной.**

Как и любой профессиональный навык, наблюдение развивается через практику, разбор ошибок, упражнения и многократное повторение. Только тогда эти приёмы превращаются в устойчивые привычки, а наблюдение — в надёжный инструмент следователя при проведении обыска.

§ 6. Демаскирующие признаки тайников: психологический подход

Когда мы говорим о тайнике, обычно представляется некая «идеальная» конструкция, спрятанная так искусно, что обнаружить её почти невозможно. Но в реальной практике всё выглядит иначе. Любое вмешательство в обстановку, любая попытка что-то скрыть оставляет следы. Эти следы и называют **демаскирующими признаками**. По существу, демаскирующий признак — это любое несоответствие среды, поведения или предметов, указывающее на возможное сокрытие объектов. Задача наблюдения следователя состоит в том, чтобы эти несоответствия увидеть, осмыслить и связать между собой.

Человек, прячущий предметы, действует не в лабораторных условиях, а в реальной жизни, под угрозой разоблачения, в состоянии напряжения и часто ограниченного времени. Он меняет обстановку, модифицирует предметы, перестраивает пространство, рассчитывая, что всё будет выглядеть «как обычно». Но психология работает против него: стремясь спрятать одно, он неизбежно нарушает другое. Из-за этого на поверхности остаются мелкие, на первый взгляд незначительные, но очень информативные следы. Профессиональное наблюдение как раз и заключается в умении эти следы заметить.

Демаскирующие признаки можно условно разделить на несколько **групп**. *Конструктивные признаки* связаны с изменением структуры помещения или предметов. Это могут быть участки стены и пола иной толщины, несимметричные ниши, «заваленные» углы, странные выступы или утолщения. Для внимательного следователя важны не сами по себе стены и пол, а именно несоответствия: почему у всех дверей одинаковые наличники, а у одной — другой профиль? Почему только один участок плинтуса выглядит новым? Почему люк в полу закрывается иначе, чем остальные элементы? Наблюдение позволяет уловить такие конструктивные аномалии, особенно если следователь заранее настроен искать изменения, а не просто «осматривать» помещение.

Предметные признаки связаны с размещением вещей и их логикой. Предмет, который явно не соответствует месту, в котором он находится, может быть своеобразным маркером. Классический пример — единственный чистый чемодан среди покрытых пылью вещей на антресоли, один новый стул в ряду старых, толстая книга, стоящая в одном экземпляре в кухонном шкафу между кастрюлями. Наблюдательность здесь проявляется в умении задать себе вопрос: «Насколько естественна такая расстановка? Не слишком ли выделяется этот предмет?» Следователь не просто видит комнату, он постоянно соотносит увиденное с нормальной, ожидаемой картиной, и именно на этом фоне резко выступают предметные несоответствия.

Визуальные признаки включают в себя все изменения, которые можно заметить глазом при внимательном осмотре: разницу оттенков краски, фактуры, неровности линий, следы вскрытия и повторного закрытия. Для поверхностного взгляда такие мелочи могут растворяться в общем фоне, но тренированное наблюдение цепляется за них. Едва заметная полоска свежей шпаклёвки, тонкая трещина, линии обоев, которые не совпадают по рисунку, участки стены с иной степенью загрязнённости — всё это может свидетельствовать о

вмешательстве. Здесь особенно полезным оказывается приём «смены дистанции»: отойти, посмотреть на стену в целом, затем приблизиться и внимательно изучить отдельно взятый фрагмент.

Слуховые признаки появляются там, где следователь подключает не только зрение, но и слух. Простукивание стен, пола, мебели помогает обнаружить пустоты, скрытые полости, двойные панели. Разница в звуке — глухой там, где должен быть плотный массив, или наоборот, звонкий там, где ожидается пустота, — сразу же подсказывает, что конструкция изменена. Это тоже наблюдение, только через другой канал восприятия. Важно, что без осмысленного внимания и здесь легко ошибиться: звук покажется «обычным», если не сравнивать его с эталоном, не контролировать свои ожидания и не проводить повторные проверки.

Тактильные признаки связаны с осязанием и ощущением сопротивления, плотности, подвижности. При обыске это может быть лёгкое смещение панели, которая должна быть жёстко зафиксирована, непривычная пружинистость пола, участки, где при нажатии чувствуется пустота. Наблюдение в тактильном варианте — это не просто «потрогать», а сознательно сравнить ощущения: этот участок теплее, чем остальная стена; эта плитка звучит и нажимается иначе, чем соседняя. Профессионал как бы «приучает» руки быть продолжением глаз.

К *обонятельным признакам* относятся все изменения запаха среды. Запах клея, лака, свежей древесины, растворителя в местах, где ремонт официально не проводился, может указывать на недавнее вмешательство. Запах прелости, сырости, плесени в локальной зоне — на скрытую нишу, долго не проветриваемое пространство, замурованный объём. Здесь наблюдение проявляется в умении не игнорировать такие сигналы: многие люди привыкают к запахам и перестают их замечать, но следователь обязан «зацепиться» за такую деталь, особенно если она не вписывается в общий фон.

Особую группу составляют *поведенческие признаки* — о них подробнее будет сказано в следующем параграфе, но уже здесь важно отметить: поведение обыскиваемого и других присутствующих часто демаскирует места сокрытия не хуже, чем трещины или царапины. Непроизвольный взгляд в сторону тайника, избегание определённого участка комнаты, попытки отвлечь внимание от конкретной зоны, излишняя забота о какой-то вещи — всё это наблюдается именно как демаскирующий признак. Следователь не просто смотрит на человека, он отслеживает закономерности: где возникает напряжение, на какие слова или действия реагируют острее, в какой момент появляется желание вмешаться в ход обыска.

Демаскирующие признаки тайников

1. Конструктивные признаки

Тип признака	Как проявляется	Пример из практики	Что это означает и как проверять
--------------	-----------------	--------------------	----------------------------------

<i>Изменение структуры стены, пола, потолка</i>	Утолщение, неровности, «выпирающие», несовпадение линий	Один угол комнаты «уходит» вперёд на 2–3 см	Проверить простукиванием, тепловизором, сравнить симметрию стен
<i>Свежий ремонт на локальном участке</i>	Разный цвет краски, новая шпаклёвка, следы поклейки	На одной стене — свежий слой краски, хотя ремонт был “пять лет назад”	Проверить на различие оттенков, фактуры, подойти под острым углом освещения
<i>Неплотно закреплённые конструкции</i>	Отклонения в геометрии, люфт панелей	Потолочная панель слегка подаётся при нажатии	Проверка тактильная, повторное давление, использование шупа
<i>Слуховые аномалии</i>	Различие звуков при простукивании	В одной зоне звук глухой, в другой – звонкий	Простукивать в шахматном порядке, сравнивать зоны

2. Предметные признаки

Тип признака	Как проявляется	Пример из практики	Что означает/как проверить
<i>Несоответствие предмета окружению</i>	«Чуждый» предмет в контексте комнаты	Толстая энциклопедия в ванной комнате	Проверить внутреннее наполнение, подлить свет, снять предмет и осмотреть его основу
<i>Следы перемещения предмета</i>	Чёткие границы пыли, отпечатки, протёртость	Антресоль вся в пыли, кроме одной коробки	Осмотреть коробку, сравнить вес, проверить дно
<i>Слишком новый предмет среди старых</i>	Один «свежий» объект на фоне старых	Новый плинтус в старой квартире	Проверить крепление, следы демонтажа
<i>Нестандартное расположение мебели</i>	Мебель непропорционально сдвинута к стене	Шкаф стоит впрытк к стене в комнате, где все другие предметы отступают на 5–7 см	Сдвинуть шкаф, осветить пространство за ним

3. Визуальные признаки

Проявление	Пример	Что означает
<i>Разные рисунки обоев, швов, плитки</i>	Участок с рисунком, несовпадающим с остальными	Локальный ремонт, маскировка
<i>Тени и бликовые искажения</i>	При боковом освещении видны бугры	Неровная штукатурка после вскрытия
<i>Микротрещины</i>	Неглубокие паутинки вокруг щели	Следы вмешательства под напряжением

<i>Следы клея, герметика, потёков</i>	Локальные участки блеска или матовости	Использование скрытого крепления
---------------------------------------	--	----------------------------------

4. Слуховые признаки

Проявление	Пример	Проверка
<i>Разный звук в соседних участках</i>	Простукивание стены даёт глухой звук только в одной зоне	Сравнить вертикальные и горизонтальные линии; использовать разные предметы (металлические/деревянные)
<i>Звук пустоты под плиткой</i>	«Провал» звука на участке пола	Проверить толщиномером или попытаться приподнять плитку
<i>Скрип, щёлканье при надавливании</i>	Половица реагирует неровно	Проверить крепления, возможный люк

5. Тактильные признаки

Проявление	Пример	Что означает/как проверить
<i>Разница температур поверхности</i>	Участок стены чуть теплее или холоднее	Скрытая полость, тёплый воздух, техника
<i>Неплотность крепления</i>	Плита «ходит» под пальцами	Незаводской монтаж
<i>Разная фактура материала</i>	Ощущается другой тип штукатурки	Локальное вмешательство
<i>Аномальная упругость/жесткость</i>	Пол пружинит в одном месте	Полости, настилы, двойной пол

6. Обонятельные признаки

Проявление	Пример	Что означает
<i>Запах клея, краски, лака</i>	Участок стены пахнет свежей отделкой	Недавнее вмешательство
<i>Запах сырости, плесени, плесени</i>	Узкая зона пахнет плесенью, а комната сухая	Длительно закрытая ниша
<i>Ароматизаторы в одной зоне</i>	Только около шкафа стоит освежитель	Маскировка запаха «запертого пространства»
<i>Химические запахи</i>	Запах растворителя	Скрытые химикаты, обработка

7. Поведенческие признаки

Проявление	Пример	Интерпретация
-------------------	---------------	----------------------

<i>Пики напряжения при подходе к зоне</i>	Повышение частоты речи, дрожь	«Зона риска» для обыскиваемого
<i>Излишняя болтливость или агрессия</i>	Человек начинает кричать или шутить без повода	Попытка отвлечь внимание
<i>Фиксация взгляда</i>	Многочисленные мимолётные взгляды на одну точку	Контроль опасной зоны
<i>Попытки заслонить или «защитить» предмет</i>	Ставит тело между следователем и шкафом	Личностная важность объекта
<i>Навязчивые советы: «там ничего нет»</i>	Преследует следователя с подсказками	Тактика отвлечения
<i>Притворная помощь</i>	Излишне активно предлагает «помочь открыть»	Контроль доступа к тайнику

В основе всех этих признаков лежит **общая психологическая закономерность: прячущий человек всегда оставляет следы**. Здесь уместно вспомнить сформулированный в начале прошлого века знаменитым французским криминалистом Эдмоном Локаром основной принцип криминалистики: «Всё оставляет след!»¹². Этот фундаментальный тезис, получивший название «принцип Локара», до сих пор используется при расследовании преступлений и полностью применим к анализу тайников. Между желанием скрыть и невозможностью полностью стереть изменения неизбежно возникает конфликт. Даже если внешне всё приведено в «порядок», этот порядок часто оказывается слишком идеальным, слишком свежим или, наоборот, слишком искусственным. Торопливость при подготовке тайника приводит к неаккуратной поклейке обоев, неравномерной шпаклёвке, неправильному подбору материалов. Гиперконтроль опасной зоны заставляет человека постоянно мысленно и взглядом возвращаться к месту тайника, чрезмерно его оберегать или, наоборот, демонстративно игнорировать.

Под влиянием стресса поведение прячущего становится частично иррациональным. Логика маскировки перестаёт быть полностью продуманной: вместо того чтобы спрятать предмет там, где он растворился бы в обстановке, человек выбирает место, удобное для него психологически — «подальше от глаз», «туда, где никому не придёт в голову». Однако именно такие субъективно «надёжные» места нередко оказываются типичными и хорошо известными следователю. Внутренний «сдвиг фокуса» на зону тайника проявляется во всём: в мимолётных жестах, в маршрутах движения, в напряжении, связанном с определённой частью помещения.

Профессиональное наблюдение как раз и позволяет прочесть эти демаскирующие признаки. Следователь не ищет «чудесного озарения» — он собирает мелкие несоответствия, сопоставляет их, обращает внимание на логические и визуальные аномалии, фиксирует реакцию людей. В результате перед ним складывается картина, в которой тайник перестаёт быть невидимым, потому что обстановка и поведение сами начинают его выдавать.

¹² Locard E. L'enquête criminelle et les méthodes scientifiques. — Paris, 1920.

Демаскирующие признаки не кричат, они шепчут. Задача наблюдения — этот шёпот услышать.

§ 7. Наблюдение за поведением обыскиваемого

Наблюдение за поведением обыскиваемого во многом определяет успех обыска. Вещи можно спрятать, мебель — передвинуть, стены — подлатать, но собственная психика обыскиваемого всё время «работает против него». Он знает, где тайник, и это знание неизбежно проявляется в эмоциях, движении, взгляде, речи. Задача следователя — не «угадывать по жестам», а последовательно **отслеживать поведенческие изменения** на разных стадиях обыска и сопоставлять их с обстановкой.

Поведение обыскиваемого никогда не бывает статичным. Ещё до начала обыска, на стадии объявления постановления и объяснения его прав, можно заметить первую волну реакции: кто-то резко протестует, кто-то, напротив, демонстрирует показное спокойствие, кто-то начинает суетиться, звонить, писать сообщения. При входе в помещение и первом осмотре обстановки у обыскиваемого часто появляются короткие, но очень информативные всплески напряжения: он бросает быстрый взгляд в сторону опасного для него места, пытается встать так, чтобы заслонить собой определённый участок комнаты, либо, наоборот, начинает «слишком активно» помогать осмотру безопасных зон, уводя внимание от нужной точки.

По мере того, как обыск продвигается и обыскиваемый убеждается, что следователь приближается к зоне тайника, поведение меняется. На первой стадии он может быть внешне собран, рассчитывая, что всё пройдёт по формальной схеме. На второй — при осмотре общих зон — его тревога нарастает, но он ещё контролирует себя. На третьей — когда обыск приближается к «опасной» области — появляются пики напряжения: обыскиваемый начинает чаще говорить, спорить, шутить, задавать вопросы, придирается к действиям следователя, вмешиваться в процесс. И, наконец, при непосредственном приближении к тайнику у него может возникнуть либо резкое обострение реакции, либо, наоборот, внезапное «обрушение» — человек становится подавленным, затихает, избегает контакта.

Эмоциональные реакции и их колебания — один из самых надёжных индикаторов. Важно не просто зафиксировать, что человек «нервничает», а проследить, *когда именно и в связи с чем* это происходит. Например, во время осмотра кухни и коридора обыскиваемый относительно спокоен, но при входе в спальню заметно напрягается, начинает поправлять одежду, вмешиваться в действия. Или наоборот: весь обыск он ведёт себя напряжённо, но при приближении к одной конкретной комнате тревога явно возрастает — голос срывается, движения становятся резче, мимика «дёрганой». Эти перепады гораздо информативнее общей тревожности, которая при обыске в целом естественна.

Направление взгляда и фиксация на определённых зонах — классический, но не потерявший значения признак. Человек инстинктивно контролирует взглядом то, что представляет для него особую ценность или опасность. Часто это выглядит как серия мимолётных взглядов: обыскиваемый каждые

несколько секунд бросает глаза на один и тот же шкаф, окно, угол комнаты, технический люк. Он может стараться этого не делать, но в моменты эмоционального всплеска контроль ослабевает, и взгляд «проваливается» туда, где спрятано важное. Бывает и обратная ситуация: демонстративное избегание — он как будто «забывает» существование определённой зоны, ни разу не смотрит в её сторону, хотя логика общения и движения предполагает обратное. Для наблюдательного следователя оба варианта — и навязчивые, и, наоборот, отсутствие взглядов — являются сигналами к более внимательному осмотру.

Изменение цвета кожи — побледнение, покраснение — особенно заметно у людей со слабой эмоциональной саморегуляцией. Например, следователь подходит к книжному шкафу, берёт в руки безобидную на вид книгу — и в этот момент обыскиваемый буквально на глазах бледнеет, уголки губ напрягаются, веки слегка подрагивают. Или при простукивании стены в районе тайника у него неожиданно вспыхивают пятна на шее. Важно не искать «чудесной диагностики по одному признаку», а отслеживать *совпадение*: изменение цвета + фиксация взгляда + навязчивые комментарии о том, что «там всё равно ничего нет» — вместе создают значимый комплекс.

К *вегетативным признакам* относятся потливость, дрожь, изменение дыхания, частое сглатывание, пересыхание во рту. Например, при осмотре одной из комнат у обыскиваемого возникает мелкий тремор рук, он начинает часто вытирать ладони о брюки, шумно сглатывать слюну, просить воды. В другой комнате, возможно, он ведёт себя спокойнее. Такие различия в физиологических реакциях по зонам помещения — важная подсказка. Разумеется, часть этих проявлений может объясняться общим стрессом, болезнью, особенностями темперамента, поэтому следователь анализирует не абсолютную величину реакции, а её *изменение* в зависимости от этапа обыска и места действия.

Микровыражения страха, тревоги или, наоборот, *облегчения* обычно кратковременны и плохо контролируются. Они могут проявиться в момент, когда следователь неожиданно меняет направление поиска или вслух озвучивает версию, близкую к истине. Например, следователь, как бы «между делом», спрашивает: «А за этим шкафом давно ремонт делали?» — и на долю секунды на лице обыскиваемого промелькивает страх или раздражение, после чего он тут же надевает маску спокойствия. Или, наоборот, когда осмотр опасной зоны заканчивается, а тайник не найден (пока), на лице обыскиваемого вспыхивает заметное облегчение — пусть даже он тут же пытается его скрыть. Для тренированного наблюдателя такие мгновенные вспышки — важные ориентиры.

Жесты и позы нередко демаскируют попытки защитить или, напротив, заслонить важную зону. Обыскиваемый может вставать так, чтобы заслонять определённый участок стены, постоянно располагаться рядом с определённой мебелью, «случайно» оставлять руку на спинке нужного стула или дверцы шкафа. Иногда он тянется поправить предмет, к которому следователь только собирается подойти: поправляет картину, закрывает дверцу, пододвигает стул, объясняя это «привычкой» или заботой об имуществе. Изменение маршрута движения — тоже показатель: он часто проходит через одни и те же зоны, избегает других, пытается направить следователя по определённому маршруту по

квартире. Все эти действия сами по себе могут быть объяснимы, но в совокупности с другими признаками дают богатую информацию.

Речевые реакции тоже несут демаскирующий потенциал. Избыточная болтливость, неуместные шутки, навязчивые советы вроде «тут можете не смотреть, я там сам вчера всё выкинул» или, наоборот, агрессивные протесты против осмотра «совершенно обычного» места — всё это требует не эмоционального ответа, а спокойного анализа. Часто обыскиваемый пытается «управлять сценарием» обыска: навязчиво комментирует действия следователя, предлагает «начать там, где точно ничего нет», отвлекает разговорами, вспоминает сторонние темы. В другой крайности — резкие вспышки агрессии именно тогда, когда следователь направляется к «опасной» зоне; крик, обвинения в «нарушении прав», попытки спровоцировать конфликт — всё это может быть способом оттянуть время или увести от конкретного места.

Отдельного внимания заслуживают *ложные реакции* — демонстративное спокойствие, нарочитое безразличие, притворная помощь. Человек может стараться сыграть роль: «Мне всё равно, я ничего не боюсь» или «Я так хочу поможь, что сам покажу, где смотреть». Как правило, такая наигранность чувствуется по лёгкому несоответствию: слова говорят об одном, а мимика и тело — о другом. Например, обыскиваемый активно демонстрирует безразличие к осмотру конкретного шкафа, но в момент, когда следователь подбирает ключи к замку, у него напрягаются губы и слегка дрожат пальцы. Или он слишком активно предлагает проверить одну комнату, но заметно «оживляется», когда следователь уходит от другой. Наблюдение здесь требует особой критичности: не поддаваться на игру, но и не делать поспешных выводов по одному жесту.

Важно помнить, что все эти поведенческие признаки — *не доказательств сами по себе*, а ориентиры для поиска. Их нельзя абсолютизировать и превращать в «экспресс-диагностику по жестам». Следователь работает не с отдельными сигналами, а с их совокупностью, контекстом и динамикой.

Тем не менее, на практике можно выделить несколько **типичных сочетаний маркеров**, которые указывают на потенциальные места сокрытия. Например, при приближении к определённой зоне помещения наблюдаются: учащённое дыхание обыскиваемого, фиксация взгляда на одном участке стены, попытка встать так, чтобы частично заслонить эту зону, и речевая активность, направленная на то, чтобы переключить следователя на «более интересное» место. В другой ситуации комплекс может выглядеть так: при осмотре ряда шкафов только один вызывает краткий, но заметный всплеск напряжения — обыскиваемый резко выпрямляется, на лице появляется микровыражение тревоги, он тут же начинает шутить и предлагать «лучше посмотреть в соседней комнате», а затем старается стоять поближе к этому шкафу.

Практически полезно выработать у себя привычку «ставить маркеры»: каждый раз, когда в определённой зоне фиксируется всплеск поведенческой реакции (взгляд, движение, эмоциональный пик), следователь мысленно отмечает это место и возвращается к нему позже с более тщательным осмотром. Наблюдение за поведением здесь становится не самоцелью, а навигацией для поиска: тело, мимика и речь обыскиваемого как бы подсказывают, где пространство требует особого внимания.

Чек-лист наблюдения за поведением обыскиваемого:

1. **Фиксация исходного состояния:** Оцените поведение и физиологию человека в нейтральные моменты.
2. **Создание тактических «точек давления»:** Активно исследуйте разные зоны, даже заведомо «чистые».
3. **Мониторинг изменений:** Отслеживайте малейшие изменения в поведении, дыхании, позе, речи и вегетатике в ответ на ваши действия.
4. **Выявление «точек максимального напряжения»:** Те зоны, при приближении к которым реакции обыскиваемого достигают пика, являются первоочередными для детального изучения.
5. **Перепроверка:** Вернитесь к «спокойным» зонам после пика напряжения. Искренняя реакция облегчения при вашем уходе от тайника и новое напряжение при вашем возвращении – верный признак правильного направления.

Таким образом, наблюдение за поведением обыскиваемого превращается в самостоятельный, высокоинформативный канал получения сведений о местонахождении тайников. Именно оно позволяет превратить обыск из «всеобщего переворачивания вещей» в осмысленный, направленный поиск, где каждый жест и каждый взгляд рассматриваются как возможный след, а не как случайное движение.

Подводя итог данной главы, подчеркнем, что наблюдение в обыске — это не вспомогательная функция, а основа всей поисковой деятельности. Оно позволяет следователю видеть обстановку не как набор предметов, а как систему связей, нарушений и несоответствий. Благодаря наблюдательности обнаруживаются аномалии в среде, выявляются демаскирующие признаки тайников, считывается поведение обыскиваемого и его попытки скрыть важные зоны. Наблюдение превращает обыск из хаотичного «перебора вещей» в тонко организованный психологический процесс, где каждая деталь осмыслена, а каждая реакция — потенциальный указатель направления.

Наблюдение — это одновременно и искусство, и психотехника, и навык, который развивается лишь при систематической тренировке. Оно требует самоконтроля, внимательности, знания механизмов маскировки, понимания человеческого поведения под стрессом и умения видеть то, что не бросается в глаза. При правильном подходе наблюдение становится не просто инструментом, а главным тактическим преимуществом следователя в обыске.

Выводы по главе:

1. Наблюдение является психологическим фундаментом обыска. Оно позволяет строить версии, обнаруживать скрытые объекты, корректировать тактику и управлять ситуацией.
2. Профессиональное наблюдение принципиально отличается от бытового. Оно направленное, структурированное, осмысленное и подчинено задаче поиска.
3. Наблюдательность — не врождённое качество, а тренируемый профессиональный навык.

4. Демаскирующие признаки всегда основаны на несоответствиях среды или поведения. Прячущий человек неизбежно оставляет следы — от конструктивных до поведенческих.

5. Поведение обыскиваемого — самостоятельный информационный канал. Реакции, взгляд, движение, речь и микровыражения позволяют выявлять опасные зоны.

6. Психотехнические приёмы усиливают качество наблюдения. Они помогают удерживать внимание, распределять его, осмысливать восприятие и избегать ошибок.

7. Эффективное наблюдение позволяет экономить время, снижать риск конфликта и повышает результативность обыска.

Контрольные вопросы:

1. Почему наблюдение является ключевым психологическим процессом в ходе обыска?
2. Чем отличается профессиональное наблюдение следователя от обычного бытового восприятия?
3. Какие психологические качества составляют основу наблюдательности?
4. Какие три основные группы объектов наблюдения выделяются при обыске?
5. Что такое демаскирующие признаки и почему они возникают?
6. Какие типы демаскирующих признаков вы знаете?
7. В чём заключается психологическая природа ложных или демонстративных реакций обыскиваемого?
8. Как поведение обыскиваемого может указывать на потенциальное место тайника?
9. Какие психотехнические приёмы профессионального наблюдения предложены А. М. Столяренко?
10. Почему наблюдение требует постоянной тренировки и самоконтроля?

Практические задания:

Задание 1. Анализ поведения обыскиваемого

Ситуация:

Следователь проводит обыск в квартире. При входе в комнату обыскиваемый спокоен. Но когда следователь подходит к книжному шкафу, мужчина начинает активно комментировать:

— «Там ничего нет, я недавно всё перебирал»,
пытается встать ближе к шкафу, поправляет на нём фотографию, избегает смотреть в его сторону и заметно краснеет.

Вопрос:

Какие поведенческие признаки в этой ситуации указывают на возможное место тайника?

Задание 2. Выявление демаскирующих признаков

Ситуация:

При осмотре спальни следователь замечает:

- один участок обоев отличается по фактуре;
- плинтус на этом участке установлен иначе;
- при лёгком постукивании звук глухой;
- при приближении к стене у хозяйки комнаты усиливается дрожь рук.

Вопрос:

Какие типы демаскирующих признаков зафиксированы и что они означают?

Задание 3. Формирование поисковых гипотез**Ситуация:**

В комнате наблюдаются: ровная пыль на всех поверхностях, кроме одной тумбы; тумба выдвигается чуть тяжелее, чем остальные выдвижные элементы мебели; обыскиваемый при её осмотре начинает чрезмерно активно «помогать» и предлагает посмотреть в другую комнату.

Вопрос:

Сформулируйте поисковую гипотезу и укажите, какие признаки её поддерживают.

Задание 4. Анализ «точек давления»**Ситуация:**

Следователь намеренно проверяет «нейтральную» часть квартиры — кладовку. Реакции нет.

Переходит к кухне — лёгкое напряжение.

Подходит к холодильнику — всплеск агрессии: обыскиваемый возмущается, требует понятых, громко спорит.

Вопрос:

Как интерпретировать такую динамику?

ГЛАВА 9. КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ОБЫСКА

Обыск относится к числу наиболее сложных и психологически насыщенных следственных действий. Он осуществляется в условиях принуждения, затрагивает значимые личные и имущественные интересы граждан и почти всегда протекает на фоне скрытого или открытого конфликта между следователем и обыскиваемыми лицами. В этих условиях успех обыска определяется не только тактической грамотностью и технической оснащённостью, но в значительной степени — уровнем профессионального общения следователя с участниками следственного действия.

Коммуникативная деятельность следователя во время обыска выступает не вспомогательным, а самостоятельным и ключевым инструментом поиска и получения информации. Посредством общения следователь организует процесс обыска, управляет поведением присутствующих лиц, снижает или, напротив, обостряет конфликтность ситуации, формирует психологический климат и воздействует на мотивацию обыскиваемого. Нередко именно речевое и неречевое взаимодействие позволяет выявить ориентирующую информацию, обнаружить признаки сокрытия предметов и документов, а также определить направления и приоритеты дальнейших поисковых действий, дополняя и направляя физическое обследование помещения.

§ 1. Обыск как особая коммуникативная ситуация уголовного судопроизводства

В ходе обыска одновременно переплетаются процессуальные, оперативно-розыскные и коммуникативные задачи. Следователь в ходе обыска действует в условиях дефицита времени, неопределённости, противодействия со стороны обыскиваемого и повышенной ответственности за соблюдение законности. При этом он вынужден не только организовывать и контролировать физический поиск предметов и документов, но и постоянно решать задачи общения: разъяснять, убеждать, предупреждать, реагировать на сопротивление, управлять поведением участников и собственной эмоциональной сферой.

В экстремальный характер обыска вносит вклад сама ситуация внезапного вторжения в привычное жизненное пространство человека. Для обыскиваемого обыск, как правило, является стрессогенным событием, сопровождающимся тревогой, страхом, раздражением или агрессией. Для следователя же это ситуация повышенной психологической нагрузки, требующая высокой концентрации внимания, гибкости мышления и умения одновременно контролировать несколько линий взаимодействия. Таким образом, обыск выступает не только как следственное действие в узком процессуальном смысле, но и как сложный акт профессионального межличностного взаимодействия.

Коммуникативная деятельность следователя при обыске протекает в строгом психолого-правовом контексте. С одной стороны, она регламентирована требованиями уголовно-процессуального закона, устанавливающего порядок производства обыска, круг участников, их права и обязанности. С другой

стороны, общение следователя ограничено фундаментальными принципами уважения чести и достоинства личности, недопустимости психического насилия, угроз, обмана и иных форм неправомерного психологического воздействия. Следователь не вправе использовать унижающие достоинство высказывания, демонстрировать пренебрежение или произвольно ограничивать права участников обыска, даже в условиях активного противодействия.

Вместе с тем закон не исключает, а напротив, предполагает активную коммуникативную позицию следователя. Разъяснение прав и обязанностей, предложение добровольной выдачи предметов и документов, предупреждение о правовых последствиях противодействия, корректное реагирование на эмоциональные всплески — всё это формы профессионального общения, которые при соблюдении правовых и этических границ не только допустимы, но и необходимы для достижения целей обыска.

Коммуникативная деятельность следователя при обыске является важным компонентом его профессиональной компетентности. Через общение следователь осуществляет информирование участников о ходе и правилах следственного действия, формирует у них представление о законности и контролируемости происходящего, оказывает убеждающее воздействие, а также управляет поведением обыскиваемого и иных присутствующих лиц. Практика показывает, что грамотно выстроенное общение способно снизить уровень сопротивления, спровоцировать добровольную выдачу искомых объектов и предотвратить развитие открытого конфликта.

Коммуникация при обыске носит не эпизодический, а непрерывный характер. Следователь постоянно считывает реакцию обыскиваемого, интерпретирует изменения в его поведении, речи и невербальных проявлениях, соотнося их с ходом поисковых действий. Таким образом, общение становится источником ориентирующей информации, позволяющей корректировать тактику обыска в реальном времени.

Общение в ходе обыска обладает чёткой структурой. В нем участвуют различные субъекты: следователь, обыскиваемый, понятые, специалисты, защитник, члены семьи, иные присутствующие лица. Каждый из участников занимает определённую ролевую позицию, которая может изменяться в зависимости от динамики обыска. Следователь выступает в роли организатора, руководителя и коммуникатора, тогда как обыскиваемый может переходить от пассивного наблюдателя к активному противодействующему субъекту.

Общение при обыске осуществляется по нескольким каналам. Вербальный канал включает устные распоряжения, вопросы, разъяснения и реплики участников. Невербальный канал представлен мимикой, жестами, позами, особенностями двигательного поведения, паузами и интонацией. Существенную роль играют и опосредованные формы коммуникации — процессуальные документы, фиксация действий, демонстрация предметов, которые также оказывают психологическое воздействие на участников обыска.

Таким образом, обыск следует рассматривать как особую коммуникативную ситуацию уголовного судопроизводства, в которой профессиональное общение следователя выступает не второстепенным элементом, а одним из ключевых факторов эффективности следственного действия.

§ 2. Цели, задачи и особенности общения при обыске

Коммуникативная деятельность следователя при обыске разворачивается в многостороннем социально-психологическом пространстве, включающем различных участников, каждый из которых занимает определённую процессуальную и коммуникативную позицию. Обыскиваемое лицо, как центральный субъект данной ситуации, чаще всего воспринимает происходящее как угрозу своим интересам и реагирует настороженно, оборонительно либо активно противодействует. Члены его семьи нередко демонстрируют эмоциональные реакции — тревогу, раздражение, сочувствие или протест, что существенно влияет на общий психологический фон обыска.

Особую коммуникативную роль играет защитник, чьё участие придаёт общению дополнительную правовую и психологическую напряжённость. Его присутствие может выполнять как стабилизирующую функцию, способствуя соблюдению процессуальных норм, так и усложнять коммуникацию, если он занимает подчеркнуто конфронтационную позицию. Понятые, специалисты и оперативные сотрудники также включаются в систему общения, оказывая прямое или опосредованное влияние на поведение обыскиваемого. Наконец, иные приглашённые лица, случайно или вынужденно присутствующие при обыске, расширяют круг коммуникативных связей и повышают сложность управления ситуацией.

В этих условиях *стратегической целью коммуникации следователя является обеспечение максимальной эффективности обыска при строгом соблюдении требований закона*. Речь идёт не только о фактическом обнаружении и изъятии искомых объектов, но и о достижении результата таким образом, чтобы он был процессуально безупречен, психологически оправдан и устойчив к последующей правовой оценке. Коммуникация здесь выступает средством согласования принудительного характера обыска с принципами законности, уважения прав личности и процессуальной корректности.

Достижение стратегической цели реализуется через ряд **тактических задач коммуникативного характера**. Прежде всего, следователь стремится создать и поддерживать управляемую психологическую атмосферу, при которой уровень напряжения остаётся контролируемым и не переходит в открытую деструктивную фазу. Спокойный, уверенный и последовательный стиль общения способствует формированию у участников ощущения предсказуемости происходящего и снижает вероятность импульсивных реакций.

Важной задачей общения является побуждение обыскиваемого к добровольной выдаче предметов, документов и ценностей, имеющих значение для дела. Такое побуждение осуществляется в рамках закона и опирается на разъяснение правовых последствий, апелляцию к рациональным мотивам и демонстрацию процессуальной прозрачности действий следователя. Практика показывает, что грамотно выстроенная коммуникация нередко позволяет достичь данного результата без эскалации конфликта.

Не менее значимой задачей является нейтрализация сопротивления, противодействия, панических реакций или агрессии. Следователь должен уметь

распознавать ранние признаки деструктивного поведения и своевременно корректировать стиль общения, используя вербальные и невербальные средства воздействия, не выходя за рамки допустимого психологического влияния.

Коммуникативная деятельность при обыске выполняет и диагностическую функцию. В процессе общения следователь собирает ориентирующую информацию — как вербальную, так и невербальную, — позволяющую судить о внутреннем состоянии обыскиваемого, уровне его заинтересованности в сокрытии объектов, степени готовности к сотрудничеству или противодействию. Эти данные используются для оперативной корректировки тактики поиска, выбора направлений и интенсивности обыскных действий.

Наконец, общение служит средством обеспечения процессуальной чистоты обыска. Через коммуникацию реализуются разъяснение прав и обязанностей участников, фиксация хода следственного действия, подтверждение добровольных действий или заявлений, а также предупреждение возможных процессуальных нарушений. Таким образом, коммуникация становится инструментом не только психологического, но и юридического контроля.

Общение при обыске обладает рядом **специфических особенностей**, отличающих его от других форм профессионального взаимодействия следователя. Прежде всего, оно носит вынужденный и принудительный характер для одной из сторон, что изначально нарушает баланс коммуникативных позиций. Высокий уровень эмоционального напряжения и стресса характерен практически для всех участников, включая самого следователя, что требует повышенной саморегуляции и профессиональной выдержки.

Коммуникация при обыске всегда содержит конфликтный потенциал — как явный, так и скрытый. Даже внешне корректное поведение обыскиваемого может сопровождаться внутренним сопротивлением, которое проявляется в невербальных реакциях или косвенных формах противодействия. Дополнительным осложняющим фактором выступают жёсткие временные рамки, ограничивающие возможности длительного установления контакта и требующие быстрых и точных коммуникативных решений.

Наконец, общение при обыске отличается комплексным характером. Оно включает вербальные формы взаимодействия, невербальные сигналы и предметно-практические действия, которые взаимно дополняют и усиливают друг друга. Следователь одновременно говорит, наблюдает, действует и фиксирует происходящее, что превращает коммуникацию в многоканальный и динамичный процесс.

§ 3. Вербальное и невербальное поведение обыскиваемого как источник информации

В ходе обыска обыскиваемое лицо становится для следователя не только объектом процессуального воздействия, но и постоянным «носителем ориентирующей информации». Эта информация возникает не столько в форме прямых признаний или пояснений, сколько в виде поведенческих сигналов — вербальных и невербальных, — которые отражают внутреннее состояние человека, его установки, уровень напряжения и отношение к происходящему. Она

не носит доказательственного характера, однако играет существенную роль в корректировке тактики поиска и организации взаимодействия с участниками следственного действия.

При грамотном наблюдении такие сигналы позволяют следователю уточнять тактические решения: корректировать темп и направления поиска, менять стиль общения, прогнозировать развитие конфликта и оценивать вероятность сокрытия объектов в тех или иных местах.

Вербальное поведение обыскиваемого включает как содержательные, так и формальные сигналы. К *содержательным* относятся высказывания, несущие прямую смысловую нагрузку: отказ от добровольной выдачи, протесты и оспаривание действий следователя, попытки навязать альтернативную интерпретацию происходящего, «подсказки» (включая намеренные ложные ориентиры), а также произвольные реплики, возникающие на пике эмоционального напряжения. Нередко именно произвольные комментарии, сказанные «в сторону» или адресованные родственникам, оказываются более информативными, чем специально подготовленные объяснения. Подобные высказывания нередко носят ситуативный характер и могут отражать актуальное внутреннее состояние лица, а не его продуманную позицию.

Формальные характеристики речи проявляются в том, как именно человек говорит: меняется темп речи, тембр и громкость голоса, появляются характерные паузы, оговорки, самоперебивания, «зависания» перед ответом. В одних случаях наблюдается логорея — стремление говорить много, быстро и непрерывно, создавая информационный шум и отвлекая внимание. В других — демонстративное молчание или односложные ответы, которые могут выполнять защитную функцию и выражать протест. Данные признаки следует рассматривать исключительно в динамике и в сопоставлении с другими проявлениями поведения. Для следователя важно учитывать, что сами по себе эти признаки не доказывают наличие скрываемых предметов, но могут сигнализировать о росте внутреннего напряжения, попытке самоконтроля или тактическом маневрировании.

Особое значение в ходе обыска имеет **невербальное поведение обыскиваемого**, поскольку оно в меньшей степени поддается сознательному контролю. Наиболее информативной является *проксемика* — особенности дистанции и перемещений в помещении. Обыскиваемый может стремиться держаться ближе к определённой зоне, «перекрывать» к ней доступ, садиться так, чтобы видеть ключевые участки, или, напротив, демонстративно удаляться от «опасного» места, избегая визуального контакта с ним. Перемещения по помещению могут иметь маскирующий характер (создание видимости «естественной» активности) либо указывать на внутреннюю потребность контролировать то, что происходит рядом с зоной потенциального обнаружения.

Информативна и поза: степень напряжённости или расслабленности, открытость или закрытость, ориентация корпуса относительно следователя и зоны поиска. Человек, испытывающий тревогу, часто фиксируется в «замороженной» позе, избегает свободных движений, держит руки ближе к телу, ограничивает жесты. При агрессивном или демонстративном сопротивлении, напротив, поза может становиться «расширенной», корпус разворачивается на

следователя, увеличивается амплитуда движений, появляется стремление доминировать в пространстве.

Жесты обыскиваемого нередко выступают индикаторами эмоционального возбуждения. Они включают несколько важных групп. Манипуляторы (самоприкосновения, почесывания, касания лица, шеи, губ) нередко сопровождают внутреннее напряжение и попытки саморегуляции. Иллюстраторы — движения, сопровождающие речь, — иногда непроизвольно «выдают» направление внимания: человек может слегка кивнуть в сторону значимой зоны, сделать микродвижение рукой при упоминании конкретного места или предмета. Жесты-барьеры (скрещивание рук, закрывание корпуса, выставление предметов как «экрана») чаще отражают защитную позицию и стремление дистанцироваться от ситуации.

Каналы невербальной информации при обыске

 Интерпретация по совокупности признаков, в динамике и контексте ситуации. Отдельный сигнал не доказателен.

Мимика также является ценным источником наблюдений. В условиях обыска могут проявляться кратковременные выражения страха, гнева, презрения, облегчения или даже скрытой радости, например при том, что поисковые

действия идут «не туда». Однако мимические проявления часто маскируются: обыскиваемый может сознательно контролировать лицо, демонстрировать «нейтральность» или искусственную доброжелательность, что само по себе является поведенческим фактом, требующим учета в общей оценке ситуации.

Дополняют картину *вегетативные реакции*: покраснение или побледнение кожи, повышенное потоотделение, сухость во рту, учащение дыхания и пульса, расширение зрачков. Они обладают относительной объективностью, поскольку труднее контролируются волевым усилием. Вместе с тем они неспецифичны: такие проявления могут быть вызваны общим стрессом, страхом перед властью, соматическим состоянием или особенностями темперамента и не обязательно связаны с виновностью или наличием скрываемых объектов. Поэтому следователь должен воспринимать их как индикаторы напряжения, а не как доказательства.

В совокупности вербальные и невербальные проявления позволяют судить о внутреннем состоянии обыскиваемого. Наиболее часто в ходе обыска наблюдаются признаки напряжения, страха, злости, чувства вины либо демонстративного поведения, направленного на создание определённого впечатления у окружающих. В отдельных случаях имеет место «игра на публику», ориентированная на понятых, членов семьи или защитника. В ряде случаев наблюдается активация поведения при упоминании определённых мест, предметов или лиц: человек начинает чаще смотреть в одну сторону, меняет позу, ускоряет речь, проявляет раздражение, пытается переключить разговор — то есть возникают реакции, которые косвенно указывают на значимость темы или зоны.

Важно учитывать динамику коммуникативного поведения на разных этапах обыска. На начальной фазе заметны реакции на появление следственно-оперативной группы: растерянность, попытка быстро оценить ситуацию, стремление занять выгодную позицию в помещении. При предъявлении постановления и разъяснении прав возможны всплески возмущения, попытки затягивания времени, демонстративное требование «всё записывать», либо, напротив, подчёркнутая пассивность. Наиболее выраженные реакции обычно возникают при приближении к «опасным» зонам и при обнаружении значимых предметов: меняется темп дыхания, возникают резкие изменения мимики, появляются попытки вмешательства, просьбы «не трогать», переключение внимания на второстепенные объекты. На завершающей стадии, при составлении протокола и подведении итогов, невербальные проявления могут отражать либо облегчение, либо тревогу, связанную с осознанием последствий, либо желание оспорить результаты и подготовить почву для последующих жалоб.

При использовании поведенческих сигналов как источника информации следует учитывать ограничения и риски интерпретации. На выраженность вербальных и невербальных признаков влияют индивидуальные особенности личности (темперамент, привычные способы самоконтроля), культурные и социальные различия, соматические состояния, а также сам по себе стресс обыска. Поэтому профессионально корректным является принцип оценки совокупности признаков и их изменений во времени, а не опора на отдельные

«универсальные жесты» или популярные схемы, обещающие однозначное распознавание лжи или виновности по одному движению.

§ 4. Техники наблюдения и фиксации невербальных сигналов следователем

Наблюдение за невербальным поведением при обыске не является спонтанным или интуитивным процессом. В профессиональном смысле оно представляет собой целенаправленную деятельность следователя, требующую организации, самоконтроля и владения специальными психотехническими приёмами. Ошибки в обыске чаще возникают не потому, что следователь неверно истолковал тот или иной сигнал, а потому, что он его не заметил, упустил в динамике или не зафиксировал должным образом.

Профессиональное наблюдение в условиях обыска подчиняется ряду **принципов**. Прежде всего, это *принцип системности*: поведение участников воспринимается не фрагментарно, а как целостный процесс, разворачивающийся во времени и пространстве. Не менее важен *принцип ненавязчивости* — следователь не должен демонстрировать повышенного интереса к реакциям обыскиваемого, поскольку это может спровоцировать усиление маскировки или сознательное искажение поведения. Третий принцип — *последовательность*, предполагающая сопоставление наблюдаемых реакций с этапами обыска, действиями следственной группы и изменениями тактики поиска.

Организация наблюдения начинается с правильного распределения объектов внимания. Основным объектом наблюдения, безусловно, является обыскиваемое лицо, однако следователь не должен игнорировать так называемые фоновые объекты — членов семьи, иных присутствующих лиц, защитника, понятых. Их реакции могут усиливать, маскировать или дополнять поведение обыскиваемого, а иногда и служить самостоятельным источником ориентирующей информации. При этом внимание следователя не должно быть жестко «приковано» к одному человеку: профессиональная задача заключается в удержании общей картины взаимодействий.

Особую роль играет умение контролировать распределение внимания. Следователь во время обыска вынужден одновременно выполнять физические действия, давать указания, общаться, следить за законностью происходящего и наблюдать за поведением участников. В этих условиях возрастает значение периферийного зрения и навыка быстрого переключения внимания между объектами. Наблюдение осуществляется не как непрерывное «смотрение», а как серия кратких, но регулярных визуальных проверок ключевых фигур и зон.

Важным приёмом является использование *тактики «свободного поиска»*. Она предполагает, что следователь не демонстрирует заранее определённого интереса к конкретным местам, а намеренно варьирует направления и темп осмотра. Такая тактика позволяет провоцировать спонтанные поведенческие реакции, не прибегая к прямому психологическому воздействию. Наблюдение в этом случае становится фоновым, но непрерывным процессом, сопровождающим поисковые действия.

Приёмы «сканирования» пространства и участников обеспечивают систематичность наблюдения. Первичное визуальное обследование осуществляется уже при входе в помещение и позволяет зафиксировать исходную обстановку, расположение людей, их позы и дистанции. В дальнейшем следователь периодически возвращает внимание к ключевым фигурам, не заостряя на этом внимания окружающих. Особое значение имеет наблюдение за реакциями на конкретные действия следственной группы — изменение направления поиска, открытие закрытых зон, перемещение предметов, формулирование вопросов.

Наблюдение приобретает практическую ценность лишь при условии надлежащей **фиксации получаемой информации**. На первом уровне используется *мысленная фиксация* — формирование своего рода «психологического протокола» обыска. Следователь отмечает для себя ключевые моменты: где и когда возникали поведенческие всплески, при каких действиях менялось состояние обыскиваемого, какие зоны сопровождалась устойчивыми реакциями. Эти элементы не обязательно сразу оформляются письменно, но удерживаются в оперативной памяти для последующего анализа.

В ряде случаев применяется *конспиративная фиксация* — краткие пометки в черновом блокноте или использование технических средств, допустимых законом. Такие записи носят вспомогательный характер и предназначены для восстановления последовательности событий и реакций. Они должны быть лаконичными и нейтральными по формулировкам, исключая оценочные суждения.

Официальная фиксация осуществляется в протоколе обыска. В него могут вноситься сведения о значимых реакциях обыскиваемого, если они имеют отношение к ходу следственного действия и зафиксированы корректно, в описательной форме. Важно, чтобы такие записи отражали наблюдаемые факты, а не психологические интерпретации. Формулировки должны быть точными, конкретными и процессуально корректными, исключая выводы о причинах поведения.

Особое место занимают технические средства фиксации — видеозапись и фотосъёмка. Они позволяют зафиксировать поведение всех участников обыска в объективной форме и дают возможность последующего анализа невербальных реакций, в том числе тех, которые могли остаться вне поля внимания следователя в момент их проявления. Вместе с тем использование камеры влияет на поведение участников: одни усиливают самоконтроль, другие, напротив, демонстрируют подчеркнутую активность или протест. Следователь должен учитывать этот эффект и соблюдать установленные законом и этикой ограничения.

При осуществлении наблюдения и фиксации невербальных сигналов следователь может допускать ряд **типичных профессиональных ошибок**, связанных не столько с недостатком знаний о поведении человека, сколько с особенностями восприятия, внимания и мышления в стрессовой обстановке обыска.

Наиболее распространённой является *избирательность внимания* — чрезмерная концентрация на одном объекте, лице или признаке в ущерб целостному восприятию ситуации. Увлёкшись наблюдением за обыскиваемым,

следователь может утратить контроль над поведением других участников, пропустить важные изменения в обстановке или не заметить реакции, возникающие вне фокуса прямого внимания. Возможна и обратная ситуация:следователь полностью погружается в физический поиск, действия с предметами и фиксацию протокола, в результате чего наблюдение за поведением обыскиваемого становится эпизодическим и несистемным. В обоих случаях нарушается принцип многоканального восприятия обыска как единого процесса, где действия, пространство и поведение людей взаимосвязаны.

Существенную опасность представляет *подгонка наблюдаемых признаков под заранее сформированную версию*. Еслиследователь ещё до начала обыска убеждён, что тайник находится в определённой зоне, возникает риск когнитивного искажения:любые реакции обыскиваемого интерпретируются как подтверждение этой версии, а противоречащие ей признаки игнорируются или обесцениваются. В таком случае наблюдение утрачивает диагностическую функцию и превращается в инструмент самоподтверждения. Следователь перестаёт задаваться вопросом «что именно я вижу и в какой момент», подменяя его вопросом «как это подтверждает мою гипотезу». Подобная установка особенно опасна при длительном и эмоционально насыщенном обыске, когда возрастает утомляемость и снижается критичность мышления.

Отдельного внимания заслуживает *переоценка единичных невербальных сигналов* и их превращение в своеобразные «псевдодоказательства». Следователь может придавать чрезмерное значение одному жесту, взгляду или физиологической реакции, вырывая их из общего контекста. Например, кратковременное покраснение лица, пауза в речи или нервный жест начинают восприниматься как прямое указание на сокрытие предметов, без учёта общей стрессовой нагрузки ситуации, индивидуальных особенностей человека или предшествующей динамики его поведения. Такая ошибка особенно характерна для начинающих следователей или лиц, увлекающихся упрощёнными схемами «чтения языка тела».

Опасность подобного подхода заключается в том, что единичный сигнал может быть случайным, ситуативным или обусловленным внешними факторами, не связанными с предметом обыска. При этомследователь, зафиксировав «подозрительный» признак, может неосознанно начать усиливать давление на обыскиваемого или концентрировать поисковые действия в ошибочном направлении, упуская более значимые ориентиры.

К числу ошибок следует отнести и *некорректную фиксацию наблюдаемых реакций*. Использование оценочных формулировок, психологических ярлыков или предположений о мотивах поведения («нервничал», «боялся», «скрывал») вместо описания конкретных, наблюдаемых фактов снижает процессуальную ценность таких записей и создаёт риск их последующего оспаривания. Фиксация должна отражать то, чтоследователь реально видел и слышал, а не его интерпретацию внутреннего состояния человека.

Таким образом, профессиональная ценность наблюдения при обыске определяется не количеством замеченных признаков, а умением следователя сохранять целостность восприятия, критичность мышления и дисциплину фиксации. Осознание типичных ошибок и их профилактика позволяют

использовать невербальную информацию как вспомогательный ориентир поиска, не превращая её в источник субъективных и процессуально уязвимых выводов.

Чек-лист самоконтроля наблюдения при обыске (как избежать типичных ошибок интерпретации невербальных сигналов)

- 1. Контролируйте распределение внимания**
Периодически задавайте себе вопрос: *за кем и за чем я сейчас наблюдаю?*
Если внимание длительное время сосредоточено только на одном лице или одном участке помещения, сознательно расширьте поле наблюдения: отметьте поведение других участников, обстановку и собственные действия.
- 2. Не фиксируйтесь на одном признаке**
Любой отдельный жест, взгляд или физиологическая реакция не имеет самостоятельного диагностического значения. Делайте выводы только при наличии повторяющихся реакций и их связи с конкретными действиями следственной группы или этапами обыска.
- 3. Сравнивайте поведение в динамике**
Оценивайте не абсолютный уровень напряжения, а изменения: *когда, в ответ на что и в какой зоне* они возникают. Статическое впечатление («он всё время нервничает») менее информативно, чем динамическое наблюдение.
- 4. Отделяйте наблюдение от интерпретации**
Сначала фиксируйте факт (*что именно произошло*), и только затем — возможное значение. В протоколе и рабочих записях используйте описательные формулировки, избегая психологических оценок и предположений о мотивах.
- 5. Проверьте собственные версии**
Если у вас сформировалась рабочая гипотеза, сознательно ищите не только подтверждающие, но и опровергающие её признаки. Отсутствие ожидаемых реакций также является информацией и требует учета.
- 6. Учитывайте общий стресс ситуации**
Помните, что обыск сам по себе является стрессогенным фактором. Реакции напряжения, тревоги и возбуждения могут быть обусловлены ситуацией в целом, а не сокрытием конкретных объектов.
- 7. Используйте паузы для «пересборки» наблюдения**
Краткие организационные паузы (смена зоны поиска, оформление записей, взаимодействие с участниками) используйте для внутреннего анализа: какие реакции уже отмечены, где они возникали, что пока остаётся неясным.
- 8. Сопоставляйте поведение с обстановкой, а не с ожиданиями**
Оценивайте реакции в привязке к реальным действиям и предметной среде, а не к заранее сформированному сценарию обыска.

§ 5. Тактика речевого взаимодействия следователя с участниками обыска

Речевое взаимодействие при обыске является не второстепенным элементом, а одним из ключевых инструментов управления ситуацией. Посредством речи следователь организует ход следственного действия, формирует психологическую атмосферу, снижает уровень напряжения либо, напротив, может преднамеренно его усилить. В условиях принудительного и конфликтного по

своей природе обыска слово следователя приобретает особую значимость, поскольку воспринимается участниками как выражение власти, законности и намерений государства.

Речевой контакт при обыске имеет определённую **структуру**, соответствующую этапам следственного действия. На *стадии установления контакта* следователь приветствует присутствующих, представляется, разъясняет своё процессуальное положение и кратко объясняет суть происходящего. Важно, чтобы эта часть общения была чёткой, сдержанной и лишённой излишней официальной риторики. Уже на этом этапе формируется первичное отношение участников к следователю — как к корректному профессионалу либо как к источнику угрозы и конфликта.

Поддержание контакта осуществляется на протяжении всего обыска. Оно включает краткие комментарии к действиям следственной группы, разъяснения, тактичные вопросы, уточнение организационных моментов, а также реакции на высказывания и поведение участников. Следователь посредством речи постоянно «присутствует» в ситуации, не позволяя общению прерываться и превращаться в хаотичный набор реплик и эмоций. *Завершение речевого контакта* связано с подведением итогов обыска, ответами на вопросы, фиксацией замечаний и заявлений в протоколе. Корректное завершение взаимодействия снижает вероятность последующих жалоб и конфликтов.

К речи следователя при обыске предъявляются повышенные требования. Она должна быть ясной, конкретной и однозначной, исключающей двойные толкования. Недопустимо использование профессионального жаргона, оценочных высказываний, сарказма и эмоциональных выплесков. В то же время чрезмерно сухой, формализованный стиль может восприниматься как демонстративная отчуждённость и усиливать напряжение. Оптимальным является нейтрально-деловой тон с элементами корректной человеческой коммуникации, позволяющий сохранять дистанцию, не переходя к обезличенному общению.

Особое значение имеет постановка вопросов при обыске. В отличие от допроса, вопросы здесь носят вспомогательный и ориентирующий характер.

Типовые формулировки вопросов при обыске

Тактическая задача	Неудачная формулировка (ошибка)	Почему неудачна	Удачная формулировка	Тактическое преимущество
Уточнение назначения помещения	«Вы здесь что-то скрываете?»	Обвинительный подтекст, провоцирует защиту	«Как обычно используется это помещение?»	Нейтральность, ориентация без давления
Выяснение принадлежности предмета	«Это ведь ваше, да?»	Навязывание ответа	«Кому принадлежит этот предмет?»	Открытая формулировка

Проверка ранее данных объяснений	«Вы же раньше говорили другое!»	Конфронтация, вызывает сопротивление	«Ранее вы говорили, что этим не пользуетесь. Можете уточнить?»	Фиксация противоречий без конфликта
Оценка доступа к объекту	«Значит, кроме вас никто туда не лазил?»	Давление, логическая ловушка	«У кого есть доступ к этому шкафу?»	Расширение поля анализа
Уточнение порядка пользования	«Когда вы последний раз это открывали — вчера или сегодня?»	Навязанный выбор	«Когда вы в последний раз это открывали?»	Свободный ответ
Проверка осведомлённости	«Вы же знаете, что там лежит?»	Психологическое давление	«Что обычно здесь хранится?»	Снижение сопротивления
Побуждение к пояснениям	«Почему вы так нервничаете?»	Оценка эмоций, провокация	«Есть ли что-то, что вы хотели бы пояснить?»	Корректное приглашение к диалогу
Проверка устойчивости версии	«Вы точно уверены?»	Давление, раздражает	«Правильно ли я понял, что...?»	Мягкая проверка
Работа с уклонением	«Вы уходите от ответа»	Эскалация конфликта	«Я правильно понимаю, что вы не хотите отвечать на этот вопрос?»	Фиксация позиции без давления
Контроль зоны поиска	«Зачем вы туда всё время смотрите?»	Демонстрация наблюдения, усиливает маскировку	<i>вопрос не задаётся</i>	Наблюдение вместо провокации

Контраст между удачными и неудачными формулировками показывает, что эффективность вопроса определяется не его «хитростью», а нейтральностью, ясностью и уместностью. Правильно заданный вопрос не усиливает сопротивление, не раскрывает следственные версии и не превращает общение в конфликт. В ряде ситуаций тактически оправдано сознательное воздержание от вопросов, когда наблюдение за поведением оказывается более информативным, чем полученный ответ.

Вопросы формулируются чётко, без давления, но с пониманием того, что ответы могут быть неполными или уклончивыми.

Важным направлением речевой тактики является **беседа с обыскиваемым** в ходе обыска. Она строится по принципу «разговора на фоне действия» и не должна отвлекать следователя от поисковых задач. Ненавязчивое выяснение обстоятельств осуществляется в форме кратких реплик, комментариев и непрямых вопросов, позволяющих получить ориентирующую информацию без создания ощущения допроса. Следователь дозирует сообщаемую информацию, избегая раскрытия всех следственных версий и намерений, сохраняя тактическую неопределённость.

Работа с сопротивлением и нежеланием отвечать требует особой речевой сдержанности. Молчание, уклончивые ответы, демонстративные заявления о «незнании» или «необязанности отвечать» не должны восприниматься как вызов. Следователь реагирует на них спокойно, фиксируя позицию участника и, при необходимости, проясняя процессуальные границы. В ряде случаев применимы приёмы мягкой конфронтации, направленные не на давление, а на уточнение противоречий и фиксацию расхождений в объяснениях. При этом важно удерживать чёткую грань между настойчивостью и психологическим давлением.

Речевое воздействие при обыске имеет *жёсткие правовые и этические границы*. Недопустимы угрозы, обещания благоприятных последствий, вводящие в заблуждение высказывания, унижающие выражения, а также искусственное провоцирование конфликтов с целью вызвать эмоциональный срыв. Подобные приёмы не только противоречат закону, но и снижают процессуальную устойчивость результатов обыска, создавая основания для жалоб и признания действий незаконными.

«Чего не стоит спрашивать при обыске»

1. Вопросы с обвинительным подтекстом

Не следует формулировать вопросы, которые заранее предполагают виновность или сокрытие.

Фразы типа: «Вы же понимаете, что это незаконно?», «Вы здесь что-то прячете?» автоматически вызывают защитную реакцию и повышают конфликтность.

2. Вопросы, навязывающие ответ

Избегайте формулировок, содержащих подсказку или ожидаемый вариант ответа.

Навязывание позиции следователя снижает ценность ответа и усиливает сопротивление.

3. Эмоционально окрашенные и оценочные вопросы

Недопустимы вопросы, оценивающие поведение или эмоциональное состояние обыскиваемого:

«Почему вы так нервничаете?», «Зачем вы врётё?».

Следователь фиксирует реакции, но не комментирует и не интерпретирует их в форме вопроса.

4. Вопросы, раскрывающие следственные версии

Не следует озвучивать предположения о месте тайника, механизме сокрытия или доказательствах:

это облегчает маскировку и снижает тактическую неопределённость.

5. Сложные, многчастные и запутанные вопросы

Вопросы с несколькими смысловыми блоками затрудняют понимание, позволяют уклоняться от ответа и создают впечатление давления.

6. Повторяющиеся вопросы в неизменной форме

Многочисленное повторение одного и того же вопроса без изменения формулировки воспринимается как давление и провоцирует раздражение либо демонстративное молчание.

7. Провокационные вопросы, направленные на конфликт

Вопросы, сознательно задевающие достоинство, статус или семью обыскиваемого, недопустимы и процессуально опасны.

8. **Вопросы, на которые человек не обязан отвечать**

Не следует настойчиво требовать ответов за пределами процессуальных обязанностей.

Фиксация отказа допустима; давление — нет.

9. **Вопросы, заданные в неподходящий момент**

Даже корректный по форме вопрос может быть неуместным, если он отвлекает от поисковых действий или совпадает с пиком эмоционального напряжения.

10. **Вопросы, которые лучше не задавать вовсе**

В ряде ситуаций молчание и наблюдение более информативны, чем любой вопрос.

Если вопрос не добавляет ориентирующей информации и лишь демонстрирует интерес следователя — его лучше не задавать.

Профессионализм следователя при обыске проявляется не в количестве заданных вопросов, а в умении выбирать момент, форму и целесообразность речевого вмешательства. Не заданный вовремя вопрос иногда информативнее самого точного ответа.

§ 6. Конфликтный характер общения при обыске и методы управления конфликтами

Коммуникативная ситуация обыска по своей природе содержит высокий конфликтный потенциал. В отличие от большинства иных следственных действий, обыск связан с прямым вторжением в личное пространство человека, ограничением его привычного контроля над средой и демонстрацией властных полномочий государства. Даже при корректном и законном поведении следователя обыск нередко воспринимается обыскиваемым как угроза, несправедливость или унижение, что создаёт благоприятную почву для конфликта.

Источниками конфликтности при обыске выступают несколько факторов. Прежде всего — сам факт принудительного проникновения в жилое или служебное пространство, которое для человека является зоной психологической безопасности и автономии. Усиливают напряжение страх возможных правовых последствий, неопределённость исхода следственного действия, а также субъективное ощущение несправедливости или «ошибочности» происходящего. Дополнительным фактором становится наличие «зрителей» — родственников, соседей, понятых, иных лиц, перед которыми обыскиваемый может стремиться сохранить статус, продемонстрировать протест или, напротив, показать показное спокойствие.

В практической деятельности следователя можно выделить ряд **типичных конфликтных ситуаций**, возникающих в ходе обыска. Одной из наиболее распространённых является отказ открывать дверь, затягивание времени, попытки физически или организационно воспрепятствовать проведению обыска. Подобное поведение может сопровождаться демонстративными заявлениями, угрозами жалоб, эмоциональными вспышками или апелляцией к «незаконности» действий следственной группы.

Часто источником конфликта становится вмешательство родственников, соседей или иных лиц, не являющихся процессуальными участниками, но эмоционально вовлечённых в ситуацию. Их поведение может усиливать напряжение, провоцировать обыскиваемого на более жёсткие формы сопротивления или отвлекать следователя от основных задач. Отдельного внимания заслуживают ситуации некорректного поведения адвоката или других участников, когда правовая позиция сознательно используется как инструмент давления, затягивания или дестабилизации обстановки.

Не исключены и конфликты внутри самой следственно-оперативной группы. Несогласованность действий, противоречивые указания, демонстрация разногласий между сотрудниками подрывают авторитет следователя и усиливают уверенность обыскиваемого в возможности противодействия.

Эффективное управление конфликтами при обыске предполагает осознанный **выбор стратегии реагирования** в зависимости от характера ситуации. В условиях прямого противодействия, агрессии или угроз безопасности применяется *жёсткая, но строго законная позиция*. Следователь чётко обозначает границы допустимого поведения, опираясь на процессуальные нормы и не вступая в эмоциональный обмен. Здесь важно, чтобы жёсткость выражалась не в тоне или словах, а в последовательности и неотвратимости действий.

В иных ситуациях более результативной оказывается *ориентация на сотрудничество*. Следователь может предложить обыскиваемому вариант поведения, позволяющий «сохранить лицо»: добровольную выдачу искомых предметов, разъяснение возможных последствий, демонстрацию того, что конструктивное поведение учитывается в правовом поле. Такая стратегия не означает уступок по существу, но снижает мотивацию к открытому сопротивлению.

Компромисс допустим в вопросах второстепенного характера, не влияющих на цели и законность обыска. Речь может идти о порядке вскрытия, последовательности осмотра помещений, способе упаковки изымаемых предметов. Предоставление ограниченного выбора в несущественных аспектах позволяет снизить общее напряжение и вернуть обыскиваемому ощущение минимального контроля над ситуацией.

В ряде случаев оправдана *стратегия отсрочки* — сознательное игнорирование второстепенной агрессии, эмоциональных выпадов или демонстративных заявлений. Не всякий конфликт требует немедленного реагирования. Сосредоточение на главной цели обыска и отказ от втягивания в словесную перепалку часто приводит к естественному угасанию напряжения.

Дополнительным ресурсом управления конфликтами может служить *использование третьих сторон*. Влияние членов семьи, авторитетных понятых или иных спокойных участников иногда позволяет стабилизировать ситуацию без прямого вмешательства следователя. При этом важно, чтобы такое влияние носило опосредованный характер и не превращалось в давление или манипуляцию.

Особое значение имеют **техники деэскалации конфликта**. Деэскалация конфликта при обыске — это не «смягчение» позиции следователя и не уступки по существу. Это управленческая технология, цель которой заключается в сохранении контролируемой психологической атмосферы, снижении

интенсивности эмоциональных реакций участников и предотвращении перехода напряжения в открытое противодействие. Следователь деэскалирует конфликт прежде всего для того, чтобы обеспечить безопасность участников, процессуальную чистоту и эффективность поиска. В условиях обыска наиболее результативны следующие техники, работающие одновременно по нескольким направлениям.

1. Пауза как инструмент управления темпом конфликта

В конфликте эмоциональный накал растёт за счёт ускорения: люди начинают говорить быстрее, громче, перебивают, накладывают реплики друг на друга. В таких условиях любая попытка «переспорить» приводит к эскалации. Поэтому одна из базовых техник — осознанное введение паузы.

Пауза в конфликтной ситуации — это не проявление слабости, а способ сбить эскалационную динамику. Конфликт в обыске часто развивается по типу «разгона»: реплика — ответ — повышенный тон — взаимные обвинения — втягивание третьих лиц. Задача следователя — разорвать эту цепочку на ранней стадии. Для этого используется короткая управляемая пауза: следователь прекращает спор, не продолжает перепалку, не отвечает симметрично на агрессию, а переводит внимание на процедурное действие (подготовка понятых, уточнение данных для протокола, обращение к сотруднику с технической задачей). Такая пауза дает участникам возможность «остыть» и снижает вероятность импульсивных действий.

Практически важно, чтобы пауза была осмысленной и «занятой» процессуально. Молчаливое стояние лицом к агрессору может восприниматься как вызов. Гораздо эффективнее — пауза, сопровождаемая спокойной организационной активностью: «Секунду. Я зафиксирую ваше замечание», «Сейчас уточню данные понятых», «Коллега, подготовьте упаковку». В результате эмоциональная энергия переводится в рамку процедуры.

2. Снижение темпа речи, громкости и «эмоциональной окраски»

Тон следователя задаёт общий психологический стандарт общения. В конфликте действует эффект заражения: повышение громкости и ускорение речи одного участника автоматически «поднимает» группу. Поэтому базовая техника деэскалации — сознательное снижение темпа, громкости и эмоциональной окраски речи следователя. Это не означает «шептать», но означает говорить медленнее, короче и более структурированно.

В практическом плане полезна *формула трёх шагов*: факт → правило → действие.

Например: «Я вас услышал. Порядок проведения обыска определён законом. Сейчас мы продолжаем действия и фиксируем ваши замечания в протоколе». Такая речь возвращает ситуацию из эмоциональной плоскости в деловую.

Темп речи следователя в конфликте должен быть ниже, чем у оппонента. Это ключевой психологический маркер контроля.

3. Пространственное «разведение» участников

Очень многие конфликты при обыске усиливаются физически: люди сближаются, перекрывают проход, встают «стенка на стенку», формируют «аудиторию». Пространство работает как усилитель эмоций. Поэтому мощная техника деэскалации — управление расположением участников.

Речь идёт о простых организационных решениях:

- попросить лишних лиц отойти и занять определённое место;
- обеспечить следователю и участникам свободный проход;
- разнести по разным зонам наиболее возбуждённых участников (например, обыскиваемого и родственника, который «подзаводит»);
- не допускать плотного полукольца вокруг следователя (эффект давления толпы);
- избегать ситуаций, когда следователь разговаривает вплотную, «лицом к лицу» с обыскиваемым.

Важно, что это делается не грубо и не демонстративно, а через организационные формулировки, связанные с процессом: «Прошу вас находиться здесь, чтобы мы могли спокойно работать и не мешали друг другу», «Понятые, прошу пройти в эту часть комнаты, чтобы видеть действия», «Пожалуйста, освободите проход — это необходимо для осмотра». Проксемика в обыске — это в значительной степени управление безопасностью и управляемостью.

4. Техника «перевода» агрессивных высказываний в деловую плоскость

Агрессивные реплики часто имеют форму обвинений («Вы нарушаете права!», «Вы всё подстроили!», «Вы специально!») и рассчитаны на эмоциональное втягивание. Деэскалация требует не спорить с оценками, а выделять из них процессуальную суть и переводить её в юридически корректное действие.

Алгоритм «перевода»:

а) кратко признать факт высказывания без согласия с оценкой: «Я понял вашу позицию»;

б) уточнить предметно: «Что конкретно вы считаете нарушением: порядок вскрытия, участие понятых, фиксацию?»;

в) предложить процессуальный канал: «Ваше замечание будет внесено в протокол. Сейчас действуем по установленному порядку».

Таким образом, эмоция не подкрепляется спором, а трансформируется в контролируемую процедуру.

5. «Прояснение позиций» вместо конфронтации

В конфликте участники часто используют обобщения: «Я ничего не обязан», «Вы не имеете права», «Я не пушу». Следователь не опровергает это эмоционально, а проясняет, что именно стоит за фразой и какую позицию человек реально занимает.

Примеры проясняющих формулировок:

– «Я правильно понимаю, что вы отказываетесь открыть помещение добровольно?»

– «Вы заявляете, что не будете давать пояснения? Я фиксирую эту позицию».

– «Вы просите пригласить адвоката и настаиваете на его присутствии? Уточните, пожалуйста».

Прояснение снижает эмоциональность, потому что переводит ситуацию из «борьбы» в «оформление позиции», а это психологически менее выгодно для демонстративной агрессии.

6. Управление адресатом и каналом общения

В конфликте важно, с кем именно говорит следователь. Если агрессия подпитывается «зрителями», прямое обращение к агрессору может лишь усилить его роль. Тогда деэскалационным приёмом становится смена адресата: следователь обращается к группе (понятым, присутствующим) или к процедуре (протокол, порядок действий), а не к эмоции конкретного человека.

Например: «Коллеги, продолжаем осмотр. Понятые, прошу обратить внимание...» или «Фиксируем: гражданин заявил замечание». Это «размывает сцену» и снижает публичный накал.

7. Апелляция к нормам закона и интересам обыскиваемого

Деэскалация в обыске особенно эффективна, когда следователь опирается не на личный авторитет, а на нормативную рамку и рациональные интересы стороны.

Ссылки на закон работают не тогда, когда произносятся в форме угроз («Не укажите, где тайник - мы вас посадим!»), а когда демонстрируют рамки и предсказуемость происходящего. Пояснение того, что именно, на основании какого документа, в каком порядке делается, и какие у человека есть права и механизмы защиты, — снижает ощущение «произвола».

Например: «Обыск проводится на основании постановления суда. Я обязан вам его предъявить и разъяснить ваши права. Если вы считаете наши действия незаконными, вы можете подать жалобу — это тоже предусмотрено законом. Сейчас я предлагаю перейти к осмотру этой комнаты».

Дополнительно можно апеллировать к объективным интересам самого обыскиваемого: «Наше взаимодействие фиксируется, в том числе на видео. Корректное поведение и добровольная выдача предметов всегда учитываются при оценке ситуации».

Важно, чтобы это не превращалось в обещание выгод, а оставалось констатацией общих принципов. При этом важно избегать угроз. Допустима информация о правовых последствиях, поданная нейтрально и без давления.

8. Учет «эффекта зрителей»

Наличие понятых, соседей, родственников усиливает демонстративность и конфликтность. В таких условиях часть агрессии адресована не следователю, а аудитории. Техника деэскалации здесь — перевод общения из публичного режима в процедурный, максимально нейтральный и формальный, а также сокращение аудитории в пределах допустимого.

Практически это выражается в том, что следователь:

– обращается к участникам по имени-отчеству, без перехода на личные оценки;

– говорит коротко и «по делу»;

– просит посторонних лиц удалиться или занять место, исключаяющее «сцену»;

– фиксирует заявления в протоколе, тем самым переводя «театр» в документ.

9. Использование ресурса третьих лиц (опосредованное влияние)

Иногда деэскалация достигается быстрее через третье лицо, обладающее авторитетом для обыскиваемого. Это может быть спокойный член семьи, уважаемый понятой, иногда — сам защитник, если он заинтересован в соблюдении порядка. Важно, чтобы следователь не превращал это в давление и не «натравливал» родственников друг на друга. Речь идет о корректном опосредованном участии: просьба успокоить, отвести, объяснить необходимость соблюдения порядка.

Формулировки должны быть предельно нейтральными: «Пожалуйста, помогите нам обеспечить спокойный порядок, чтобы ситуация не осложнялась», «Прошу вас отойти сюда и оставаться рядом, чтобы не мешать проведению обыска». Это снижает конфликтность без прямой конфронтации со стороны следователя.

10. Постконфликтное восстановление управляемости

После вспышки важен этап «возврата к норме». Следователь не продолжает эмоциональный разговор «по инерции», а делает организационное резюме: что происходит дальше, кто где находится, что фиксируется. Это снижает вероятность повторной вспышки.

Короткая формула восстановления: «Позицию вашу зафиксировали. Порядок действий понятен. Продолжаем осмотр». Затем — переход к конкретному действию. Конфликт теряет актуальность, если ситуация снова становится процессуально управляемой.

Критерии успешной деэскалации. Профессионально полезно понимать, что деэскалация — это не «все успокоились и улыбнулись». Реалистичные критерии:

- снижение громкости и частоты эмоциональных реплик;
- прекращение вмешательства в действия;
- восстановление рабочей дистанции;
- возвращение общения к процедурным вопросам;
- возможность продолжать обыск без угроз безопасности и без процессуальных нарушений.

В итоге деэскалация конфликта при обыске — это комплекс речевых и организационных приёмов, обеспечивающих управляемость ситуации. Следователь не подавляет эмоции участников силой слова и не «убеждает» их любой ценой, а удерживает взаимодействие в рамках закона, процедуры и профессиональной коммуникации, снижая риск эскалации и обеспечивая результативность следственного действия. Это позволяет следователю сохранять контроль над ситуацией, не прибегая к незаконному давлению и не уступая по существу.

Конфликт при обыске не является аномалией или признаком ошибки следователя. Это закономерный элемент данной коммуникативной ситуации, требующий профессионального управления. Умение своевременно распознавать источники конфликта, выбирать адекватную стратегию реагирования и применять техники деэскалации позволяет сохранить управляемость ситуации и обеспечить эффективность обыска в рамках закона.

Чек-лист деэскалации конфликта при обыске (оперативный самоконтроль следователя)

1. **Остановите разгон конфликта**
Не отвечайте симметрично на агрессию.
Прекратите словесную перепалку, используйте паузу и переведите внимание на процессуальное действие.
2. **Снизьте собственный темп и громкость речи**
Говорите медленнее, короче, тише.
Ваш тон задаёт психологический стандарт общения для всех участников.
3. **Верните разговор в рамку процедуры**
Используйте формулы, привязывающие общение к закону и порядку действий:
«Сейчас проводится обыск в установленном порядке»,
«Все ваши замечания будут внесены в протокол».
4. **Разведите участников в пространстве**
Уберите физическое сближение, освободите проходы, исключите «сцену» и аудиторию.
Пространство часто усиливает конфликт сильнее слов.
5. **Переформулируйте агрессию в деловое заявление**
Не спорьте с эмоциями.
Переведите высказывание в юридически нейтральную форму и предложите его зафиксировать.
6. **Чётко обозначьте границы допустимого поведения**
Фиксируйте запреты спокойно и без угроз:
что недопустимо, почему и каков дальнейший порядок действий.
7. **Дайте законный канал активности**
Предложите конструктивное действие в рамках процедуры:
заявление, замечание, уточнение, организационную роль.
8. **Используйте ресурс третьих лиц осторожно**

При необходимости привлекайте спокойных и авторитетных участников для стабилизации,

не перекладывая на них давление и ответственность.

9. **Сохраняйте единство следственно-оперативной группы**

Не допускайте резких реплик и публичных разногласий между сотрудниками.

Корректировки — только вне поля участников обыска.

10. **Оцените результат деэскалации**

Конфликт считается управляемым, если:

- снизился эмоциональный накал;
- прекратилось вмешательство;
- восстановлена рабочая дистанция;
- обыск может продолжаться безопасно и законно.

§ 7. Способы и приёмы правомерного психологического воздействия на обыскиваемого

Психологическое воздействие при обыске неизбежно уже в силу самой природы этого следственного действия. Вхождение следователя со следственно-оперативной группой в жилище, распоряжения, выбор темпа и порядка осмотра, способ обращения к участникам — всё это влияет на эмоциональное состояние обыскиваемого, его готовность к сотрудничеству или, напротив, к противодействию. Важно подчеркнуть: задача следователя состоит не в том, чтобы «воздействовать на психику», а в том, чтобы правомерно управлять условиями ситуации — так, чтобы сохранялась законность, достоинство личности и одновременно обеспечивалась результативность обыска.

Правомерное психологическое воздействие при обыске следует понимать как **осознанное и законное управление условиями следственной ситуации**, направленное на обеспечение её управляемости, безопасности и эффективности без унижения достоинства личности и без применения психического насилия.

Правомерное психологическое воздействие следует чётко отличать от давления, угроз и психического насилия. Это воздействие не направлено на «слом» воли или принуждение к нужному следствию поведению. Оно основано на:

- законности действий;
- предсказуемости и последовательности;
- прозрачности процедуры;
- профессиональном самоконтроле следователя.

Уголовно-процессуальный закон, принципы уважения чести и достоинства, запрет унижающих и вводящих в заблуждение приёмов задают жёсткие рамки допустимого. Недопустимы угрозы, обещания «смягчения последствий» в обмен на нужные следствию действия, умышленный обман относительно процессуального положения обыскиваемого, провоцирование конфликтов с целью «сломать» человека. Такие способы не только аморальны, но и процессуально опасны: они создают основания для признания действий незаконными и подрывают доверие к результатам обыска. Правомерное воздействие, напротив, опирается на открытое использование закономерностей человеческого

поведения: предсказуемой реакции на ясные правила, на последовательность и прозрачность процедуры, на спокойствие и самоконтроль представителя власти.

Психологические механизмы правомерного воздействия связаны прежде всего с переживанием обыскиваемым неизбежности и контролируруемости происходящего. Чем яснее человек понимает, что обыск будет проведён в любом случае, в соответствии с постановлением и законом, и чем меньше у него иллюзий относительно возможности «сорвать» или остановить действие за счёт крика, споров и сопротивления, тем ниже мотивация к деструктивному поведению. Одновременно важен эффект процессуальной прозрачности: чёткие разъяснения порядка обыска, прав и обязанностей, фиксация заявлений и замечаний в протоколе формируют ощущение управляемости и защищённости от произвола. Существенную роль играет и саморегуляция следователя: его спокойствие, отсутствие суеты, умение держать дистанцию и не втягиваться в эмоциональные перепалки сами по себе оказывают дисциплинирующее влияние на участников.

Значительную часть психологического воздействия составляют *организационные приёмы*. Уверенное и последовательное руководство обыском задаёт рамки для поведения всех участников. Чёткое распределение ролей внутри следственно-оперативной группы, понятные указания, структурирование пространства (кто где находится, в какой последовательности осматриваются помещения), планомерность поисковых действий создают у обыскиваемого впечатление системности и продуманности работы. В таких условиях ему труднее рассчитывать на случайность, на «неорганизованность» следствия, а значит — снижается вера в эффективность импульсивного сопротивления. Управление темпом — ещё один важный ресурс: чрезмерная суета, резкие скачки от одной

зоны к другой усиливают тревогу и могут провоцировать вспышки, тогда как ровный, предсказуемый ритм осмотра способствует снижению эмоциональной напряжённости.

Коммуникативные приёмы правомерного воздействия реализуются через речь следователя. Разъяснение прав и обязанностей, информирование о порядке действий, спокойное обозначение возможных правовых последствий того или иного поведения помогают вернуть ситуацию в рациональное русло. Речевая фиксация хода обыска («сейчас приступаем к осмотру этой комнаты», «ваше замечание будет внесено в протокол») выполняет двойную функцию: с одной стороны, поддерживает процессуальную прозрачность, с другой — дисциплинирует участников, напоминая им, что происходящее документируется. Использование нейтральных формул, подчёркивающих законность и неизбежность действий, снижает вероятность персонализации конфликта: речь идёт не о личном столкновении обыскиваемого со следователем, а о реализации установленных процедур. Важным элементом является дозирование информации: следователь не обязан раскрывать все свои версии и планы, а тактическая неопределённость позволяет избежать преждевременной адаптации поведения обыскиваемого к ожидаемым действиям.

Особое психологическое значение имеет *предложение добровольной выдачи искомых предметов и документов*. В правовом плане это предусмотренная законом возможность, в психологическом — способ переключить обыскиваемого с позиции пассивного или активного сопротивления на позицию выбора. Чётко и спокойно сформулированное предложение, основанное на разъяснении последствий, не является угрозой или шантажом; оно даёт человеку возможность принять решение в рамках правового поля, сохранить часть контроля над ситуацией и «сохранить лицо» перед окружающими. Важно, чтобы предложение не сопровождалось намёками на гарантированное «смягчение», не превращалось в торг. Его эффективность определяется прежде всего тем, насколько убедительно следователь демонстрирует неизбежность обыска и серьёзность намерений при одновременной готовности учесть добровольность действий обыскиваемого в дальнейшем правовом процессе.

К средствам психологического воздействия относятся и *невербальные факторы*. Уверенная, но не агрессивная поза следователя, отсутствие лишних движений, спокойная мимика и интонация, выдерживание профессиональной дистанции формируют у участников представление о контролируемости происходящего. Если следователь демонстрирует растерянность, раздражение, резкость, противоречивость поведения, это усиливает тревогу и провоцирует попытки проверить «границы дозволенного». Согласованность действий следственно-оперативной группы, отсутствие публичных разногласий между её членами также обладают выраженным воздействующим потенциалом: обыскиваемый видит перед собой организованную команду, а не набор отдельных лиц, с каждым из которых можно по-отдельности вступать в конфликт или искать обходные пути.

Опосредованное психологическое воздействие через третьих лиц требует особенно осторожного отношения. Участие членов семьи, защитника, понятых в стабилизации поведения обыскиваемого допустимо, если оно носит

ненасиленный, нейтральный характер: просьба успокоить, объяснить необходимость соблюдения порядка, помочь занять удобное место, где человек сможет наблюдать за происходящим, не мешая. Недопустимо использовать родственников или иных лиц как инструмент давления, шантажа, угроз («посмотрите, как из-за вас страдают ваши близкие» и т.п.). В таком случае воздействие фактически превращается в психическое насилие, что противоречит как закону, так и профессиональной этике.

При реализации правомерного психологического воздействия следователь может допускать **ошибки**. Наиболее распространённой является *подмена воздействия давлением*: повышение голоса, сарказм, демонстрация личного превосходства, угрозы «усложнить жизнь» в случае несотрудничества. Другой тип ошибки — *эмоциональное «соревнование» с обыскиваемым*, когда следователь втягивается в спор, доказывает свою правоту, реагирует на провокации, теряя профессиональную дистанцию. Наконец, опасно *стремление «играть на публику»* в присутствии понятых, родственников, демонстрируя жёсткость или остроумие за счёт обыскиваемого. Все эти варианты снижают управляемость ситуацией и создают процессуальные риски.

Правомерное психологическое воздействие в обыске выполняет несколько ключевых функций. Оно способствует снижению сопротивления и повышению вероятности добровольной выдачи, помогает поддерживать управляемость и безопасность, обеспечивает более спокойный и планомерный характер следственного действия. Важнее всего то, что такое воздействие укрепляет процессуальную устойчивость результатов обыска: действия следователя остаются в рамках закона, сохраняя возможность их защиты в суде. В этом смысле психологическое воздействие — не дополнительный инструмент «давления», а элемент профессиональной культуры следователя, умения сочетать законность, уважение к личности и эффективность следственной работы.

Таким образом, коммуникативная деятельность следователя при обыске является не вспомогательным, а системообразующим элементом данного следственного действия. Через общение следователь организует ход обыска, управляет поведением участников, снижает конфликтность ситуации и получает ориентирующую информацию, дополняющую результаты физического поиска.

Эффективность коммуникации при обыске определяется умением следователя наблюдать и фиксировать вербальные и невербальные реакции, грамотно выстраивать речевое взаимодействие, своевременно предупреждать и деэскалировать конфликты, а также использовать правомерные формы психологического воздействия в рамках закона и профессиональной этики.

Профессиональное общение при обыске выступает ключевым фактором его результативности, управляемости и процессуальной устойчивости, а развитие коммуникативной компетентности следователя является необходимым условием качественного проведения данного следственного действия.

Выводы по главе

1. Коммуникативная деятельность следователя при обыске является ключевым фактором эффективности данного следственного действия и не может

рассматриваться как вспомогательный элемент по отношению к физическому поиску.

2. Общение при обыске носит принудительный, конфликтно-напряжённый характер и требует от следователя высокой коммуникативной компетентности, саморегуляции и психологической устойчивости.

3. Вербальное и невербальное поведение обыскиваемого представляет собой важный источник ориентирующей информации, однако его использование возможно только при анализе совокупности признаков, их динамики и контекста ситуации.

4. Профессиональное наблюдение при обыске предполагает целенаправленную организацию внимания, умение фиксировать значимые реакции и избегать типичных ошибок интерпретации.

5. Речевое взаимодействие следователя выполняет функции управления ситуацией, снижения конфликтности, ориентации поиска и обеспечения процессуальной чистоты обыска.

6. Конфликтность общения при обыске является закономерной и требует от следователя владения стратегиями и приёмами деэскалации.

7. Правомерное психологическое воздействие при обыске основано на законности, последовательности, процессуальной прозрачности и профессиональном поведении следователя, а не на давлении или манипуляции.

Контрольные вопросы по главе

1. В чём заключается специфика коммуникативной ситуации обыска по сравнению с другими следственными действиями?

2. Какие функции выполняет коммуникация следователя при обыске?

3. Какие вербальные и невербальные сигналы обыскиваемого могут использоваться в качестве ориентирующей информации?

4. Почему при анализе невербального поведения недопустима опора на единичные признаки?

5. В чём состоит отличие профессионального наблюдения от интуитивного «чтения поведения»?

6. Какие требования предъявляются к речи следователя при обыске?

7. Какие виды вопросов используются при обыске и какова их тактическая роль?

8. Назовите основные источники конфликтности общения при обыске.

9. Какие стратегии и приёмы деэскалации конфликта применимы в ходе обыска?

10. В чём заключается сущность правомерного психологического воздействия и каковы его границы?

Практическое задание:

Ситуация.

Следователь производит обыск в квартире подозреваемого. В обыске участвуют два оперативных сотрудника, понятые, супруга обыскиваемого и адвокат. С первых минут обыска обыскиваемый ведёт себя напряжённо, активно комментирует действия следователя, высказывает недовольство, периодически

повышает голос. При осмотре одной из комнат он начинает чаще задавать вопросы, старается находиться рядом со шкафом, вмешивается в действия сотрудников. Супруга эмоционально поддерживает его протесты, адвокат требует «строго соблюдать закон» и фиксирует происходящее на видео.

Задание.

Проанализируйте коммуникативную ситуацию и предложите тактические решения по следующим пунктам:

1. Охарактеризуйте коммуникативные роли основных участников обыска.

2. Определите возможные источники конфликтности в данной ситуации.

3. Укажите, какие вербальные и невербальные реакции обыскиваемого могут иметь ориентирующее значение.

4. Предложите варианты речевого поведения следователя для поддержания управляемости ситуации.

5. Опишите приёмы деэскалации конфликта, которые целесообразно использовать.

6. Определите допустимые формы правомерного психологического воздействия в данной ситуации.

ГЛАВА 10. ОБЫСК КАК СИТУАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Обыск как процессуальное действие по своей природе разворачивается в условиях конфликта интересов. Следователь действует в рамках закона, реализуя публичный интерес и решая задачу обнаружения и фиксации доказательственной информации, тогда как обыскиваемое лицо и иные участники обыска нередко заинтересованы в её сокрытии, искажении либо нейтрализации последствий её обнаружения.

В этой связи обыск представляет собой не только поисковое мероприятие, но и ситуацию психологического противоборства. В ходе обыска сталкиваются две противоположно направленные линии поведения: стремление одной стороны скрыть значимую информацию и попытки другой стороны выявить её, преодолевая сопротивление, маскировку и психологическое давление. Данное противоборство носит динамичный характер и проявляется как в открытых, так и в скрытых формах поведения участников.

§ 1. Сущность противоборства в ходе обыска

Обыск в целом представляет собой ситуацию **психологического противоборства**: это не только поиск, но и динамическая борьба интересов, в которой обе стороны строят поведение с учётом предполагаемых действий друг друга. Противодействие при этом выступает частным, операциональным проявлением противоборства — совокупностью конкретных приёмов сопротивления, направленных на осложнение, срыв или снижение эффективности обыска. Такое разграничение важно методически: оно позволяет анализировать обыск одновременно на уровне общей стратегии и на уровне отдельных тактик, не смешивая эти уровни.

Под противоборством в ходе обыска следует понимать *систему действий и бездействия, с помощью которых участники, заинтересованные в сокрытии значимой информации, пытаются сорвать, затянуть, дезориентировать проведение обыска либо снизить его результативность*. Важно подчеркнуть, что противоборство не сводится исключительно к неправомерным действиям. Оно может проявляться и в правомерных формах (например, использовании предусмотренных законом процедурных возможностей, заявлении ходатайств, обращении к адвокату, фиксации процессуальных действий), и в неправомерных (сокрытие предметов, введение в заблуждение, создание помех, давление на участников, провокации). С психологической точки зрения значим не столько «юридический знак» конкретного шага, сколько его функция в общей линии поведения — препятствовать обнаружению и фиксации искомого либо изменять ход поисковой деятельности в выгодном для противоборствующей стороны направлении.

Психологическое противоборство в ходе обыска имеет свои закономерности. Оно разворачивается как взаимодействие двух активных субъектов, каждый из которых оценивает ситуацию, прогнозирует действия оппонента, корректирует собственную линию поведения и старается повлиять на восприятие

происходящего другой стороной. Следователь стремится сохранить управляемость, темп и логическую прозрачность действий, тогда как противостоящая сторона — нарушить управляемость, навязать ложные интерпретации и изменить структуру ситуации так, чтобы поисковая активность стала менее целенаправленной и менее эффективной. Отсюда характерные для обыска феномены: информационная неопределённость, эмоциональные всплески, постоянная проверка границ допустимого, попытки «перехватить инициативу» на микроуровне (внимание, темп, фокус, последовательность действий).

Источники противоборства целесообразно рассматривать в трёх группах. Во-первых, *мотивационные*: самосохранение и страх последствий, чувство вины, стремление защитить близких, лояльность группе или соучастникам, страх «потерять лицо», а также желание сохранить контроль над своей территорией и статусом. Во-вторых, *ситуативные*: внезапность обыска, ограниченное пространство, тесный контакт, присутствие родственников или соседей, эффект «своих стен», создающий у обыскиваемого субъективное ощущение преимущества и права диктовать правила. В-третьих, *инструментальные*: использование правовых и псевдоправовых ходов (формально корректные, но функционально направленные на затягивание или дезорганизацию), а также материальные и технические средства (организация доступа к помещениям, цифровые устройства, скрывающие технологии, заранее подготовленные тайники и т.п.). Для следователя важно видеть, что одно и то же внешне действие (например, настойчивые уточняющие вопросы, активные замечания «по процедуре», эмоциональные заявления) может иметь разные психологические основания и поэтому требует разных способов нейтрализации.

Характер противоборства в обыске усиливается *асимметрией ресурсов сторон*. Следователь располагает процессуальной властью, возможностью привлекать специалистов, применять предусмотренные законом меры и фиксировать результаты. Противостоящая сторона, как правило, не обладает сопоставимым «формальным» ресурсом, но компенсирует это ситуативными преимуществами: знанием обстановки, предметной среды и привычных маршрутов, возможностью управлять вниманием через бытовые детали и эмоциональные реакции, использованием социальной динамики (вовлечение родственников, создание «шума», распределение ролей). В психологическом плане это означает, что противоборство чаще всего строится не как прямое столкновение, а как серия косвенных воздействий на темп, внимание и интерпретацию происходящего.

Противодействие в ходе обыска является практической, «видимой» стороной этого противоборства. Оно проявляется в цикличной форме: действие следователя вызывает контрдействие со стороны обыскиваемого (или иных участников), далее следует адаптация обеих сторон — корректировка тактики, смена линий поведения, поиск новых ходов. Понимание этой цикличности важно, поскольку позволяет следователю не воспринимать сопротивление как хаотичный набор помех, а рассматривать его как закономерную реакцию, встроенную в общую стратегию сокрытия.

На практике противоборство может быть открытым и скрытым. *Открытое сопротивление* выражается в прямых попытках затянуть действия, в

конфликтном поведении, эмоциональном давлении, демонстративном несогласии, создании помех и «переговорной» атаке на следователя. *Скрытое сопротивление* проявляется тоньше: в управлении вниманием через отвлекающие темы, в навязывании ложных смыслов («там точно ничего нет», «ищите в другом месте»), в демонстративном спокойствии или, наоборот, театрализованной беспомощности, в микроманипуляциях темпом и пространством. Именно скрытые формы особенно опасны, поскольку они маскируются под «нормальное» поведение и часто воспринимаются как фон, хотя фактически работают как инструмент дезориентации и снижения результативности обыска.

§ 2. Психологическая борьба в ходе обыска

Психологическая борьба в ходе обыска представляет собой особое, во многом невидимое измерение данного процессуального действия, разворачивающееся параллельно поисковым и организационным мероприятиям. В отличие от внешне наблюдаемых действий — осмотра помещений, предметов, документов, — психологическая борьба протекает на уровне эмоций, внимания, волевой регуляции и принятия решений участников обыска. Именно в этом измерении нередко определяется реальная результативность обыска, независимо от формального соблюдения всех процессуальных требований.

Сущность психологической борьбы заключается в стремлении сторон получить контроль над внутренними психологическими процессами оппонента. Для следователя это означает попытку ослабить или дезорганизовать психологическую защиту обыскиваемого, нарушить устойчивость выбранной им линии поведения и создать условия для оперативного доступа к значимой информации. Такой доступ может быть прямым — в форме вербальных высказываний, пояснений, оговорок, — либо косвенным, проявляющимся через невербальные реакции, эмоциональные срывы, изменения темпа и структуры поведения. В этом смысле психологическая борьба не тождественна принуждению: она направлена не на прямое давление, а на изменение субъективного восприятия ситуации и собственных возможностей сопротивления.

Для понимания природы этой борьбы уместна аналогия с интеллектуальными играми — шахматами или покером. В них важны не только «фигуры» и формальные правила, но и расчёт, прогнозирование ходов, блеф, умение читать намерения оппонента и управлять его ожиданиями. Аналогичным образом в ходе обыска значимы не только реальные предметы поиска и процессуальные позиции участников, но и то, как стороны интерпретируют происходящее, какие выводы делают из поведения друг друга и какие сценарии считают наиболее вероятными.

Психологическая борьба в обыске по своей сути является *конкуренцией за управление ситуацией*. Речь идёт о том, кто задаёт темп действий, формирует правила взаимодействия, определяет «повестку» происходящего и контролирует фокус внимания группы. Следователь, обладая процессуальной властью, стремится удержать организационное и психологическое лидерство, обеспечить структурированность и предсказуемость своих действий. Противостоящая сторона, напротив, может пытаться рассеять внимание, нарушить темп,

навязать эмоционально окрашенные темы, сместить акценты и тем самым изменить ход поисковой деятельности в более благоприятную для себя сторону.

В рамках этой борьбы участники обыска занимают различные **психологические позиции и роли**. Следователь выступает как организатор и своего рода «дирижёр» ситуации, координирующий действия группы и задающий общий ритм. Оперативные сотрудники выполняют функцию ресурса контроля и проверки выдвигаемых гипотез, усиливая ощущение неизбежности и полноты поиска. Понятые, формально являясь наблюдателями, одновременно выступают фактором социального контроля, влияющим на поведение обыскиваемого. Сам обыскиваемый при этом может занимать позицию активного противника, сознательно выстраивающего линию сопротивления, либо пассивно сопротивляющегося субъекта, чья психологическая защита проявляется в уходе, замкнутости или демонстративной беспомощности. Осознание этих ролей и их динамики является необходимым условием для понимания логики психологической борьбы и последующего анализа конкретных приёмов и стратегий, используемых в ходе обыска.

Эффективность психологической борьбы в ходе обыска во многом определяется тем, какими **ресурсами** располагает следователь и насколько осознанно он их использует. В отличие от противоборствующей стороны, часто опирающейся на ситуативные и импульсивные формы сопротивления, следователь обладает возможностью системного, правомерного и контролируемого воздействия на ситуацию. Эти ресурсы не сводятся к процессуальной власти как таковой, а включают совокупность организационных, коммуникативных, перцептивных и информационных возможностей.

Организационный ресурс проявляется прежде всего в способности следователя выстраивать чёткий порядок проведения обыска. Структурированность действий, заранее продуманное распределение ролей между участниками, логичная последовательность этапов и обязательная фиксация происходящего формируют у противостоящей стороны ощущение управляемости и неизбежности процесса. С психологической точки зрения порядок снижает пространство для импровизационного сопротивления, ограничивает возможности дезориентации и разрушает иллюзию хаоса, на которую нередко рассчитывает обыскиваемый. Чёткая организация выступает здесь не только как технический, но и как психологический фактор давления, действующий опосредованно и правомерно.

Коммуникативный ресурс связан с тем, как следователь выстраивает речевое взаимодействие в условиях потенциального или уже развернувшегося конфликта. Управление конфликтом достигается за счёт ясных, недвусмысленных инструкций, спокойного и выдержанного тона, а также использования «холодной» аргументации, апеллирующей к процедуре и фактам, а не к эмоциям. Такая манера общения снижает вероятность эскалации, лишает противостоящую сторону эмоциональных «зацепок» и одновременно усиливает позицию следователя как контролирующего центр ситуации. В рамках психологической борьбы коммуникация становится инструментом стабилизации и перенаправления поведения оппонента.

Перцептивный ресурс включает в себя развитую наблюдательность и умение анализировать поведение участников обыска без преждевременных выводов. Следовательно, осознающий собственные когнитивные искажения и способный контролировать их влияние, получает значительное преимущество. Перцептивный ресурс позволяет фиксировать микроповеденческие реакции, несоответствия между вербальными и невербальными проявлениями, изменения в эмоциональном фоне и динамике внимания. Важным элементом здесь выступает постоянная проверка рабочих гипотез: наблюдение не ради наблюдения, а как часть осмысленного аналитического процесса, направленного на уточнение и корректировку тактики.

Информационный ресурс выражается в управлении информационной асимметрией. Следовательно, как правило, располагает большим объемом исходных данных, однако эффективность психологической борьбы определяется не столько объемом информации, сколько умением дозировать её раскрытие. Постепенное обозначение намерений, отказ от преждевременного «раскрытия карт», сохранение неопределённости относительно приоритетных направлений поиска создают у противостоящей стороны состояние когнитивного напряжения. В таких условиях возрастает вероятность ошибок, непровольных реакций и утраты устойчивости линии сопротивления. Информационный ресурс, таким образом, выступает не средством обмана, а инструментом управляемой неопределённости, допустимой в рамках закона.

В совокупности эти ресурсы формируют психологическое превосходство следователя, основанное не на прямом давлении, а на способности управлять структурой ситуации, коммуникацией, восприятием и информационными потоками. Именно осознанное использование этих правомерных ресурсов превращает психологическую борьбу из стихийного противостояния в профессионально контролируемый процесс.

В психологическом противоборстве, разворачивающемся в ходе обыска, обыскиваемое лицо, несмотря на ограниченность процессуальных возможностей, также располагает рядом значимых ресурсов. Эти ресурсы носят преимущественно ситуативный и психологический характер и позволяют оказывать влияние на ход обыска, даже при формальном доминировании следователя. Понимание данных ресурсов имеет принципиальное значение, поскольку именно они чаще всего лежат в основе скрытых и труднораспознаваемых форм сопротивления.

Одним из ключевых ресурсов обыскиваемого является **преимущество знания пространства**. Обыскиваемое лицо, как правило, хорошо ориентируется в помещении, знает его функциональные зоны, особенности планировки, «слепые» участки и потенциальные места сокрытия. Это знание позволяет ему прогнозировать маршруты поисковых действий, заранее оценивать степень угрозы обнаружения и, при необходимости, управлять вниманием следователя, акцентируя его на второстепенных объектах. Даже при отсутствии реальных тайников само ощущение «контроля над пространством» может усиливать психологическую устойчивость обыскиваемого и поддерживать выбранную линию поведения.

Вторым значимым ресурсом выступает **возможность конструирования правдоподобных версий происходящего**. Обыскиваемый нередко обладает достаточной информацией о бытовом контексте, истории предметов и особенностях обстановки, что позволяет ему формировать объяснения, внешне не противоречащие логике и здравому смыслу. Такие версии могут быть направлены не столько на прямой обман, сколько на создание альтернативных интерпретаций, размывающих значимость обнаруженных фактов. С психологической точки зрения подобные версии выполняют функцию когнитивной защиты: они позволяют снизить уровень тревоги и одновременно проверяют критичность и настойчивость следователя.

Особое место среди ресурсов обыскиваемого занимает **игра на эмоциях и нормативных ограничениях следователя**. Осознавая рамки правомерного поведения должностных лиц, обыскиваемый может сознательно апеллировать к гуманным, этическим или процессуальным аспектам ситуации. Это проявляется в демонстративной уязвимости, подчёркнутой корректности, жалобах на самочувствие, вовлечении родственников, создании эмоционального фона, затрудняющего жёсткое и последовательное проведение поисковых действий. В ряде случаев используются и провокационные стратегии — попытки вызвать раздражение, поспешные реакции или коммуникативные ошибки, способные ослабить психологическую позицию следователя.

В совокупности данные ресурсы формируют психологический потенциал сопротивления, который не всегда выражается в открытом противодействии, но активно влияет на динамику обыска. Для следователя принципиально важно не только фиксировать отдельные проявления такого поведения, но и видеть за ними системную логику психологической борьбы. Именно это позволяет своевременно корректировать тактику, избегать реактивных решений и сохранять управляемость ситуации.

Психологическая борьба в ходе обыска не является однородной, она развивается **поэтапно**, меняя формы, интенсивность и используемые ресурсы сторон.

1. Подготовительный этап (до начала обыска)

На этом этапе психологическая борьба носит **латентный, прогностический характер**. Следователь формирует первоначальные гипотезы, продумывает порядок действий, распределяет роли, определяет приоритетные направления поиска. Психологическое преимущество здесь заключается в упреждении: чем точнее следователь представляет возможные формы сопротивления, тем меньше пространства для импровизации противостоящей стороны.

Со стороны обыскиваемого (если он осведомлён о возможном обыске) борьба выражается в заранее выстроенных стратегиях сокрытия, самоубеждении, психологической мобилизации или, напротив, вытеснении угрозы. Даже при отсутствии реальных подготовительных действий формируется внутренняя линия поведения — готовность сопротивляться, сотрудничать либо демонстрировать пассивность.

2. Начальный этап обыска (вход в ситуацию)

Это фаза резкого обострения психологической борьбы. Происходит **первичный захват или утрата психологической инициативы**. Следователь

своим поведением задаёт тон происходящему: степень организованности, уверенность, темп, чёткость инструкций. Именно здесь у обыскиваемого формируется первое устойчивое впечатление о контроле над ситуацией.

Обыскиваемый, в свою очередь, «прощупывает» границы допустимого: проверяет реакцию следователя на вопросы, возражения, эмоциональные сигналы. Часто именно на этом этапе проявляются первые попытки манипуляции, дезориентации или, наоборот, демонстративной лояльности. Ошибки следователя в начале обыска нередко задают неблагоприятную динамику всей последующей психологической борьбы.

3. Основной этап (развёрнутый поиск)

Психологическая борьба переходит в **циклическую форму**, где чередуются действия, контрдействия и адаптация сторон. Интенсивность взаимодействия возрастает, а формы сопротивления становятся более тонкими и дифференцированными. Обыскиваемый активно управляет вниманием, эмоциональным фоном, интерпретациями происходящего, используя как вербальные, так и невербальные средства.

Для следователя это этап максимальной когнитивной нагрузки. Требуется одновременно контролировать процесс поиска, наблюдать за поведением участников, проверять гипотезы и удерживать психологическое лидерство. Именно здесь особенно значима рефлексия: способность осознать не только действия противника, но и собственные реакции на них. Психологическая борьба становится «многоуровневой», а её исход всё чаще определяется не формальными действиями, а качеством психологического управления ситуацией.

4. Этап обнаружения значимых объектов или информации

При обнаружении искомого происходит резкий сдвиг в динамике борьбы. Для обыскиваемого это часто момент **психологического надлома**: защитные конструкции начинают рушиться, возрастает эмоциональная реактивность, появляются неосознанные поведенческие сигналы. Возможны попытки срочной переинтерпретации («это не моё», «я не знал»), обесценивания находки или резкой смены линии поведения.

Следователь в этот момент получает дополнительное психологическое преимущество, однако именно здесь возрастает риск ошибок: излишней поспешности, давления, утраты наблюдательности. Психологическая борьба не прекращается, а лишь меняет форму, смещаясь от сокрытия к минимизации последствий.

5. Заключительный этап обыска

На завершающей стадии психологическая борьба приобретает характер **постфактум-контроля**. Обыскиваемый может стремиться сохранить лицо, восстановить субъективное чувство контроля, зафиксировать процессуальные нарушения или создать основания для последующего оспаривания результатов. Поведение часто становится более формализованным, но при этом эмоционально насыщенным.

Для следователя этот этап важен с точки зрения закрепления психологического результата: спокойное завершение, последовательная фиксация, отсутствие демонстративных «жёстких» действий. Именно финал обыска во многом

определяет, как его будут интерпретировать участники в дальнейшем — как справедливую и управляемую процедуру или как травматичное событие.

В целом психологическая борьба в ходе обыска:

- начинается как прогноз и мобилизация,
- обостряется в фазе входа,
- достигает максимальной сложности в основной части,
- трансформируется при обнаружении искомого,
- и завершается борьбой за интерпретацию и последствия.

Такое понимание динамики позволяет следователю мыслить не эпизодами, а **процессом**, своевременно менять тактику и осознанно управлять психологическим измерением обыска.

В ходе обыска обыскиваемое лицо нередко использует устойчивые поведенческие модели, которые можно условно обозначить как «поведенческие маски». Эти маски не являются проявлением личностных черт в чистом виде, а представляют собой **адаптивные психологические стратегии**, направленные на сохранение контроля над ситуацией и снижение вероятности обнаружения значимой информации.

Типичные поведенческие маски обыскиваемого

Психологическая стратегия	Внешние проявления	Психологический смысл	Риск для следователя	Рекомендуемая реакция следователя
Демонстративное сотрудничество	Подчёркнутая вежливость, активные комментарии, готовность «помочь», заявления об открытости	Формирование установки на отсутствие угрозы, снижение критичности восприятия	Преждевременное доверие, ослабление поисковой настойчивости	Сохранять нейтральную дистанцию, не сокращать объём проверки, опираться на план, а не на впечатление
Возмущённая защита прав	Эмоциональные протесты, апелляции к закону, демонстративное недоверие	Дестабилизация эмоционального фона, провокация ошибок, срыв темпа	Втягивание в конфликт, потеря управляемости	Снижать эмоциональную вовлечённость, возвращать взаимодействие в процедурное русло, фиксировать ключевые моменты
Навязывание версий	Избыточные пояснения, упреждающая интерпретация находок	Управление интерпретацией, подмена анализа готовыми версиями	Принятие объяснений без проверки	Отделять фиксацию от интерпретации, проверять версии независимо от комментариев

Пассивно-бес- помощная пози- ция	Молчаливость, апатия, жалобы на самочувствие	Минимизация утечек информа- ции, уход от вза- имодействия	Недооценка скрытого со- противления	Усиливать наблюдение за невербальными реакциями, не снижать интен- сивность по- иска
Эмоциональная нестабильность	Перепады настроения, слёзы, суетли- вость, раздражи- тельность	Перерасделе- ние внимания, защитная реак- ция на тревогу	Потеря концен- трации	Структуриро- вать действия, минимизиро- вать эмоцио- нальные кон- такты, удержи- вать темп
Юридическая педантичность	Уточнения фор- мулировок, ак- цент на проце- дуре	Восстановление субъективного контроля, подго- товка к защите	Раздражение, формализация	Тщательно со- блюдать проце- дуру, избегать импровизаций, сохранять спо- койствие

Рекомендуемые реакции не носят жёсткого алгоритмического характера. Их задача — сохранить психологическое лидерство следователя и управленческую ситуацию, не выходя за рамки правомерности и профессиональной этики.

§ 3. Рефлексия в ходе обыска

Рассмотрение психологической борьбы в ходе обыска позволяет увидеть, что противоборство сторон далеко не сводится к набору отдельных приёмов и реакций. За внешними формами поведения — демонстративным сотрудничеством, эмоциональным давлением, манипуляцией вниманием или пассивным сопротивлением — стоит непрерывный процесс оценки, прогнозирования и корректировки действий. И следователь, и обыскиваемый не просто действуют, а постоянно **осмысливают происходящее**, интерпретируют поведение друг друга и на этой основе принимают решения.

Именно в этом месте анализ психологической борьбы неизбежно выводит нас к понятию **рефлексии**. Без обращения к рефлексии невозможно объяснить, почему одни и те же приёмы в одних ситуациях оказываются эффективными, а в других — теряют своё значение; почему внешне сходное поведение обыскиваемого может иметь принципиально разный психологический смысл; и почему преимущество в психологическом противоборстве нередко определяется не интенсивностью воздействия, а глубиной понимания происходящего.

Психологическая борьба в ходе обыска представляет собой не только столкновение действий, но и **столкновение способностей мышления**. Каждая сторона стремится предугадать логику оппонента, представить себе его возможные решения и опередить их собственными действиями. В этом смысле обыск становится пространством взаимного «мышления друг за друга», где ключевым ресурсом выступает способность к рефлексии — осознанию собственных

состояний, пониманию мотивов другой стороны и анализу самой структуры взаимодействия.

Поэтому дальнейшее рассмотрение психологических аспектов обыска требует перехода от описания внешних форм психологической борьбы к анализу **рефлексивных механизмов**, лежащих в их основе. Только через призму рефлексии становится возможным понять внутреннюю логику поведения участников обыска и объяснить, каким образом следователь может не просто реагировать на сопротивление, а осознанно управлять динамикой ситуации в правомерных и профессионально допустимых рамках.

Обращение к категории рефлексии имеет прочную научную и криминалистическую традицию. Разработка концепции профессиональной рефлексии сотрудников правоохранительных органов связана с именами Р. С. Белкина, А. Р. Ратинова, Г. А. Зорина. Так, Г. А. Зорин, раскрывая прикладной характер данного метода, подчёркивал, что «технология применения метода рефлексии состоит в том, что криминалист как бы занимает позицию участника следственного действия и с этой точки зрения рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития действия»¹³. Данное положение принципиально важно для понимания рефлексии не как отвлечённого умозрительного процесса, а как практического инструмента профессионального мышления следователя.

Рефлексия в оперативно-служебной деятельности представляет собой особую форму мышления, направленную на осознание и моделирование психической активности других участников ситуации, а также собственных действий, состояний и принимаемых решений. В контексте обыска рефлексия приобретает ярко выраженный прикладной характер и становится неотъемлемым элементом психологического противоборства. Как показывает практика, и следователь, и обыскиваемый в ходе обыска постоянно стремятся мыслить «друг за друга», прогнозировать возможные действия противника и на этой основе корректировать собственную линию поведения.

В психологическом смысле рефлексия проявляется как **моделирование мыслительного процесса другого лица**: его намерений, логики рассуждений, ожиданий и предполагаемых решений. Такое рефлексивное мышление позволяет не только предвидеть возможные действия оппонента, но и выстраивать собственную тактику с учётом этих прогнозов. В условиях обыска рефлексия становится особенно значимой, поскольку обе стороны находятся в ситуации неопределённости и вынуждены принимать решения в условиях ограниченной информации и повышенного эмоционального напряжения.

Для следователя рефлексия выступает прежде всего как **профессиональное умение**, включающее несколько взаимосвязанных компонентов. Во-первых, это осознание собственных целей, возможных ошибок восприятия и эмоциональных реакций. Следователь, не контролирующий собственное состояние, рискует стать заложником импульсивных решений, когнитивных искажений и навязываемых ему интерпретаций. Во-вторых, рефлексия выражается в

¹³ Зорин Г. А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты. Гродно, 2003. 109 с.

постоянной корректировке поведения в зависимости от реакции другой стороны: изменение темпа, формы коммуникации, последовательности действий. В-третьих, важным элементом является осознание собственных коммуникативных стратегий — понимание того, как именно слова, интонации и невербальные сигналы воспринимаются участниками обыска и какое влияние они оказывают на динамику ситуации.

Одновременно рефлексия активно используется и обыскиваемым. В этом случае она выполняет защитную и адаптивную функцию. Обыскиваемый оценивает риски, прогнозирует действия следственной группы, пытается реконструировать логику поиска и на этой основе корректирует свою «легенду» и поведенческую линию. В зависимости от субъективной оценки ситуации он может переходить от демонстративного сотрудничества к скрытому сопротивлению, либо, напротив, менять агрессивную стратегию на пассивно-оборонительную. Таким образом, рефлексия обыскиваемого направлена на минимизацию угрозы и сохранение контроля над происходящим.

В ситуации обыска целесообразно выделять несколько **уровней рефлексии**, каждый из которых имеет самостоятельное практическое значение и проявляется в конкретных поведенческих ситуациях.

Первый уровень — **саморефлексия**, то есть осознание и контроль собственного эмоционального состояния, уровня напряжения, усталости, раздражения. Для следователя этот уровень является базовым, поскольку без него невозможны более сложные формы анализа.

Пример из практики. В ходе обыска в жилом помещении обыскиваемый последовательно провоцирует следователя на эмоциональные реакции: перебивает, делает язвительные замечания, апеллирует к «очевидной предвзятости». Следователь фиксирует у себя нарастающее раздражение и желание «пресечь» поведение более жёстко. Осознав это состояние, он сознательно снижает темп коммуникации, переводит взаимодействие в формализованное процедурное русло и поручает часть действий оперативному сотруднику.

Психологический смысл: саморефлексия позволяет не поддаваться провокации и не утратить психологическое лидерство. Без этого уровня следователь становится объектом управления со стороны обыскиваемого.

Второй уровень — **рефлексия другого**, предполагающая понимание мотивов, целей и стратегий оппонента, а также прогнозирование его возможных действий.

Пример из практики. Обыскиваемый демонстрирует активное сотрудничество, подробно комментирует каждый предмет и настойчиво предлагает «посмотреть вот здесь». Следователь замечает, что на определённые зоны квартиры внимание последовательно уводится, а при приближении к конкретному шкафу обыскиваемый заметно меняет темп речи и позу.

Психологический смысл: следователь интерпретирует поведение не как помощь, а как попытку управления вниманием, и корректирует план поиска, усиливая проверку именно тех зон, которые вызывали скрытое напряжение. Здесь рефлексия другого позволяет перейти от буквального восприятия поведения к пониманию его стратегической функции.

Третий уровень — рефлексия взаимодействия, при которой следователь осмысливает не отдельные действия, а саму структуру «игры»: правила, динамику противоборства, смену ролей, фаз и психологических акцентов.

Пример из практики. В ходе длительного обыска следователь замечает повторяющийся цикл: после каждого обнаружения нейтральных предметов обыскиваемый активизируется, начинает эмоциональное общение, затем следует спад напряжения и пассивность. Осмыслив эту динамику, следователь делает вывод, что обыскиваемый субъективно «отмечает» опасные и безопасные фазы и расслабляется после кажущегося снижения угрозы.

Психологический смысл: понимание структуры взаимодействия позволяет следователю изменить ритм и последовательность действий, разрушив привычный сценарий сопротивления. На этом уровне появляется возможность управлять ситуацией в целом, а не реагировать на отдельные эпизоды поведения.

Таким образом, уровни рефлексии образуют не иерархию «абстрактных навыков», а **последовательную систему профессионального мышления**. Саморефлексия обеспечивает психологическую устойчивость следователя, рефлексия другого — аналитическое преимущество, а рефлексия взаимодействия — возможность осознанного управления динамикой обыска как целостного процесса. Именно выход на третий уровень создаёт предпосылки для применения элементов рефлексивного управления в правомерных и профессионально допустимых формах.

Рефлексия в ходе обыска функционирует как форма **двусторонней обратной связи** и постоянной коррекции поведения. Каждое действие одной стороны становится информационным сигналом для другой, вызывая адаптацию, уточнение гипотез и изменение тактики. Преимущество в рефлексивных рассуждениях — так называемый более высокий «ранг рефлексии» — позволяет следователю не только предвидеть поведение обыскиваемого, но и воздействовать на его эмоционально-волевую сферу, управляя ходом мыслей и, в определённой степени, предопределяя принимаемые им решения.

Именно на этой основе в дальнейшем становится возможным переход от простой рефлексии к **рефлексивному управлению**, когда воздействие осуществляется не напрямую, а через формирование у противоборствующей стороны определённых оснований для выбора нужной линии поведения. Однако данный уровень требует высокой профессиональной подготовки и строгого соблюдения правовых и этических границ, что и будет рассмотрено в следующем параграфе.

§ 4. Рефлексивное управление действиями противоборствующей стороны

В условиях обыска рефлексия нередко переходит на более высокий уровень — **уровень рефлексивного управления**. Речь идёт не просто о прогнозировании поведения противоборствующей стороны, а о целенаправленном воздействии на её процесс принятия решений через формирование определённых

представлений о ситуации, возможных последствиях и предпочтительных линиях поведения.

Классическое и наиболее ёмкое описание данного феномена дано В. А. Лефевром. Он подчёркивает, что термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах: во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей; во-вторых, как специфический метод социального контроля.¹⁴ В обобщённом виде рефлексивное управление определяется как **воздействие на субъектов, склоняющее их принять решения, заранее подготовленные управляющей стороной.**

Принципиально важно, что в рамках рефлексивного управления воздействие осуществляется **не напрямую**, а опосредованно — через передачу противоборствующей стороне определённых оснований для выбора решения. Следовательно не навязывает поведение, а создаёт такие условия интерпретации ситуации, при которых обыскиваемый сам приходит к психологически предсказуемому и выгодному для следствия решению. Именно поэтому рефлексивное управление опирается на более высокий «ранг рефлексии» — способность мыслить не только за другого, но и о том, **как другой мыслит о тебе и о ситуации в целом.**

Суть рефлексивного управления образно и предельно наглядно была выражена В. А. Лефевром в известной притче, заимствованной из детской сказки. Братец Кролик, обращаясь к братцу Лису, восклицает: *«Делай со мной что угодно — только не бросай меня в терновый куст!»* Понимая эту реплику буквально, Лис поступает именно так, тем самым реализуя решение, заранее подготовленное и психологически навязанное ему Кроликом. Как справедливо отмечает Лефевр, за прошедшие десятилетия «братцы Кролики» существенно расширили и обогатили арсенал подобных технологий.

В контексте обыска данный механизм проявляется особенно отчётливо. И следователь, и обыскиваемый стремятся учитывать возможные способы и приёмы действий друг друга, моделируя ход мыслей противника и прогнозируя его решения. Однако преимущество получает та сторона, которая способна выйти на более высокий уровень рефлексии и использовать поведение оппонента как инструмент управления ситуацией, а не только как объект реакции. Именно это позволяет следователю не просто реагировать на сопротивление, но и **структурировать психологическое поле обыска**, направляя развитие ситуации в контролируемое русло.

При этом следует подчеркнуть, что применение элементов рефлексивного управления в деятельности следователя допустимо исключительно в рамках закона и профессиональной этики. Речь идёт не о манипуляции ради манипуляции, а о правомерном использовании психологических закономерностей мышления и поведения для обеспечения эффективности процессуального действия и предотвращения деструктивных форм противодействия.

Рефлексивное управление в ходе обыска представляет собой особую форму психологического воздействия, принципиально отличающуюся от

¹⁴ Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009. Стр. 9.

прямого давления или принуждения. Его сущность заключается в том, что воздействие направлено **не на поведение участника обыска как таковое**, а на его восприятие ситуации, интерпретацию происходящего и субъективную оценку возможных последствий собственных действий. Следовательно, обладающий преимуществом в рефлексии, стремится повлиять на то, *как обыскиваемый понимает происходящее, чего он ожидает и какие решения считает для себя рациональными.*

В отличие от открытых форм психологической борьбы, рефлексивное управление действует опосредованно. Обыскиваемый формально сохраняет свободу выбора линии поведения, однако сами основания для этого выбора оказываются заранее структурированными. Именно поэтому рефлексивное управление особенно эффективно в условиях неопределённости, характерных для обыска, когда информация фрагментарна, а эмоциональное напряжение высоко.

В практике обыска можно выделить несколько типовых **моделей рефлексивного управления.**

Первая модель — побуждение к ошибочным действиям. Сущность данной модели заключается в том, что следователь, прогнозируя ход мыслей обыскиваемого, сознательно допускает такие организационные и коммуникативные решения, которые создают у последнего ложное ощущение снижения угрозы и побуждают его к преждевременным, невыгодным шагам.

Пример из практики. В ходе обыска в квартире следственная группа последовательно проверяет жилые комнаты, не акцентируя внимания на подсобных помещениях. Следователь сознательно не спешит с осмотром кладовой и не даёт указаний оперативным сотрудникам в присутствии обыскиваемого. Обыскиваемый, наблюдая за ходом действий, приходит к выводу, что интерес следствия сосредоточен на жилой зоне.

Через некоторое время он начинает вести себя заметно свободнее: допускает перемещения по квартире, задерживает взгляд на двери кладовой, старается «случайно» оказаться рядом, когда кто-то из сотрудников приближается к этому месту. Именно эти реакции становятся для следователя дополнительным ориентиром при выборе дальнейших действий.

Психологический механизм: Обыскиваемый, считая опасный этап минувшим, снижает уровень самоконтроля. Его собственная рефлексия начинает работать против него, выдавая значимость ранее «выпавшего» направления поиска.

Типичные ошибки следователя:

1. Преждевременная демонстрация интереса к «опасной» зоне (взгляд, замедление шага, комментарии), которая сразу сигнализирует обыскиваемому реальный приоритет поиска.
2. Резкая смена поведения без психологической подготовки ситуации (внезапный переход к осмотру зоны, ранее игнорируемой), что воспринимается как тактический сбой, а не логичное развитие поиска.
3. Избыточные распоряжения вслух, адресованные оперативным сотрудникам в присутствии обыскиваемого, что лишает ситуацию неопределённости.

4. Потеря наблюдательности: следователь провоцирует ошибку, но не фиксирует невербальные маркеры (взгляд, микродвижения, изменение темпа поведения), ради которых механизм и применялся.

Методический вывод: Побуждение к ошибочным действиям работает только при сохранении иллюзии «естественного» хода обыска и высокой чувствительности следователя к микроповеденческим сигналам.

Вторая модель — управление ожиданиями. Данная модель основана на формировании у обыскиваемого искажённых представлений о приоритетах, логике и темпе обыска. Следователь не вводит в заблуждение напрямую, а выстраивает поведение таким образом, что ожидания обыскиваемого начинают расходиться с реальной тактикой следственной группы.

Пример из практики. Следователь демонстративно уделяет значительное внимание осмотру документов и бытовых предметов, задаёт уточняющие вопросы, фиксирует несущественные детали. Обыскиваемый, наблюдая за этим, делает вывод, что следствие действует формально и не располагает точной информацией.

Одновременно следователь периодически делает нейтральные паузы, просматривает записи, переговаривается с оперативниками вне поля слуха обыскиваемого. В результате у последнего формируется ожидание скорого завершения обыска без серьёзных последствий. На фоне этого ожидания возрастает нервозность, появляются непроизвольные реакции при приближении к конкретным предметам или зонам, которые ранее не вызывали интереса следствия.

Психологический механизм: Несовпадение ожиданий и реального хода обыска создаёт когнитивное напряжение. Обыскиваемый начинает «подыгрывать» собственной версии происходящего, что приводит к ошибкам в поведении и снижению устойчивости выбранной линии сопротивления.

Типичные ошибки следователя:

1. Излишняя формализация и суета, создающие впечатление неуправляемости, а не продуманной тактики.
2. Слишком затянутое «второстепенное» действие, после которого обыскиваемый начинает подозревать намеренное отвлечение внимания.
3. Непоследовательность в темпе (резкие ускорения и замедления без логики), что разрушает прогнозируемость и снижает доверие к «версии происходящего», формируемой у обыскиваемого.
4. Ранние эмоциональные реакции следователя (удовлетворение, раздражение), которые выдают истинную значимость отдельных эпизодов поиска.

Методический вывод: Управление ожиданиями требует высокой дисциплины поведения. Любая утечка истинных приоритетов делает модель прозрачной и лишает её психологического эффекта.

Третья модель — скрытое навязывание сценария поведения. В рамках этой модели следователь формирует такую структуру взаимодействия, при которой обыскиваемый сам приходит к выводу, что определённая линия поведения является для него наименее рискованной, хотя именно она наиболее удобна для следствия.

Пример из практики. В ходе обыска следователь чётко и спокойно обозначает процессуальные рамки, не вступает в споры, последовательно фиксирует все действия. При этом любые попытки эмоционального давления или активных возражений со стороны обыскиваемого приводят лишь к удлинению процедуры и дополнительной фиксации его поведения.

Наблюдая это, обыскиваемый постепенно отказывается от активного сопротивления и выбирает стратегию формального молчаливого сотрудничества: отвечает односложно, не мешает действиям следственной группы, старается «не привлекать внимания». Именно в этой фазе у него снижается внутренняя мобилизация, и возрастает вероятность невербальных утечек информации.

Психологический механизм: Обыскиваемый воспринимает выбранную линию поведения как собственное рациональное решение, не осознавая, что сценарий взаимодействия был выстроен таким образом, чтобы иные варианты выглядели для него заведомо проигрышными.

Типичные ошибки следователя, разрушающие механизм:

1. Переход к прямому давлению (повышение голоса, жёсткие формулировки), превращающий скрытое управление в открытое противостояние.
2. Непоследовательность реакции: в одних случаях активное сопротивление «гасится», в других — игнорируется, что лишает обыскиваемого ясности сценария.
3. Эмоциональная оценка поведения обыскиваемого («зачем вы так себя ведёте», «вам же хуже»), которая разрушает ощущение добровольного выбора.
4. Снижение структурированности обыска после того, как обыскиваемый перешёл к пассивной стратегии, — именно в этот момент возрастает риск утраты управляемости.

Методический вывод: Сценарий работает только тогда, когда обыскиваемый воспринимает своё поведение как собственное рациональное решение, а не как навязанное извне.

Во всех приведённых случаях рефлексивное управление проявляется не в отдельных приёмах, а в **управлении ходом мышления противоборствующей стороны**. Следователь не заставляет и не убеждает напрямую, а создаёт условия, при которых обыскиваемый сам принимает решения, объективно работающие против его интересов. Именно такая форма воздействия и составляет сущность рефлексивного управления в ходе обыска.

Реализация рефлексивного управления опирается на целый ряд **инструментов рефлексивного воздействия**, которые в обыске чаще всего используются в ненавязчивой, «фоновой» форме. К таким инструментам относятся паузы, намеренная неопределённость в формулировках, контролируемый взгляд, интонация и тембр голоса. Эти элементы не несут прямого сообщения, но активно влияют на интерпретацию происходящего, усиливая ощущение контроля ситуации со стороны следователя.

Существенную роль играет и **неявное доминирование**, выражающееся не в демонстративной жёсткости, а в уверенной организации пространства, темпа и последовательности действий. Следователь, сохраняющий

спокойствие и предсказуемость собственных реакций, одновременно поддерживает у противостоящей стороны ощущение невозможности «перехватить инициативу».

Отдельного внимания заслуживает **превентивная работа с сопровождающими лицами** — адвокатом, родственниками, иными присутствующими. Их поведение часто становится дополнительным каналом психологического воздействия на обыскиваемого. Корректное, уважительное и процессуально выверенное взаимодействие с этими лицами позволяет снизить уровень эмоциональной подпитки сопротивления и предотвратить формирование неблагоприятного для следствия психологического фона.

Практика показывает, что рефлексивное управление наиболее эффективно проявляется не в отдельных эффектных эпизодах, а в **постепенном изменении поведения обыскиваемого**: снижении активности сопротивления, утрате уверенности в выбранной стратегии, появлении неосознанных поведенческих сигналов. Именно такие изменения и свидетельствуют о том, что управление осуществляется на уровне восприятия и мышления, а не внешнего принуждения.

При этом принципиально важно обозначить **этические и правовые пределы рефлексивного управления**. Использование рефлексивных механизмов допустимо лишь постольку, поскольку оно не нарушает требований закона, не связано с обманом относительно процессуальных прав и обязанностей, не содержит угроз, давления или введения в заблуждение относительно юридических последствий. Рефлексивное управление в профессиональной деятельности следователя — это не манипуляция ради результата, а правомерное использование психологических закономерностей мышления и поведения для обеспечения эффективности и управляемости процессуального действия.

Таким образом, рефлексивное управление в ходе обыска следует рассматривать как высший уровень психологического мастерства следователя, основанный на глубокой рефлексии, понимании динамики противоборства и строгом соблюдении правовых и этических рамок. Именно этот уровень позволяет перейти от реактивного реагирования на сопротивление к осознанному и профессионально контролируемому управлению ситуацией.

Выводы по главе:

1. Обыск является не только процессуальным поисковым действием, но и ситуацией психологического противоборства, в которой сталкиваются интересы, стратегии и способы мышления сторон.
2. Противоборство носит системный характер, а противодействие выступает его частным, операциональным проявлением, выраженным в конкретных формах сопротивления.
3. Психологическая борьба в ходе обыска разворачивается вокруг контроля над вниманием, эмоциональным фоном и интерпретацией происходящего и имеет выраженную динамику по этапам.
4. Психологическая борьба имеет динамику по этапам обыска: от первичного захвата инициативы на входе к циклам «действие —

- контрдействие — адаптация» в основной части и к борьбе за интерпретацию и последствия на завершении.
5. Ключевым механизмом психологического превосходства является рефлексия — способность осознавать собственные состояния, понимать мотивы другой стороны и анализировать структуру взаимодействия.
 6. Рефлексивное управление направлено не на прямое воздействие на поведение, а на формирование у противоборствующей стороны оснований для принятия прогнозируемых решений и допустимо только в рамках закона и профессиональной этики.

Контрольные вопросы:

1. Почему обыск следует рассматривать как ситуацию психологического противоборства, а не только как поисковое процессуальное действие?
2. В чём состоит принципиальное различие между психологической борьбой и рефлексивным управлением?
3. Как проявляется цикличность противодействия в ходе обыска и почему её важно учитывать?
4. Какие элементы поведения обыскиваемого чаще всего выступают источником рефлексивной информации для следователя?
5. В чём заключается профессиональная саморефлексия следователя и какие риски возникают при её отсутствии?
6. Что понимается под «рангом рефлексии» и как он влияет на исход психологического противоборства?
7. Почему рефлексивное управление невозможно без управляемой неопределённости?
8. Какие границы отличают правомерное рефлексивное управление от недопустимых форм психологического давления?
9. Почему одни и те же тактические приёмы могут быть эффективны в одной ситуации обыска и неэффективны в другой?
10. Какую роль играют сопровождающие лица в динамике психологического противоборства?

Практическое задание.

Ситуация.

В ходе обыска обыскиваемый демонстрирует подчёркнутое сотрудничество: сам предлагает «удобные» места для осмотра, подробно комментирует каждый предмет, проявляет вежливость и уверенность, повторяет, что «ему нечего скрывать». При приближении к кладовой и верхним антресолям он начинает говорить быстрее, чаще шутит и пытается отвлечь следователя на обсуждение документов в другой комнате. На прямые вопросы отвечает охотно, но однотипно.

Задание.

А) Определите, какая «поведенческая маска» проявляется наиболее вероятно, и укажите её психологический смысл.

Б) Опишите, какие ресурсы психологической борьбы использует обыскиваемый.

- В) Предложите тактическое решение следователя, опираясь на: 1) организационный ресурс, 2) перцептивный ресурс, 3) информационный ресурс.
- Г) Укажите 2–3 типичные ошибки следователя в этой ситуации.

РАЗДЕЛ III. ПРАКТИКА ОБЫСКА: АНАЛИЗ, ОШИБКИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Практика обыска неизбежно выходит за рамки даже самых продуманных теоретических моделей и тактических рекомендаций. Каждая конкретная ситуация вносит свои коррективы, обнажая как сильные стороны профессиональной подготовки следователя, так и допущенные просчёты.

Именно в практической деятельности наиболее отчётливо проявляются особенности различных видов обыска, значение принятых решений и цена ошибок. Здесь становится очевидным, что эффективность обыска определяется не только знанием приёмов, но и способностью анализировать свои действия, делать выводы и совершенствовать профессиональное мастерство.

Обращение к практике позволяет увидеть обыск в его реальном, нередко противоречивом и сложном проявлении, где результат достигается через постоянное сопоставление замысла и фактического хода событий. Такое понимание открывает возможности для повышения эффективности деятельности следователя и более рациональной организации его труда.

ГЛАВА 11. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ОБЫСКА

Перед тем как перейти к рассмотрению отдельных разновидностей обыска, необходимо остановиться на общих психологических закономерностях, которые определяют специфику этого следственного действия. На первый взгляд может показаться, что обыск — это прежде всего техническая поисковая процедура: осмотр помещений, обследование предметов, обнаружение скрытых объектов. Однако на практике обыск почти всегда разворачивается как сложная психологическая ситуация, в которой взаимодействуют интересы следствия, эмоциональные реакции обыскиваемых и особенности окружающей среды.

Место проведения обыска, социальный статус его участников, характер пространства и состав присутствующих лиц существенно влияют на психологическую атмосферу происходящего. Одни и те же действия следователя могут восприниматься совершенно по-разному в зависимости от того, проводится ли обыск в квартире, в офисе крупной компании или на открытой местности. Поэтому понимание психологических факторов, формирующих ситуацию обыска, имеет важное значение для правильного выбора тактики поведения следователя.

§ 1. Общие психологические факторы, влияющие на специфику обыска

Психологическая атмосфера обыска во многом определяется средой, в которой он проводится. **Место проведения обыска** задаёт определённую систему ожиданий, поведенческих норм и эмоциональных реакций участников следственного действия.

В жилом помещении обыск почти неизбежно воспринимается как вторжение в личное пространство человека. Квартира или дом являются для большинства людей зоной психологической безопасности и приватности. Поэтому появление следственной группы, осмотр личных вещей, вскрытие шкафов и ящиков вызывают у хозяев жилья острое чувство дискомфорта, тревоги и иногда — возмущения. Даже лица, не имеющие отношения к расследуемому преступлению, могут реагировать на происходящее эмоционально и болезненно.

Совершенно иначе воспринимается обыск в служебных помещениях. Офис, предприятие или учреждение представляют собой пространство профессиональной деятельности, где поведение людей регулируется иными социальными нормами. Здесь обыск часто приобретает характер публичного события, затрагивающего деловую репутацию и статус участников. Руководители и сотрудники могут стремиться сохранить внешнее спокойствие и «деловое лицо», даже если внутренне испытывают сильное напряжение.

Особой спецификой обладает обыск на открытой местности. Отсутствие привычных пространственных ориентиров, большая площадь поиска и необходимость координации действий нескольких участников формируют совершенно иную психологическую ситуацию. Здесь важную роль начинают играть факторы наблюдения за поведением подозреваемого, его реакциями на приближение к определённым участкам территории.

Таким образом, место проведения обыска формирует определённую психологическую рамку происходящего, которая влияет как на поведение обыскиваемых, так и на тактические решения следователя.

Не менее существенным фактором является **социальный статус лица, в отношении которого проводится обыск**. Поведение человека в ситуации следственного действия во многом определяется тем, какое положение он занимает в социальной и профессиональной структуре.

Лица, обладающие высоким социальным статусом — руководители организаций, предприниматели, публичные фигуры — нередко стремятся продемонстрировать уверенность и контроль над ситуацией. Для них важным становится сохранение авторитета в глазах окружающих, прежде всего сотрудников или членов семьи. В таких условиях обыск может восприниматься ими не только как юридическая процедура, но и как угроза их социальному престижу.

Иная психологическая картина наблюдается у лиц, не обладающих выраженным социальным статусом или находящихся в зависимом положении. Они чаще проявляют растерянность, тревожность или стремление дистанцироваться от происходящего.

Характер пространства также оказывает влияние на поведение участников. В частном пространстве (жилище) человек чувствует себя хозяином и нередко пытается активно влиять на происходящее — комментировать действия следователей, давать объяснения, вмешиваться в ход поиска. В служебном пространстве, напротив, многие стремятся соблюдать внешнюю корректность и сдержанность, особенно если рядом находятся коллеги или подчинённые.

Ситуация обыска почти всегда сопровождается **выраженными эмоциональными реакциями**. Эти реакции могут проявляться по-разному, однако в их основе лежит переживание неопределённости и угрозы.

Наиболее распространённой реакцией является тревога. Человек, в отношении которого проводится обыск, как правило, не знает, что именно ищет следствие, какие предметы могут быть обнаружены и какие последствия это повлечёт. Такое состояние неопределённости усиливает внутреннее напряжение и делает поведение обыскиваемого более нестабильным.

Другой возможной реакцией является агрессия или раздражение. В некоторых случаях обыскиваемые пытаются выразить недовольство действиями следователей, вступают в споры, высказывают претензии или обвинения. Подобное поведение нередко является попыткой психологического давления или способом разрядить внутреннее напряжение.

Иногда наблюдается и противоположная стратегия — демонстративное спокойствие. Обыскиваемый может подчеркнуто спокойно реагировать на происходящее, проявлять показное равнодушие или даже ироничность. Однако за внешней невозмутимостью нередко скрывается интенсивная внутренняя тревога.

Особую группу реакций составляют попытки косвенного контроля ситуации. Обыскиваемые могут задавать вопросы, предлагать «помощь» в поиске, давать многочисленные объяснения. Подобные действия могут преследовать цель отвлечь внимание следователей или направить поиск в сторону от действительно значимых объектов.

Учет психологических факторов имеет важное значение для выбора тактики проведения обыска. Следователь должен не только организовать поисковые действия, но и управлять психологической ситуацией, возникающей в ходе следственного действия.

Прежде всего важно обеспечить деловой и спокойный характер взаимодействия с участниками обыска. Излишняя жесткость или демонстративная подозрительность со стороны следователя могут спровоцировать конфликт и усложнить проведение поисковых мероприятий.

Одновременно следователь должен внимательно наблюдать за поведением обыскиваемых, фиксируя изменения в их эмоциональном состоянии и реакциях на действия поисковой группы. Нередко именно такие реакции позволяют получить дополнительную информацию о возможных местах сокрытия искомых объектов.

Задача следователя состоит также в том, чтобы не допустить попыток управления ситуацией со стороны обыскиваемых. При этом важно сохранять корректность и процессуальную точность своих действий, что способствует поддержанию авторитета следствия и снижению конфликтности происходящего.

Среда проведения обыска играет важную роль и в процессе психологического наблюдения за поведением обыскиваемого. Реакции человека часто оказываются тесно связаны с определёнными объектами, местами или действиями следственной группы.

Например, при приближении следователей к месту, где могут быть скрыты предметы, обыскиваемый нередко проявляет признаки внутреннего напряжения: меняется выражение лица, появляются произвольные жесты, учащается речь или, наоборот, возникает внезапная пауза. Иногда человек

стремится отвлечь внимание от определённого участка помещения или, напротив, проявляет к нему повышенный интерес.

Такие поведенческие сигналы редко бывают однозначными и требуют осторожной интерпретации. Однако при внимательном наблюдении они могут служить дополнительным ориентиром для организации поисковых действий.

Поэтому учет особенностей среды, в которой проводится обыск, и систематическое наблюдение за поведением обыскиваемого являются важными элементами психологической тактики следователя. Именно сочетание поисковой работы и психологического анализа ситуации позволяет значительно повысить эффективность данного следственного действия.

§ 2. Психологические особенности обыска в квартире (жилом помещении)

Обыск в жилом помещении обладает рядом психологических особенностей, которые существенно отличают его от обыска в служебных помещениях, на предприятии или на местности. Эти особенности связаны прежде всего с тем, что квартира является пространством личной жизни человека. Здесь сосредоточены его привычки, семейные отношения, личные вещи, элементы повседневного быта.

Поэтому следователь сталкивается не просто с обследованием помещения, а с ситуацией **вторжения в личную психологическую территорию** человека. Именно этим объясняется повышенная эмоциональность поведения обыскиваемых и их стремление активно влиять на происходящее.

Для эффективного проведения обыска следователь должен учитывать ряд специфических факторов, характерных именно для жилища.

Жилище для человека — это не просто помещение, а пространство, где он ощущает себя хозяином и контролирует происходящее. В психологическом смысле *квартира выполняет функцию защищённой территории*.

Поэтому появление следственной группы резко нарушает привычную систему контроля. Хозяин жилища оказывается в положении человека, который внезапно теряет власть над собственной территорией. Это обстоятельство почти всегда вызывает сильное внутреннее напряжение.

Практика показывает, что именно в квартире поведенческие реакции обыскиваемого становятся особенно информативными. Человек находится в привычной обстановке, где хорошо знает расположение предметов и мест возможного сокрытия. Поэтому любые действия следователей вблизи значимых объектов нередко вызывают непроизвольные реакции.

Например, при приближении следователя к месту сокрытия обыскиваемый может:

- начать внимательно следить за действиями следователя;
- попытаться вмешаться в поиск («там ничего нет», «это старые вещи»);
- неожиданно начать разговор на постороннюю тему;
- наоборот, демонстративно покинуть помещение.

Подобные реакции сами по себе не являются доказательством наличия тайника, однако они нередко позволяют уточнить направление поиска.

Для квартирного обыска характерен так называемый **эффект вторжения**, когда хозяин воспринимает происходящее как вмешательство в личную жизнь.

Это порождает несколько **типичных эмоциональных стратегий поведения**.

Первая стратегия — тревожный контроль. Обыскиваемый начинает внимательно наблюдать за каждым действием следователя, постоянно задаёт вопросы, старается выяснить, что именно ищут.

Например:

— «А что именно вы ищете?»

— «Почему вы смотрите именно здесь?»

Подобные вопросы часто являются попыткой определить направление поиска.

Вторая стратегия — раздражение и конфликт. Некоторые обыскиваемые начинают спорить с участниками обыска, обвинять их в незаконных действиях, громко выражать недовольство.

Задача следователя в такой ситуации — не вступать в эмоциональный конфликт и не менять темп поисковых действий.

Третья стратегия — демонстративное спокойствие. Иногда обыскиваемый ведёт себя подчеркнуто спокойно, даже шутит или иронизирует. На практике это часто является попыткой скрыть внутреннее напряжение.

Для следователя важно понимать, что **показная невозмутимость не означает отсутствия психологической реакции**. В такие моменты особое значение приобретает наблюдение за микрореакциями: жестами, движениями, изменением темпа речи.

Особенность квартирного обыска состоит в том, что следователь часто сталкивается не с одним участником, а сразу с несколькими — супругами, родственниками, взрослыми детьми.

Каждый из них может играть определённую психологическую роль.

На практике встречаются несколько **типичных моделей поведения**.

«*Защитник*». Один из членов семьи активно вступает за хозяина жилища, комментирует действия следственной группы, пытается спорить.

«*Эмоциональный усилитель*». Некоторые родственники начинают выражать сильные эмоции: плакать, возмущаться, жаловаться на происходящее. Это может усиливать напряжение и мешать проведению обыска.

«*Наблюдатель*». Иногда один из членов семьи старается молча наблюдать за происходящим, внимательно следя за действиями следователей.

Для следователя важно не допустить хаотичного участия всех присутствующих в происходящем. Практика показывает, что эффективным является **организационное разграничение пространства**, когда участникам обыска предлагается находиться в определённом месте квартиры.

Это позволяет:

— снизить уровень эмоционального давления;

— исключить попытки вмешательства в поиск;

— облегчить наблюдение за поведением обыскиваемых.

Домашняя обстановка создаёт благоприятные условия для различных **форм психологического противодействия**. Чаще всего встречаются следующие.

Отвлечение внимания. Обыскиваемый начинает активно предлагать следователям осмотреть определённые предметы или места.

Например:

«Посмотрите лучше в кладовке, там у меня много старых вещей».

Иногда подобные предложения направлены на то, чтобы отвлечь внимание от действительно значимых объектов.

Демонстративное сотрудничество. Обыскиваемый начинает активно «помогать» следователям: открывает шкафы, приносит коробки, показывает документы.

Подобная активность может создавать иллюзию полной открытости. Однако опыт показывает, что за такой демонстративной помощью иногда скрывается попытка контролировать направление поиска.

Эмоциональное давление. В домашней обстановке нередко используются апелляции к сочувствию:

— «У меня больная мать, не пугайте её»

— «Здесь дети, не надо всё переворачивать»

Подобные высказывания могут быть искренними, но иногда используются как способ изменить темп или характер поисковых действий.

Одним из преимуществ квартирного обыска является возможность наблюдать за реакциями человека в знакомой для него среде.

Опыт следственной практики показывает несколько **типичных поведенческих признаков, которые могут указывать на осведомлённость о месте сокрытия:**

— повышенное внимание к определённому участку помещения;

— стремление приблизиться к месту поиска;

— попытки вмешаться в действия следователя именно в определённый момент;

— внезапное изменение поведения при обследовании конкретного предмета.

Например, нередко наблюдается ситуация, когда обыскиваемый долго ведёт себя спокойно, но резко активизируется в момент, когда следователь подходит к определённому шкафу или ящику.

Такие реакции могут служить важным ориентиром для дальнейших поисковых действий.

Учитывая особенности квартирного обыска, следователь должен решать несколько **важных психологических задач**.

Во-первых, необходимо *с самого начала установить деловой и спокойный тон общения*. Чёткое разъяснение процессуального порядка проведения обыска часто позволяет снизить уровень напряжения.

Во-вторых, важно *сохранять инициативу в управлении ситуацией*. Следователь должен контролировать ход поисковых действий и не позволять обыскиваемым направлять его в нужную им сторону.

В-третьих, особое значение имеет *наблюдение за поведением участников обыска*. Нередко именно поведенческие реакции помогают уточнить направление поиска и выявить возможные места сокрытия.

Наконец, следователь должен учитывать, что квартирный обыск почти всегда сопровождается сильными эмоциями. Поэтому грамотное сочетание процессуальной строгости, корректности и внимательного наблюдения за психологической ситуацией является важным условием его успешного проведения.

§ 3. Психологические особенности обыска в офисе, учреждении, коммерческой организации

Обыск в служебных помещениях существенно отличается от обыска в жилище. Если квартира является пространством личной жизни, то офис — это прежде всего *пространство профессиональных ролей, деловой иерархии и корпоративных отношений*.

Поэтому психологическая ситуация здесь строится по иным законам. Люди стремятся не столько защищать личное пространство, сколько сохранять деловой статус, репутацию и авторитет в глазах коллег. Именно это обстоятельство определяет характер поведения сотрудников и руководителей во время обыска.

Для следователя важно учитывать, что в офисе он сталкивается не только с отдельными людьми, но и с **корпоративной средой**, обладающей собственными нормами поведения, системой неформальных связей и механизмами взаимной поддержки.

Рабочее место для многих людей связано с их профессиональной ролью и социальным статусом. Руководитель воспринимает кабинет как символ управленческой власти, сотрудник — как пространство своей компетентности и профессиональной значимости.

Поэтому появление следственной группы в офисе часто воспринимается как удар по деловой репутации. Даже если обыск проводится в отношении конкретного лица, остальные сотрудники могут воспринимать происходящее как угрозу имиджу всей организации.

Это приводит к своеобразному психологическому эффекту: многие участники обыска стремятся вести себя максимально «деловым» образом. Они стараются сохранять внешнее спокойствие, говорить официальным тоном, демонстрировать уверенность и компетентность.

Однако за этой внешней сдержанностью нередко скрывается напряжение. В таких условиях информативными оказываются не столько эмоциональные всплески, сколько **поведенческие детали**: паузы перед ответами, переглядывания сотрудников, попытки незаметно обмениваться информацией.

Для многих руководителей и сотрудников офисный обыск становится ситуацией, в которой возникает внутренний конфликт между желанием сохранить деловой авторитет и фактической ролью участника следственного действия.

Особенно ярко это проявляется у руководителей организаций. С одной стороны, они стремятся демонстрировать контроль над ситуацией, сохранять уверенность и спокойствие. С другой стороны, сам факт обыска подрывает их статус лидера в глазах подчинённых.

В результате руководитель может предпринимать различные попытки сохранить лицо:

- активно давать указания сотрудникам;
- демонстрировать юридическую осведомлённость;
- вступать в формальные дискуссии со следователем.

Иногда подобные действия выглядят как сотрудничество, но фактически они могут преследовать цель замедлить или усложнить ход обыска.

Практический опыт показывает, что наиболее эффективной тактикой в таких ситуациях является спокойное и корректное соблюдение процессуального порядка без вовлечения в дискуссии о правомерности действий.

В офисной среде поведение участников обыска во многом определяется их **положением в служебной иерархии**.

Руководители, как правило, стремятся контролировать ситуацию. Они могут брать на себя роль основного коммуникатора со следственной группой, отвечать на вопросы, давать распоряжения сотрудникам.

Сотрудники среднего уровня чаще занимают более осторожную позицию. Они могут проявлять сдержанность, избегать прямых ответов или ссылаться на указания руководства.

Наконец, рядовые сотрудники нередко оказываются в состоянии неопределённости. Они могут испытывать страх перед руководством и одновременно опасаться возможных последствий следственного действия.

Для следователя важно понимать, что информация в офисной среде распределена неравномерно. Иногда именно сотрудники среднего уровня обладают наиболее полной осведомлённостью о документах, финансовых операциях или внутренних процессах организации.

Поэтому наблюдение за реакциями разных категорий сотрудников может дать важные ориентиры для поисковых действий.

Одной из характерных особенностей офисного обыска является феномен **корпоративной солидарности**. Сотрудники организации нередко воспринимают действия следственной группы как внешнюю угрозу и стремятся поддерживать друг друга.

Это может проявляться в различных формах:

- согласованные ответы на вопросы;
- взаимные подсказки;
- попытки предупредить коллег о действиях следователей.

Иногда сотрудники стараются незаметно передавать друг другу информацию: жестами, взглядами или короткими фразами.

Подобное поведение не всегда носит сознательный характер. Во многих случаях оно является естественной реакцией группы на внешнее давление.

Для следователя важно учитывать эту особенность и по возможности ограничивать возможность коммуникации между сотрудниками, особенно в моменты, когда проводятся поисковые действия в различных помещениях.

В отличие от квартирного обыска, где противодействие часто носит эмоциональный характер, в офисной среде гораздо чаще встречаются **скрытые формы сопротивления**.

Одной из таких форм является так называемый «тихий саботаж». Он может проявляться в следующих действиях:

- затягивание поиска нужных документов;
- утверждения о том, что документы «где-то в архиве»;
- ссылки на технические сложности доступа к информации;
- медленная работа с электронными системами.

Например, сотрудник может долго искать нужный файл в компьютере, объясняя задержку сложной системой хранения данных. Формально он не препятствует обыску, но фактически замедляет ход следственного действия.

В таких ситуациях важным становится чёткая организация поискового процесса, а также привлечение специалистов, способных оперативно работать с документами и цифровыми носителями.

В офисной среде большое значение имеет фактор присутствия коллег. Поведение человека может существенно меняться в зависимости от того, наблюдают ли за ним другие сотрудники.

Руководитель нередко старается демонстрировать уверенность и контроль перед подчинёнными. Это может приводить к демонстративным заявлениям или попыткам руководить происходящим.

Сотрудники, напротив, могут бояться проявлять инициативу или давать подробные объяснения в присутствии начальства.

Поэтому иногда целесообразно **временно ограничивать присутствие посторонних лиц в помещении**, где проводятся поисковые действия или беседа с сотрудниками.

Такая мера позволяет снизить давление служебной иерархии и облегчает получение информации.

Коммуникативная стратегия следователя в офисной среде должна учитывать особенности делового общения. Излишне жёсткий или демонстративно обвинительный тон может спровоцировать корпоративную сплочённость против следственной группы.

Поэтому эффективной является спокойная, деловая и процедурно точная манера общения.

Следователь должен:

- чётко обозначить процессуальный порядок проведения обыска;
- сохранять нейтральный деловой тон общения;
- не вовлекаться в корпоративные конфликты.

Одновременно важно внимательно наблюдать за поведением сотрудников. Нередко именно косвенные реакции — переглядывания, внезапные паузы в работе, попытки обменяться информацией — позволяют выявить скрытые процессы внутри организации.

Таким образом, обыск в офисе представляет собой не только обследование служебных помещений, но и сложную психологическую ситуацию, в которой следователь сталкивается с коллективной динамикой поведения, корпоративной солидарностью и стремлением участников сохранить деловой статус.

Учет этих факторов позволяет более эффективно организовать поисковые действия и избежать многих скрытых форм противодействия.

§ 4. Психологические особенности обыска на местности

Обыск на местности по своим психологическим характеристикам заметно отличается от обыска в помещениях. Если в квартире или офисе пространство структурировано: имеются комнаты, шкафы, столы, архивы и иные логически организованные зоны хранения, то на открытой местности подобная структура отсутствует.

Следователь сталкивается с совершенно иной ситуацией — **большим, слабо организованным пространством**, где потенциальным местом сокрытия может оказаться практически любой участок территории. Это существенно влияет как на поведение подозреваемого, так и на организацию поисковых действий.

Кроме того, на местности значительно возрастает значение **наблюдения за поведением человека**, поскольку многие реакции подозреваемого оказываются привязанными к конкретным пространственным ориентирам: деревьям, строениям, дорожкам, участкам земли и т.п.

Главной особенностью обыска на местности является отсутствие заранее заданной структуры поиска. В помещении следователь последовательно обследует мебель, шкафы, ящики, технические устройства. На открытой территории подобная логика отсутствует.

В результате возникает риск хаотичного поиска, когда внимание следственной группы рассеивается между многочисленными участками местности.

Это обстоятельство имеет и психологические последствия. Подозреваемый, находящийся на местности, часто испытывает меньшее чувство давления, чем в помещении. Он видит, что территория обширна и что обнаружение тайника требует значительных усилий.

Поэтому нередко наблюдается ситуация, когда подозреваемый на открытой местности ведёт себя внешне спокойнее, чем при обыске в квартире или офисе.

Однако именно здесь начинают проявляться **пространственные психологические реакции**, связанные с привязкой памяти человека к конкретным ориентирам.

Сокрытие предметов на местности подчиняется несколько иным психологическим закономерностям, чем сокрытие в помещении.

Человек, прячущий предмет на открытой территории, почти всегда ориентируется на **пространственные ориентиры**, которые помогают ему впоследствии найти тайник. Такими ориентирами могут быть:

- отдельные деревья;
- камни;
- хозяйственные постройки;
- изгибы дороги;
- характерные элементы рельефа.

Нередко тайник располагается на определённом расстоянии от такого ориентира: «у третьего дерева», «за сараем», «у края канавы».

Поэтому при проведении обыска на местности полезно анализировать территорию именно с точки зрения возможных ориентиров, которые могли использоваться при сокрытии.

Практика показывает, что человек редко прячет предмет в абсолютно случайном месте. Обычно тайник связан с каким-то заметным элементом местности, позволяющим легко его запомнить.

Одной из характерных особенностей обыска на местности является зависимость поведения подозреваемого от расположения тайника относительно окружающих ориентиров.

Когда следственная группа перемещается по территории, подозреваемый невольно отслеживает её приближение к значимым для него точкам.

В этот момент могут проявляться различные реакции:

- изменение направления взгляда;
- повышенное внимание к определённому участку;
- попытки отвлечь внимание следователей.

Например, подозреваемый может неожиданно предложить осмотреть участок, находящийся в стороне от реального тайника. Иногда он начинает комментировать действия следственной группы именно тогда, когда она приближается к важному для него месту.

Подобные реакции особенно заметны, если следователь заранее не обозначает точное направление поиска и перемещается по территории свободно.

Наблюдение показывает, что при приближении поисковой группы к месту сокрытия у подозреваемого часто возникают характерные **поведенческие изменения**.

К наиболее распространённым относятся:

- усиление двигательной активности;
- попытки приблизиться к следователям;
- стремление вмешаться в поиск;
- наоборот, демонстративное отстранение.

Иногда человек начинает внимательно следить за каждым движением следователя или задавать вопросы о том, зачем обследуется именно данный участок.

В некоторых случаях наблюдается противоположная реакция — подозреваемый старается избегать смотреть в сторону тайника, отводит взгляд или начинает разговаривать с другими участниками обыска.

Подобные реакции редко бывают ярко выраженными, однако при внимательном наблюдении они могут служить ценным ориентиром для уточнения направления поиска.

На открытой территории значение наблюдения за невербальными реакциями подозреваемого особенно возрастает. В помещении многие движения ограничены пространством, тогда как на местности человек свободно перемещается и его поведение становится более выразительным.

Следователь может обращать внимание на следующие признаки:

- направление взгляда подозреваемого при перемещении поисковой группы;
- изменение дистанции между ним и определёнными участками местности;
- попытки приблизиться к месту поиска.

Например, если подозреваемый начинает активно следовать за следователем именно в определённой части территории, это может свидетельствовать о его повышенном интересе к данному участку.

Иногда полезно использовать тактический приём ложного направления поиска: следователь демонстративно направляется к различным участкам местности и наблюдает за реакциями подозреваемого.

Такая тактика нередко позволяет выявить зоны, вызывающие у него наибольшее напряжение.

Обыск на местности требует не только физической, но и психологической организации поисковой деятельности.

Большая территория может создавать у участников обыска ощущение бесконечности поиска и снижать концентрацию внимания. В таких условиях важно чётко структурировать процесс обследования.

Практика показывает, что эффективным является *разделение территории на отдельные участки*, которые обследуются последовательно. Это позволяет избежать хаотичности и поддерживать рабочий ритм поисковых действий.

Кроме того, важно учитывать психологическое состояние подозреваемого. Когда поисковая группа начинает систематически обследовать территорию, у него постепенно нарастает напряжение, поскольку становится очевидным, что вероятность обнаружения тайника увеличивается.

Нередко именно на этой стадии проявляются наиболее информативные поведенческие реакции.

Таким образом, обыск на местности представляет собой сложное сочетание поисковой работы и психологического наблюдения. Умение следователя использовать пространственные ориентиры, наблюдать за реакциями подозреваемого и грамотно организовывать поиск на большой территории существенно повышает вероятность обнаружения скрытых объектов.

§ 5. Психологические особенности кибер-обыска (цифрового обыска)

Цифровая среда радикально изменила характер сокрытия информации. Если традиционный обыск направлен на обнаружение материальных объектов — документов, предметов, тайников, — то кибер-обыск связан с поиском информации, которая может существовать в нематериальной форме: в памяти компьютеров, мобильных устройств, облачных хранилищах, сетевых сервисах.

Это создаёт особую психологическую ситуацию. С одной стороны, цифровые данные не имеют очевидной физической формы, что создаёт у их владельцев ощущение защищённости. С другой — изъятие электронных устройств часто вызывает у человека более сильную тревогу, чем изъятие обычных документов, поскольку в цифровой среде может храниться большой объём личной и деловой информации.

Поэтому при проведении кибер-обьиска следователь сталкивается не только с техническими задачами работы с электронными носителями, но и с особой психологией поведения владельцев цифровых данных.

В отличие от традиционных тайников, цифровая среда представляет собой особое пространство, где информация может быть скрыта без изменения внешнего вида устройств.

Компьютер, смартфон или внешний носитель могут внешне выглядеть совершенно обычными, однако внутри содержать значительные объёмы информации. Это создаёт принципиально новую ситуацию: **место сокрытия информации не совпадает с местом хранения устройства.**

Кроме того, цифровые данные могут быть распределены между различными устройствами и сервисами:

- жёсткими дисками;
- мобильными телефонами;
- флеш-накопителями;
- облачными хранилищами;
- сетевыми аккаунтами.

В результате физическое обнаружение устройства не всегда означает обнаружение самой информации.

Эта особенность влияет и на психологию поведения подозреваемых. Многие из них считают, что даже в случае изъятия техники доступ к данным будет затруднён или невозможен.

Современный человек часто воспринимает свои цифровые устройства как продолжение личного пространства. В смартфоне или компьютере могут храниться личная переписка, фотографии, рабочие документы, финансовая информация.

Поэтому изъятие цифровых устройств нередко вызывает у владельца более сильную эмоциональную реакцию, чем изъятие обычных предметов.

Практика показывает несколько типичных психологических реакций:

— попытки убедить следователя, что устройство «не имеет отношения к делу»;

- стремление объяснить содержание файлов или переписки;
- желание контролировать работу с устройством.

Иногда владелец техники стремится активно комментировать действия специалистов, объяснять структуру файлов или указывать, где именно «ничего нет».

Подобная активность может быть искренней, но иногда она используется для того, чтобы направить внимание следственной группы в сторону менее значимых данных.

Одной из характерных особенностей цифровой среды является так называемая **иллюзия невидимости информации**. Многие пользователи убеждены, что цифровые данные трудно обнаружить или восстановить.

Эта иллюзия формируется по нескольким причинам:

- информация не имеет физической формы;
- файлы можно удалять или перемещать;

— данные могут храниться в защищённых разделах или облачных сервисах.

Поэтому подозреваемые нередко полагают, что следствие не сможет обнаружить определённые файлы или переписку.

В результате их поведение может быть менее напряжённым, чем при традиционном обыске. Однако ситуация резко меняется, когда становится ясно, что специалисты начинают профессиональную работу с цифровыми носителями.

Момент изъятия электронных устройств часто становится психологически наиболее значимым этапом кибер-обыска.

Некоторые владельцы техники начинают активно возражать против изъятия, утверждая, что устройство необходимо для работы или содержит важную личную информацию.

Другие пытаются минимизировать значение конкретных устройств, заявляя, что они «старые», «не используются» или «пустые».

Иногда наблюдаются попытки незаметно выключить устройство, закрыть программы или удалить файлы. Поэтому важной задачей следственной группы является контроль над цифровой техникой **с самого начала следственного действия**.

Практика показывает, что особое внимание следует обращать на реакцию человека в момент, когда следователь берёт в руки определённое устройство. Нередко именно в этот момент проявляются наиболее заметные признаки внутреннего напряжения.

Во время кибер-обыска подозреваемые нередко используют различные формы психологического воздействия, направленные на изменение характера поисковых действий.

Наиболее распространёнными являются следующие приёмы.

Объяснения и оправдания. Подозреваемый начинает подробно рассказывать о назначении программ, файлов или устройств, пытаясь убедить следователя в их незначимости.

Информационное перегружение. Иногда человек начинает давать чрезмерно сложные технические объяснения, рассчитывая на то, что следователь не будет разбираться в деталях.

Отвлечение внимания. Подозреваемый может предлагать проверить другие устройства или папки, пытаясь отвлечь внимание от действительно важных данных.

Задача следователя в таких ситуациях — сохранять деловой характер общения и не позволять участникам обыска направлять ход проверки.

Кибер-обыск почти всегда проводится с участием специалистов в области информационных технологий. Это создаёт дополнительную психологическую динамику.

Подозреваемый может пытаться вступать в технические дискуссии со специалистом, демонстрировать собственную компетентность или, наоборот, утверждать, что специалист «не понимает, как работает система».

Иногда предпринимаются попытки убедить специалиста, что определённые действия могут привести к потере данных или повреждению техники.

В таких ситуациях важно, чтобы следователь сохранял организационную роль руководителя следственного действия и не позволял участникам обыска влиять на работу специалистов.

Несмотря на технический характер кибер-обыска, психологическое наблюдение остаётся важным источником информации.

Особое внимание следует обращать на реакции подозреваемого в моменты, когда:

- специалист открывает определённые папки;
- запускаются программы;
- начинается просмотр переписки или документов.

Иногда человек пытается незаметно наблюдать за экраном компьютера, чтобы понять, какие данные обнаружены. В других случаях он старается демонстративно отвлечься, чтобы не показывать своего интереса.

Подобные реакции могут указывать на участки цифровой среды, имеющие для него особое значение.

Таким образом, кибер-обыск представляет собой сочетание технического анализа цифровых носителей и психологического наблюдения за поведением их владельца. Умение следователя учитывать особенности цифровой среды и реакции участников следственного действия значительно повышает эффективность обнаружения скрытой информации.

§ 6. Психологические особенности личного обыска

Личный обыск занимает особое место среди следственных действий, поскольку непосредственно затрагивает телесную сферу человека. Если обыск помещения или техники связан с обследованием предметной среды, то личный обыск предполагает вмешательство в пространство, которое человек воспринимает как наиболее интимное и защищённое.

Поэтому личный обыск почти всегда сопровождается сильными эмоциональными реакциями и требует от следователя особенно внимательного отношения к психологической стороне происходящего. Ошибки в поведении следователя могут привести не только к конфликтам, но и к сопротивлению, которое осложняет проведение самого следственного действия.

С точки зрения психологии личный обыск относится к числу *наиболее стрессовых процедур*. Он затрагивает личную автономию человека, его телесные границы и чувство собственного достоинства.

Даже лица, не имеющие отношения к преступлению, могут испытывать при личном обыске сильное внутреннее напряжение. Это объясняется тем, что процедура предполагает проверку одежды, личных вещей и иногда частей тела, которые обычно скрыты от посторонних.

Для подозреваемого ситуация становится ещё более напряжённой, если существует риск обнаружения скрытых предметов. В таких условиях эмоциональное состояние человека может резко колебаться: от демонстративного спокойствия до агрессии или паники.

Поэтому личный обыск требует от следователя не только процессуальной точности, но и психологической выдержки.

Одной из ключевых психологических особенностей личного обыска является *фактор телесной границы*. В обычной социальной жизни прикосновение постороннего человека к телу воспринимается как нарушение личного пространства.

В условиях следственного действия это обстоятельство может вызывать у обыскиваемого чувство унижения, стыда или раздражения.

Особенно остро подобные реакции проявляются:

- при обыске в присутствии посторонних лиц;
- при проверке интимных частей одежды;
- при необходимости снять отдельные элементы одежды.

Поэтому в практике следственной деятельности большое значение имеет соблюдение элементарных психологических правил: минимизация числа присутствующих лиц, корректность формулировок и отсутствие демонстративных действий.

Такие меры позволяют снизить уровень напряжения и предотвратить конфликтные ситуации.

В ходе личного обыска могут наблюдаться различные эмоциональные реакции. Наиболее распространёнными являются несколько *типичных моделей поведения*.

Агрессивная реакция. Некоторые лица воспринимают процедуру как оскорбление и начинают выражать недовольство, спорить, повышать голос или пытаться препятствовать действиям следователя.

Реакция стыда. Другие, напротив, испытывают сильное смущение, стараются избегать зрительного контакта, становятся замкнутыми и малословными.

Демонстративное равнодушие. Иногда человек ведёт себя подчеркнуто спокойно, демонстрируя безразличие к происходящему. Подобное поведение может быть способом скрыть внутреннее напряжение.

Следователь должен учитывать, что эмоциональная реакция сама по себе не свидетельствует о виновности или невиновности лица. Однако она может влиять на динамику поведения обыскиваемого и создавать дополнительные сложности при проведении процедуры.

Есть целый ряд **поведенческих признаков сокрытия предметов**.

При наличии скрытых предметов на теле или в одежде поведение человека нередко становится более напряжённым и контролируемым.

К типичным признакам можно отнести:

- стремление держать руки в определённом положении;
- попытки прикрывать отдельные участки одежды;
- ограничение движений;
- повышенное внимание к действиям следователя.

Например, человек может постоянно поправлять карман, держать руку возле пояса или стараться повернуться таким образом, чтобы определённый участок тела оставался вне поля зрения.

Иногда наблюдается и противоположная реакция — чрезмерная демонстративность, когда обыскиваемый активно показывает пустые карманы или предлагает проверить определённые предметы одежды.

Подобные действия могут использоваться для того, чтобы отвлечь внимание от действительно значимых мест сокрытия.

Проведение личного обыска требует особой тактичности. Нередко именно психологическая атмосфера процедуры определяет, будет ли человек сотрудничать или оказывать сопротивление.

Практика показывает, что эффективными являются несколько приёмов.

Во-первых, **чёткое и спокойное объяснение процедуры**. Когда человеку заранее объясняют порядок действий, уровень напряжения обычно снижается.

Во-вторых, **отсутствие демонстративности**. Следователь не должен превращать процедуру в показательное действие.

В-третьих, **деловой и нейтральный тон общения**. Излишняя жёсткость или, наоборот, сарказм могут резко обострить ситуацию.

Наконец, важно поддерживать **чёткую последовательность действий**, не создавая ощущения произвольности или унижения.

В личном обыске профессиональная культура поведения следователя имеет особое значение. Корректность и уважительное отношение к обыскиваемому не только соответствуют требованиям закона и профессиональной этики, но и имеют практическое значение.

Когда человек чувствует, что процедура проводится корректно и без унижения достоинства, вероятность конфликтов и сопротивления существенно снижается.

Кроме того, спокойная и деловая атмосфера облегчает наблюдение за поведением обыскиваемого. В условиях эмоционального конфликта многие поведенческие признаки могут искажаться или маскироваться.

Личный обыск представляет собой не только техническую процедуру проверки одежды и личных вещей, но и сложную психологическую ситуацию, требующую от следователя профессиональной выдержки, корректности и внимательного наблюдения за поведением обыскиваемого.

Типичные ошибки следователя при различных видах обыска

Анализ следственной практики показывает, что эффективность обыска во многом зависит не только от правильной организации поисковых действий, но и от умения следователя учитывать психологические особенности конкретной ситуации. Игнорирование этих факторов нередко приводит к ошибкам, которые снижают результативность обыска или создают условия для противодействия со стороны обыскиваемых.

Наиболее характерные ошибки связаны с недооценкой эмоционального состояния участников обыска, неправильной организацией взаимодействия с ними и недостаточным использованием поведенческих реакций как источника ориентирующей информации.

Вид обыска	Типичная ошибка следователя	Возможные последствия	Рекомендуемое поведение
Обыск в квартире	Игнорирование эмоционального состояния обыскиваемого и членов	Эскалация конфликта, эмоциональное давление на следственную	Спокойное разъяснение процедуры, минимизация участия

	семьи; вступление в споры	группу, потеря контроля над ситуацией	посторонних лиц, деловой тон общения
Обыск в квартире	Позволение обыскиваемому активно направлять поиск («помогать»), предлагать осматривать объекты)	Отвлечение внимания от реальных мест сокрытия	Сохранение инициативы в поиске, контроль над направлением обследования
Обыск в офисе	Недооценка корпоративной солидарности сотрудников	Согласованное поведение работников, сокрытие информации	Ограничение коммуникации между сотрудниками, распределение участников по помещениям
Обыск в офисе	Вовлечение в дискуссии с руководителем организации	Замедление обыска, попытки давления через «деловой статус»	Поддержание делового и нейтрального тона, опора на процессуальные нормы
Обыск на местности	Хаотичная организация поисковых действий	Пропуск участков территории, снижение эффективности поиска	Разделение территории на сектора, последовательный поиск
Обыск на местности	Отсутствие наблюдения за поведением подозреваемого	Потеря ориентирующей информации о возможных местах сокрытия	Наблюдение за реакциями при приближении к различным участкам местности
Кибер-обыск	Полная передача инициативы специалисту и отсутствие наблюдения за владельцем техники	Упущение поведенческих реакций на обнаружение значимых данных	Одновременный контроль технической работы и наблюдение за реакциями владельца устройств
Кибер-обыск	Вовлечение в технические дискуссии с владельцем устройств	Отвлечение от сути поиска, информационное давление	Сохранение процессуальной роли руководителя следственного действия
Личный обыск	Демонстративность, грубость, некорректные действия	Конфликт, сопротивление, осложнение процедуры	Максимальная корректность, ограничение числа присутствующих
Личный обыск	Поспешность и отсутствие наблюдения за поведением обыскиваемого	Пропуск скрытых предметов	Последовательность действий и внимательное наблюдение за реакциями

§ 7. Сравнительный анализ психологических особенностей различных видов обыска

Рассмотренные разновидности обыска — квартирный, служебный, обыск на местности, кибер-обыск и личный обыск — существенно различаются по условиям проведения и характеру поисковых действий. Однако анализ

следственной практики показывает, что несмотря на различия среды, поведение обыскиваемых подчиняется ряду общих психологических закономерностей.

Понимание этих закономерностей позволяет следователю более точно интерпретировать поведенческие реакции участников обыска и корректировать тактику поисковых действий в зависимости от конкретной ситуации.

Независимо от вида обыска поведение обыскиваемого в значительной степени определяется переживанием угрозы обнаружения скрытых объектов или информации. Это состояние обычно сопровождается повышенным внутренним напряжением и стремлением контролировать действия следственной группы.

В различных условиях это может проявляться по-разному, однако можно выделить несколько общих тенденций поведения.

Во-первых, обыскиваемые стремятся **наблюдать за направлением поисковых действий** и по возможности влиять на него. Это может выражаться в вопросах, комментариях, предложениях осмотреть определённые объекты.

Во-вторых, нередко наблюдаются **попытки отвлечения внимания**. Обыскиваемый может направлять следователя к второстепенным предметам, давать подробные объяснения или демонстрировать избыточную готовность к сотрудничеству.

В-третьих, при приближении следственной группы к месту сокрытия могут проявляться **непроизвольные поведенческие реакции**: изменение мимики, повышенное внимание к определённым действиям следователя, попытки вмешательства или, напротив, демонстративное дистанцирование.

Наконец, поведение обыскиваемых нередко определяется стремлением **сохранить социальный статус и психологическое равновесие** в присутствии других людей.

Несмотря на наличие общих закономерностей, психологическая ситуация обыска существенно изменяется в зависимости от среды его проведения.

В квартире обыск воспринимается как вторжение в личное пространство человека. Это вызывает эмоциональные реакции, связанные с защитой личной территории и семейной сферы.

В офисе психологическая ситуация определяется профессиональной иерархией и корпоративной средой. Здесь на первый план выходят вопросы деловой репутации, статуса руководителя и поведения сотрудников в присутствии коллег.

При обыске на местности важную роль играют пространственные ориентиры и особенности памяти человека, связанные с запоминанием места сокрытия.

Кибер-обыск формирует особую ситуацию, связанную с виртуальным характером информации и убеждённостью многих пользователей в трудности обнаружения цифровых данных.

Наконец, личный обыск затрагивает телесную сферу человека и связан с наиболее сильными эмоциональными переживаниями, связанными с нарушением интимных границ.

Таким образом, среда проведения обыска оказывает существенное влияние как на эмоциональное состояние обыскиваемого, так и на формы его поведения.

Эффективность обыска во многом зависит от способности следователя учитывать психологические особенности конкретной ситуации.

Тактика поведения следователя не может быть одинаковой для всех видов обыска. В одних случаях важным становится управление эмоциональной атмосферой (например, при обыске в квартире или при личном обыске), в других — контроль коллективной динамики поведения (в офисной среде), а в третьих — внимательное наблюдение за пространственными реакциями подозреваемого (при обыске на местности).

Кибер-обыск требует особого внимания к взаимодействию со специалистами и наблюдению за реакциями владельца цифровых устройств в процессе работы с техникой.

Поэтому профессиональная подготовка следователя должна включать не только знание процессуальных правил проведения обыска, но и понимание психологических механизмов поведения людей в различных ситуациях следственного действия.

Сравнительная таблица психологических особенностей различных видов обыска

Тип обыска	Психологическая ситуация	Ключевые признаки поведения
Обыск в квартире	Вторжение в личное пространство, присутствие членов семьи, высокая эмоциональность	тревога, раздражение, попытки отвлечения внимания, активное наблюдение за действиями следователя
Обыск в офисе	Деловая среда, влияние служебной иерархии и корпоративной солидарности	демонстрация делового спокойствия, согласованность поведения сотрудников, скрытые формы противодействия
Обыск на местности	Большое открытое пространство, отсутствие структурированной среды	реакции на приближение к пространственным ориентирам, изменение поведения при подходе к месту сокрытия
Кибер-обыск	Виртуальная среда хранения информации, участие специалистов	попытки объяснить значение файлов, стремление контролировать работу с устройствами, реакции на открытие конкретных данных
Личный обыск	Нарушение телесной и интимной границы человека	агрессия, смущение, демонстративное равнодушие, попытки контролировать определённые участки одежды

Такое сопоставление различных видов обыска позволяет наглядно увидеть, что эффективность поисковых действий во многом зависит от способности следователя учитывать психологическую специфику каждой конкретной ситуации.

ЗОЛОТЫЕ ПРАВИЛА ОБЫСКА

Инициатива у следователя

Наблюдай за людьми

Не спорь — действуй

Поиск системно

Контроль коммуникации

Корректность и спокойствие

НАБЛЮДАЙ — УПРАВЛЯЙ — ДЕЙСТВУЙ

Выводы по главе:

1. Психологическая ситуация обыска во многом определяется средой его проведения. Место обыска влияет на эмоциональное состояние обыскиваемых, характер их поведения и формы возможного противодействия.
2. Независимо от вида обыска поведение обыскиваемых подчиняется ряду общих закономерностей: стремлению контролировать действия следственной группы, попыткам отвлечения внимания, а также появлению произвольных реакций при приближении к месту сокрытия.
3. Обыск в жилище характеризуется высокой эмоциональной напряжённостью, связанной с вторжением в личное пространство и присутствием членов семьи.
4. Обыск в офисе протекает в условиях корпоративной среды и служебной иерархии, что может порождать коллективные формы противодействия и стремление участников сохранить деловой статус.
5. При обыске на местности большое значение имеют пространственные ориентиры и поведенческие реакции подозреваемого при приближении поисковой группы к месту сокрытия.
6. Кибер-обыск отличается особой психологией взаимодействия с владельцами цифровых устройств, которые часто испытывают иллюзию защищённости цифровой информации.
7. Личный обыск является наиболее психологически напряжённой формой следственного действия, поскольку затрагивает телесную и интимную сферу человека.
8. Эффективность обыска во многом зависит от способности следователя учитывать психологические особенности конкретной ситуации и адаптировать тактику своих действий.

Контрольные вопросы:

1. Какие психологические факторы определяют специфику различных видов обыска?
2. В чём проявляется эффект «вторжения» при проведении обыска в жилом помещении?
3. Какие формы противодействия чаще всего встречаются при квартирном обыске?
4. Чем отличается психологическая ситуация обыска в офисе от обыска в жилище?
5. В чём проявляется феномен корпоративной солидарности при обыске в организации?
6. Какие особенности поведения подозреваемого могут наблюдаться при обыске на местности?
7. Почему пространственные ориентиры имеют важное значение при сокрытии предметов на открытой территории?
8. В чём заключаются психологические особенности кибер-обыска?
9. Какие реакции могут возникать у владельцев цифровых устройств при их изъятии?
10. Почему личный обыск считается наиболее психологически напряжённой формой следственного действия?
11. Какие поведенческие признаки могут свидетельствовать о сокрытии предметов на теле или в одежде?
12. Почему корректное и уважительное поведение следователя имеет особое значение при проведении личного обыска?

Практические задания:

Задание 1

Во время обыска в квартире следователь замечает, что хозяин жилья ведёт себя относительно спокойно. Однако когда следователь начинает осматривать шкаф в одной из комнат, обыскиваемый неожиданно начинает активно комментировать действия следственной группы и предлагает осмотреть другие помещения.

Вопрос:

Как можно интерпретировать такое поведение? Какие тактические действия может предпринять следователь?

Задание 2

При проведении обыска в офисе руководитель организации постоянно вмешивается в действия следственной группы: даёт указания сотрудникам, требует разъяснений и пытается обсуждать правомерность действий следователя в присутствии подчинённых.

Вопрос:

Какие психологические мотивы могут лежать в основе такого поведения? Как должен действовать следователь в подобной ситуации?

Задание 3

Во время обыска на территории частного участка подозреваемый сначала ведёт себя спокойно. Однако когда поисковая группа начинает обследовать участок возле хозяйственной постройки, он начинает внимательно следить за действиями следователей и пытается приблизиться к месту поиска.

Вопрос:

Как можно оценить такую реакцию? Какие действия целесообразно предпринять следственной группе?

Задание 4

При проведении кибер-обыска владелец компьютера начинает активно объяснять структуру файлов и утверждает, что интересующие следствие документы «давно удалены» и «всё равно восстановить ничего нельзя».

Вопрос:

Как можно оценить подобное поведение? Как должен реагировать следователь?

ГЛАВА 12. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ОБЫСКА

Завершение обыска является важной и нередко недооцениваемой стадией данного следственного действия. В практической деятельности основное внимание обычно сосредоточено на подготовке и непосредственном проведении поиска, тогда как завершающий этап воспринимается преимущественно как формальное подведение итогов и оформление процессуальных документов. Между тем именно на этой стадии окончательно фиксируются результаты обыска, определяется доказательственное значение обнаруженных предметов и формируется тот процессуальный материал, который в дальнейшем будет использоваться в расследовании и судебном разбирательстве.

Кроме того, завершающий этап обыска имеет и важное психологическое значение. После напряжённого и часто конфликтного следственного действия изменяется эмоциональное состояние его участников, снижается уровень внутреннего контроля, проявляются различные поведенческие реакции на обнаруженные предметы и сам факт проведённого обыска. Наблюдение за такими реакциями, а также грамотная организация подведения итогов обыска позволяют следователю получить дополнительную информацию и более полно оценить результаты проведённого следственного действия. Поэтому завершающая стадия обыска требует не меньшего внимания, чем этап подготовки и проведения поиска.

§ 1. Значение завершающего этапа обыска

Завершающий этап обыска традиционно воспринимается как чисто техническая стадия следственного действия, связанная главным образом с оформлением процессуальных документов и фиксацией обнаруженных предметов. Однако подобное представление является упрощённым. В действительности завершение обыска представляет собой **самостоятельную и весьма значимую стадию следственного действия**, имеющую собственные процессуальные, тактические и психологические задачи.

На этой стадии происходит не только формальное подведение итогов проведённого поиска, но и окончательная фиксация результатов, которые могут иметь существенное значение для последующего расследования. Следователь описывает обнаруженные и изъятые предметы, документы и ценности, уточняет обстоятельства их обнаружения, фиксирует место нахождения тайников и иные существенные детали. Именно на завершающем этапе формируется тот процессуальный документ — протокол обыска, — который в дальнейшем будет служить основным источником доказательственной информации о результатах проведённого следственного действия.

Вместе с тем значение данной стадии не ограничивается лишь процессуальным оформлением. Завершение обыска выполняет также важные **тактические функции**. На этом этапе следователь получает возможность ещё раз оценить результаты проведённого поиска, сопоставить обнаруженные предметы с имеющимися по делу данными, определить их возможное доказательственное значение и наметить дальнейшие направления расследования. Нередко именно

анализ результатов обыска позволяет уточнить версии, выявить новые обстоятельства дела и определить необходимость проведения последующих следственных действий.

Не менее важен и **психологический аспект завершающего этапа обыска**. После длительного и напряжённого следственного действия эмоциональное состояние участников существенно меняется. У обыскиваемого часто возникает своеобразное состояние психологической разрядки: напряжение, связанное с ожиданием обнаружения скрытых предметов, частично снижается, контроль над собственным поведением ослабевает. В этот момент человек может проявлять реакции, позволяющие следователю получить дополнительную информацию — например, непровольные эмоциональные проявления при предъявлении обнаруженных предметов, попытки дать объяснения или, наоборот, демонстративное безразличие. Наблюдение за подобными реакциями может иметь определённое диагностическое значение.

Таким образом, завершающий этап обыска представляет собой **комплексную стадию следственного действия**, в которой переплетаются процессуальные, тактические и психологические задачи. Игнорирование хотя бы одного из этих аспектов способно снизить эффективность проведённого обыска и привести к утрате важной информации.

Практика показывает, что на завершающем этапе обыска нередко допускаются характерные ошибки. К числу наиболее распространённых относится формальное отношение к составлению протокола обыска, когда описание обнаруженных предметов и обстоятельств их обнаружения даётся недостаточно подробно или неточно. В результате впоследствии могут возникать сложности при оценке доказательственного значения изъятых объектов.

Другой типичной ошибкой является преждевременное снижение внимания со стороны следователя и членов следственной группы. После завершения интенсивного поиска у участников возникает естественная усталость, что может приводить к поспешности при фиксации результатов, недостаточному контролю за действиями участников обыска и упущению важных деталей.

Наконец, нередко недооценивается психологический потенциал завершающего этапа обыска. Следователь ограничивается формальным объявлением о завершении следственного действия и не использует возможность наблюдения за реакциями обыскиваемого на обнаруженные предметы, а также не предпринимает попыток получить дополнительную информацию в ходе завершающего общения.

Между тем внимательное и профессионально организованное подведение итогов обыска позволяет не только обеспечить надлежащее процессуальное оформление результатов, но и получить дополнительные сведения, способствующие успешному расследованию преступления.

§ 2. Психологическое состояние участников после завершения обыска

Психологическое состояние участников обыска после его завершения имеет существенное значение для понимания дальнейшего поведения людей,

участвовавших в данном следственном действии. На протяжении всего обыска обыскиваемый, как правило, находится в состоянии выраженного эмоционального напряжения. Это напряжение обусловлено несколькими факторами: ожиданием обнаружения скрытых предметов, страхом возможных правовых последствий, ощущением вторжения в личное пространство, а также общей стрессовой ситуацией, связанной с присутствием посторонних людей в жилище или рабочем помещении.

Для обыскиваемого обыск представляет собой своеобразную психологическую «зону неопределённости». Он не знает, насколько тщательно будет проведён поиск, какие именно места будут проверены, обнаружат ли следователи спрятанные предметы или документы. В результате в течение всего обыска человек старается контролировать своё поведение: следит за мимикой, жестами, словами, старается не проявлять излишних эмоций и не демонстрировать интерес к тем или иным действиям следственной группы. Такой постоянный самоконтроль требует значительных психических усилий и сам по себе является источником внутреннего напряжения.

Когда же обыск завершается, происходит заметное изменение психологического состояния. Человек получает сигнал о том, что наиболее напряжённая часть ситуации закончилась. Именно в этот момент часто возникает так называемый **эффект психологической разрядки**. Накопившееся напряжение начинает снижаться, а вместе с этим ослабевает и внутренний контроль за собственным поведением.

Подобное явление хорошо известно в психологии стрессовых ситуаций. Пока человек находится в состоянии ожидания опасности, он стремится максимально контролировать своё поведение. Однако после того как напряжённая ситуация завершается, происходит своеобразный «сброс напряжения». В результате поведение становится более свободным, а эмоциональные реакции — менее контролируемыми.

На практике это проявляется в самых разных формах. Одной из наиболее распространённых реакций является **раздражение или агрессивность**. Обыскиваемый может высказывать претензии по поводу действий следователей, спорить с ними, выражать недовольство проведённым обыском. Подобная реакция нередко представляет собой своеобразную психологическую компенсацию пережитого стресса.

Другой типичной реакцией является **ощущение облегчения**. Оно особенно характерно для ситуаций, когда искомые предметы не были обнаружены. Человек начинает чувствовать, что опасность миновала, и его поведение заметно меняется: он становится более разговорчивым, может шутить, комментировать происходящее или высказывать различные замечания по поводу проведённого обыска.

Иногда наблюдается и **демонстративное безразличие**. Обыскиваемый старается показать, что происходящее не имеет для него никакого значения. Однако подобная внешняя невозмутимость далеко не всегда отражает реальное внутреннее состояние. Чаще всего она представляет собой защитную психологическую реакцию, направленную на сохранение чувства собственного

достоинства в ситуации, когда человек ощущает себя униженным или поставленным в уязвимое положение.

Особый интерес для следственной практики представляет тот факт, что именно на завершающем этапе обыска нередко появляются высказывания, содержащие дополнительную информацию по делу. Ослабление самоконтроля приводит к тому, что человек начинает говорить больше, чем это было бы в условиях сохраняющегося напряжения.

Например, известны случаи, когда после завершения обыска обыскиваемый, наблюдая за упаковкой изъятых предметов, неожиданно произносит фразы вроде: «Вы зря всё это забрали, там нет ничего важного, настоящие документы были в другом месте».

Подобная реплика может показаться случайной, однако для следователя она является важным сигналом. Она свидетельствует о том, что у человека существует представление о наличии других документов и других мест их хранения.

В другом случае после окончания обыска и составления протокола обыскиваемый, желая продемонстрировать уверенность в своей правоте, сказал следователю: «Ну и что вы нашли? Если бы вы искали в гараже, тогда бы ещё что-то было».

Фактически подобная фраза является произвольным указанием на место возможного хранения предметов, представляющих интерес для следствия.

Иногда подобные оговорки возникают в процессе обсуждения результатов обыска. Так, человек может начать оправдываться или давать пояснения по поводу обнаруженных предметов, хотя его об этом никто специально не спрашивал. Стремясь объяснить происхождение найденных вещей, он может сообщить дополнительные сведения: указать на лиц, передавших ему определённые предметы, назвать обстоятельства их получения или раскрыть детали, ранее неизвестные следствию.

Интересны и случаи, когда обыскиваемый начинает активно комментировать действия следователей уже после объявления об окончании обыска. Например, он может говорить: «Если бы вы начали искать с кухни, вы бы вообще ничего не нашли».

Подобное высказывание может свидетельствовать о том, что именно кухня рассматривалась им как одно из возможных мест сокрытия предметов.

Следует подчеркнуть, что подобные высказывания возникают не всегда и не у всех людей. Однако сам факт их возможного появления делает завершающий этап обыска важным источником дополнительной информации. Именно поэтому следователь должен сохранять внимательность и наблюдательность до самого окончания следственного действия.

Практика показывает, что наиболее благоприятной для получения подобной информации является спокойная и корректная завершающая беседа. Если следователь избегает демонстрации торжества или давления, а, напротив, ведёт себя спокойно и делово, обыскиваемый нередко начинает говорить более откровенно. В условиях психологической разрядки человек может стремиться оправдаться, объяснить происходящее или просто высказать своё отношение к проведённому обыску.

Таким образом, завершающий этап обыска обладает определённым **психологическим и познавательным потенциалом**. Наблюдение за поведением обыскиваемого, анализ его реакций на обнаруженные предметы и внимательное отношение к произносимым им репликам позволяют следователю получить дополнительные сведения, которые могут оказаться полезными для дальнейшего расследования.

§ 3. Психологические особенности фиксации результатов обыска

Фиксация результатов обыска представляет собой не только процессуальную процедуру оформления итогов следственного действия, но и сложную психологическую ситуацию, в которой продолжается взаимодействие следователя с обыскиваемым и другими участниками обыска. Именно на этом этапе происходит окончательное документирование обнаруженных предметов, документов и ценностей, а также закрепление обстоятельств их обнаружения. От того, насколько тщательно и корректно будет осуществлена эта фиксация, во многом зависит доказательственное значение результатов обыска.

С психологической точки зрения составление протокола обыска происходит в особой обстановке. К моменту начала фиксации результатов участники следственного действия уже находятся в состоянии усталости после длительного и напряжённого поиска. Следователь и члены следственной группы испытывают физическое и психическое утомление, тогда как обыскиваемый и присутствующие лица нередко находятся в состоянии эмоционального возбуждения или раздражения. Такое сочетание усталости и эмоционального напряжения создаёт предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций.

Особое значение имеет **психологическая сторона составления протокола обыска**. Для следователя протокол является прежде всего процессуальным документом, предназначенным для точной фиксации результатов следственного действия. Однако для обыскиваемого описание изъятых предметов нередко приобретает совершенно иной смысл. Он воспринимает каждую запись в протоколе как юридическое закрепление обстоятельств, которые могут иметь для него неблагоприятные последствия. Именно поэтому процесс описания и фиксации обнаруженных предметов часто сопровождается эмоциональными реакциями и попытками повлиять на содержание протокола.

Нередко обыскиваемый начинает активно комментировать формулировки, используемые следователем при описании обнаруженных предметов. Он может возражать против отдельных выражений, настаивать на внесении собственных пояснений или пытаться изменить смысл записываемой информации. Например, при фиксации обнаруженных денежных средств человек может утверждать, что они не принадлежат ему, а были переданы на временное хранение. При описании документов он может настаивать на том, что они не имеют отношения к расследуемому делу.

Подобные реакции объясняются тем, что в сознании обыскиваемого происходит своеобразная переоценка ситуации. Если в ходе обыска он был сосредоточен главным образом на том, чтобы скрыть определённые предметы или предотвратить их обнаружение, то после их обнаружения его внимание

переключается на возможные юридические последствия. Поэтому он стремится повлиять хотя бы на формулировки, которые будут зафиксированы в процессуальном документе.

В ряде случаев реакции обыскиваемого на фиксацию изъятых предметов могут приобретать более эмоциональный характер. Так, при описании обнаруженных ценностей или денежных средств человек может выражать возмущение, утверждать, что следователь неправильно указал их количество или стоимость. Иногда возникают попытки представить обнаруженные предметы как не имеющие отношения к делу: «Это старые документы», «Эти деньги принадлежат родственнику», «Этот ноутбук вообще не мой».

Особенно острые конфликты могут возникать при **изъятии имущества**, которое обыскиваемый считает личной собственностью и не связывает с предметом расследования. В подобных ситуациях он может воспринимать действия следственной группы как несправедливое лишение его имущества. Это приводит к эмоциональным протестам, попыткам воспрепятствовать изъятию или настойчивым требованиям вернуть определённые предметы.

Иногда конфликт возникает и по поводу самого описания предметов. Например, обыскиваемый может требовать, чтобы в протоколе была указана более точная характеристика вещи, либо, наоборот, настаивать на исключении определённых формулировок. Так, при описании записных книжек или электронных носителей он может утверждать, что в них содержатся исключительно личные записи, не имеющие отношения к делу.

Подобные ситуации требуют от следователя спокойного и профессионального поведения. Основная задача следователя состоит в том, чтобы обеспечить точную и объективную фиксацию результатов обыска, не вступая при этом в эмоциональные споры. Важно помнить, что протокол обыска является официальным процессуальным документом, содержание которого определяется не мнением участников, а фактическими обстоятельствами следственного действия.

В случае несогласия обыскиваемого с содержанием протокола следователь должен действовать в рамках установленного процессуального порядка. Участникам обыска предоставляется право делать замечания по поводу содержания протокола, и эти замечания подлежат занесению в документ. Разъяснение этого права часто способствует снижению напряжённости, поскольку человек понимает, что его позиция будет зафиксирована.

С психологической точки зрения важным является корректный стиль общения следователя в подобной ситуации. Резкие или категоричные высказывания могут усилить конфликт и вызвать дальнейшее сопротивление со стороны обыскиваемого. Напротив, спокойное объяснение процессуального порядка, готовность выслушать замечания и зафиксировать их в протоколе способствует более конструктивному завершению следственного действия.

Практика показывает, что многие конфликты на данном этапе возникают не столько из-за существа происходящего, сколько из-за эмоционального состояния участников. Поэтому выдержанное и уважительное поведение следователя играет важную роль в предотвращении эскалации напряжения.

От того, насколько профессионально будет организован этот этап, зависит не только точность процессуальной фиксации результатов, но и общая атмосфера завершения следственного действия.

§ 4. Психология предъявления и изъятия обнаруженных предметов

Обнаружение предметов, имеющих значение для расследуемого дела, представляет собой один из наиболее психологически напряжённых моментов обыска. Однако не менее важной является и последующая процедура их предъявления и изъятия. Именно в этот момент происходит своеобразное психологическое «столкновение» между результатами следственного действия и внутренними ожиданиями обыскиваемого. Для следователя обнаруженный предмет является доказательством или потенциальным источником доказательственной информации, тогда как для обыскиваемого он может означать разоблачение, утрату определённых возможностей защиты или даже серьёзные правовые последствия.

Важную роль в этой ситуации играет **психологический эффект демонстрации обнаруженных предметов**. Сам факт того, что следователь предъявляет найденный предмет и фиксирует обстоятельства его обнаружения, может вызывать у обыскиваемого сильные эмоциональные реакции. Человек нередко воспринимает этот момент как окончательное подтверждение того, что скрываемая информация стала известна следствию. В результате могут проявляться произвольные реакции — изменение выражения лица, резкое изменение позы, повышенная нервозность, стремление немедленно дать объяснения.

Иногда подобная реакция проявляется уже в тот момент, когда следователь извлекает предмет из тайника или скрытого места. Даже если человек старается сохранять внешнее спокойствие, кратковременные изменения в его поведении могут указывать на значимость обнаруженного объекта. Например, он может произвольно повернуть голову в сторону найденного предмета, изменить выражение лица, сделать резкое движение или, наоборот, демонстративно отвернуться.

Особенно выразительные реакции часто возникают при **обнаружении тайников или специально оборудованных мест сокрытия**. Тайник, как правило, создаётся заранее и предполагает определённый уровень подготовки. Поэтому его обнаружение нередко вызывает у обыскиваемого сильное эмоциональное напряжение. Человек может неожиданно проявить беспокойство, начать активно наблюдать за действиями следователя или, наоборот, стараться демонстративно игнорировать происходящее.

Иногда реакция принимает форму спонтанных высказываний. Например, обыскиваемый может произнести фразу: «Я не знал, что это здесь лежит», «Это не моё», «Это подбросили». Подобные реплики возникают как попытка немедленно дистанцироваться от обнаруженного предмета и снизить его возможное значение. Однако сами по себе такие высказывания могут иметь диагностическое значение, поскольку они свидетельствуют о том, что человек воспринимает обнаруженный объект как потенциально опасный для себя.

Наблюдение за поведением обыскиваемого в момент обнаружения предметов представляет для следователя важный источник дополнительной информации. Психологическая реакция человека может позволить косвенно оценить значение найденного объекта, степень его осведомлённости о наличии данного предмета, а также возможную связь с другими обстоятельствами дела.

Иногда реакция человека позволяет обратить внимание на те предметы, которые на первый взгляд не кажутся особо значимыми. Например, следователь может обнаружить среди множества вещей обычную записную книжку или электронный носитель информации. Если при этом обыскиваемый проявляет повышенное внимание к данному предмету — пытается следить за его осмотром, задаёт вопросы или нервничает, — это может свидетельствовать о том, что именно этот объект содержит важную для следствия информацию.

Практика показывает, что внимательное наблюдение за подобными реакциями иногда помогает выявить дополнительные направления поиска. Бывают случаи, когда после обнаружения одного тайника обыскиваемый начинает проявлять беспокойство при проверке определённой части помещения. Это может указывать на наличие других мест сокрытия.

Реакции обыскиваемого на обнаружение предметов могут быть использованы и для планирования дальнейших следственных действий. Например, если человек проявляет повышенное внимание к определённому документу или предмету, это может свидетельствовать о его особой значимости. В дальнейшем данный объект может стать предметом более детального исследования, экспертизы или дополнительного допроса.

Кроме того, наблюдение за поведением обыскиваемого может помочь следователю выстроить тактику последующих процессуальных действий. Если обнаружение определённого предмета вызывает у человека заметное беспокойство, это может стать отправной точкой для последующего допроса. В ходе допроса следователь может вернуться к обстоятельствам обнаружения данного предмета и использовать зафиксированные ранее реакции как элемент психологического анализа поведения допрашиваемого.

Процедура предъявления и изъятия обнаруженных предметов имеет не только процессуальное, но и важное психологическое значение. Она позволяет следователю наблюдать непосредственные реакции обыскиваемого на результаты обыска и использовать полученную информацию для более глубокого понимания обстоятельств дела. Внимательное отношение к этим реакциям повышает познавательные возможности обыска и способствует более эффективному планированию дальнейших следственных действий.

§ 5. Коммуникативная тактика следователя при завершении обыска

Завершение обыска является не только процессуальной процедурой подведения итогов следственного действия, но и важным этапом коммуникации между следователем и участниками обыска. В этот момент взаимодействие сторон приобретает особый характер. С одной стороны, напряжённая ситуация, связанная с проведением поиска, уже завершается; с другой — именно на этом этапе фиксируются результаты обыска, изымаются обнаруженные предметы и

составляется протокол. Поэтому коммуникативная тактика следователя должна быть направлена на спокойное и корректное завершение следственного действия, предупреждение возможных конфликтов и сохранение рабочей атмосферы.

Одним из важнейших требований к поведению следователя на данном этапе является **поддержание корректного и профессионального стиля общения**. Независимо от результатов обыска следователь должен сохранять сдержанность, деловитость и уважительное отношение к участникам следственного действия. Даже в тех случаях, когда в ходе обыска обнаружены предметы, имеющие серьёзное доказательственное значение, недопустимы демонстративные проявления удовлетворения, иронии или давления на обыскиваемого. Подобное поведение может вызвать ответную агрессию, усилить конфликтность ситуации и осложнить дальнейшее взаимодействие.

Следует учитывать, что к моменту завершения обыска большинство участников испытывает выраженную усталость. Следственная группа в течение длительного времени находится в состоянии повышенного внимания, а обыскиваемый переживает стресс, связанный с вторжением в личное пространство и ожиданием возможных последствий. В этих условиях даже незначительные замечания или нетактичные высказывания могут привести к обострению ситуации. Поэтому спокойный и корректный стиль общения является важным средством **снижения конфликтности** после напряжённого следственного действия.

Особое значение имеет умение следователя управлять эмоциональным фоном общения. Нередко после завершения обыска обыскиваемый начинает выражать недовольство, задавать вопросы, высказывать претензии или давать эмоциональные оценки произошедшему. В подобных ситуациях следователь должен избегать втягивания в эмоциональные споры. Более эффективной является тактика спокойного разъяснения процессуального порядка и сосредоточения разговора на конкретных действиях, связанных с завершением обыска.

В то же время завершающий этап обыска может создавать благоприятные условия для **установления дальнейшего психологического контакта**. После окончания поиска и фиксации результатов эмоциональное напряжение у обыскиваемого часто снижается. В этой ситуации человек может проявлять большую готовность к общению, чем во время активной фазы обыска. Если следователь ведёт себя спокойно и корректно, это способствует формированию более конструктивной атмосферы взаимодействия.

Иногда именно в этот момент возникает возможность для краткой **завершающей беседы**. Она не должна носить характера допроса или процессуального давления, однако может представлять собой спокойный разговор, в ходе которого следователь уточняет отдельные обстоятельства, задаёт нейтральные вопросы или выслушивает пояснения обыскиваемого. В условиях снижения психологического напряжения человек может сообщить сведения, которые ранее не хотел или не решался озвучить.

Практика показывает, что подобные разговоры иногда приводят к неожиданным результатам. Например, после завершения обыска человек может начать объяснять происхождение обнаруженных предметов или документов,

рассказывать о том, каким образом они оказались у него. В процессе таких объяснений нередко появляются новые сведения: упоминаются другие лица, обстоятельства передачи предметов или иные детали, имеющие значение для расследования.

В ряде случаев завершающая беседа может даже привести к добровольной выдаче дополнительных предметов. Осознавая, что определённые факты уже стали известны следствию, обыскиваемый может решить, что дальнейшее сокрытие информации не имеет смысла, и сообщить о наличии других предметов или документов.

Однако использование возможностей завершающего общения требует от следователя осторожности и тактичности. Важно, чтобы разговор сохранял спокойный и деловой характер и не воспринимался обыскиваемым как попытка давления. Излишняя настойчивость или прямые обвинительные формулировки могут привести к обратному эффекту — человек замкнётся и

§ 6. Анализ результатов обыска и их психологическая интерпретация

Анализ результатов обыска представляет собой важный этап следственной деятельности, который выходит за рамки простого перечисления обнаруженных предметов. Полученные в ходе обыска данные требуют осмысления, сопоставления с уже имеющейся информацией по делу и психологической интерпретации. Только в результате такого анализа обнаруженные предметы и обстоятельства их нахождения приобретают полноценное доказательственное и познавательное значение.

Прежде всего следователь должен провести **оценку полученной информации**. Обнаруженные предметы могут иметь различную доказательственную ценность: одни из них непосредственно подтверждают определённые обстоятельства расследуемого события, другие лишь косвенно указывают на возможные связи и направления дальнейшего расследования. Поэтому важной задачей следователя является установление того, какие именно факты подтверждаются результатами обыска и какие новые вопросы возникают в связи с обнаруженными объектами.

На данном этапе особое значение имеет сопоставление результатов обыска с ранее полученными сведениями по делу. Например, обнаружение определённых документов может подтвердить ранее выдвинутую следственную версию, тогда как отсутствие ожидаемых предметов, наоборот, требует её корректировки. Таким образом, анализ результатов обыска способствует уточнению и развитию следственных версий.

Существенную роль играет и **сопоставление найденных предметов с поведением обыскиваемого в ходе обыска**. Наблюдения следователя за реакциями человека во время поиска могут приобретать особое значение после обнаружения определённых объектов. Например, если в ходе обыска обыскиваемый проявлял заметное беспокойство при проверке определённой части помещения, а впоследствии именно там был обнаружен тайник, это подтверждает связь его поведения с наличием скрытых предметов.

Иногда анализ поведения обыскиваемого позволяет иначе взглянуть и на уже найденные предметы. Так, если среди множества вещей обнаружен предмет, который на первый взгляд кажется малозначительным, но при его осмотре человек проявлял явное беспокойство, это может свидетельствовать о его особой значимости. В подобных случаях следователь должен уделить данному объекту дополнительное внимание.

Важное место в анализе результатов обыска занимает **психологическое исследование обнаруженных тайников и способов сокрытия предметов**. Тайник является не просто техническим устройством или скрытым местом хранения вещей. Он представляет собой результат определённого мыслительного процесса, отражающего представления человека о возможностях поиска и уровне внимательности следователей.

Способ сокрытия предметов может многое сказать о личности обыскиваемого, его опыте и уровне подготовки. Например, примитивные способы сокрытия — такие как размещение предметов в очевидных местах или среди обычных вещей — часто свидетельствуют о том, что человек рассчитывал на поверхностный характер поиска. Напротив, сложные тайники, требующие специальных действий для их обнаружения, могут указывать на заранее продуманную стратегию сокрытия.

Иногда особенности тайника позволяют судить и о психологических установках человека. Так, размещение тайника в непосредственной близости от места постоянного пребывания может говорить о стремлении контролировать скрываемые предметы. В других случаях тайник располагается в удалённой части помещения или в редко используемых предметах обстановки, что свидетельствует о желании максимально снизить вероятность случайного обнаружения.

Анализ способов сокрытия может иметь значение и для понимания круга лиц, причастных к созданию тайника. Например, сложные технические конструкции могут свидетельствовать о наличии специальных навыков или помощи со стороны других лиц.

Результаты обыска должны использоваться не только для оценки уже установленных обстоятельств, но и для **планирования дальнейших следственных действий**. Обнаруженные предметы могут стать основанием для проведения экспертиз, дополнительных допросов, очных ставок или новых следственных действий.

Например, найденные документы могут потребовать назначения почерковедческой или технической экспертизы. Электронные носители информации могут быть направлены на компьютерно-техническое исследование. Обнаруженные записи могут стать основанием для установления новых лиц, причастных к расследуемому событию.

Иногда результаты обыска позволяют определить необходимость проведения новых обысков в других местах. Если обнаруженные предметы указывают на существование дополнительных источников информации или других мест хранения документов и ценностей, следователь может принять решение о проведении аналогичных следственных действий в отношении других объектов.

Анализ результатов обыска представляет собой сложный познавательный процесс, включающий оценку обнаруженных предметов, сопоставление их с поведением участников обыска и психологическую интерпретацию способов сокрытия. Такой анализ позволяет не только более полно понять обстоятельства расследуемого события, но и определить наиболее эффективные направления дальнейшего расследования.

§ 7. **Тактические выводы следователя после обыска**

Проведение обыска является сложным следственным действием, требующим не только тщательной подготовки и грамотной организации поиска, но и последующего анализа полученных результатов. Завершение обыска не означает завершения познавательной работы следователя. Напротив, именно после окончания следственного действия возникает необходимость осмысления того, каким образом был проведён обыск, какие результаты удалось получить и какие тактические выводы могут быть сделаны для дальнейшей следственной практики.

Анализ проведённого обыска имеет важное значение как для расследования конкретного уголовного дела, так и для профессионального опыта самого следователя. В ходе такого анализа оцениваются не только обнаруженные предметы и их доказательственное значение, но и особенности самого процесса поиска: насколько правильно была выбрана тактика обыска, какие методы оказались наиболее эффективными, какие обстоятельства способствовали успешному обнаружению скрытых предметов.

Особое внимание должно уделяться **оценке эффективности применённых тактических и психологических приёмов**. В ходе обыска следователь использует различные способы организации поиска, распределяет внимание между различными участками помещения, взаимодействует с обыскиваемым и другими присутствующими лицами. После завершения следственного действия важно проанализировать, какие из применённых приёмов оказались наиболее результативными.

Например, обнаружение тайника может быть связано с правильной оценкой поведения обыскиваемого, своевременным обращением внимания на определённые особенности обстановки или использованием специальных приёмов поиска. Осмысление подобных ситуаций позволяет следователю закрепить положительный опыт и использовать его в дальнейшем.

Не менее важным является и анализ тех обстоятельств, которые могли затруднить проведение обыска. Иногда обнаружение предметов происходит не благодаря заранее продуманной тактике, а в силу случайных факторов. В таких случаях следователь должен задаться вопросом, можно ли было обнаружить эти предметы быстрее или более эффективным способом.

Существенное значение имеет **выявление и анализ допущенных ошибок**. В процессе обыска могут возникать различные недочёты: недостаточно тщательный осмотр отдельных участков помещения, преждевременное переключение внимания на другие объекты, недостаточное наблюдение за поведением обыскиваемого. Иногда ошибки могут быть связаны и с организацией

следственного действия — например, с недостаточным распределением обязанностей между членами следственной группы.

Анализ подобных ошибок не должен рассматриваться как формальная процедура. Его основная задача состоит в том, чтобы выявить причины возникших трудностей и предотвратить их повторение в дальнейшем. Важно определить, какие обстоятельства привели к возникновению ошибки: недостаток информации, спешка, влияние эмоционального напряжения или иные факторы.

Практика показывает, что систематический анализ проведённых следственных действий способствует формированию профессионального опыта следователя. Постепенно у него вырабатывается способность более точно прогнозировать возможные способы сокрытия предметов, лучше понимать поведение обыскиваемых и более эффективно организовывать процесс поиска.

Подведение тактических итогов обыска является важным элементом профессиональной деятельности следователя. Осмысление результатов проведённого следственного действия, оценка эффективности применённых приёмов и анализ допущенных ошибок позволяют совершенствовать практику проведения обысков и повышать их результативность в дальнейшем.

Выводы по главе:

1. Завершающий этап обыска представляет собой самостоятельную и значимую стадию следственного действия, в ходе которой происходит не только процессуальная фиксация результатов поиска, но и получение дополнительной информации, имеющей значение для расследования.
2. Психологическое состояние участников после завершения обыска характеризуется снижением эмоционального напряжения и ослаблением самоконтроля. В этот период могут проявляться различные реакции обыскиваемого, включая раздражение, облегчение или демонстративное безразличие.
3. Завершающая стадия обыска обладает определённым познавательным потенциалом. Ослабление психологического контроля нередко приводит к появлению высказываний и поведенческих реакций, позволяющих следователю получить дополнительную информацию.
4. Процесс фиксации результатов обыска сопровождается специфическими психологическими ситуациями, связанными с реакциями обыскиваемого на описание и изъятие обнаруженных предметов. В этот момент могут возникать конфликты, требующие от следователя выдержанного и профессионального поведения.
5. Предъявление и изъятие обнаруженных предметов позволяет наблюдать непосредственные реакции обыскиваемого на результаты обыска. Анализ этих реакций может способствовать более точной оценке значения обнаруженных объектов.
6. Важным элементом профессиональной деятельности следователя является последующий анализ результатов обыска, включающий оценку полученной информации, сопоставление обнаруженных предметов с

поведением обыскиваемого и психологическую интерпретацию способов сокрытия.

7. Подведение тактических итогов проведённого обыска и анализ допущенных ошибок позволяют совершенствовать практику проведения следственных действий и повышать эффективность последующих обысков.

Контрольные вопросы:

1. В чем заключается значение завершающего этапа обыска?
2. Какие психологические изменения происходят в состоянии обыскиваемого после окончания обыска?
3. В чем проявляется эффект психологической разрядки после завершения следственного действия?
4. Какие типичные поведенческие реакции могут наблюдаться у обыскиваемого после завершения обыска?
5. Какие психологические особенности сопровождают процесс составления протокола обыска?
6. Какие конфликты могут возникать при фиксации и изъятии обнаруженных предметов?
7. Какие реакции обыскиваемого могут проявляться при обнаружении тайников или скрытых объектов?
8. Какое значение имеет наблюдение за поведением обыскиваемого при обнаружении доказательств?
9. Какие психологические особенности следует учитывать следователю при завершении обыска?
10. Как результаты обыска могут использоваться для планирования дальнейших следственных действий?

Практические задания:

Задание 1

Во время обыска в квартире подозреваемого были обнаружены документы, имеющие значение для расследуемого дела. После завершения обыска и составления протокола подозреваемый, наблюдая за упаковкой документов, неожиданно заявил:

«Эти бумаги вообще ничего не значат, настоящие документы находятся совсем в другом месте».

Проанализируйте данную ситуацию.

1. Какие психологические процессы могли привести к подобному высказыванию?
2. Какое значение может иметь эта реплика для следствия?
3. Какие действия может предпринять следователь после подобного высказывания?

Задание 2

Во время составления протокола обыска обыскиваемый начал активно возражать против формулировок, используемых следователем при описании

обнаруженных предметов. Он утверждает, что обнаруженные документы не принадлежат ему и требует изменить формулировку в протоколе.

Определите:

1. Какие психологические причины могут лежать в основе подобного поведения?
2. Как должен действовать следователь в данной ситуации?
3. Какие процессуальные возможности существуют для фиксации позиции обыскиваемого?

Задание 3

В ходе обыска был обнаружен тайник, оборудованный в мебели. В момент обнаружения тайника обыскиваемый заметно изменился в поведении: начал внимательно следить за действиями следователя, проявлять беспокойство и задавать вопросы о найденных предметах.

Проанализируйте:

1. Какие выводы может сделать следователь из подобной реакции?
2. Какое значение может иметь наблюдение за поведением обыскиваемого в данной ситуации?
3. Как полученная информация может быть использована при дальнейших следственных действиях?

ГЛАВА 13. ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ХОДЕ ОБЫСКА

При проведении обыска следователь действует в сложной психологической и организационной ситуации. С одной стороны, он должен решать конкретную процессуальную задачу — обнаружение и изъятие предметов, документов или ценностей, имеющих значение для расследуемого дела. С другой стороны, обыск всегда происходит в условиях противодействия, эмоционального напряжения и ограниченности времени. В таких условиях даже опытный следователь может допускать просчёты, связанные не только с недостатками тактики, но и с особенностями человеческого восприятия, мышления и поведения.

Анализ следственной практики показывает, что многие неудачи при проведении обыска обусловлены типичными психологическими ошибками: ошибками планирования, наблюдения, общения с участниками следственного действия, а также недостаточной рефлексивной оценкой ситуации. Рассмотрение этих ошибок имеет важное практическое значение. Понимание их психологической природы позволяет не только объяснить причины неэффективных действий, но и выработать способы предупреждения подобных просчётов в дальнейшем. В данной главе будут рассмотрены наиболее распространённые ошибки, возникающие в ходе подготовки и проведения обыска, а также их психологические механизмы.

§ 1. Психологическая природа ошибок следователя при проведении обыска

Рассматривая типичные ошибки, допускаемые в ходе обыска, важно учитывать, что их источники не сводятся только к организационным просчётам или недостаткам тактики. Значительная часть таких ошибок имеет психологическую природу. Они возникают вследствие особенностей человеческого восприятия, мышления, внимания и эмоционального состояния следователя, действующего в сложной и напряжённой следственной ситуации.

На это неоднократно указывали представители юридической психологии и криминалистики, отмечая, что эффективность следственных действий во многом зависит от правильного учета психологических закономерностей познавательной деятельности следователя (Ратинов, Васильев¹⁵).

В общем виде следственную ошибку можно определить как неправильное решение, действие или бездействие следователя, возникающее в результате искажённого восприятия обстановки, неверной оценки имеющейся информации либо недостаточного учёта психологических факторов, влияющих на ход следственного действия. При этом важно понимать, что подобные ошибки не всегда являются следствием недостатка профессиональной подготовки. Нередко они обусловлены объективными ограничениями психической деятельности человека, которые проявляются в условиях интенсивной интеллектуальной и эмоциональной нагрузки.

¹⁵ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967 г.; Васильев В.Л. Юридическая психология. М. 1991 г.

Одним из ключевых факторов возникновения ошибок является ограниченность человеческого внимания и восприятия. В процессе обыска следователь вынужден одновременно контролировать большое количество объектов: пространство помещения, действия членов следственной группы, поведение обыскиваемого и других присутствующих лиц. В таких условиях неизбежно возникает избирательность восприятия: внимание концентрируется лишь на части элементов ситуации, тогда как другие, порой весьма значимые детали, могут оставаться незамеченными.

Существенную роль играет влияние предварительных установок и ожиданий. Подготавливаясь к обыску, следователь формирует определённое представление о том, где и каким образом могут быть скрыты интересующие его предметы. Такая мысленная модель поиска облегчает организацию работы, однако одновременно она может стать источником ошибок. Если фактическая ситуация не соответствует первоначальным ожиданиям, существует риск того, что следователь будет невольно игнорировать признаки, указывающие на иные варианты сокрытия.

К числу распространённых психологических факторов относятся и профессиональные стереотипы. Многократно сталкиваясь с однотипными способами сокрытия предметов, следователь начинает ориентироваться на привычные схемы поиска. С одной стороны, это повышает оперативность действий, но с другой — может привести к шаблонности мышления. В результате нестандартные способы сокрытия оказываются вне поля внимания.

Немаловажное значение имеет и эмоциональное напряжение следственной ситуации. Обыск, как правило, проводится в конфликтной обстановке, когда действия следователя сопровождаются активным или скрытым противодействием со стороны обыскиваемого. Необходимость быстро принимать решения, контролировать развитие ситуации и одновременно соблюдать процессуальные требования создаёт значительную психологическую нагрузку. В условиях подобного напряжения возрастает вероятность поспешных выводов, недостаточно продуманных решений и упрощённых оценок происходящего.

Дополнительным источником ошибок выступают различные когнитивные искажения. Одним из наиболее известных является так называемое подтверждающее мышление — склонность человека искать и замечать прежде всего те факты, которые подтверждают уже сформированную версию. Близким по механизму является эффект «туннельного зрения», когда внимание следователя чрезмерно сосредотачивается на одном направлении поиска, тогда как альтернативные варианты остаются без должного внимания.

Следует учитывать и то обстоятельство, что обыск относится к числу наиболее психологически напряжённых следственных действий. Он проводится в условиях дефицита времени, неопределённости и противодействия. Следователь должен не только организовать поиск, но и постоянно анализировать поведение обыскиваемого, отслеживать возможные попытки скрыть или уничтожить предметы, а также координировать работу всей следственной группы. Подобное сочетание факторов объективно увеличивает вероятность возникновения ошибок.

Важно также подчеркнуть, что многие ошибки носят системный характер. Они редко возникают внезапно в какой-то один момент проведения обыска. Чаще всего их предпосылки формируются ещё на стадии подготовки следственного действия — при анализе исходной информации, планировании поиска, выборе тактических решений. В дальнейшем такие первоначальные просчёты могут последовательно проявляться на различных этапах обыска, влияя на ход наблюдения, коммуникации и рефлексивной оценки ситуации.

Таким образом, понимание психологической природы ошибок имеет принципиальное значение для совершенствования следственной практики. Анализ факторов, порождающих подобные ошибки, позволяет не только объяснить причины неудачных решений, но и выработать меры, направленные на предупреждение их возникновения в ходе подготовки и проведения обыска.

§ 2. Ошибки планирования обыска

Значительная часть ошибок, допускаемых при проведении обыска, формируется ещё на стадии его подготовки. Именно этап планирования во многом определяет направленность последующих поисковых действий, распределение внимания следственной группы и общую организацию следственного действия. Если подготовительный анализ проведён поверхностно, это неизбежно отражается на ходе всего обыска.

Одной из распространённых ошибок является *недостаточный анализ информации о личности обыскиваемого*. Между тем личностные особенности человека, его образ жизни, профессиональная деятельность, уровень образования, привычки и интересы нередко оказываются ключом к пониманию способов сокрытия предметов. Игнорирование этих факторов приводит к тому, что следователь ориентируется лишь на формальные признаки обстановки помещения, не учитывая психологическую логику поведения обыскиваемого. В юридической психологии неоднократно подчёркивалось, что успешность следственных действий во многом зависит от способности следователя учитывать индивидуальные особенности личности, с которой он взаимодействует.

Другой типичной ошибкой является *поверхностное изучение объекта предстоящего обыска*. Иногда следователь ограничивается общими сведениями о помещении или участке местности, не анализируя их структуру, возможные изменения планировки, наличие скрытых пространств, технических устройств или особенностей интерьера. Между тем предварительное изучение объекта обыска позволяет выявить потенциальные зоны сокрытия и заранее определить направления поиска. Отсутствие такой подготовки нередко приводит к хаотичности действий следственной группы и снижению эффективности поиска.

К числу распространённых просчётов относится также *недооценка возможных способов сокрытия предметов*. Следователь может ориентироваться на наиболее распространённые варианты тайников, игнорируя возможность использования нестандартных или технически сложных способов маскировки. Однако практика показывает, что лица, ожидающие проведения обыска, нередко проявляют значительную изобретательность. В криминалистической

литературе неоднократно приводились примеры, когда искомые предметы скрывались в местах, не вызывающих подозрения: внутри бытовых приборов, в конструкциях мебели, в элементах отделки помещения или даже в предметах, находящихся на виду.

Серьёзным организационным просчётом является *неправильное распределение ролей в следственной группе*. Эффективность обыска во многом зависит от чёткого распределения обязанностей между его участниками: кто контролирует действия обыскиваемого, кто ведёт поиск в определённых зонах, кто осуществляет фиксацию обнаруженных предметов. Если такие функции не определены заранее, возникает дублирование действий одних участников и, наоборот, выпадение из поля поиска отдельных участков помещения.

Нередко встречается и такая ошибка, как *отсутствие чёткого тактического плана поиска*. В результате обыск превращается в стихийный и малоорганизованный процесс. Следственная группа может перемещаться по помещению бессистемно, возвращаясь к уже осмотренным участкам и оставляя без внимания другие. Между тем планирование поиска позволяет определить последовательность обследования помещений, распределить зоны ответственности между участниками и обеспечить полноту осмотра.

Особое значение при анализе ошибок планирования имеет психологическая сторона данного этапа. Подготавливаясь к обыску, следователь неизбежно **формирует определённую мысленную модель предстоящей ситуации**. Эта модель включает представления о возможных местах сокрытия предметов, поведении обыскиваемого и характере обстановки. Подобная предварительная схема облегчает организацию действий, однако она может оказаться чрезмерно упрощённой. Если следователь слишком жёстко ориентируется на первоначальные предположения, возникает риск того, что реальные особенности ситуации будут интерпретироваться через призму этой модели.

В результате поиск может развиваться по ложному направлению. Так, следователь может исходить из предположения, что тайник должен находиться в «традиционных» местах — например, в сейфе, письменном столе или шкафу. Однако обыскиваемый, рассчитывая именно на подобные ожидания, может использовать совершенно иные способы сокрытия — например, маскировку предметов среди бытовых вещей, в конструкциях мебели или в предметах, не вызывающих подозрения.

Подобные ситуации свидетельствуют о том, что ошибки планирования нередко становятся источником последующих ошибок наблюдения и поиска. Неправильно сформированная модель ситуации задаёт направление внимания следователя и всей следственной группы. В дальнейшем это может приводить к избирательности восприятия, игнорированию альтернативных версий и пропуску важных деталей. Именно поэтому тщательное и всестороннее планирование обыска рассматривается в криминалистике как одно из важнейших условий его эффективности.

§ 3. Ошибки наблюдения

Следующая группа ошибок связана с особенностями восприятия и внимания следователя. Обыск относится к тем следственным действиям, в которых наблюдение имеет ключевое значение. Следователь и участники следственной группы должны постоянно фиксировать особенности обстановки, расположение предметов, изменения в поведении обыскиваемого, а также любые признаки, указывающие на возможные места сокрытия предметов. Однако в реальной практике наблюдение неизбежно сталкивается с психологическими ограничениями человеческого восприятия и внимания.

Одной из наиболее распространённых ошибок является *избирательность восприятия*. Человек склонен замечать прежде всего те элементы ситуации, которые соответствуют его ожиданиям. В результате внимание концентрируется на определённых объектах, тогда как другие детали могут оставаться вне поля наблюдения. Так, например, следователь, предполагая, что искомые документы могут храниться в письменном столе, сосредотачивает основное внимание на его ящиках и находящихся в них папках. В то же время находящаяся рядом полка с книгами может быть осмотрена лишь поверхностно, поскольку изначально не воспринимается как вероятное место сокрытия. Между тем именно в книге с вырезанными страницами может находиться искомый предмет.

Нередко встречается и *пропуск значимых деталей*. В условиях обыска следователь вынужден одновременно контролировать большое количество объектов и действий, что создаёт значительную нагрузку на внимание. В результате отдельные элементы обстановки могут восприниматься как несущественные. Например, при осмотре жилого помещения внимание следственной группы сосредотачивается на мебели и шкафах, тогда как стоящий у стены обычный чемодан или коробка с бытовыми вещами остаётся без должного внимания. Между тем именно в подобных «незаметных» предметах нередко размещаются тайники.

Особую группу ошибок составляют *неверные интерпретации поведения обыскиваемого*. Поведение человека во время обыска может существенно изменяться: он может демонстрировать волнение, раздражение, повышенную разговорчивость или, наоборот, подчеркнутое спокойствие. Однако не каждое изменение поведения обязательно связано с наличием скрываемых предметов. Например, следователь может заметить, что обыскиваемый проявляет повышенное беспокойство, когда участники следственной группы подходят к книжному шкафу. В результате внимание концентрируется именно на этом участке помещения, тогда как истинное место сокрытия находится в другом месте — например, в бытовом приборе или элементе мебели, не привлекавшем внимания.

Серьёзным фактором, снижающим качество наблюдения, является и *потеря внимания вследствие монотонности поиска*. Обыск нередко связан с длительным и однообразным обследованием большого количества предметов. После нескольких часов работы внимание участников следственной группы постепенно ослабевает. В таких условиях возрастает вероятность того, что некоторые предметы будут осматриваться лишь формально. Например, следователь

может ограничиться беглым осмотром содержимого шкафа с одеждой, не проверив карманы одежды или подкладку, хотя именно там могут быть спрятаны интересные следствие предметы.

Близким по своему механизму является так называемый «*эффект привычности*». Предметы, постоянно присутствующие в повседневной обстановке — книги, посуда, элементы мебели, бытовая техника — начинают восприниматься как естественная часть окружающей среды и перестают вызывать критического анализа. В результате следователь может не рассматривать их как потенциальные объекты сокрытия. Так, например, обычный настольный светильник или электрический чайник могут восприниматься лишь как элементы интерьера, хотя в их конструкции может быть оборудован тайник.

Иногда возникает ситуация, когда следователь фактически смотрит на предмет, но не воспринимает его как возможный объект сокрытия. Подобные случаи неоднократно описывались в следственной практике. Например, искомые документы могут находиться в папке, лежащей на столе среди других бумаг, однако следователь, ориентируясь на представление о том, что тайник должен быть скрытым и труднодоступным, не рассматривает данный предмет как потенциальное место сокрытия.

Подобные ошибки во многом объясняются тем, что восприятие подчиняется заранее сформированному поисковому образу. Если предмет не соответствует представлениям следователя о возможном тайнике, он может автоматически исключаться из сферы анализа. В связи с этим важное значение приобретает сознательное управление процессом наблюдения.

Одним из эффективных способов предупреждения подобных ошибок является периодическая смена поисковых стратегий. После обследования помещения с одной точки зрения целесообразно изменить угол наблюдения, пересмотреть уже осмотренные объекты или временно переключить внимание на иные участки пространства. Такая своеобразная «перезагрузка» наблюдения позволяет снизить влияние первоначальных установок и расширить поле восприятия.

Ошибки наблюдения во многом обусловлены естественными ограничениями человеческого восприятия и внимания. Их предупреждение требует от следователя умения контролировать собственные когнитивные установки, сохранять высокий уровень наблюдательности и периодически пересматривать сформированные представления о ситуации.

§ 4. Ошибки коммуникации

Обыск практически всегда сопровождается активным взаимодействием следователя с обыскиваемым, членами его семьи, сотрудниками организации или иными лицами, присутствующими при проведении следственного действия. Поэтому коммуникативная сторона обыска имеет не меньшее значение, чем техническая организация поиска. Неправильно выстроенное общение способно осложнить обстановку, усилить противодействие и снизить эффективность наблюдения за поведением обыскиваемого.

Одной из наиболее распространённых ошибок является *излишняя жесткость и демонстративное давление со стороны следователя*. Стремясь подчеркнуть властный характер своих полномочий, следователь может использовать резкий тон, категоричные формулировки, демонстративные требования. На практике подобное поведение нередко приводит к обратному эффекту. Обыскиваемый начинает тщательно контролировать своё поведение, старается скрыть любые эмоциональные реакции и демонстрирует внешнее спокойствие. В результате следователь лишается ценного источника информации — спонтанных поведенческих реакций.

В следственной практике известны ситуации, когда излишне жёсткий стиль общения фактически «закрывал» поведенческую информацию. Например, при обыске квартиры подозреваемого следователь заметил, что хозяин квартиры проявляет явное беспокойство, когда участники следственной группы приближаются к книжному шкафу. Однако после резкого замечания следователя обыскиваемый быстро взял себя в руки и начал демонстрировать подчеркнутое спокойствие. В результате поиск был переключён на другие участки помещения. Лишь при повторном осмотре было установлено, что в задней стенке шкафа находился тайник.

В связи с этим в практике рекомендуется придерживаться спокойного и делового стиля общения. Следователь должен сохранять корректность, избегать эмоциональных оценок и не демонстрировать раздражения. Подобная манера поведения позволяет обыскиваемому чувствовать себя менее напряжённо, что способствует проявлению более естественных психологических реакций.

Другой распространённой ошибкой является *недооценка поведенческих реакций обыскиваемого*. Иногда следователь рассматривает обыск исключительно как технический процесс обследования помещения, не уделяя достаточного внимания поведению человека. Между тем реакция обыскиваемого нередко может служить своеобразным «индикатором» значимых участков пространства.

Практика показывает, что определённые реакции могут косвенно указывать на возможное место сокрытия предметов. Например:

- обыскиваемый начинает проявлять повышенное внимание к действиям следственной группы в определённой части помещения;
- пытается отвлечь следователя разговором именно в момент обследования конкретного предмета;
- занимает позицию, перекрывающую обзор определённого участка;
- демонстративно проявляет безразличие к действиям следственной группы именно там, где скрыты предметы.

В подобных ситуациях опытные следователи рекомендуют не демонстрировать своего интереса к поведению обыскиваемого, а использовать полученную информацию для корректировки направления поиска.

Ещё одной ошибкой является *потеря психологического контроля над ситуацией*. В ходе обыска обыскиваемый может предпринимать попытки повлиять на поведение следственной группы: задавать многочисленные вопросы, вступать в споры, выражать протест, провоцировать эмоциональную реакцию следователя. Если следователь вовлекается в подобные конфликты, часть его

внимания неизбежно переключается с организации поиска на разрешение спорной ситуации.

Поэтому в практике рекомендуется придерживаться следующего правила: следователь не должен вступать в длительные дискуссии с обыскиваемым. Все спорные вопросы целесообразно решать в процессуальной форме, спокойно фиксируя их в протоколе или разъясняя порядок проведения следственного действия.

К числу коммуникативных ошибок *относится и игнорирование невербальных сигналов*. Поведение человека в стрессовой ситуации часто сопровождается непроизвольными реакциями: изменением позы, жестов, направления взгляда. Например, обыскиваемый может:

- непроизвольно смотреть в сторону определённого предмета;
- занимать позицию, закрывающую доступ к определённому участку помещения;
- проявлять повышенное напряжение при обследовании конкретной зоны.

Подобные сигналы не всегда прямо указывают на наличие тайника, однако они могут служить ориентиром для более внимательного обследования соответствующих участков.

Практика показывает, что эффективной тактикой является распределение ролей в следственной группе. Один из участников обыска может выполнять функцию наблюдения за поведением обыскиваемого, фиксируя изменения его реакции на действия следственной группы. Такая организация работы позволяет одновременно осуществлять поиск и анализировать поведенческую информацию.

Наконец, серьёзной ошибкой является *конфликтное поведение следователя*. Эмоциональные замечания, демонстративное недоверие или раздражение могут усилить сопротивление со стороны обыскиваемого и его окружения. В подобных условиях обыск начинает восприниматься участниками как личное противостояние, что осложняет выполнение следственного действия.

В этой связи в криминалистической практике нередко используется правило профессиональной дистанции. Следователь должен сохранять спокойную, уверенную и корректную манеру общения, не демонстрируя ни излишней мягкости, ни чрезмерной жёсткости. Такая позиция позволяет поддерживать рабочую атмосферу и одновременно сохранять психологический контроль над ситуацией.

Коммуникативные ошибки способны существенно снизить эффективность обыска. Их предупреждение требует от следователя развитых навыков профессионального общения, умения наблюдать за поведением людей и способности сохранять психологическое равновесие даже в условиях конфликтной ситуации.

§ 5. Ошибки рефлексии

Последняя группа ошибок связана с одним из наиболее сложных элементов следственной деятельности — рефлексивным анализом ситуации. Под

рефлексией в юридической психологии понимается способность следователя мысленно поставить себя на место другого участника следственной ситуации, попытаться понять его логику действий, мотивы поведения и возможные намерения. По сути, речь идёт о своеобразном «мышлении за другого», позволяющем прогнозировать возможные действия противоположной стороны.

В условиях обыска рефлексивное мышление имеет особое значение. Обыскиваемый, как правило, заинтересован в сокрытии предметов, представляющих интерес для следствия, и может заранее предпринимать меры по их маскировке. Поэтому успешность поиска во многом зависит от того, насколько следователь способен представить себе, каким образом действовал бы человек, стремящийся скрыть определённые предметы в конкретных условиях.

Ошибки рефлексии возникают тогда, когда следователь неправильно оценивает психологические особенности обыскиваемого или упрощает модель его поведения. Одной из распространённых ошибок является *неверная оценка мотивов поведения обыскиваемого*. Например, следователь может интерпретировать спокойное поведение человека как признак отсутствия скрываемых предметов, тогда как в действительности такое поведение может быть результатом заранее подготовленной линии поведения.

Другой типичной ошибкой является *игнорирование интеллектуальных возможностей обыскиваемого*. Иногда следователь исходит из предположения, что человек, в отношении которого проводится обыск, не способен на сложные способы сокрытия. Подобная недооценка может привести к тому, что поиск ограничивается лишь наиболее очевидными местами. Между тем практика показывает, что лица, ожидающие обыска, нередко проявляют значительную изобретательность.

Так, например, в следственной практике встречались случаи, когда искомые предметы скрывались в конструкциях бытовой техники, в двойных стенках мебели, внутри строительных элементов помещений или в предметах, внешне не вызывающих подозрения. В подобных ситуациях обнаружение тайника требовало именно рефлексивного подхода — попытки представить себе, каким образом человек мог использовать особенности окружающей обстановки для сокрытия предметов.

Ещё одной распространённой ошибкой является *недооценка степени подготовки обыскиваемого к проведению обыска*. В ряде случаев лица, опасющиеся следственных действий, заранее продумывают способы сокрытия предметов, распределяют их по нескольким местам или используют методы маскировки, рассчитанные на определённые ожидания следственной группы. Если следователь не учитывает такую возможность, поиск может ограничиться лишь наиболее очевидными вариантами.

К числу ошибок рефлексии относится и *проецирование собственной логики мышления на другого человека*. Следователь может исходить из предположения, что обыскиваемый действовал бы так же, как действовал бы он сам в аналогичной ситуации. Однако подобный подход не всегда оправдан. Люди различаются по уровню образования, профессиональному опыту, образу мышления и жизненным привычкам. То, что представляется очевидным одному человеку, может совершенно не учитываться другим.

Например, следователь может исходить из того, что человек будет стремиться спрятать предмет как можно дальше и глубже. Однако на практике нередко используется противоположный приём — сокрытие предмета среди вещей, которые находятся на виду и не вызывают подозрения. Подобная стратегия нередко оказывается эффективной именно потому, что противоречит привычным ожиданиям следственной группы.

В этой связи в практике проведения обысков рекомендуется использовать рефлексивный анализ как один из элементов планирования поиска. Следователь может мысленно задать себе несколько ключевых вопросов: какие предметы необходимо скрыть, какие возможности для этого предоставляет данное помещение, какие способы маскировки могут показаться обыскиваемому наиболее надёжными. Такой подход позволяет расширить круг возможных версий и избежать излишне узкого направления поиска.

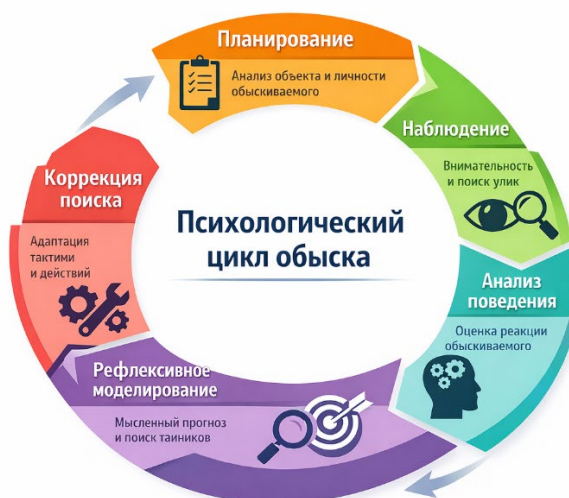
Эффективным приёмом является также коллективное обсуждение возможных способов сокрытия предметов внутри следственной группы. Участники обыска могут предложить различные варианты действий, которые могли бы быть использованы обыскиваемым. Подобный обмен мнениями позволяет выйти за пределы индивидуальных стереотипов мышления и повысить вероятность обнаружения нестандартных тайников.

Ошибки рефлексии связаны прежде всего с упрощённым пониманием поведения обыскиваемого. Недооценка его мотивов, интеллектуальных возможностей и уровня подготовки способна существенно снизить эффективность поиска. Поэтому развитие рефлексивного мышления — способности моделировать действия противоположной стороны — является важным профессиональным качеством следователя при проведении обыска.

Типичные ошибки следователя при обыске и способы их предупреждения

Тип ошибки	Проявление ошибки в практике	Психологическая причина	Практические рекомендации
Ошибки планирования	Обыск проводится без чёткого плана; внимание сосредоточено только на «типичных» местах хранения предметов	Упрощённая модель ситуации, стереотипное мышление	Перед обыском анализировать личность обыскиваемого, особенности помещения, возможные способы сокрытия; составлять план поиска и распределять зоны ответственности
Недостаточный анализ личности обыскиваемого	Игнорируются особенности профессии, образа жизни, привычек человека	Недооценка психологических факторов	Изучать данные о личности: профессия, навыки, техническая подготовка, привычки; учитывать их при прогнозировании способов сокрытия
Ошибки наблюдения	Следователь не замечает значимых деталей или необычных элементов обстановки	Избирательность восприятия, перегрузка внимания	Осматривать помещение системно; периодически менять направление поиска; возвращаться к ранее осмотренным объектам

Эффект «привычности»	Обычные предметы интерьера (книги, бытовая техника, коробки) не проверяются	Автоматизация восприятия, снижение критичности	Проверять даже «обычные» предметы; рассматривать любой объект как потенциальное место сокрытия
Ошибки интерпретации поведения	Неверно оцениваются реакции обыскиваемого	Поспешные выводы, влияние ожиданий	Наблюдать за поведением системно; сопоставлять реакции человека с действиями следственной группы
Коммуникативные ошибки	Резкий тон, давление, конфликтное поведение	Эмоциональное напряжение, стремление доминировать	Сохранять спокойный деловой стиль общения; избегать конфронтации
Потеря психологического контроля над ситуацией	Следователь вовлекается в спор или конфликт с обыскиваемым	Эмоциональная реакция на сопротивление	Не вступать в дискуссии; поддерживать профессиональную дистанцию; концентрироваться на поиске
Игнорирование невербальных сигналов	Не учитываются жесты, взгляды, изменения поведения обыскиваемого	Сосредоточенность только на технической стороне поиска	Назначать участника группы для наблюдения за поведением обыскиваемого
Ошибки рефлексии	Следователь не учитывает логику действий обыскиваемого	Проецирование собственной логики мышления	Моделировать возможные действия обыскиваемого: где и как он мог спрятать предмет
Недооценка подготовки обыскиваемого	Поиск ограничивается очевидными местами	Упрощённое представление о поведении человека	Предполагать возможность заранее подготовленных тайников и нестандартных способов сокрытия

Выводы по главе:

Анализ следственной практики показывает, что значительная часть неудач при проведении обыска обусловлена не столько объективными трудностями поиска, сколько ошибками, возникающими в деятельности самого следователя. Эти ошибки имеют комплексный характер и связаны как с организационными просчётами, так и с психологическими особенностями познавательной и коммуникативной деятельности.

1. Ошибки при проведении обыска нередко имеют психологическую природу и обусловлены ограничениями человеческого восприятия, внимания и мышления, а также влиянием когнитивных установок и эмоционального напряжения следственной ситуации.
2. Значительная часть ошибок формируется ещё на стадии подготовки обыска. Недостаточное планирование, поверхностный анализ личности обыскиваемого и объекта поиска способны задать ошибочное направление всей поисковой деятельности.
3. В процессе обыска существенную роль играют ошибки наблюдения, возникающие вследствие избирательности восприятия, утомления внимания, действия поисковых стереотипов и неверной интерпретации поведения обыскиваемого.
4. Коммуникативные ошибки следователя могут существенно осложнить проведение обыска. Излишняя жесткость, конфликтность или игнорирование поведенческих реакций обыскиваемого нередко лишают следствие важной психологической информации.
5. Особое значение для эффективности обыска имеет рефлексивное мышление следователя — способность моделировать возможные действия обыскиваемого. Ошибки рефлексии возникают при недооценке мотивов, интеллектуальных возможностей и уровня подготовки лица, в отношении которого проводится обыск.

6. Предупреждение следственных ошибок требует от следователя развитой наблюдательности, психологической гибкости, умения контролировать собственные когнитивные установки и постоянно корректировать тактику поиска с учетом изменяющейся ситуации.

Контрольные вопросы:

1. Что понимается под следственной ошибкой при проведении обыска?
2. Какие психологические факторы могут способствовать возникновению ошибок в деятельности следователя?
3. В чём проявляются ошибки планирования обыска?
4. Какие особенности человеческого восприятия могут приводить к ошибкам наблюдения?
5. Почему избирательность восприятия может снижать эффективность поиска при обыске?
6. Какие коммуникативные ошибки наиболее часто допускаются следователями при проведении обыска?
7. Почему чрезмерное давление на обыскиваемого может снизить эффективность наблюдения за его поведением?
8. Что понимается под рефлексивным анализом следственной ситуации?
9. В чём проявляются ошибки рефлексии при проведении обыска?
10. Какие меры позволяют снизить вероятность ошибок при подготовке и проведении обыска?

Практические задания:

Задание 1

Следователь проводит обыск в квартире подозреваемого в экономическом преступлении. Основное внимание он уделяет письменному столу, сейфу и шкафу с документами. При этом он не обращает особого внимания на книжные полки и стоящую рядом коробку со старыми журналами. После завершения обыска выясняется, что искомые документы были спрятаны внутри одной из книг.

Определите, какие ошибки были допущены следователем.

Задание 2

Во время обыска следователь ведёт себя резко и демонстрирует раздражение в ответ на вопросы обыскиваемого. После нескольких подобных замечаний обыскиваемый начинает вести себя подчеркнуто спокойно и перестает проявлять какие-либо эмоциональные реакции на действия следственной группы.

Какую ошибку допустил следователь? Как это могло повлиять на эффективность обыска?

Задание 3

Следователь проводит обыск в гараже подозреваемого. Он исходит из предположения, что искомые предметы должны быть спрятаны в труднодоступных местах — под полом или в стенах. Поэтому он уделяет основное внимание осмотру строительных конструкций. После окончания обыска

выясняется, что предметы находились в обычной коробке среди автомобильных принадлежностей.

Определите, какую ошибку допустил следователь.

ГЛАВА 14. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРУДА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Эффективность следственной деятельности во многом определяется не только профессиональными знаниями следователя, но и тем, насколько рационально организован его труд. Практика показывает, что значительная часть трудностей, возникающих при проведении следственных действий, обусловлена не столько объективной сложностью ситуации, сколько недостаточной продуманностью организации работы: отсутствием четкого плана действий, несистемностью поиска, нерациональным распределением времени и усилий.

Рационализация труда следователя предполагает научно обоснованную организацию его деятельности, использование продуманных поисковых алгоритмов, внедрение современных методов работы и постоянное совершенствование профессиональных навыков. Особенно важное значение это приобретает при проведении обыска, где в условиях ограниченного времени и возможного противодействия со стороны обыскиваемых лиц от следователя требуется высокая степень организованности, последовательности и профессиональной дисциплины мышления.

§ 1. Научная организация труда следователя

Эффективность следственной деятельности во многом определяется тем, насколько рационально организован труд следователя. В условиях современной следственной практики, характеризующейся значительным объемом работы, высокой ответственностью принимаемых решений и необходимостью оперативного реагирования на изменяющуюся следственную ситуацию, особое значение приобретает научная организация труда.

Под *научной организацией труда следователя* понимается система принципов и методов рационального построения его профессиональной деятельности, направленных на повышение ее эффективности. Речь идет не просто о создании удобных условий работы, а о целенаправленной оптимизации всей структуры следственной деятельности. Такая оптимизация предполагает продуманное планирование следственных действий, рациональное распределение времени и усилий, системную подготовку к проведению процессуальных мероприятий, а также эффективную организацию взаимодействия с другими участниками расследования.

Научная организация труда предполагает, что деятельность следователя должна носить системный и целенаправленный характер. Каждое следственное действие должно быть логически связано с общей стратегией расследования, а предпринимаемые шаги — подчинены достижению конкретных задач уголовного судопроизводства. Отсутствие такой системности неизбежно приводит к хаотичности действий, дублированию работы и нерациональному использованию времени.

Особое значение научная организация труда приобретает при проведении обыска. Обыск относится к числу наиболее сложных следственных

действий, требующих высокой степени организованности и концентрации внимания. Большое количество объектов поиска, необходимость тщательного обследования помещений и предметов, возможное противодействие со стороны обыскиваемых лиц создают ситуацию, в которой недостаточная продуманность организации работы может привести к пропуску важных доказательств.

В этой связи научная организация труда выступает важным условием успешного проведения обыска. Она позволяет придать деятельности следователя упорядоченный характер, обеспечить последовательность поисковых действий и максимально эффективно использовать имеющиеся силы и средства.

Одним из центральных элементов научной организации труда следователя является **планирование следственных действий**. Планирование представляет собой предварительное определение целей, задач и последовательности действий, направленных на достижение определенных результатов расследования.

При подготовке к проведению обыска планирование начинается с анализа материалов уголовного дела. Следователь должен определить, какие именно предметы, документы или иные объекты могут иметь доказательственное значение, где они могут находиться и какими способами могут быть скрыты. Такой анализ позволяет сформировать основные поисковые задачи, которые определяют направленность будущих действий.

Важной частью планирования является определение возможных направлений поиска. Следователь должен учитывать как объективные данные, содержащиеся в материалах дела, так и особенности личности обыскиваемого. Существенное значение могут иметь его профессиональная деятельность, образ жизни, привычки, а также уровень подготовки к возможному противодействию следственным действиям.

Планирование предполагает также продуманную организацию самого процесса обыска. Следователь должен определить последовательность обследования помещений и предметов, наметить возможные зоны поиска и предусмотреть участие необходимых специалистов. Подобная предварительная подготовка позволяет избежать хаотичности действий и повысить результативность поисковых мероприятий.

Не менее важным элементом подготовки является распределение ролей между участниками следственно-оперативной группы. Каждый участник должен четко понимать свою задачу и сферу ответственности. Это позволяет обеспечить дисциплину поиска, избежать дублирования действий и более эффективно использовать силы участников обыска.

Следственная деятельность часто осуществляется в условиях значительной нагрузки. Следователь одновременно ведет несколько уголовных дел, выполняет большое количество процессуальных действий и вынужден принимать решения в условиях ограниченного времени. В такой ситуации рациональное использование времени и имеющихся ресурсов становится одним из важнейших факторов эффективности расследования.

Одной из типичных проблем следственной практики является *перегруженность следователя*. Большой объем работы, необходимость подготовки многочисленных процессуальных документов и проведение различных

следственных действий нередко приводят к дефициту времени. При отсутствии продуманной организации труда это может вызывать поспешность в принятии решений и поверхностный анализ обстоятельств дела.

Рациональная организация труда позволяет значительно снизить подобные риски. Четкое планирование, предварительная подготовка и последовательное выполнение намеченных действий способствуют более эффективному использованию рабочего времени. Это особенно важно при проведении обыска, который требует значительных временных затрат и высокой концентрации внимания.

Рациональное использование ресурсов предполагает также эффективное привлечение специалистов и применение технических средств. В ряде случаев участие специалистов позволяет значительно повысить результативность обыска, например при работе с электронными носителями информации или выявлении сложных тайников. Грамотное распределение задач между участниками следственно-оперативной группы также способствует более эффективному использованию сил и средств.

Проведение обыска, как правило, осуществляется следственно-оперативной группой. В ее состав могут входить оперативные сотрудники, специалисты, понятые и иные участники следственного действия. Эффективность работы такой группы во многом зависит от того, насколько четко организована ее деятельность.

Одним из ключевых условий успешного проведения обыска является *правильное распределение функций между участниками группы*. Следователь должен определить зоны поиска, закрепить за каждым участником конкретные задачи и обеспечить контроль за их выполнением. Такая организация позволяет избежать хаотичности действий и способствует более системному проведению поисковых мероприятий.

Не менее важное значение имеет координация действий участников обыска. Следователь должен постоянно контролировать ход следственного действия, корректировать действия участников группы и обеспечивать их взаимодействие. В процессе обыска нередко возникают новые обстоятельства, требующие изменения первоначального плана действий, и именно следователь принимает решения о необходимых корректировках.

Особое значение имеет поддержание дисциплины поиска. Каждый участник следственно-оперативной группы должен действовать в рамках порученной ему задачи и соблюдать установленный порядок проведения обыска. Своевременное информирование следвателя о результатах поиска, четкая фиксация обнаруженных предметов и согласованность действий участников позволяют значительно повысить эффективность обыска и снизить вероятность пропуска значимых объектов.

§ 2. Выработка поисковых алгоритмов

Одним из важнейших направлений рационализации труда следвателя является **алгоритмизация его профессиональной деятельности**. Под алгоритмизацией понимается разработка и использование определенной

последовательности действий, позволяющей системно и последовательно решать возникающие в ходе расследования задачи. Применительно к следственной деятельности алгоритмы выступают своеобразными интеллектуальными моделями, помогающими организовать мышление и практические действия следователя.

Особое значение алгоритмизация приобретает при проведении обыска. Данное следственное действие характеризуется большим количеством объектов поиска, разнообразием возможных способов сокрытия предметов и необходимостью обследования значительного пространства. В таких условиях отсутствие четкой системы действий может привести к хаотичности поиска и снижению его эффективности.

Алгоритмизация позволяет придать поисковым действиям упорядоченный характер. Наличие заранее продуманной последовательности действий помогает следователю и другим участникам следственно-оперативной группы действовать системно, не упуская из внимания отдельные элементы обстановки. Кроме того, алгоритмы позволяют экономить время и силы, поскольку исключают бессистемное возвращение к уже обследованным объектам и дублирование действий.

Следует подчеркнуть, что алгоритмы выполняют не только организационную, но и психологическую функцию. Они облегчают процесс принятия решений в условиях ограниченного времени и информационной неопределенности, помогая следователю сосредоточиться на наиболее значимых аспектах следственной ситуации.

Типовые алгоритмы поиска. В практике проведения обысков могут использоваться различные поисковые алгоритмы, отражающие типичную последовательность действий следователя и участников следственно-оперативной группы. Такие алгоритмы не являются жесткими правилами, однако они позволяют структурировать деятельность и повысить ее эффективность.

Одним из наиболее важных является *алгоритм подготовки к обыску*. Он включает анализ материалов уголовного дела, определение целей и задач обыска, выявление возможных мест хранения искомых предметов, подготовку необходимых технических средств и привлечение специалистов. Кроме того, на данном этапе определяется состав следственно-оперативной группы и распределяются функции между ее участниками.

Следующий типовой *алгоритм связан с осмотром помещения*. В данном случае речь идет о последовательном обследовании объекта обыска. Обычно используются определенные принципы системности поиска: движение от общего к частному, обследование помещения по заранее намеченному маршруту, последовательный осмотр мебели, предметов интерьера и других элементов обстановки. Такой порядок позволяет исключить пропуск отдельных участков помещения.

Особое значение имеет *алгоритм поиска тайников*. Практика показывает, что многие лица, ожидающие возможного проведения обыска, предпринимают специальные меры по сокрытию предметов, имеющих доказательственное значение. В связи с этим следователь должен учитывать типичные способы устройства тайников: использование двойных стенок мебели, скрытых

полостей в стенах и полу, модифицированных бытовых предметов и других конструкций. Алгоритм поиска тайников предполагает не только тщательное обследование предметов, но и анализ их конструктивных особенностей.

Отдельного внимания заслуживает *алгоритм анализа поведения обыскиваемого*. Поведение лица, в отношении которого проводится обыск, может служить важным источником информации. Изменения в его эмоциональном состоянии, стремление отвлечь внимание следователя от определенных объектов, попытки контролировать ход поиска могут указывать на возможные места сокрытия предметов. Систематическое наблюдение за такими реакциями и их сопоставление с результатами поиска помогает уточнять направления дальнейших действий.

Использование поисковых алгоритмов имеет важное значение для предупреждения типичных ошибок, возникающих при проведении обыска. Одной из наиболее распространенных ошибок является пропуск отдельных объектов или участков помещения. Это может происходить в результате недостаточной системности поиска или отвлечения внимания участников следственно-оперативной группы.

Алгоритмизированная последовательность действий позволяет существенно снизить вероятность подобных ошибок. Четко определенный порядок обследования помещений и предметов обеспечивает более полное и последовательное проведение поисковых мероприятий.

Другой распространенной проблемой является хаотичность поисковых действий. В некоторых случаях участники обыска начинают одновременно обследовать различные участки помещения без четкой координации своих действий. В результате может возникать дублирование работы или, наоборот, пропуск отдельных объектов. Использование алгоритмов помогает организовать действия участников группы таким образом, чтобы каждый из них выполнял определенную задачу в рамках общей системы поиска.

Алгоритмы позволяют также снизить риск преждевременного прекращения поиска. Иногда после обнаружения отдельных предметов участники обыска могут ошибочно считать, что основные цели следственного действия достигнуты. Наличие заранее определенной последовательности действий помогает избежать подобной ситуации и обеспечивает завершение обыска в соответствии с намеченным планом.

Несмотря на важность алгоритмизации следственной деятельности, алгоритмы не должны восприниматься как жесткие инструкции, подлежащие механическому исполнению. Следственная практика отличается высокой степенью вариативности, и каждая следственная ситуация обладает своими особенностями.

Алгоритм следует рассматривать прежде всего как ориентир для мышления следователя. Он задает общую структуру действий и помогает организовать поисковую деятельность, однако конкретное содержание этих действий всегда определяется особенностями конкретной ситуации.

В ходе обыска следователь нередко сталкивается с обстоятельствами, которые требуют изменения первоначального плана действий. Обнаружение новых предметов, изменение поведения обыскиваемого, получение

дополнительной информации могут потребовать корректировки направления поиска. В подобных случаях следователь должен проявлять гибкость мышления и способность адаптировать алгоритм к конкретным условиям.

Алгоритмизация следственной деятельности представляет собой важный инструмент рациональной организации труда следователя. Она способствует системности поиска, предупреждению типичных ошибок и повышению эффективности следственных действий. Вместе с тем успешное применение алгоритмов возможно лишь при их разумном сочетании с профессиональным опытом, аналитическим мышлением и интуицией следователя.

§ 3. Овладение новыми методами работы

Современная следственная практика развивается в условиях постоянного усложнения преступной деятельности. Лица, совершающие преступления, все чаще используют технические средства, современные способы сокрытия информации, а также различные формы противодействия расследованию. В этих условиях следователь уже не может ограничиваться только теми знаниями и навыками, которые были получены им в процессе первоначальной профессиональной подготовки.

Особенно наглядно необходимость постоянного обновления профессиональных знаний проявляется при проведении обыска. В прошлом основные усилия следователя были направлены на обнаружение материальных предметов: документов, денежных средств, оружия, различных вещественных доказательств. В современной практике значительная часть информации может храниться на электронных носителях или в цифровой форме. Компьютеры, мобильные телефоны, планшеты, облачные хранилища и другие цифровые ресурсы становятся важными источниками доказательственной информации.

Наряду с этим постоянно совершенствуются и способы сокрытия предметов. Преступники могут использовать сложные конструктивные тайники, технические устройства, маскировку предметов под бытовые объекты или хранение информации в зашифрованном виде. Все это требует от следователя не только внимательности и наблюдательности, но и знания современных способов сокрытия и обнаружения доказательственной информации.

Таким образом, овладение новыми методами работы становится необходимым условием профессиональной компетентности следователя. Постоянное обновление знаний позволяет ему адекватно реагировать на изменения в преступной среде и эффективно использовать современные средства расследования.

Одним из важнейших направлений совершенствования следственной деятельности является **использование современных технических средств**. Применение таких средств значительно расширяет возможности обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации.

К числу наиболее распространенных относятся технические средства обнаружения. Они используются для выявления скрытых полостей, тайников, металлических предметов, электронных устройств и других объектов, которые могут быть скрыты от обычного визуального наблюдения. Использование

подобных средств особенно эффективно при обследовании помещений, мебели, транспортных средств и других объектов, где могут быть оборудованы тайники.

Важную роль в современной следственной практике играет цифровая криминалистика. Значительная часть доказательственной информации может содержаться на электронных носителях — компьютерах, жестких дисках, мобильных телефонах, флеш-накопителях и других устройствах. Обнаружение, изъятие и последующий анализ такой информации требуют применения специальных технических средств и участия специалистов, обладающих соответствующими знаниями.

Не менее важным элементом современного следственного действия является видеофиксация. Использование средств видеозаписи позволяет более полно зафиксировать ход и результаты обыска, обеспечить объективность процессуальной фиксации и повысить доказательственную ценность полученной информации. Кроме того, видеозапись способствует повышению дисциплины участников следственного действия и снижает вероятность возникновения конфликтных ситуаций.

В ряде случаев при проведении обыска могут применяться и специальные поисковые устройства, предназначенные для обнаружения скрытых полостей, электронных устройств или иных объектов. Их использование позволяет значительно повысить эффективность поисковых действий и сократить время обследования объектов.

Современное расследование преступлений все чаще приобретает **междисциплинарный характер**. Это означает, что успешное решение следственных задач требует привлечения специалистов из различных областей знаний.

При проведении обыска следователь может взаимодействовать с криминалистами, экспертами-техниками, специалистами в области информационных технологий, а также психологами. Каждый из них обладает специальными знаниями, которые могут существенно повысить эффективность следственного действия.

Криминалисты и технические специалисты помогают выявлять и исследовать материальные следы преступления, применять специальные технические средства поиска и правильно фиксировать обнаруженные объекты. Специалисты в области информационных технологий участвуют в обнаружении и изъятии электронных носителей информации, а также в последующем анализе цифровых данных.

Определенное значение может иметь и участие психологов. Они могут оказывать помощь в анализе поведения обыскиваемого, выявлении признаков скрытого напряжения или стремления скрыть определенную информацию. Наблюдение за психологическими реакциями лица, в отношении которого проводится обыск, иногда позволяет уточнить направление поиска.

Таким образом, взаимодействие следователя с представителями различных профессиональных областей становится важным условием успешного расследования. Комплексное использование специальных знаний позволяет более эффективно решать задачи обнаружения и фиксации доказательственной информации.

Наряду с использованием современных технических средств и привлечением специалистов важную роль в профессиональном развитии следователя играет **самообразование**. Следственная деятельность требует постоянного совершенствования знаний и навыков, поскольку методы расследования и способы совершения преступлений непрерывно развиваются.

Одним из важнейших направлений самообразования является профессиональное самообразование. Изучение научной и учебной литературы, анализ методических рекомендаций, ознакомление с новыми исследованиями в области криминалистики и юридической психологии позволяют следователю расширять свои профессиональные знания и совершенствовать методы работы.

Не менее важное значение имеет анализ следственной практики. Изучение конкретных уголовных дел, разбор допущенных ошибок, обмен опытом с коллегами позволяют выявлять наиболее эффективные приемы расследования и избегать типичных недостатков в работе.

Существенную роль играют также различные формы профессионального обучения — семинары, тренинги, учебные занятия. Они позволяют следователю не только обновлять знания, но и отрабатывать практические навыки, необходимые для проведения сложных следственных действий, в том числе обысков.

Овладение новыми методами работы является важным условием повышения эффективности следственной деятельности. Постоянное обновление знаний, использование современных технических средств, взаимодействие со специалистами и активное самообразование позволяют следователю успешно решать задачи расследования в условиях постоянно изменяющейся преступной среды.

§ 4. Психологическая подготовка и тренинг к проведению обысков

Психологическая подготовка следователя к проведению обыска представляет собой не факультативный, а необходимый элемент его профессиональной готовности. Если научная организация труда, планирование и алгоритмизация обеспечивают внешнюю упорядоченность действий, то психологическая подготовка формирует внутреннюю готовность к эффективному осуществлению этих действий в сложной, напряженной и нередко конфликтной обстановке. Именно поэтому в системе профессиональной подготовки следователя психологический компонент должен занимать одно из центральных мест.

Обыск относится к числу наиболее сложных и психологически насыщенных следственных действий. Его проведение связано с вторжением в личное или профессиональное пространство обыскиваемого, с преодолением возможного противодействия, с необходимостью наблюдать, анализировать, принимать решения и одновременно поддерживать процессуальный порядок. В ходе обыска следователь действует в условиях высокой неопределенности: заранее невозможно с полной точностью предсказать, где именно будут скрыты искомые объекты, как поведет себя обыскиваемый, какие формы сопротивления

или маскировки будут использованы, какие обстоятельства неожиданно возникнут уже в ходе самого следственного действия.

Эта неопределенность делает обыск своеобразным испытанием профессиональной собранности следователя. От него требуется не просто формальное руководство процессуальным действием, а постоянное интеллектуальное и эмоциональное присутствие в ситуации. Он должен одновременно решать несколько задач: организовывать действия группы, контролировать поведение участников, отслеживать эмоциональные и поведенческие реакции обыскиваемого, анализировать обстановку, сопоставлять отдельные факты, оценивать возникающие версии и быстро принимать тактические решения. Иначе говоря, обыск требует высокой концентрации психических ресурсов.

Важнейшее значение психологической подготовки состоит в том, что она *формирует у следователя способность сохранять профессиональную эффективность в условиях психологического давления*. Такое давление может быть различным. Оно может исходить от внешней обстановки: дефицит времени, большое количество объектов, присутствие нескольких лиц, напряженная атмосфера, необходимость одновременного контроля за многими элементами ситуации. Оно может быть связано и с активным противодействием: демонстративной агрессией, попытками отвлечения внимания, провокационным поведением, жалобами, имитацией беспомощности, сознательным затягиванием действий. Наконец, давление может иметь внутренний характер, когда сам следователь испытывает усталость, тревогу, эмоциональное напряжение, опасение допустить ошибку или пропустить важный объект.

В этих условиях психологически неподготовленный следователь рискует утратить одно из главных профессиональных качеств — способность к объективному и системному восприятию ситуации. Под влиянием напряжения внимание может сужаться, мышление — становиться менее гибким, оценка поведения обыскиваемого — упрощенной, а действия — поспешными или, напротив, неуверенными. Именно поэтому психологическая подготовка должна быть направлена не только на общее развитие личности следователя, но и на формирование у него специальных качеств, непосредственно необходимых для проведения обыска.

К числу таких качеств прежде всего относятся *самообладание, наблюдательность, профессиональное внимание, устойчивость к стрессу, способность к быстрому переключению и перераспределению внимания, умение сохранять мыслительную ясность в конфликтной обстановке, эмоциональная сдержанность и готовность к принятию решений в условиях неполной информации*. Все эти качества не возникают автоматически из одного лишь практического опыта. Они требуют целенаправленного развития и систематической тренировки.

Психологическая подготовка важна еще и потому, что в ходе обыска следователь выступает не только как процессуальное лицо, но и как организатор психологической ситуации. Его собственное поведение оказывает непосредственное влияние на атмосферу следственного действия. Спокойствие следователя снижает уровень хаоса и эмоциональной дестабилизации. Его уверенность дисциплинирует участников. Его собранность препятствует психологическим

провокациям. И наоборот, раздражительность, поспешность, демонстративная нервозность или излишняя суетливость быстро передаются окружающим и осложняют проведение обыска.

Следовательно, психологическая подготовка имеет двойное значение. С одной стороны, она обеспечивает внутреннюю устойчивость самого следователя, а с другой — позволяет ему эффективно управлять психологической обстановкой обыска. Это особенно важно, поскольку во многих случаях успех поисковых действий определяется не только физическим обследованием объектов, но и умением правильно понимать логику поведения обыскиваемого, своевременно замечать значимые отклонения в его реакциях, не поддаваться на отвлекающие маневры и не утрачивать поисковой целенаправленности.

Отсюда вытекает важный вывод: **психологическая подготовка следователя должна рассматриваться** не как абстрактное воспитание «стрессоустойчивости вообще», а **как специально организованная система профессионального тренинга, направленного на формирование психологической готовности к конкретному виду деятельности — к проведению обыска.** Такая подготовка должна быть тесно связана с практикой, опираться на типичные следственные ситуации, учитывать реальные формы противодействия и развивать именно те качества, которые обеспечивают успешность поисковой деятельности.

Одним из ключевых психологических условий успешного проведения обыска является *развитая наблюдательность следователя*. В следственной деятельности наблюдательность представляет собой не просто общую способность замечать детали, а профессионально организованное качество восприятия, позволяющее выделять из множества внешне разрозненных признаков именно те, которые имеют ориентирующее, диагностическое или доказательственное значение.

В ходе обыска следователь постоянно сталкивается с огромным количеством зрительных, предметных и поведенческих сигналов. Это обстановка помещения, расположение вещей, следы недавних перемещений предметов, особенности конструкций мебели, признаки маскировки, состояние документов, поведение находящихся в помещении лиц, их жесты, паузы, непроизвольные реакции, попытки контролировать или направлять внимание участников поиска. Все это создает насыщенное информационное поле, в котором значимые сигналы легко могут быть утрачены, если восприятие следователя недостаточно организовано.

Профессиональная наблюдательность отличается от бытовой прежде всего своей избирательностью. Следователь должен не просто «много замечать», а замечать именно то, что связано с задачами поиска. Поэтому развитие наблюдательности невозможно без формирования профессиональной установки на поиск смысловых отклонений, несоответствий и индикаторов сокрытия. Следователь должен быть психологически настроен на выявление неочевидного: не только того, что бросается в глаза, но и того, что кажется внешне обычным, но при более внимательном анализе обнаруживает признаки искусственности, нелогичности или несоответствия общему контексту.

Наблюдательность тесно связана с *профессиональным вниманием*. Внимание следователя при обыске должно обладать несколькими важными характеристиками: устойчивостью, объемом, переключаемостью и распределяемостью. Устойчивость необходима для длительного сосредоточения на поисковой задаче. Объем — для охвата значительного количества объектов и признаков. Переключаемость — для быстрого перехода от одного направления анализа к другому. Распределяемость — для одновременного контроля за предметной обстановкой, действиями группы и поведением обыскиваемого. Именно поэтому развитие профессионального внимания требует специальной тренировки.

Одним из эффективных направлений такой тренировки является упражнение в аналитическом наблюдении за предметной обстановкой. Следователю полезно систематически выполнять задания, предполагающие быстрое, но точное восприятие помещения или набора предметов с последующим воспроизведением увиденного. Однако смысл подобных упражнений не в механическом запоминании, а в выработке умения замечать структурные и логические особенности обстановки: что в ней типично, а что выглядит необычно; какие предметы находятся не на своем месте; что может указывать на недавнее перемещение; какие элементы конструктивно выбиваются из общей системы.

Другим направлением является тренировка наблюдения за поведением людей. Следователь должен учиться фиксировать не только яркие эмоциональные проявления, но и тонкие признаки внутреннего напряжения, изменения позы, микропауз, особенности взгляда, попытки скрыть интерес к определенному участку помещения или, наоборот, демонстративно подчеркнуть несущественные объекты. При этом важно подчеркнуть, что речь не идет о примитивной «расшифровке жестов» по шаблону. Поведенческие признаки приобретают значение только в контексте конкретной ситуации и в системе других наблюдаемых факторов. Поэтому тренировка должна формировать не суеверную веру в отдельные жесты, а способность к контекстному анализу поведения.

Полезной формой подготовки является разбор видеозаписей реальных или учебно-моделируемых следственных ситуаций. Такой анализ позволяет следователю учиться замечать те детали, которые в динамике живого события могут ускользнуть от внимания. При повторном просмотре можно выделять поведенческие маркеры напряжения, моменты отвлечения внимания группы, признаки несогласованности действий участников. Это развивает привычку смотреть на ситуацию не поверхностно, а аналитически.

Важное значение имеет и тренировка фиксации значимых деталей. Многие ошибки при обыске связаны не с тем, что следователь ничего не видел, а с тем, что он не придал увиденному должного значения или не связал отдельные наблюдения между собой. Поэтому в процессе подготовки необходимо развивать у будущих и действующих следователей умение мысленно структурировать наблюдаемое: выделять центральные и периферийные признаки, сопоставлять их, удерживать в памяти несколько параллельных наблюдений и превращать их в рабочие поисковые версии.

Одним из полезных методов может быть упражнение по типу «ситуативной реконструкции». Следователю предлагается осмотреть учебное помещение

или фотоматериал, после чего он должен не просто перечислить замеченные объекты, а реконструировать возможную логику их расположения и указать, какие элементы вызывают сомнение и почему. Такое упражнение развивает переход от пассивного восприятия к аналитическому осмыслению.

Не менее важно развивать навык самоконтроля внимания. В ходе длительного обыска внимание естественным образом утомляется, что приводит к снижению чувствительности к деталям и росту шаблонности восприятия. Поэтому следователь должен владеть приемами внутренней активизации внимания: периодической сменой фокуса анализа, сознательной проверкой ранее обследованных логических блоков, короткими внутренними вопросами к самому себе — что остается непроверенным, что выбивается из общей картины, где возможна ошибка поспешного вывода. Такие приемы помогают поддерживать поисковую активность восприятия.

Таким образом, развитие наблюдательности и профессионального внимания представляет собой важнейшее направление психологической подготовки следователя. Без специально сформированного умения видеть значимое в сложной и динамичной обстановке обыск неизбежно превращается в механический осмотр вещей. Напротив, наблюдательный следователь способен превращать каждую деталь обстановки и каждую реакцию обыскиваемого в источник ориентирующей информации.

Если наблюдательность обеспечивает восприятие значимых признаков, то поисковое мышление обеспечивает их осмысление, связывание и превращение в тактические решения. Поисковое мышление следователя представляет собой особый вид профессионального мышления, направленного на обнаружение скрытого объекта, реконструкцию логики сокрытия и построение вероятностных версий о наиболее значимых направлениях поиска.

В ходе обыска следователь сталкивается не просто с задачей «осмотреть помещение», а с задачей понять, где и почему мог быть скрыт определенный предмет конкретным лицом в данных условиях. Следовательно, поисковое мышление всегда носит вероятностный, реконструктивный и рефлексивный характер. Следователь должен мысленно поставить себя в позицию лица, скрывающего объект, оценить его возможности, мотивы, привычки, уровень предусмотрительности, доступные ресурсы, психологические особенности и ограничения ситуации. Только в этом случае поиск становится действительно интеллектуально организованным.

Одним из центральных компонентов поискового мышления является *умение строить и проверять поисковые версии*. **Поисковая версия — это предположение о возможном месте, способе или логике сокрытия искомого объекта.** Чем более опытен следователь, тем меньше его поиск зависит от случайности и тем больше он опирается на систему таких версий. Однако поисковые версии не должны быть догматичными. Они должны постоянно проверяться, уточняться и при необходимости заменяться новыми, если обстановка или поведение обыскиваемого дают для этого основания.

Поэтому тренинг поискового мышления должен строиться прежде всего на решении ситуационных задач. Следователю полезно систематически работать с описаниями конкретных следственных ситуаций, в которых требуется

определить вероятные объекты поиска, возможные способы их сокрытия, типичные ошибки поиска и наиболее рациональную последовательность действий. Ценность таких задач состоит в том, что они заставляют не просто вспоминать теоретические положения, а применять их в моделируемой практической ситуации.

Особенно эффективны задачи, в которых отсутствует единственно очевидный ответ. Именно такие задания развивают гибкость мышления, учат видеть несколько альтернативных версий и избегать поспешной фиксации на первой пришедшей в голову гипотезе. Следователь должен учиться мыслить не линейно, а вариативно: если предмет не найден в наиболее ожидаемом месте, это не означает его отсутствия, а требует перестройки версии поиска.

Важное место в подготовке занимает **моделирование обысков**. Учебно-практическое моделирование позволяет максимально приблизить тренировку к реальным условиям деятельности. В специально организованной обстановке могут воспроизводиться различные типы объектов, варианты сокрытия, формы противодействия, информационные перегрузки и поведенческие отвлекающие маневры. При этом задача следователя состоит не только в том, чтобы обнаружить скрытые объекты, но и в том, чтобы продемонстрировать логику своего поиска: какие версии он строит, почему выбирает определенное направление, какие признаки считает ориентирующими.

Большую пользу приносит разбор практических случаев. Анализ реальных обысков, особенно тех, где были допущены ошибки либо, напротив, достигнут высокий результат благодаря нестандартному решению, позволяет увидеть живую логику поискового мышления. В таких разборах важно не ограничиваться перечислением внешних действий. Необходимо реконструировать ход мысли следователя: на что он обратил внимание, какие предположения сделал, почему отказался от одной версии и перешел к другой, какие обстоятельства стали ключевыми для обнаружения искомого объекта.

Особое внимание в тренинге должно уделяться преодолению мыслительных ловушек. Одной из наиболее распространенных является шаблонность поиска, когда следователь ориентируется только на наиболее типичные места сокрытия и недостаточно учитывает индивидуальные особенности конкретной ситуации. Другой ошибкой является преждевременное удовлетворение результатом, когда после обнаружения части искомых объектов поиск внутренне считается завершенным. Еще одна опасность — проекция собственной логики на логику обыскиваемого: следователь предполагает, что другой человек будет прятать предметы так, как это сделал бы он сам. Тренинг поискового мышления должен специально выявлять и корректировать подобные ошибки.

Полезным приемом является упражнение на «рефлексивный разворот». Следователю предлагается не просто искать объект, а мысленно выступить в роли лица, которое хочет надежно скрыть предмет от следствия. Затем анализируется, какие места он бы выбрал, от чего отталкивался бы, какие факторы считал бы наиболее важными. После этого производится обратный переход в профессиональную позицию следователя. Такие упражнения развивают рефлексивность, то есть способность учитывать мышление и поведение другой стороны.

Важным элементом тренинга является и формирование интеллектуальной дисциплины поиска. Следователь должен привыкать к тому, что каждая версия требует проверки, каждый вывод — обоснования, а каждая находка — осмысления в более широкой системе обстоятельств дела. Поисковое мышление не терпит ни бессистемной суеты, ни умозрительной поспешности. Оно должно сочетать гибкость и методичность, воображение и контроль, вероятность и критичность.

Таким образом, тренинг поискового мышления представляет собой сердцевину психологической подготовки следователя к проведению обыска. Именно он превращает поиск из механического обследования пространства в профессионально организованный мыслительный процесс, направленный на раскрытие скрытого и преодоление умышленной маскировки.

Не менее важным компонентом профессиональной готовности к проведению обыска является **психологическая устойчивость следователя**. Под психологической устойчивостью следует понимать способность сохранять работоспособность, самообладание, ясность мышления и управляемость собственного поведения в условиях эмоционального напряжения, конфликта, неопределенности и внешнего давления.

Необходимость такой устойчивости обусловлена самой природой обыска. В большинстве случаев это следственное действие протекает в обстановке скрытого или явного сопротивления. Даже если обыскиваемый внешне ведет себя спокойно, сама ситуация уже является для него психологически значимой и нередко травмирующей. Это может порождать различные формы эмоционального реагирования: раздражение, тревогу, агрессию, демонстративное возмущение, обиду, страх, попытки вызвать жалость, стремление спровоцировать следователя на грубость или процессуальную ошибку. Следователь неизбежно оказывается включенным в эту напряженную эмоциональную среду.

Если он не умеет управлять собственным состоянием, то легко становится объектом психологического воздействия со стороны других участников ситуации. Раздражение может вызвать ответную резкость. Агрессивное поведение обыскиваемого — внутреннюю скованность или, наоборот, эмоциональную ответную реакцию. Демонстративные жалобы и обвинения — неуверенность, стремление оправдываться или поспешно завершить действия. Во всех таких случаях снижается качество профессионального контроля над ситуацией.

Поэтому психологическая устойчивость предполагает прежде всего **развитие эмоциональной саморегуляции**. Следователь должен уметь распознавать собственные состояния — нарастающее раздражение, усталость, тревожную поспешность, внутреннее напряжение — и своевременно их корректировать. Важнейшим условием здесь является сформированная профессиональная позиция: следователь не должен воспринимать эмоциональные выпады обыскиваемого как личное оскорбление или личный вызов. Он должен видеть в них элемент следственной ситуации, который требует анализа и управления, а не эмоционального втягивания.

Одним из основных способов поддержания устойчивости является внутренняя когнитивная дисциплина. Следователь должен удерживать в центре внимания не эмоциональный фон происходящего, а задачи следственного

действия. Когда сознание прочно ориентировано на профессиональную цель, эмоциональные раздражители легче поддаются нейтрализации. Напротив, потеря целевой направленности делает человека более восприимчивым к психологическим провокациям.

Важным элементом подготовки является тренировка поведения в конфликтных ситуациях. Такие тренировки должны включать моделирование различных вариантов противодействия: словесное давление, демонстративное возмущение, отказ от сотрудничества, попытки затянуть время, вмешательство родственников или сотрудников организации, имитацию болезненного состояния, намеренное создание шумового и эмоционального фона. Следователь должен учиться не только знать, что такие ситуации возможны, но и практически отрабатывать в них спокойные, законные и психологически грамотные реакции.

Особое значение имеет развитие способности к управлению темпом собственной реакции. В конфликте одна из частых ошибок состоит в том, что следователь начинает реагировать слишком быстро, автоматически, импульсивно. Между тем профессиональная устойчивость предполагает короткую внутреннюю паузу между внешним раздражителем и ответом. Даже несколько секунд внутренней собранности позволяют избежать ненужной резкости, сохранить процессуальную точность и выбрать наиболее рациональный способ поведения.

К психологической устойчивости относится и способность работать в условиях длительного напряжения. Обыск может продолжаться значительное время, особенно если объект сложен, объем поиска велик, а искомые предметы тщательно скрыты. В таких условиях утомление начинает воздействовать не только на физическую активность, но и на мышление: снижается критичность, усиливается склонность к шаблонным решениям, падает чувствительность к тонким поведенческим и предметным признакам. Поэтому следователь должен владеть приемами поддержания работоспособности: внутренней мобилизации, периодического самоконтроля внимания, рационального распределения нагрузок внутри группы, своевременного переключения между видами задач.

Психологическая устойчивость не означает эмоциональной бесчувственности или жесткости. Напротив, она предполагает зрелое владение собственными эмоциями. Следователь может испытывать естественное напряжение, но не позволять ему управлять своим поведением. Может фиксировать агрессию или провокацию со стороны других лиц, но не заражаться ею. Может осознавать сложность ситуации, но не терять ясности мышления. Именно в этом и состоит профессиональная зрелость.

Существенную роль играет и постситуационная психологическая работа. После напряженных следственных действий следователь должен уметь анализировать не только тактические результаты, но и собственное состояние: в какие моменты возникала эмоциональная дестабилизация, какие формы противодействия оказались наиболее психологически трудными, где произошло снижение внимания, какие реакции были излишне поспешными. Такой самоанализ способствует развитию профессиональной устойчивости гораздо больше, чем абстрактные призывы «быть спокойным».

Психологическая устойчивость следователя является необходимым условием эффективного проведения обыска. Она обеспечивает сохранение самообладания, препятствует вовлечению в конфликт по эмоциональному сценарию, поддерживает ясность мышления и позволяет следователю сохранять ведущую, организующую роль в сложной следственной ситуации.

Психологическая подготовка и тренинг к проведению обысков составляют наиболее глубокий внутренний уровень профессиональной готовности следователя. Именно здесь формируются те качества, без которых не могут полноценно работать ни тактические рекомендации, ни поисковые алгоритмы, ни технические средства. Следователь может знать методику обыска, владеть процессуальными правилами и иметь в распоряжении современную технику, но при отсутствии развитой наблюдательности, поискового мышления, психологической устойчивости и навыков саморегуляции его деятельность неизбежно будет страдать от поспешности, шаблонности и уязвимости к психологическому давлению.

Поэтому психологическая подготовка должна рассматриваться как обязательный, системообразующий элемент профессионального становления следователя. Она призвана формировать не только устойчивость к напряжению, но и особый тип профессионального восприятия, мышления и поведения, позволяющий эффективно действовать в одной из наиболее сложных и психологически насыщенных форм следственной работы — при проведении обыска.

Практические формы психологического тренинга следователя при подготовке к проведению обыска

Направление подготовки	Цель тренинга	Основное содержание	Конкретные упражнения и учебные модели	Какие профессиональные качества развиваются	Практическое значение для проведения обыска
Развитие профессиональной наблюдательности	Сформировать у следователя умение замечать значимые признаки обстановки, отклонения, несоответствия, следы маскировки и возможные сокрытия предметов	Тренировка восприятия предметной среды как ориентирующей информации; развитие умения видеть только отдельные объекты, но и их взаимосвязь, логичность расположения, приписки, признаки ответственного	«Оперативный осмотр»: кратковременный осмотр помещения с последующим воспроизведением увиденного; анализ фотоматериалов помещений с поиском подозрительных деталей; ситуативная реконструкция: объяснение, какие элементы обстановки кажутся	Наблюдательность, избирательность восприятия, зрительная память, способность выделять существенные детали, аналогичность восприятия	Позволяет быстрее ориентироваться в обстановке, замечать признаки тайников, изменения среды, следы спешной маскировки, а также снижает риск пропуска

		изменения обстановки	нелогичными и почему; сравнительный осмотр двух почти одинаковых помещений с выявлением различий	значимых объектов	
Развитие профессионального внимания	Сформировать устойчивое, распределенное поле внимания и переключение, необходимое для одновременного контроля за несколькими аспектами следственной ситуации	Тренировка способности удерживать в поле внимания обстановку, действия участников группы, проведение обыска и ход фиксации результатов обыска	Упражнение на распределение внимания: временное наблюдение за несколькими зонами помещения; упражнение на переключение внимания: быстрый переход от анализа предметной обстановки к оценке поведения человека; контрольные задания с отвлекающими помехами; тренинг длительного сосредоточения при моделировании продолжительного обыска	Устойчивость внимания, переключаемость, способность сохранять концентрацию в сложной обстановке	Особенно важно в ходе длительного обыска, когда следователь должен одновременно руководить группой, наблюдать за обыскиваемым и контролировать поисковую логику
Наблюдение за поведением обыскиваемого	Научить использовать поведенческие реакции как ориентирующую ин-формацию, не абсолютизируя отдельные жесты и впадая в упрощенные толкования	Анализ невербального поведения, эмоциональных реакций, позы, темпа речи, направления взгляда, попыток отвлечения внимания, демонстративного контроля за отдельными участками пространства	Анализ видеозаписей конфликтных и напряженных ситуаций; ролевая модель «обыскиваемый скрывает объект»; наблюдение за микрореакциями при упоминании различных объектов или зон поиска; разбор поведенческих маркеров напряжения в конкретных кейсах	Социальная наблюдательность, кон-текстное мышление, умение составлять попытки отвлечения ситуацией, рефлексивность, а также лучше понимать психологическую логику сопротивления	
Тренинг поискового	Сформировать у следователя	Развитие умения анализировать условия	Решение ситуационных задач с несколькими	Логичность мышления, делает по-иск осмысленным и	

мышления	<p>способность сокрытия, не просто строить и просматривать объект, а вые версии, помыслить по-исковыми одной гипотезами и тезы к другой, строить ве-роятностные предположения о логике сокрытия</p>	<p>возможными ва-риантами сокрытия; учебный поиск объектов в специально подготовленном помещении; разбор «почему искали именно здесь»; упражнение на формулирование поисковых версий до начала и в ходе обыска</p>	<p>направлен- ным, умень- шает долю случайно- сти, помо- гает нахо- дить скры- тые объекты там, где ме- ханический осмотр ока- зался бы бесполез- ным</p>
-----------------	---	---	---

Тренинг рефлексивного анализа	<p>Развить спо- собность следователя мысленно ставить себя на место лица, скры- вающего предмет, и сти понимать его логику действий</p>	<p>Освоение ре- флексивного подхода к по- иску: анализ возможностей, мотивов, как он бы спрятал предмет; «ре- флексивный раз- ворот»: переход из позиции лица, скрыва- ющего объ- екты</p>	<p>Упражнение «ло- гика сокрытия»: участнику предла- гается самому придумать, где и как он бы спрятал предмет; «ре- флексивный раз- ворот»: переход из позиции скрыва- вающего в пози- цию ищущего; сравнение вари- антов сокрытия у разных участни- ков; анализ ре- альных приме- ров нестандарт- ных тайников</p>	<p>Рефлексив- ность, гиб- кость мыш- ления, спо- собность мест учитывать и ло- индивиду- альный спо- соб мышле- ния обыски- ваемого</p>
--------------------------------------	---	--	---	---

Модели- рование обысков в учеб- ных усло- виях	<p>Приблизить подготовку следователя к реальным условиям проведения обыска и от- работать це- лостный ал- горитм дей- ствий</p>	<p>Комплексное моделирова- ние обыска: осмотр поме- щения, распре- деление ролей, управление группой, ана- лиз поведения присутствую- щих, выявле- ние скрытых объектов, фик- сация резуль- татов</p>	<p>Учебный обыск квартиры, каби- нета, офиса, га- раж; введение скрытых факто- ров: ложные ори- ентиры, отвлекаю- щие предметы, не- сколько тайников, эмоционально на-пряженное по- ведение участни- ков; последую- щий разбор дей- ствий</p>	<p>Комплекс- ная профес- сиональная готовность, организо- ванность, тактиче- ское мышле- ние, умение дей- ствовать в динамич- ной ситуа- ции коммуни- кативную так- тики и</p>
---	---	---	---	--

Тренинг психологической устойчивости	Подготовить следователя к работе в условиях стресса, конфликта, давления и эмоциональных провокаций	Формирование способности сохранять самообладание, ясность мышления и управляемость поведения в эмоционально напряженной среде	Ролевые конфликты: агрессия, жалобы, проволочки, давление родственников или сотрудников организации; упражнение «пауза перед реакцией»; моделирование затягивания времени и отвлечения внимания; разбор собственных эмоциональных ошибок после упражнения	Стрессоустойчивость, самообладание, выдержка, эмоциональная саморегуляция, конфликтология, компетентность	стрессоустойчивость Позволяет не терять контроль над ситуацией, не втягиваться в конфликт по эмоциональной сценарию и сохранять профессиональную роль руководителя обыска
Тренинг саморегуляции	Научить следователя управлять собственным психическим состоянием до, во время и после обыска	Освоение приемов внутренней мобилизации, снижения эмоционального напряжения, самоконтроля внимания и восстановления работоспособности	Краткие техники самонастройки перед обыском; дыхательные и когнитивные приемы стабилизации; внутренние контрольные вопросы: «что я упускаю?», «что внутренняя остается непроторенным?»; последовательный самоанализ	Самоконтроль, эмоциональная зрелость, способность подерживать работоспособность, собранность, дисциплина	Особенно важно при длительных и напряженных обысках, когда усталость начинает снижать качество восприятия и мышления
Анализ практических случаев	Формировать профессиональный опыт на основе разбора реальных удачных и неудачных обысков	Изучение конкретных следственных ситуаций, реконструкция действий следователя, выявление удачных решений и типичных ошибок	Кейс-разборы с вопросами: что заметили, почему вернулась оказалась верной или ошибочной; обсуждение нестандартных способов сокрытия; сравнительный анализ нескольких обысков	Аналитичность, рефлексия, профессиональная память, критическое мышление	Позволяет научиться не только на собственном опыте, но и на опыте коллег, ускоряя профессиональное становление следователя

Тренинг командного взаимодействия	Обеспечить согласованность действий следственно-оперативной группы и выработать дисциплину совместного поиска	Отработка распределения ролей, порядка информационного обмена, подчиненности, способов координации поисковых действий фиксации результатов	Учебное распределение ролей перед обыском; модели командного поиска с разными зонами ответственности; упражнение на передачу ориентирной информации руководителю группы; разбор ошибок координации	Организованность, управленческое мышление, коммуникативная слаженность, дисциплина взаимодействия	Существенно повышает эффективность обыска, устраняет хаотичность, дублирование действий и риск пропусков поиска
Использование видеозаписей в обучении	Повысить качество профессиональной рефлексии за счет объективного разбора собственных действий	Фиксация учебных обысков на видео с последующим подробным анализом поведения следователя, группы и условного обыскиваемого	Просмотр видеозаписей учебных занятий; новка в ключевых моментах и обсуждение альтернативных решений; оценка и экспертная оценка действий	Рефлексия, способность видеть собственные ошибки, готовность к коррекции поведения, профессиональная критичность	Видеоразбор особенно полезен, позволяет заметить то, что ускользает в живой динамике: суету, потерю темпа, ошибки координации, неверное реагирование
Самообразование как форма постоянного профессионального тренинга	Поддерживать и обновлять профессиональную готовность следователя на протяжении всей службы	Систематическое изучение литературы, анализ новых способов покрытия, освоение современных технических возможностей, накопление типовых и нестандартных кейсов	Профессиональное чтение; ведение личного банка наблюдений и профессиональных замечаний; изучение современных критериев профессиональных рекомендаций; участие в семинарах, учебных занятиях, тренингах	Профессиональная эрудиция, готовность к обновлению знаний, методическая культура, интеллектуальная дисциплина	Делает профессиональную подготовку не разрывной; помогает следователю не отставать от изменений в практике и методах расследования

Практическая подготовка следователя к проведению обыска должна носить комплексный характер. Она не может сводиться ни к одному отдельному

навыку — ни к наблюдательности, ни к стрессоустойчивости, ни к знанию типичных тайников. Речь идет о целостной системе профессионального тренинга, в которой развиваются восприятие, внимание, мышление, эмоциональная устойчивость, навыки взаимодействия и способность к профессиональной рефлексии.

Именно такая подготовка формирует у следователя подлинную психологическую готовность к обыску — готовность не только действовать по правилам, но и видеть, понимать, сопоставлять, предвидеть и сохранять внутреннюю устойчивость в сложной следственной ситуации.

Выводы по главе

1. Рационализация труда следователя представляет собой важное условие повышения эффективности следственной деятельности. Она предполагает системную организацию профессиональной работы следователя, направленную на оптимизацию использования времени, интеллектуальных и организационных ресурсов при проведении следственных действий.
2. Научная организация труда следователя обеспечивает упорядоченность и целенаправленность его деятельности. Четкое планирование следственных действий, продуманная подготовка к проведению обыска, рациональное распределение задач между участниками следственно-оперативной группы и эффективное использование имеющихся ресурсов позволяют существенно повысить результативность поисковых мероприятий.
3. Важную роль в рационализации следственной деятельности играет алгоритмизация поисковых действий. Использование типовых алгоритмов позволяет придать поиску системный характер, снизить вероятность пропуска значимых объектов, избежать хаотичности действий и повысить дисциплину проведения обыска. При этом алгоритмы не должны восприниматься как жесткие инструкции — они выступают прежде всего ориентиром для профессионального мышления следователя.
3. Современная следственная практика требует постоянного обновления профессиональных знаний и овладения новыми методами работы. Использование современных технических средств, цифровой криминалистики и взаимодействие со специалистами различных областей знаний значительно расширяют возможности обнаружения доказательственной информации.
4. Особое значение в подготовке следователя к проведению обыска имеет психологическая подготовка. Она включает развитие профессиональной наблюдательности, формирование поискового мышления, способность анализировать поведение участников следственного действия и поддерживать высокий уровень концентрации внимания в условиях информационной и эмоциональной нагрузки.

5. Психологическая устойчивость следователя выступает важным фактором успешного проведения обыска. Умение сохранять самообладание, контролировать собственные эмоциональные реакции и поддерживать организующую роль в конфликтной ситуации позволяет следователю эффективно управлять ходом следственного действия.
6. Практический тренинг, включающий моделирование обысков, решение ситуационных задач, анализ реальных следственных ситуаций и развитие профессиональных психологических качеств, является необходимым элементом профессиональной подготовки следователя.
7. Таким образом, рационализация труда следователя представляет собой комплекс организационных, методических и психологических мер, направленных на повышение эффективности следственной деятельности и совершенствование профессионального мастерства следователя.

Контрольные вопросы по главе:

1. В чем заключается сущность научной организации труда следователя?
2. Какое значение имеет планирование следственных действий при подготовке к обыску?
3. Какие основные элементы включает подготовка следователя к проведению обыска?
4. В чем состоит значение алгоритмизации поисковых действий?
5. Какие типовые алгоритмы могут использоваться при проведении обыска?
6. Каким образом использование алгоритмов способствует предупреждению ошибок при проведении обыска?
7. Почему алгоритмы поисковой деятельности не должны восприниматься как жесткие инструкции?
8. В чем проявляется необходимость овладения следователем новыми методами работы?
9. Какие современные технические средства могут использоваться при проведении обыска?
10. Какое значение имеет взаимодействие следователя со специалистами различных областей знаний?
11. В чем заключается роль психологической подготовки следователя при проведении обыска?
12. Какие профессиональные качества обеспечивают эффективность наблюдения в ходе обыска?
13. Что понимается под поисковым мышлением следователя?
14. Какие методы могут использоваться для развития поискового мышления?
15. В чем заключается значение психологической устойчивости следователя при проведении обыска?
16. Какие формы практического тренинга могут использоваться для подготовки следователя к проведению обысков?

Практические задания

Задание 1

Следователь готовится к проведению обыска в квартире лица, подозреваемого в совершении экономического преступления. По материалам дела известно, что подозреваемый имеет опыт работы в сфере информационных технологий и обладает высоким уровнем технической подготовки.

Необходимо:

1. Определить возможные направления поиска.
2. Сформулировать основные поисковые задачи.
3. Предложить план подготовки к проведению обыска.
4. Определить, каких специалистов целесообразно привлечь к проведению данного следственного действия.

Задание 2

В ходе проведения обыска следователь замечает, что обыскиваемый проявляет повышенное внимание к одному из шкафов в комнате. Он несколько раз переводит взгляд в сторону данного предмета мебели и пытается отвлечь внимание участников обыска, предлагая осмотреть другие помещения.

Необходимо:

1. Проанализировать поведение обыскиваемого.
2. Определить возможные поисковые версии.
3. Предложить дальнейшие действия следователя.

Задание 3

В учебной аудитории подготовлено несколько вариантов сокрытия предметов (в мебели, предметах интерьера, бытовой технике). Следователю предлагается провести учебный обыск в условиях ограниченного времени.

После завершения упражнения необходимо:

1. Проанализировать последовательность поисковых действий.
2. Определить допущенные ошибки.
3. Сформулировать рекомендации по совершенствованию организации поиска.

Задание 4

Проанализируйте предложенную следственную ситуацию.

Во время обыска обыскиваемый начинает вести себя агрессивно, громко выражает недовольство действиями следственной группы, пытается вступать в конфликт с понятыми и отвлекать внимание участников обыска.

Необходимо:

1. Определить психологические цели такого поведения.
2. Предложить тактические действия следователя.
3. Указать, какие психологические качества следователя имеют значение в данной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обыск по праву относится к числу наиболее сложных и ответственных следственных действий. В нем соединяются правовые требования, тактическое мастерство, криминалистические знания и психологическая проницательность следователя. Именно поэтому успешное проведение обыска требует не только знания процессуальных норм и технических приемов, но и глубокого понимания психологии человеческого поведения, логики сокрытия и особенностей поисковой деятельности.

Настоящее пособие было посвящено именно этой стороне следственной работы — психологическим основам проведения обыска. На протяжении всей книги мы стремились рассмотреть обыск не только как процессуальное действие, но и как сложный интеллектуальный процесс, в котором важную роль играют наблюдательность следователя, его способность анализировать ситуацию, строить поисковые версии, понимать поведение людей и организовывать работу следственно-оперативной группы.

В книге были рассмотрены психологические механизмы сокрытия предметов, особенности поведения обыскиваемых лиц, типичные ошибки следственной практики, вопросы рациональной организации труда следователя, алгоритмизации поисковой деятельности, использования современных методов работы и подготовки следователя к проведению обыска. Особое внимание было уделено психологической подготовке следователя — развитию наблюдательности, поискового мышления, способности сохранять самообладание и принимать решения в сложных ситуациях.

Главная мысль, которая проходит через все содержание этой книги, заключается в том, что обыск является прежде всего деятельностью мыслительной. Он требует от следователя умения видеть больше, чем лежит на поверхности, сопоставлять факты, понимать психологию поведения людей и системно организовывать поисковую деятельность. Именно сочетание профессионального опыта, аналитического мышления и психологической наблюдательности позволяет следователю превращать обыск из механического обследования предметов в эффективный инструмент обнаружения доказательственной информации.

Эта книга имеет для меня особое значение. Она стала итогом многих лет научной и преподавательской работы в области юридической психологии. На протяжении всей своей профессиональной жизни я стремился исследовать психологические аспекты следственной деятельности, делиться своими наблюдениями, размышлениями и опытом с коллегами, студентами и практическими работниками правоохранительных органов.

К сожалению, тяжелая болезнь не позволяет мне продолжать научную и творческую деятельность. Поэтому данная книга становится для меня своеобразным завершением многолетней работы в области юридической психологии.

Завершая эту книгу, я прежде всего хочу выразить искреннюю признательность своим читателям. На протяжении многих лет вы проявляли интерес к моим книгам, статьям и научным исследованиям. Ваше внимание, ваши

письма, ваши отклики и профессиональные обсуждения всегда были для меня важнейшей поддержкой и вдохновением в работе.

Я искренне благодарен всем, кто эти годы был рядом со мной — коллегам, преподавателям, практическим работникам правоохранительных органов, студентам и всем читателям, интересующимся проблемами юридической психологии.

От всего сердца хочу пожелать вам здоровья, профессиональных успехов, творческой энергии и новых достижений в вашей работе. Пусть интерес к знаниям, стремление к профессиональному совершенству и уважение к закону всегда остаются надежной основой вашей деятельности.

Я надеюсь, что мои книги и созданный мною сайт по юридической психологии будут и дальше служить источником знаний для специалистов, студентов и всех, кто интересуется этой областью науки. Если мои работы будут продолжать вызывать интерес и приносить пользу читателям, это станет для меня самой лучшей памятью о моей научной и творческой деятельности.

С искренней благодарностью и уважением ко всем моим читателям.

ОТВЕТЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАДАНИЯМ

Глава 1.

1. Оцените психологическую обстановку и поведение обыскиваемого.

Обстановка характеризуется внешним спокойствием и скрытым напряжением. Поведение обыскиваемого демонстрирует элементы контролируемого противодействия: внешняя вежливость и «готовность помочь» служат способом снизить настороженность следователя и направить его внимание в ложную сторону. Поведение избыточно регламентировано, что может указывать на внутреннюю тревогу и желание скрыть истинное положение вещей.

2. Какие признаки могут указывать на возможное противодействие?

— Активное стремление управлять действиями следователя («осмотрите кухню», «вот ключи от кладовой»).

— Избегание определённой зоны (гостиная), что может свидетельствовать о наличии там значимого объекта.

— Контролируемая мимика и жесты, подчёркнуто ровный голос, желание поддерживать доброжелательный контакт — типичные признаки подавленного волнения.

— Несоответствие между словами («я полностью открыт») и невербальными проявлениями (отведение взгляда, повышенное напряжение тела, изменённая дыхательная динамика).

3. Тактика поведения следователя.

Следователь должен сохранить спокойствие и нейтральность, не поддаваясь на демонстрируемую «открытость».

Рекомендуется:

— действовать в рамках заранее продуманного плана, не позволяя обыскиваемому направлять ход обыска;

— внимательно наблюдать за реакциями при переходе из помещения в помещение;

— не вступать в лишние диалоги и эмоциональные игры;

— при необходимости — незаметно изменить порядок осмотра, вернуться к комнате, вызывающей подозрение (в данном случае — к гостиной).

Таким образом, основная тактика — рефлексивное управление ситуацией: следователь использует информацию о поведении человека не для давления, а для корректировки собственных действий.

4. Как проявляется рефлексия в данной ситуации?

Обыскиваемый предполагает, что следователь воспримет его поведение как знак сотрудничества — и пытается этим воспользоваться. Следователь, в свою очередь, осознаёт наличие этой стратегии и выстраивает контррефлексию: анализирует не только действия, но и мотивы.

Это типичный пример взаимной рефлексии («он думает, что я думаю...»), когда понимание психологической логики противоположной стороны становится ключом к эффективному и законному результату.

Глава 2.

1. Психологические задачи на этапах обыска

- Подготовительный этап: снять внутреннее напряжение, сформировать состояние собранности и готовности к действию, мысленно смоделировать возможные сценарии поведения участников.

- Начальный этап: провести быструю психологическую диагностику присутствующих, установить контакт и завладеть инициативой.
- Поисковый этап: поддерживать концентрацию внимания, преодолевать интеллектуальные шаблоны, гибко корректировать поисковые версии.
- Заключительный этап: корректно завершить действие, сохранить самоконтроль, провести краткий анализ результатов.

2. Ведущие компоненты психологической структуры

- Подготовительный этап: мотивационно-волевой и организационно-исполнительский.
- Начальный этап: коммуникативный и познавательный-интеллектуальный.
- Поисковый этап: познавательный-интеллектуальный и волевой.
- Заключительный этап: мотивационно-волевой и коммуникативный.

3. Возможные внутренние трудности и приёмы саморегуляции

- Неуверенность — использовать внутренний монолог, мысленное подкрепление уверенности («Я контролирую ситуацию»).
- Усталость — короткая пауза на восстановление дыхания и концентрации внимания.
- Раздражение — осознанное замедление речи и движений, перевод внимания на задачу.
- Сомнение — возвращение к плану действий, опора на логику и факты.

4. Краткий психологический самоанализ после обыска

Отметить, что удалось (например, правильная оценка обстановки, сохранение контакта, точность действий).

Зафиксировать ошибки (поспешные решения, эмоциональные реакции).

Определить направления для развития: самоконтроль, наблюдательность, коммуникативная гибкость.

Глава 3.

1. Наиболее важные профессионально-психологические качества

В ситуации обыска по делу о незаконном хранении документов, содержащих коммерческую тайну, на первый план для ищущего выходят три качества: наблюдательность, устойчивость внимания и эмоциональное равновесие.

Во-первых, наблюдательность необходима из-за высокой вероятности того, что документы могут быть скрыты в нетривиальных местах: среди рабочих бумаг, в технических нишах, в местах, где обыскиваемый ожидает минимального внимания.

Во-вторых, устойчивость внимания позволяет длительное время сохранять качество восприятия, не поддаваясь утомлению и монотонности поиска. Это важно при изучении большого количества однотипных объектов (бумаги, папки, носители информации).

В-третьих, эмоциональное равновесие помогает сохранять ясность мышления и не поддаваться на возможные провокации обыскиваемого, который может быть заинтересован в создании эмоционального давления.

2. Возможные эмоциональные трудности и методы саморегуляции

Основная трудность — повышенное напряжение, связанное с ответственностью и неполнотой информации.

Дополнительное давление может возникнуть из-за конфликтного поведения обыскиваемого: попытки отвлечь внимание, искусственное возмущение, или, наоборот, демонстративное спокойствие, которое создаёт ощущение скрытого сопротивления.

Для саморегуляции целесообразно использовать:

- краткие микропаузовые переключения (несколько секунд для восстановления внимания);
- внутреннюю формулу профессионального поведения («спокойно, последовательно, без спешки» — как установка на ровность действий);
- короткие дыхательные паузы, которые помогают снижать внутреннее давление и возвращать контроль над эмоциями;
- сознательное замедление темпа речи — один из самых простых способов стабилизировать общее эмоциональное состояние.

3. Система наблюдения за обыскиваемым и обстановкой

При входе в помещение следует сделать короткую остановку и осмотреть общую картину: степень упорядоченности, «логичность» расположения предметов, недавние изменения, признаки перемещений.

В дальнейшем внимание направляется на детали:

- состояние рабочих поверхностей,
- порядок в местах, где обычно возникает беспорядок (столы, полки),
- участки, которые выглядят по-разному по степени «старения» (пыль, следы, отпечатки).

При наблюдении за обыскиваемым важно не фиксироваться на его внешнем проявлении (оно может быть намеренным), а обращать внимание на изменения: лёгкие напряжения, колебания голоса, попытки приблизиться или отодвинуться от определённых зон, мгновенные взгляды в сторону определённых мест.

Все эти признаки рассматриваются как ориентиры, а не доказательства — они подсказывают, куда направить дальнейший поиск.

4. Две поисковые версии

Версия 1.

Документы могут быть спрятаны среди большого массива рабочих материалов — в папках или стопках листов, различающихся только по степени использования.

Признаки, подтверждающие версию:

- неестественное перемещение одной из стопок;
- свежие следы на поверхности, отличающиеся от общей запылённости;
- избыточное внимание обыскиваемого к определённому рабочему месту.

Признаки, опровергающие версию:

- полное отсутствие несоответствий;
- подтверждённая информация, что документы часто перемещались между помещениями.

Версия 2.

Документы могли быть скрыты в технических нишах или конструктивных особенностях помещения: за мебелью, внутри шкафов, под фальшпанелями, в вентиляционных коробах.

Подтверждение версии возможно, если:

- видны признаки недавнего доступа к труднодоступным местам;

- часть мебели стоит несимметрично или непривычно для жилого помещения;
- обыскиваемый демонстрирует напряжение при приближении к такой зоне.

Опровержение версии возможно при отсутствии любых следов вмешательства и при получении данных, что помещение давно не использовалось.

Глава 4.

1. **Распределение ролей и зон ответственности.** Следователь сохраняет общую координацию, определяет последовательность действий и поддерживает контакт с обыскиваемым. Оперативники обеспечивают безопасность, контролируют перемещения участников и проводят первичный поиск под руководством следователя. Криминалист отвечает за техническую сторону — фиксацию, осмотр, изъятие и упаковку доказательств. Психолог наблюдает за эмоциональным состоянием обыскиваемого и членов его семьи, сигнализирует следователю о признаках повышенного напряжения или агрессии. Понятые занимают позиции, позволяющие видеть происходящее, но не мешать действиям группы. Чёткое распределение ролей помогает избежать «перекрёстного управления» и конфликтов за инициативу — каждый знает, что именно входит в его зону ответственности.
2. **Эмоциональные реакции обыскиваемого и семьи.** Появление оперативников нередко вызывает тревогу и оборонительное поведение: повышенная говорливость, раздражение, попытки скрыть растерянность под показной уверенностью. У членов семьи может проявляться страх, протест, а у детей — растерянность и слёзы. Психолог своей спокойной манерой и отсутствием давления помогает снизить уровень напряжения, демонстрируя, что происходящее находится под контролем и не несёт угрозы личной безопасности присутствующих.
3. **Действия следователя для поддержания рабочей атмосферы.** Следователь должен сохранять лидерскую позицию и эмоциональную стабильность, избегая повышенного тона и демонстрации раздражения. Перед началом обыска он кратко, но ясно объясняет цели и порядок действий, обращается к понятным с просьбой фиксировать происходящее беспристрастно. При первых признаках напряжённости (споры, возражения, вмешательство посторонних) следователь мягко, но уверенно восстанавливает деловую обстановку. Главное — сохранить у всех участников ощущение, что процесс идёт в рамках закона и под контролем профессионала.
4. **Вывод.** Эффективное управление психологией группы при обыске требует от следователя не столько формальной власти, сколько личных качеств: самообладания, наблюдательности, такта и умения слышать людей. Он должен одновременно быть руководителем, коммуникатором и стабилизатором эмоциональной обстановки. Когда каждый участник выполняет свою функцию, а следователь задаёт общий ритм и тон, обыск проходит спокойно, организованно и с нужным результатом — без конфликтов и с уважением к человеческому достоинству всех присутствующих.

Глава 5.

Решение практического задания 1

Ситуация (кратко): подчеркнуто спокойный хозяин квартиры, демонстративная помощь, затем резкая смена поведения в двух комнатах; попытки переключить внимание; раздражение на кухне.

Аналитическое решение

Поведение обыскиваемого в данном случае носит противоречивый, но закономерный характер. Подчеркнутая вежливость и готовность помогать на начальном этапе — это классическая стратегия маскировки сотрудничества, когда человек стремится усыпить бдительность, создать образ «открытости» и тем самым направить ход поиска по безопасному маршруту.

Однако резкая, ничем объективно не обусловленная смена поведения в двух комнатах говорит о начале действия защитной доминанты: именно эти зоны вызывают у него внутреннее напряжение. Односложные ответы, избегание инициативы, попытка переключить внимание на посторонние детали — типичная попытка предотвратить углублённый поиск.

На кухне появляется демонстративное раздражение — ещё один маркер. Обыскиваемые нередко негативно реагируют на зоны, где скрыты предметы, требующие «защитного» поведения: так эмоция выступает в качестве ширмы.

Вероятная стратегия: маскировка сотрудничества, дополненная ситуативными всплесками тревоги.

Вероятный мотив: уверенность в наличии тайника и стремление контролировать маршруты следователя.

Зоны риска: две комнаты, где поведение резко изменилось; отдельные участки кухни (шкафы, бытовая техника, конструктивные элементы, несущие устройство).

Психологические признаки:

- внезапное «стушёвывание» инициативы;
- избирательное раздражение;
- попытки навязать ложные траектории поиска;
- микросигналы напряжения при упоминании конкретных зон.

Решение практического задания 2

Ситуация: агрессивный руководитель, громкие заявления, угрозы связями; нервничающий сотрудник, избегающий взглядов и уходящий «за договором».

Аналитическое решение

Агрессивное поведение руководителя носит преимущественно демонстративный характер. Его задача — создать ощущение давления, внушить следователю идею о возможных «последствиях», а также выиграть время. Однако чрезмерная экспрессия, общие слова и повторяющиеся угрозы — признак того, что перед нами не человек, уверенный в своей позиции, а тот, кто стремится контролировать ситуацию через громкий внешний тон. Это **стратегия активной обороны**, предназначенная для дестабилизации группы и создания эмоционального фона.

Однако по-настоящему информативным элементом является не руководитель, а **нервничающий сотрудник**, который внезапно отстраняется от группы и уходит под благовидным предлогом. Избегание зрительного контакта, «срыв» поведения, попытки изолироваться — классические маркеры человека, который либо знает о месте сокрытия, либо сам имеет к нему отношение. В корпоративных обысках такие «второстепенные лица» зачастую оказываются ключевыми.

С точки зрения зон внимания следователя:

- помещение, куда ушёл сотрудник;
- его рабочее место, личные шкафы, техника;
- помещения, где он мог хранить документы в обход руководства;
- офисные «серые зоны»: подсобные комнаты, хранилища, серверная.

Тактические меры:

Следовательно важно нейтрализовать эмоциональную агрессию руководителя через спокойный, процессуально точный стиль работы. Агрессия должна оставаться «пустым фоном», не влияющим на ход поиска.

Первого сотрудника следует тактично изолировать от возможности свободного перемещения и установить за ним визуальный контроль, но без излишней жесткости, чтобы не дать ему возможности изменить поведение или уничтожить материалы.

Главный акцент — на объективной фиксации всех перемещений и системной проверке тех зон, которые контролирует именно этот сотрудник.

Глава 6.

Вариант решения ситуации №1

Прежде всего следователь должен стабилизировать собственное эмоциональное состояние, поскольку многолокационный обыск всегда создаёт повышенное напряжение и риск потери контроля. Необходимо чётко сверить основания для каждого из действий, сформулировать для себя цель и критерии эффективности, чтобы избежать внутренней суеты и излишней концентрации на отдельных деталях.

Далее он анализирует психологический портрет подозреваемого. Агрессивная реакция в прошлом и внешнее спокойствие в других ситуациях говорят о том, что его поведение может резко измениться под воздействием стрессового фактора. Это требует двойного прогноза: демонстративное сотрудничество при входе и возможный всплеск сопротивления в момент, когда следователь приблизится к «чувствительным» зонам. Для складского помещения добавляется риск сокрытия улик в труднодоступных местах или попытки отвлечения.

Затем следователь продумывает состав оперативных групп. Молодому сотруднику, который впервые участвует в обыске, следует дать конкретную, но ограниченную задачу — такую, которая позволит ему чувствовать себя включённым, не перегружая ответственностью. Опытного сотрудника нужно заранее предупредить о необходимости соблюдать согласованность действий, подчеркнув, что в условиях трёх параллельных адресов важна не импровизация, а дисциплина. Это позволит предотвратить внутренний конфликт и сохранить управляемость группы.

Особое внимание уделяется инструктажу. Следователь должен проговорить ключевые сценарии поведения подозреваемого, определить порядок действий при обнаружении сопротивления и обозначить сигналы, по которым группа переходит к альтернативному плану. Важно сформировать у участников ощущение контролируемости происходящего, чтобы снизить их собственное напряжение и предотвратить эмоциональные ошибки.

Завершая подготовку, следователь выстраивает три поисковые модели, каждая из которых учитывает специфику объекта. В гараже — фокус на технических тайниках; в жилье — на зонах, связанных с личными потребностями; на складе — на перемещаемых грузах. Комбинированный прогноз позволяет группе действовать более уверенно в условиях неопределённости и повышает вероятность успешного результата.

Вариант решения ситуации №2

Психологический портрет Р. задаёт сразу несколько важных векторов поиска. Его педантичность и страх утраты контроля предполагают наличие систематизированного, тщательно организованного пространства хранения. Такие люди редко прячут значимые документы в хаотичных местах. Наоборот — они выбирают места, которые дают ощущение полной управляемости: персональные шкафы, закрытые секции,

домашний кабинет, сейфы, закрывающиеся на несколько уровней безопасности контейнеры.

Значимым является и его выраженное разграничение «личного» и «публичного». Из этого следует, что наиболее вероятные места сокрытия находятся не на работе, где пространство вынужденно разделяется с другими, а в зоне полного контроля — жилище или гараж. Гаражный бокс, который Р. посещает без видимой необходимости, выглядит особенно перспективным: он обеспечивает уединённость и низкую вероятность случайных свидетелей. Люди подобного склада нередко используют гаражи как «второе жилище» для хранения тайников.

При прогнозировании поведения во время обыска следует учитывать его избегание конфликта и склонность к молчаливому сопротивлению. Он вряд ли будет активно мешать, но может «утопить» следователя в нейтральных фразах, затягивать время, создавать впечатление полной открытости, одновременно делая попытки направить внимание в безопасную зону. Типичное поведение — имитация сотрудничества, сопровождаемая тревожным самоконтролем.

Тактическая модель должна учитывать именно эту двойственность. Следователю важно заранее продумать несколько сценариев:

1. **Обыск в жилище** — внимание уделяется тем частям пространства, в которые Р. никого не допускает: рабочий стол, закрытые полки, отдельные комнаты, личные сейфы.
2. **Одновременный обыск гаража** — рекомендуется включить его в план как самостоятельный объект.
3. **Обыск по месту работы** — полезен в качестве дополнительного источника данных, но с меньшей вероятностью обнаружения ключевых документов.

Распределение ролей в группе также должно соответствовать особенностям личности обыскиваемого. Один из следователей должен вести с ним нейтрально-доброжелательный контакт, отслеживая эмоциональные колебания и попытки отвлечь внимание. Другие члены группы должны быть направлены на «тихие» зоны, куда Р. может попытаться переключить внимание или которые он стремится скрыть невербально. Уместно участие сотрудника, способного оценивать поведенческие реакции в динамике.

Наконец, принимая во внимание склонность Р. к предварительной продуманности действий, следователь должен предположить наличие многоуровневой системы сокрытия: внешне «безопасный» слой пространства и внутренний — истинный тайник. Это требует тщательного анализа структуры помещений, предметов и их функциональной нагрузки.

Таким образом, психологический портрет становится не просто характеристикой человека, но инструментом, формирующим весь замысел тактики: от выбора адресов и времени обыска до распределения ролевых функций и прогнозирования противодействия.

К главе 7.

Пример решения задания 1

1. Психологические ориентиры начального этапа.

Следователь фиксирует поведение подозреваемого при входе: реакцию, изменения мимики при упоминании рабочих зон, попытки отвлечь внимание. Сохраняется деловой, нейтральный тон общения. Устанавливается первичная когнитивная карта помещения.

2. Приоритетные зоны на обзорной стадии.

Рабочий стол, компьютерная техника, места постоянного доступа (тумбы, ящики, полки у рабочего места), сумки и предметы, которые можно быстро переместить. Мелкие тайники вероятнее всего будут размещены в зонах, где подозреваемый регулярно работает.

3. Модели поведения прячущего и места тайников.

Опытный и стрессоустойчивый человек, вероятно, использует места, не вызывающие подозрения: корпус ноутбука, задние поверхности системного блока, ниши в мебели, внутренние карманы сумок. Тайник должен быть одновременно доступным и незаметным, что указывает на рабочую или личную зону, а не «парадные» помещения.

4. Порядок действий на детальной стадии.

Проверка ведётся по системе: слева направо, сверху вниз в пределах каждой зоны. Осматриваются рабочие поверхности, выдвижные ящики, пространство за техникой, мелкие контейнеры, коробки. Используются тактильные методы и смена масштаба восприятия.

5. Эффективные тактические приёмы.

«Проверка очевидного», «проверка диссонансов», сравнение симметричных элементов, анализ реакций подозреваемого при приближении к ключевым зонам, применение скрытого возвращения к рабочему столу, использование технических средств (эндоскоп, детектор полостей).

Схема контрольной проверки.

Возвращение к наиболее значимым зонам: рабочий стол, область за техническими устройствами, места, где подозреваемый проявлял напряжение. Повторная визуальная оценка, непрерывный осмотр мелких контейнеров, проверка секций мебели, которые могли быть непросмотренными. Финальное обобщение и фиксация.

Пример решения задания 2

1. Подходящие тактические приёмы.

В данной ситуации наибольшую ценность имеют:

- *«проверка диссонансов»* — поиск неестественных изменений в интерьере;
- *«расслоение среды»* — особенно для книжной стенки и коробок;
- *«проверка симметрии»* — сравнение парных секций мебели;
- *«изменение масштаба»* — переход от общего обзора стеллажей к анализу швов, креплений, глубины ниш;
- *«скрытое возвращение»* — повторный осмотр стенки после того, как подозреваемый «успокоится»;
- *контроль за поведением обыскиваемого* — фиксирование его реакции на проверку определённых зон.

2. Применение приёмов.

Следователь начинает с внешней проверки книжной стены: оценивает симметрию полок и глубину секций, сравнивает заполненность и общий порядок. После этого последовательно разбирает ряды книг, используя «расслоение среды» и тактильную проверку: книги простукиваются, сжимаются, оценивается их масса и плотность. Особое внимание уделяется участкам, где книги стоят слишком плотно, слишком ровно или, наоборот, чуть неаккуратно — это типичные диссонансы.

После завершения первого круга осмотра следователь отходит от стенки, переключается на другую зону, а затем незаметно возвращается — применяется приём скрытого возвращения, чтобы посмотреть, как изменилось поведение подозреваемого.

3. Версии о тайниках.

С учётом покупки инструмента возможны:

- создание скрытой ниши за стеллажом;
- модификация отдельной секции мебели;
- вставка документов внутрь книг, коробок или контейнеров;
- использование двойного дна или подложек.

Тактические приёмы для проверки: сравнение симметричных секций, проверка глубины и звука при простукивании задних стенок, анализ швов и крепежей, применение эндоскопа.

4. **Признаки поведения обыскиваемого.**

Его резкое желание говорить о «коллекции» журналов свидетельствует о попытке отвлечь внимание от стеллажей — следовательно, их нужно проверить особо тщательно. Напряжение при приближении к этой зоне усиливает версию о тайнике именно там.

Дополнительный интерес представляет недавняя покупка инструментов — она может указывать на «несвежий» ремонт мебели или стены.

Глава 8.

Пример решения задания 1.

Комплекс реакций: попытка заслонить шкаф, навязчивые комментарии, избегание взгляда, изменение цвета лица и суэта вокруг предметов — всё это свидетельствует о повышенном напряжении, связанном именно с этой зоной. Шкаф следует рассмотреть в качестве приоритетной точки поиска.

Пример решения задания 2.

Зафиксированы конструктивные (разная фактура обоев, иная установка плинтуса), слуховые (изменённый звук), а также поведенческие признаки (дрожь рук). Совокупность указывает на недавнее вмешательство в конструкцию стены и возможное наличие скрытой ниши.

Пример решения задания 3.

Гипотеза: внутри тумбы может быть укрытый предмет или оборудован тайник.

Поддерживающие признаки: нарушение предметной логики (отсутствие пыли), конструктивная аномалия (тяжёлый ход выдвигаемого механизма), поведенческая суэта и попытка переключить внимание.

Пример решения задания 4.

Контраст реакций по зонам указывает на наличие значимой информации в районе холодильника. Агрессия как защитная реакция — типичный поведенческий демаскирующий признак. Холодильник подлежит первоочередной проверке.

Глава 9.

Пример решения практического задания

Коммуникативная ситуация характеризуется высоким уровнем напряжения и наличием нескольких активных участников, усиливающих конфликтность. Обыскиваемый занимает позицию активного сопротивления, используя речевые комментарии и пространственное поведение. Супруга выступает в роли эмоционального усилителя конфликта, адвокат — в роли процессуального контролёра, что требует от следователя повышенной речевой и организационной сдержанности.

Источниками конфликтности являются принудительный характер обыска, страх последствий, наличие «зрителей» и демонстративное поведение обыскиваемого. Повышенное внимание к определённому шкафу, стремление находиться рядом с ним и рост

речевой активности при осмотре данной зоны могут рассматриваться как ориентирующая информация, требующая дальнейшего анализа в совокупности с другими признаками.

Для поддержания управляемости ситуации следователю целесообразно использовать нейтрально-деловой тон, краткие процессуальные комментарии, разъяснение порядка действий и фиксацию заявлений в протоколе. Важно избегать эмоциональных реакций и не вступать в полемику с адвокатом в присутствии других участников.

В целях деэскалации конфликта оправдано пространственное разведение участников, снижение темпа речи, использование пауз и перевод агрессивных высказываний в деловую плоскость. Допустимо опосредованное воздействие через супругу обыскиваемого в стабилизирующей форме, без давления.

Правомерное психологическое воздействие в данной ситуации реализуется через демонстрацию последовательности и законности действий, предложение добровольной выдачи предметов, сохранение тактической неопределённости и профессиональную саморегуляцию следователя.

Глава 10.

Вариант решения задания

А) Наиболее вероятна стратегия «демонстративное сотрудничество» с элементами управления вниманием. Психологический смысл: сформировать у следователя установку на отсутствие угрозы и одновременно уводить поиск от значимых зон, сохраняя контроль над интерпретацией происходящего.

Б) Ресурсы обыскиваемого: знание пространства (понимание, где реально риск), создание правдоподобного фона «открытости» (вербальная легенда), игра на нормативной сдержанности следователя (вежливое сотрудничество усложняет жёсткое пресечение отвлечений без формального повода), управление вниманием через речевую активность и переключение тем.

В) Тактическое решение:

1. Организационный ресурс: вернуть обыск к заранее заданной последовательности и темпу, чётко распределить роли (например, один сотрудник фиксирует/работает с документами, другой — по плану осматривает зоны хранения), ограничить перемещения обыскиваемого по процедуре и безопасности, исключив его «сопровождение» поиска как навязывание маршрута.
2. Перцептивный ресурс: усилить наблюдение за невербальными маркерами при приближении к кладовой/антресолям (изменение темпа речи, позы, микродвижения, взгляд), проверить гипотезу о значимости зон через сопоставление: где активизируется отвлечение, где — спокойствие.
3. Информационный ресурс: не демонстрировать преждевременно приоритет направления, избегать комментариев «куда сейчас пойдём», сохранять управляемую неопределённость, чтобы не дать обыскиваемому скорректировать линию поведения и легенду.

Г) Типичные ошибки следователя:

1. Принять сотрудничество за признак отсутствия риска и снизить глубину проверки.
2. Следовать маршруту, который навязывает обыскиваемый, подменив план поиска его «подсказками».
3. Эмоционально реагировать на отвлечения (раздражение/шутки в ответ), усиливая коммуникативную инициативу обыскиваемого.

Глава 11.

Примеры решений практических заданий

Решение задания 1

Поведение обыскиваемого может свидетельствовать о его повышенной заинтересованности в определённом участке поиска. Активные комментарии и попытки направить внимание следователя в сторону других помещений могут быть формой отвлечения.

В такой ситуации целесообразно продолжить обследование данного объекта, не позволяя обыскиваемому изменять направление поиска. Одновременно следует наблюдать за его дальнейшими реакциями.

Решение задания 2

Поведение руководителя может объясняться стремлением сохранить авторитет перед подчинёнными и продемонстрировать контроль над ситуацией. Кроме того, подобные действия могут преследовать цель замедлить проведение обыска.

Следователь должен спокойно разъяснить процессуальный порядок проведения обыска и предложить руководителю воздержаться от вмешательства в действия следственной группы, сохраняя деловой и корректный стиль общения.

Решение задания 3

Изменение поведения подозреваемого при обследовании конкретного участка может свидетельствовать о его осведомлённости о возможном месте сокрытия предметов.

В такой ситуации целесообразно продолжить обследование данного участка более тщательно, одновременно наблюдая за реакциями подозреваемого.

Решение задания 4

Попытки убедить следователя в невозможности восстановления данных могут быть направлены на снижение внимания к цифровым носителям.

Следователь должен продолжить работу с участием специалиста, не вступая в дискуссии о технических возможностях восстановления информации.

Глава 12.

Пример решения практического задания (на примере задания 1)

Высказывание обыскиваемого может быть связано с эффектом психологической разрядки после завершения обыска. В условиях снижения самоконтроля человек может непроизвольно сообщить информацию, которую ранее стремился скрыть.

Подобная реплика может свидетельствовать о том, что у обыскиваемого имеются сведения о других документах, имеющих значение для расследования. Следователь должен обратить внимание на данное высказывание и зафиксировать его содержание.

В дальнейшем полученная информация может быть использована при планировании дополнительных следственных действий, например при проведении повторного обыска, допроса подозреваемого или проверке указанных обстоятельств.

Пример решения практического задания 2

Активные возражения обыскиваемого против формулировок, используемых в протоколе обыска, имеют вполне объяснимые психологические причины. В этот момент человек осознаёт, что обнаруженные предметы приобретают процессуальное значение, а их описание в протоколе может быть использовано в дальнейшем как

доказательство. Поэтому он стремится повлиять хотя бы на формулировки, которые фиксируются в официальном документе. Подобное поведение может быть связано с защитной психологической реакцией, попыткой снизить значимость обнаруженных предметов или дистанцироваться от них.

В данной ситуации следователь должен сохранять спокойствие и придерживаться процессуального порядка оформления протокола. Недопустимо вступать в эмоциональный спор или пытаться убедить обыскиваемого изменить свою позицию. Основная задача следователя — объективно и точно зафиксировать фактические обстоятельства обыска.

Вместе с тем участникам обыска предоставляется право делать замечания по поводу содержания протокола. Следователь обязан разъяснить это право и при необходимости внести соответствующие замечания в протокол. Такая процедура позволяет зафиксировать позицию обыскиваемого, не нарушая объективности документа и одновременно снижая уровень конфликтности ситуации.

Пример решения практического задания 3

Резкое изменение поведения обыскиваемого в момент обнаружения тайника может иметь важное психологическое значение. Подобная реакция часто свидетельствует о том, что человек знал о существовании тайника и осознаёт значение найденных предметов. Даже если он старается не выражать это открыто, кратковременные изменения поведения — повышенное внимание, беспокойство, попытки следить за действиями следователя — могут указывать на значимость обнаруженного объекта.

Наблюдение за подобными реакциями является важным элементом психологического анализа поведения обыскиваемого. Оно может помочь следователю понять, какие из обнаруженных предметов имеют для человека наибольшее значение, а также косвенно подтвердить его осведомлённость о способах сокрытия предметов.

Полученная информация может быть использована при планировании дальнейших следственных действий. Например, обнаружение тайника и реакция обыскиваемого могут стать важным обстоятельством при последующем допросе. Следователь может вернуться к вопросу о происхождении найденных предметов, обстоятельствах их хранения и лицах, причастных к их появлению.

Кроме того, анализ поведения обыскиваемого может подсказать необходимость дальнейшего поиска других возможных мест сокрытия предметов или проверки информации о наличии дополнительных объектов, имеющих значение для расследования.

Глава 13.

Пример решения практического задания 1

В данной ситуации имеет место ошибка наблюдения, связанная с избирательностью восприятия. Следователь сосредоточил внимание на «традиционных» местах хранения документов (стол, сейф, шкаф), игнорируя другие возможные варианты сокрытия. Кроме того, проявился эффект профессионального стереотипа, когда поиск ограничивается наиболее типичными объектами.

Пример решения практического задания 2

Следователь допустил коммуникативную ошибку — чрезмерное психологическое давление и конфликтный стиль общения. В результате обыскиваемый начал сознательно контролировать своё поведение, что лишило следователя возможности

наблюдать спонтанные поведенческие реакции, которые могли бы указать на возможные места сокрытия предметов.

Пример решения практического задания 3

В данной ситуации имеет место ошибка рефлексии и ошибка планирования. Следователь исходил из предположения, что обыскиваемый будет использовать сложные способы сокрытия, и не рассматривал возможность более простого варианта — размещения предметов среди обычных вещей. Ошибка связана с проецированием собственных представлений о логике сокрытия на действия обыскиваемого.

Глава 14.

Возможный вариант решения задания 1.

Анализ исходной информации позволяет предположить, что значительная часть доказательственной информации может находиться в цифровой форме. В связи с этим основными объектами поиска могут быть компьютеры, ноутбуки, внешние жесткие диски, флеш-накопители, мобильные телефоны, планшеты и иные электронные устройства хранения информации. Следует учитывать и возможность использования облачных сервисов, что требует особого внимания к устройствам, обеспечивающим доступ к интернет-ресурсам.

В качестве возможных направлений поиска следует рассматривать рабочее место подозреваемого, компьютерную технику, документы, записные книжки, носители информации, а также места возможного хранения резервных копий данных. Не исключается и возможность использования тайников для сокрытия носителей информации.

В ходе подготовки к обыску следователь должен провести анализ материалов уголовного дела, определить основные поисковые задачи и составить план следственного действия. Важно заранее предусмотреть необходимость привлечения специалиста в области информационных технологий или цифровой криминалистики, который сможет обеспечить правильное обнаружение, изъятие и последующее исследование электронных носителей информации.

Кроме того, следует подготовить технические средства фиксации хода обыска, определить состав следственно-оперативной группы и распределить между участниками конкретные задачи.

Возможный вариант решения задания 2.

Подобное поведение может рассматриваться как возможный индикатор повышенной психологической значимости данного объекта для обыскиваемого. Попытки отвлечь внимание следственной группы от определенного участка помещения нередко свидетельствуют о том, что именно там могут находиться предметы, представляющие интерес для следствия.

В данной ситуации следователь должен внимательно проанализировать поведенческие реакции обыскиваемого, сопоставить их с общей обстановкой помещения и при необходимости проверить соответствующий объект.

Однако при этом следует избегать поспешных выводов. Поведенческие реакции могут носить и отвлекающий характер. Поэтому проверка шкафа должна быть включена в общую систему поиска, сохраняя последовательность обследования помещения.

Наиболее рациональной тактикой может быть спокойное и планомерное обследование данного предмета мебели, включая проверку его конструктивных элементов, возможных скрытых полостей и иных признаков устройства тайника.

Возможный вариант решения задания 3.

После завершения учебного обыска необходимо провести анализ последовательности поисковых действий. В первую очередь оценивается, насколько системно осуществлялся поиск: соблюдалась ли определенная последовательность обследования помещения, были ли распределены зоны поиска между участниками группы, не допускалось ли дублирование действий.

Затем анализируются пропущенные объекты и причины их пропуска. Наиболее распространенными причинами могут быть поверхностный осмотр предметов, недостаточное внимание к конструктивным особенностям мебели, а также преждевременное прекращение поиска после обнаружения первых объектов.

В ходе разбора следует обратить внимание на то, какие признаки могли указывать на наличие тайников, какие поведенческие или предметные сигналы остались незамеченными и каким образом можно было повысить эффективность поисковых действий.

Подобный анализ позволяет сформировать у следователя навыки профессиональной рефлексии и способствует совершенствованию поискового мышления.

Возможный вариант решения задания 4.

Подобное поведение может иметь несколько психологических целей. Во-первых, оно может быть направлено на создание эмоционального напряжения и дестабилизацию работы следственной группы. Во-вторых, агрессивное поведение может использоваться как способ отвлечения внимания от определенных объектов или участков помещения. Наконец, оно может быть попыткой психологического давления на следователя.

В подобной ситуации следователь должен сохранять спокойствие и не допускать эмоционального вовлечения в конфликт. Его действия должны оставаться строго в рамках процессуального закона. Необходимо обеспечить порядок проведения следственного действия, предупредить попытки вмешательства в работу группы и продолжить поисковые действия в соответствии с намеченным планом.

При необходимости следует использовать предусмотренные законом меры для пресечения противоправного поведения. Важную роль при этом играют такие профессиональные качества следователя, как самообладание, психологическая устойчивость, способность контролировать собственные эмоциональные реакции и сохранять организующую роль в сложной ситуации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЫСКА

Глава 1. Понятие и сущность обыска: правовые и психологические аспекты	8
Глава 2. Психологическая структура деятельности следователя при обыске	19
Глава 3. Психология ищущего: личность следователя	34
Глава 4. Психология других участников обыска	52
Глава 5. Психология прячущего (обыскиваемого)	62

РАЗДЕЛ II. ТАКТИКА ОБЫСКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Глава 6. Подготовка к проведению обыска	92
Глава 7. Поисковая деятельность при обыске	106
Глава 8. Искусство наблюдать — психологическая основа обыска	119
Глава 9. Коммуникативная деятельность следователя во время обыска	144
Глава 10. Обыск как ситуация психологического противоборства	171

РАЗДЕЛ III. ПРАКТИКА ОБЫСКА: АНАЛИЗ, ОШИБКИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Глава 11. Психологические особенности различных видов обыска ...	190
Глава 12. Подведение итогов обыска	213
Глава 13. Типичные ошибки в ходе обыска	228
Глава 14. Рационализация труда следователя	242

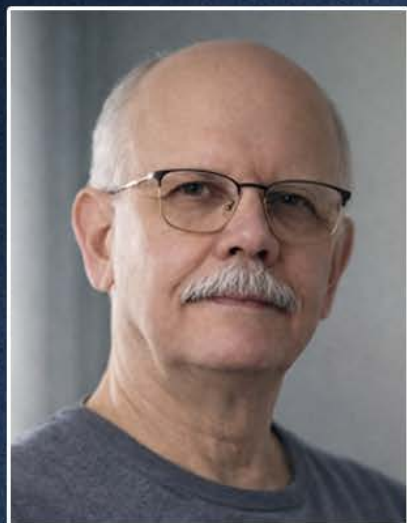
АСЯМОВ Сергей Владимирович

ПСИХОЛОГИЯ ОБЫСКА

Учебное пособие

Ташкент – Вена

ЮРПСИ
2026

Асяев Сергей Владимирович — известный специалист в области юридической психологии, представитель научной и практической школы Республики Узбекистан.

Более трёх десятилетий его жизнь была неразрывно связана с органами внутренних дел, наукой и педагогикой. Пройдя путь от практической службы до научно-методической работы, он стал одним из тех, кто стоял у истоков формирования психологической службы в системе МВД Узбекистана. При его участии были заложены её организационные и методические основы, разработаны направления профессионально-психологической подготовки сотрудников.

Значительная часть его деятельности была посвящена внедрению в практику современных психологических знаний — от оперативно-розыскной и следственной психологии до профессионального психологического тренинга и системы отбора кадров. Он последовательно развивал идеи практико-ориентированного обучения, стремясь сделать психологию действенным инструментом в повседневной работе сотрудника.

Особое место в его профессиональной биографии занимала работа в Академии МВД Республики Узбекистан, где он на протяжении многих лет руководил развитием информационных технологий и внедрением инновационных методов обучения.

Важным направлением его деятельности стало создание и развитие специализированного интернет-ресурса — сайта «Юридическая психология», который на протяжении четверти века оставался одной из ведущих платформ, посвящённых данной области знаний. На сайте представлены программы, учебные и научные труды, статьи, новости, уникальная психологическая хрестоматия, а также обширный практикум с авторскими материалами и переводами. За годы существования ресурса его материалами воспользовались сотни тысяч пользователей. Сайт был признан одним из лучших образовательных интернет-ресурсов Узбекистана и неоднократно выходил в финалы международных конкурсов в области психологии.

Автор более ста научных и учебно-методических работ. Его книги и пособия стали частью профессиональной подготовки нескольких поколений сотрудников органов внутренних дел, а также специалистов в области юридической психологии.

Среди них:

«Профессионально-психологический тренинг сотрудников ОВД»,

«Психологический анализ оперативно-розыскной ситуации и тактики действий оперативных сотрудников»,

«Психологические составляющие современного терроризма»,

«Педагогическое тестирование в системе оценки знаний слушателей»,

«Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров»,

«Фальшивомонетничество. Основы борьбы с ним»,

«Криминалистический профайлинг: понятие и история становления»,

«Психологические основы ведения переговоров при освобождении заложников»,

«Психология терроризма»,

«Следствие ведёт майор Сейтимбетов. Психологический практикум»,

«Занимательная юридическая психология»,

«Психология обыска».

Награждён орденом «Дустлик», медалью «За безупречную службу», почётным знаком МВД «За отличие в службе».

Эта его последняя книга, которая подводит итог его многолетнего профессионального пути, опыта, размышлений и практики.

И вместе с тем — слова искренней благодарности читателям, коллегам и ученикам, с которыми этот путь был пройден.

Если эти страницы окажутся полезными и сохранят живой интерес к юридической психологии, значит, этот путь был пройден не напрасно.